

CHAPTER I

THREE INVALIDS. - SUFFERINGS OF GEORGE AND HARRIS. - A VICTIM TO ONE HUNDRED AND SEVEN FATAL MALADIES. - USEFUL PRESCRIPTIONS. - CURE FOR LIVER COMPLAINT IN CHILDREN. - WE AGREE THAT WE ARE OVERWORKED, AND NEED REST. - A WEEK ON THE ROLLING DEEP? - GEORGE SUGGESTS THE RIVER. - MONTMORENCY LODGES AN OBJECTION. - ORIGINAL MOTION CARRIED BY MAJORITY OF THREE TO ONE.

THERE were four of us - George, and William Samuel Harris, and myself, and Montmorency. We were sitting in my room, smoking, and talking about how bad we were - bad from a medical point of view I mean, of course.

We were all feeling seedy, and we were getting quite nervous about it. Harris said he felt such extraordinary fits of giddiness come over him at times, that he hardly knew what he was doing; and then George said that HE had fits of giddiness too, and hardly knew what HE was doing. With me, it was my liver that was out of order. I knew it was my liver that was out of order, because I had just been reading a patent liver-pill circular, in which were detailed the various symptoms by which a man could tell when his liver was out of order. I had them all.

It is a most extraordinary thing, but I never read a patent medicine advertisement without being impelled to the conclusion that I am suffering from the particular disease therein dealt with in its most virulent form. The diagnosis seems in every case to correspond exactly with all the sensations that I have ever felt.

I remember going to the British Museum one day to read up the treatment for some slight ailment of which I had a touch - hay fever, I fancy it was. I got down the book, and read all I came to read; and then, in an unthinking moment, I idly turned the leaves, and began to indolently study diseases, generally. I forget which was the first distemper I plunged into -

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Трое инвалидов. Страдания Джорджа и Гарриса. Жертва ста семи смертельных недугов. Полезные рецепты. Средство против болезней печени у детей. Мы сходимся на том, что переутомились и что нам нужен отдых. Неделя в море? Джордж предлагает путешествие по реке. Монморенси выдвигает возражение. Первоначальное предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо - Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, - плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от болезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, - кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, - какой-

some fearful, devastating scourge, I know - and, before I had glanced half down the list of "premonitory symptoms," it was borne in upon me that I had fairly got it.

I sat for awhile, frozen with horror; and then, in the listlessness of despair, I again turned over the pages. I came to typhoid fever - read the symptoms - discovered that I had typhoid fever, must have had it for months without knowing it - wondered what else I had got; turned up St. Vitus's Dance - found, as I expected, that I had that too, - began to get interested in my case, and determined to sift it to the bottom, and so started alphabetically - read up ague, and learnt that I was sickening for it, and that the acute stage would commence in about another fortnight. Bright's disease, I was relieved to find, I had only in a modified form, and, so far as that was concerned, I might live for years. Cholera I had, with severe complications; and diphtheria I seemed to have been born with. I plodded conscientiously through the twenty-six letters, and the only malady I could conclude I had not got was housemaid's knee.

I felt rather hurt about this at first; it seemed somehow to be a sort of slight. Why hadn't I got housemaid's knee? Why this invidious reservation? After a while, however, less grasping feelings prevailed. I reflected that I had every other known malady in the pharmacology, and I grew less selfish, and determined to do without housemaid's knee. Gout, in its most malignant stage, it would appear, had seized me without my being aware of it; and zymosis I had evidently been suffering with from boyhood. There were no more diseases after zymosis, so I concluded there was nothing else the matter with me.

I sat and pondered. I thought what an interesting case I must be from a medical point of view, what an acquisition I should be to a class! Students would have no need to "walk the hospitals," if they had me. I was a hospital in myself. All they need do would be to walk round me, and, after that, take their diploma.

Then I wondered how long I had to live. I tried to examine myself. I felt my pulse. I could not at

то ужасный бич, насколько помню, - но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова начал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом, - болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства. Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, - это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился - это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловредной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположением к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнике, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. "Студентам не было бы нужды "обходить клиники"." Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я

first feel any pulse at all. Then, all of a sudden, it seemed to start off. I pulled out my watch and timed it. I made it a hundred and forty-seven to the minute. I tried to feel my heart. I could not feel my heart. It had stopped beating. I have since been induced to come to the opinion that it must have been there all the time, and must have been beating, but I cannot account for it. I patted myself all over my front, from what I call my waist up to my head, and I went a bit round each side, and a little way up the back. But I could not feel or hear anything. I tried to look at my tongue. I stuck it out as far as ever it would go, and I shut one eye, and tried to examine it with the other. I could only see the tip, and the only thing that I could gain from that was to feel more certain than before that I had scarlet fever.

I had walked into that reading-room a happy, healthy man. I crawled out a decrepit wreck.

I went to my medical man. He is an old chum of mine, and feels my pulse, and looks at my tongue, and talks about the weather, all for nothing, when I fancy I'm ill; so I thought I would do him a good turn by going to him now. "What a doctor wants," I said, "is practice. He shall have me. He will get more practice out of me than out of seventeen hundred of your ordinary, commonplace patients, with only one or two diseases each." So I went straight up and saw him, and he said:

"Well, what's the matter with you?"

I said: "I will not take up your time, dear boy, with telling you what is the matter with me. Life is brief, and you might pass away before I had finished. But I will tell you what is NOT the matter with me. I have not got housemaid's knee. Why I have not got housemaid's knee, I cannot tell you; but the fact remains that I have not got it. Everything else, however, I HAVE got."

And I told him how I came to discover it all. Then he opened me and looked down me, and clutched hold of my wrist, and then he hit me over the chest when I wasn't expecting it - a cowardly thing to do, I call it - and immediately afterwards butted me with the side of his head. After that, he sat down and wrote out a prescription, and folded it up and gave it me,

попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и единственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде, - все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. "Все, что нужно врачу, - подумал я, - это иметь практику." Он будет иметь меня. "Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных, рядовых больных с одной или двумя болезнями." Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

- Ну, чем же ты болен?

Я ответил: - Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки, я сказать не могу, но факт остается фактом, - этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить. Тогда он растегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, - довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, - и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я

and I put it in my pocket and went out.

I did not open it. I took it to the nearest chemist's, and handed it in. The man read it, and then handed it back. He said he didn't keep it.

I said: "You are a chemist?"

He said: "I am a chemist. If I was a co-operative stores and family hotel combined, I might be able to oblige you. Being only a chemist hampers me."

I read the prescription. It ran: "1 lb. beefsteak, with 1 pt. bitter beer every 6 hours. 1 ten-mile walk every morning. 1 bed at 11 sharp every night. And don't stuff up your head with things you don't understand."

I followed the directions, with the happy result - speaking for myself - that my life was preserved, and is still going on.

In the present instance, going back to the liver-pill circular, I had the symptoms, beyond all mistake, the chief among them being "a general disinclination to work of any kind."

What I suffer in that way no tongue can tell. From my earliest infancy I have been a martyr to it. As a boy, the disease hardly ever left me for a day. They did not know, then, that it was my liver. Medical science was in a far less advanced state than now, and they used to put it down to laziness.

"Why, you skulking little devil, you," they would say, "get up and do something for your living, can't you?" - not knowing, of course, that I was ill.

And they didn't give me pills; they gave me clumps on the side of the head. And, strange as it may appear, those clumps on the head often cured me - for the time being. I have known one clump on the head have more effect upon my liver, and make me feel more anxious to go straight away then and there, and do what was wanted to be done, without further loss of time, than a whole box of pills does now.

You know, it often is so - those simple, old-

положил рецепт в карман и ушел.

Я не разворачивал рецепта. Я отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

Я сказал: - Вы аптекарь?

Он сказал: - Я аптекарь. Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.

Я прочитал рецепт. Он гласил: "1 фунтовый бифштекс и 1 пинта горького пива" каждые 6 часов. 1 десятимильная прогулка ежедневно по утрам. 1 кровать ровно в 11 ч. вечера. "И не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь".

Я последовал этим указаниям с тем счастливым результатом, - если говорить за себя, - что моя жизнь была спасена и я до сих пор жив.

"Теперь же, возвращаясь к проспекту о пилюлях, у меня несомненно были все симптомы болезни печени, главный из которых - "общее нерасположение ко всякого рода труду".

Сколько я перестрадал в этом смысле, не расскажешь словами! С самого раннего детства я был мучеником. В отроческом возрасте эта болезнь не покидала меня ни на один день. Никто не знал тогда, что все дело в печени. Медицинской науке многое в то время было еще неизвестно, и мой недуг приписывали лени.

- ...Эй ты, чертенок, - говорили мне, - встань и займись чем-нибудь, что ли! Никто, конечно, не знал, что я нездоров.

Мне не давали пилюль, мне давали подзатыльники. И, как это ни покажется странным, эти подзатыльники часто излечивали меня на время. Я знаю, что один подзатыльник лучше действовал на мою печень и сильнее побуждал меня сразу же, не теряя времени, встать и сделать то, что нужно, чем целая коробка пилюль.

Так часто бывает - простые старомодные средства

fashioned remedies are sometimes more efficacious than all the dispensary stuff.

We sat there for half-an-hour, describing to each other our maladies. I explained to George and William Harris how I felt when I got up in the morning, and William Harris told us how he felt when he went to bed; and George stood on the hearth-rug, and gave us a clever and powerful piece of acting, illustrative of how he felt in the night.

George FANCIES he is ill; but there's never anything really the matter with him, you know.

At this point, Mrs. Poppets knocked at the door to know if we were ready for supper. We smiled sadly at one another, and said we supposed we had better try to swallow a bit. Harris said a little something in one's stomach often kept the disease in check; and Mrs. Poppets brought the tray in, and we drew up to the table, and toyed with a little steak and onions, and some rhubarb tart.

I must have been very weak at the time; because I know, after the first half-hour or so, I seemed to take no interest whatever in my food - an unusual thing for me - and I didn't want any cheese.

This duty done, we refilled our glasses, lit our pipes, and resumed the discussion upon our state of health. What it was that was actually the matter with us, we none of us could be sure of; but the unanimous opinion was that it - whatever it was - had been brought on by overwork.

"What we want is rest," said Harris.

"Rest and a complete change," said George.
"The overstrain upon our brains has produced a general depression throughout the system. Change of scene, and absence of the necessity for thought, will restore the mental equilibrium."

George has a cousin, who is usually described in the charge-sheet as a medical student, so that he naturally has a somewhat family-physicianary way of putting things.

сплошь и рядом оказываются более действительными, чем целый аптекарский арсенал.

Мы просидели с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, когда встаю по утрам, а Уильям Гаррис рассказал, как он себя чувствует, когда ложится спать. Джордж, стоя на каминном коврикe, дал нам ясное, наглядное и убедительное представление о том, как он чувствует себя ночью.

Джордж воображает, что он болен. На самом деле у него всегда все в порядке.

В это время постучалась миссис Попетс, чтоб узнать, не расположены ли мы поужинать. Мы обменялись грустными улыбками и сказали, что нам, пожалуй, следовало бы попробовать съесть что-нибудь. Гаррис сказал, что некоторое количество пищи в желудке часто предохраняет от болезни. Миссис Попетс внесла поднос, мы подсели к столу и скушали по кусочку бифштекса с луком и пирога с ревенем.

Я, вероятно, был очень слаб в то время, так как примерно через полчаса потерял всякий интерес к еде,- вещь для меня необычная,- и отказался от сыра.

Исполнив эту обязанность, мы снова наполнили стаканы, набили трубки и возобновили разговор о состоянии нашего здоровья. Никто из вас не знал наверное, что с ним, но общее мнение сводилось к тому, что наша болезнь, как ее ни называй, объясняется переутомлением.

- Все, что нам нужно, - это отдых, - заявил Гаррис.

- Отдых и полная перемена обстановки, - сказал Джордж. - Перенапряжение мозга вызвало общее ослабление нервной системы. Перемена среды и отсутствие необходимости думать восстановят умственное равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно значится в полицейских протоколах студентом-медиком. Поэтому Джордж всегда выражается, как домашний врач.

I agreed with George, and suggested that we should seek out some retired and old-world spot, far from the madding crowd, and dream away a sunny week among its drowsy lanes - some half-forgotten nook, hidden away by the fairies, out of reach of the noisy world - some quaint-perched eyrie on the cliffs of Time, from whence the surging waves of the nineteenth century would sound far-off and faint.

Harris said he thought it would be humpy. He said he knew the sort of place I meant; where everybody went to bed at eight o'clock, and you couldn't get a REFEREE for love or money, and had to walk ten miles to get your baccy.

"No," said Harris, "if you want rest and change, you can't beat a sea trip."

I objected to the sea trip strongly. A sea trip does you good when you are going to have a couple of months of it, but, for a week, it is wicked.

You start on Monday with the idea implanted in your bosom that you are going to enjoy yourself. You wave an airy adieu to the boys on shore, light your biggest pipe, and swagger about the deck as if you were Captain Cook, Sir Francis Drake, and Christopher Columbus all rolled into one. On Tuesday, you wish you hadn't come. On Wednesday, Thursday, and Friday, you wish you were dead. On Saturday, you are able to swallow a little beef tea, and to sit up on deck, and answer with a wan, sweet smile when kind-hearted people ask you how you feel now. On Sunday, you begin to walk about again, and take solid food. And on Monday morning, as, with your bag and umbrella in your hand, you stand by the gunwale, waiting to step ashore, you begin to thoroughly like it.

I remember my brother-in-law going for a short sea trip once, for the benefit of his health. He took a return berth from London to Liverpool; and when he got to Liverpool, the only thing he was anxious about was to sell that return ticket.

It was offered round the town at a tremendous reduction, so I am told; and was eventually sold

Я согласился с Джорджем и предложил отыскать где-нибудь уединенное старосветское местечко, вдали от шумной толпы, и помечтать с недельку в его сонной тишине. Какой-нибудь забытый уголок, спрятанный феями от глаз суетного света, гнездо орлиное, что взнесено на Времени утес, куда еле доносится шум бурных волн девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что, по его мнению, там будет страшная скука. Он знает эти места, где все ложатся спать в восемь часов вечера; спортивной газеты там не достанешь ни за какие деньги, а чтобы раздобыть табачку, надо пройти десять миль.

- Нет, - заявил он, - если вы хотите отдыха и перемены, ничто не сравнится с прогулкой по морю.

Я энергично восстал против морской прогулки. Путешествие по морю приносит пользу, если длится месяца два, но одна неделя - это сплошное зло.

Вы выезжаете в понедельник с твердым намерением доставить себе удовольствие. Вы весело машете рукой друзьям, оставшимся на берегу, закуриваете самую длинную свою трубку и гордо разгуливаете по палубе с таким видом, словно вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрэйк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что поехали. В среду, четверг и пятницу вы жалеете, что родились на свет. В субботу вы уже в состоянии проглотить немного бульона, посидеть на палубе и с бледной, кроткой улыбкой отвечать на вопросы сердобольных людей о вашем самочувствии. В воскресенье вы снова начинаете ходить и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом и с зонтиком в руке стоите у поручней, собираясь сойти на берег, поездка начинает вам по-настоящему нравиться.

Помню, мой зять однажды предпринял короткое путешествие по морю для поправления здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно, а когда он приехал в Ливерпуль, его единственной заботой было продать свой билет.

Мне рассказывали, что он предлагал этот билет по всему городу с огромной скидкой и в конце

for eighteenpence to a bilious-looking youth who had just been advised by his medical men to go to the sea-side, and take exercise.

"Sea-side!" said my brother-in-law, pressing the ticket affectionately into his hand; "why, you'll have enough to last you a lifetime; and as for exercise! why, you'll get more exercise, sitting down on that ship, than you would turning somersaults on dry land."

He himself - my brother-in-law - came back by train. He said the North- Western Railway was healthy enough for him.

Another fellow I knew went for a week's voyage round the coast, and, before they started, the steward came to him to ask whether he would pay for each meal as he had it, or arrange beforehand for the whole series.

The steward recommended the latter course, as it would come so much cheaper. He said they would do him for the whole week at two pounds five. He said for breakfast there would be fish, followed by a grill. Lunch was at one, and consisted of four courses. Dinner at six - soup, fish, entree, joint, poultry, salad, sweets, cheese, and dessert. And a light meat supper at ten.

My friend thought he would close on the two-pound-five job (he is a hearty eater), and did so.

Lunch came just as they were off Sheerness. He didn't feel so hungry as he thought he should, and so contented himself with a bit of boiled beef, and some strawberries and cream. He pondered a good deal during the afternoon, and at one time it seemed to him that he had been eating nothing but boiled beef for weeks, and at other times it seemed that he must have been living on strawberries and cream for years.

Neither the beef nor the strawberries and cream seemed happy, either - seemed discontented like.

At six, they came and told him dinner was ready. The announcement aroused no enthusiasm within him, but he felt that there was some of that two-pound-five to be worked off, and he held on to ropes and things and went down. A

концов продал его какому-то молодому человеку, больному желтухой, которому его врач только что посоветовал проехаться по морю и заняться гимнастикой.

- Море! - говорил мой зять, дружески всовывая билет в руку молодого человека. - Вы получите его столько, что вам хватит на всю жизнь. А что касается гимнастики, то сядьте на это судно, и у вас будет ее больше, чем если бы вы непрерывно кувыркались на суше

Сам он вернулся обратно поездом. Он говорил, что Северо-западная железная дорога достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой знакомый отправился в недельное путешествие вдоль побережья. Перед отплытием к нему подошел буфетчик и спросил, будет ли он расплачиваться за каждый обед отдельно, или же уплатит вперед за все время.

Буфетчик рекомендовал ему последнее, так как это обойдется значительно дешевле. Он сказал, что посчитает с него за неделю два фунта пять шиллингов. По утрам подается рыба и жареное мясо; завтрак бывает в час и состоит из четырех блюд; в шесть - закуска, суп, рыба, жаркое, птица, салат, сладкое, сыр и десерт; в десять часов - легкий мясной ужин.

Мой друг решил остановиться на двух фунтах пяти шиллингах (он большой любитель поесть).

Второй завтрак подали, когда пароход проходил мимо Ширнесса. Мой приятель не чувствовал особого голода и потому довольствовался куском вареной говядины и земляникой со сливками. Днем он много размышлял, и иногда ему казалось, что он несколько недель не ел ничего, кроме вареной говядины, а иногда - что он годами жил на одной землянике со сливками.

И говядина и земляника со сливками тоже чувствовали себя неважно.

В шесть часов ему доложили, что обед подан. Это сообщение не вызвало у моего приятеля никакого энтузиазма, но он решил, что надо же отработать часть этих двух фунтов и пяти шиллингов, и, хватаясь за канаты и другие предметы, спустился

pleasant odour of onions and hot ham, mingled with fried fish and greens, greeted him at the bottom of the ladder; and then the steward came up with an oily smile, and said:

"What can I get you, sir?"

"Get me out of this," was the feeble reply.

And they ran him up quick, and propped him up, over to leeward, and left him.

For the next four days he lived a simple and blameless life on thin captain's biscuits (I mean that the biscuits were thin, not the captain) and soda-water; but, towards Saturday, he got uppish, and went in for weak tea and dry toast, and on Monday he was gorging himself on chicken broth. He left the ship on Tuesday, and as it steamed away from the landing-stage he gazed after it regretfully.

"There she goes," he said, "there she goes, with two pounds' worth of food on board that belongs to me, and that I haven't had."

He said that if they had given him another day he thought he could have put it straight.

So I set my face against the sea trip. Not, as I explained, upon my own account. I was never queer. But I was afraid for George. George said he should be all right, and would rather like it, but he would advise Harris and me not to think of it, as he felt sure we should both be ill. Harris said that, to himself, it was always a mystery how people managed to get sick at sea - said he thought people must do it on purpose, from affectation - said he had often wished to be, but had never been able.

Then he told us anecdotes of how he had gone across the Channel when it was so rough that the passengers had to be tied into their berths, and he and the captain were the only two living souls on board who were not ill. Sometimes it was he and the second mate who were not ill; but it was generally he and one other man. If not he and another man, then it was he by himself.

вниз. Приятный аромат лука и горячего окорока, смешанный с благоуханием жареной рыбы и овощей, встретил его у подножия лестницы. Буфетчик, маслено улыбаясь, подошел к нему и спросил:

- Что прикажете принести, сэр?

- Унесите меня отсюда, - последовал еле слышный ответ.

И его быстро подняли наверх, уложили с подветренной стороны и оставили одного.

Последующие четыре дня мой знакомый вел жизнь скромную и безупречную, питаюсь только сухариками и содовой водой. К субботе он, однако, возомнил о себе и отважился на слабый чай и поджаренный хлеб, а в понедельник уже наливался куриным бульоном. Он сошел на берег во вторник, и когда пароход отвалил от пристани, проводил его грустным взглядом.

- Вон он плывет, - сказал он. - Плывет и увозит на два фунта стерлингов пищи, которая принадлежит мне и которую я не съел.

Он говорил, что если бы ему дали еще один день, он, пожалуй, мог бы поправить это дело.

Поэтому я восстал против морского путешествия. Не из-за себя, как я тут же объяснил. Меня никогда не укачивает. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что с ним все будет в порядке и морское путешествие ему даже нравится, но он советует мне и Гаррису не помышлять об этом, так как уверен, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что для него всегда было тайной, как это люди ухитряются страдать морской болезнью, - наверно, они делают это нарочно, просто прикидываются. Ему часто хотелось заболеть, но так ни разу и не удалось.

Потом он рассказал нам несколько случаев, когда он переплывал Ламанш в такую бурю, что пассажиров приходилось привязывать к койкам. Гаррис с капитаном были единственными на пароходе, кто не болел. Иногда здоровым оставался, кроме него, помощник капитана, но, в общем, всегда был здоров только Гаррис и еще кто-нибудь. А если не Гаррис и кто-нибудь другой, то один Гаррис.

It is a curious fact, but nobody ever is sea-sick - on land. At sea, you come across plenty of people very bad indeed, whole boat-loads of them; but I never met a man yet, on land, who had ever known at all what it was to be sea-sick. Where the thousands upon thousands of bad sailors that swarm in every ship hide themselves when they are on land is a mystery.

If most men were like a fellow I saw on the Yarmouth boat one day, I could account for the seeming enigma easily enough. It was just off Southend Pier, I recollect, and he was leaning out through one of the port-holes in a very dangerous position. I went up to him to try and save him.

"Hi! come further in," I said, shaking him by the shoulder. "You'll be overboard."

"Oh my! I wish I was," was the only answer I could get; and there I had to leave him. Three weeks afterwards, I met him in the coffee-room of a Bath hotel, talking about his voyages, and explaining, with enthusiasm, how he loved the sea.

"Good sailor!" he replied in answer to a mild young man's envious query; "well, I did feel a little queer ONCE, I confess. It was off Cape Horn. The vessel was wrecked the next morning."

I said:

"Weren't you a little shaky by Southend Pier one day, and wanted to be thrown overboard?"

"Southend Pier!" he replied, with a puzzled expression.

"Yes; going down to Yarmouth, last Friday three weeks."

"Oh, ah - yes," he answered, brightening up; "I remember now. I did have a headache that afternoon. It was the pickles, you know. They were the most disgraceful pickles I ever tasted in a respectable boat. Did you have any?"

For myself, I have discovered an excellent

Любопытная вещь - никто никогда не страдает морской болезнью на суше. В море вы видите множество больных людей - полные пароходы, но на суше мне еще не встречался ни один человек, который бы вообще знал, что такое морская болезнь. Куда скрываются, попадая на берег, тысячи не выносящих качки людей, которыми кишит каждое судно, - это для меня тайна.

Будь все люди похожи на того парня, которого я однажды видел на пароходе, шедшем в Ярмут, эту загадку было бы довольно легко объяснить. Помню, судно только что отошло от Саусэндского мола, и он стоял, высунувшись в иллюминатор, в очень опасной позе. Я подошел к нему, чтобы попытаться его спасти, и сказал, тряся его за плечо:

- Эй, осадите назад! Вы свалитесь за борт!

- Я только этого и хочу! - раздалось в ответ. Больше я ничего не мог от него добиться, и мне пришлось оставить его в покое. Три недели спустя я встретил его в кафе одного отеля в Бате; он рассказывал о своих путешествиях и с воодушевлением говорил о том, как он любит море.

- Не укачивало? - воскликнул он, отвечая на полный зависти вопрос какого-то кроткого молодого человека. - Должен признаться, один раз меня немного мутило. Это было у мыса Горн. На следующее утро корабль потерпел крушение.

Я сказал:

- Не вы ли однажды немного заболели у Саусэндского мола и мечтали о том, чтобы вас выбросило за борт?

- Саусэндский мол? - повторил он с изумленным видом.

- Да, на пути в Ярмут, три недели назад, в пятницу.

- Ах, да, да, - просиял он, - теперь вспоминаю. В тот день у меня болела голова. Это от пикулей, знаете. Самые паскудные пикули, какие мне приходилось есть на таком в общем приличном пароходе. А вы их пробовали?

Что касается меня, то я нашел превосходное предохранительное средство против морской

preventive against sea-sickness, in balancing myself. You stand in the centre of the deck, and, as the ship heaves and pitches, you move your body about, so as to keep it always straight. When the front of the ship rises, you lean forward, till the deck almost touches your nose; and when its back end gets up, you lean backwards. This is all very well for an hour or two; but you can't balance yourself for a week.

George said: "Let's go up the river."

He said we should have fresh air, exercise and quiet; the constant change of scene would occupy our minds (including what there was of Harris's); and the hard work would give us a good appetite, and make us sleep well.

Harris said he didn't think George ought to do anything that would have a tendency to make him sleepier than he always was, as it might be dangerous. He said he didn't very well understand how George was going to sleep any more than he did now, seeing that there were only twenty-four hours in each day, summer and winter alike; but thought that if he DID sleep any more, he might just as well be dead, and so save his board and lodging.

Harris said, however, that the river would suit him to a "T." I don't know what a "T" is (except a sixpenny one, which includes bread-and-butter and cake AD LIB., and is cheap at the price, if you haven't had any dinner). It seems to suit everybody, however, which is greatly to its credit. It suited me to a "T" too, and Harris and I both said it was a good idea of George's; and we said it in a tone that seemed to somehow imply that we were surprised that George should have come out so sensible.

The only one who was not struck with the suggestion was Montmorency. He never did care for the river, did Montmorency.

"It's all very well for you fellows," he says; "you like it, but I don't. There's nothing for me to do. Scenery is not in my line, and I don't smoke. If I see a rat, you won't stop; and if I go to sleep, you get fooling about with the boat, and slop me overboard. If you ask me, I call the whole thing bally foolishness."

болезни. Вы становитесь в центре палубы и, как только судно начинает качать, тоже раскачиваетесь, чтобы сохранить равновесие. Когда поднимается нос парохода, вы наклоняетесь вперед и почти касаетесь собственным носом палубы, а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Все это прекрасно на час или на два, но нельзя же качаться взад и вперед неделю!

Джордж сказал: - Поедем вверх по реке.

Он пояснил, что у нас будет и свежий воздух, и моцион, и покой. Постоянная смена ландшафта займет наши мысли (включая и те, что найдутся в голове у Гарриса), а усиленная физическая работа вызовет аппетит и хороший сон.

Гаррис сказал, что, по его мнению, Джорджу не следует делать ничего такого, что укрепляло бы его склонность ко сну, так как это было бы опасно. Он сказал, что не совсем понимает, как это Джордж будет спать еще больше, чем теперь, ведь сутки всегда состоят из двадцати четырех часов, независимо от времени года. Если бы Джордж действительно спал еще больше, он с равным успехом мог бы умереть и сэкономить, таким образом, деньги на квартиру и стол.

"Гаррис добавил, однако, что река удовлетворила бы его "на все сто". "Я не знаю, какие это "сто", но они видимо, всех удовлетворяют, что служит им хорошей рекомендацией." "Меня река тоже удовлетворяла "на все сто", и мы с Гаррисом оба сказали, что Джорджу пришла хорошая мысль. Мы сказали это с таким выражением, что могло показаться, будто мы удивлены, как это Джордж оказался таким умным."

Единственный, кто не пришел в восторг от его предложения, - это Монморенси. Он никогда не любил реки, наш Монморенси.

- Это все прекрасно для вас, друзья, - говорил ой. - Вам это нравится, а мне нет. Мне там нечего делать. Виды - это не по моей части, а курить я не курю. Если я увижу крысу, вы все равно не остановитесь, а если я засну, вы, чего доброго, начнете дурачиться на лодке и плюхнете меня за борт. Спросите меня, и я скажу, что вся эта затея

We were three to one, however, and the motion was carried.

CHAPTER II

PLANS DISCUSSED. - PLEASURES OF "CAMPING-OUT," ON FINE NIGHTS. - DITTO, WET NIGHTS. - COMPROMISE DECIDED ON. - MONTMORENCY, FIRST IMPRESSIONS OF. - FEARS LEST HE IS TOO GOOD FOR THIS WORLD, FEARS SUBSEQUENTLY DISMISSED AS GROUNDLESS. - MEETING ADJOURNS.

WE pulled out the maps, and discussed plans.

We arranged to start on the following Saturday from Kingston. Harris and I would go down in the morning, and take the boat up to Chertsey, and George, who would not be able to get away from the City till the afternoon (George goes to sleep at a bank from ten to four each day, except Saturdays, when they wake him up and put him outside at two), would meet us there.

Should we "camp out" or sleep at inns? George and I were for camping out. We said it would be so wild and free, so patriarchal like.

Slowly the golden memory of the dead sun fades from the hearts of the cold, sad clouds. Silent, like sorrowing children, the birds have ceased their song, and only the moorhen's plaintive cry and the harsh croak of the corncrake stir the awed hush around the couch of waters, where the dying day breathes out her last.

From the dim woods on either bank, Night's ghostly army, the grey shadows, creep out with noiseless tread to chase away the lingering rear-guard of the light, and pass, with noiseless, unseen feet, above the waving river-grass, and through the sighing rushes; and Night, upon her sombre throne, folds her black wings above the darkening world, and, from her phantom palace, lit by the pale stars, reigns in stillness.

Then we run our little boat into some quiet nook, and the tent is pitched, and the frugal supper cooked and eaten. Then the big pipes are filled and lighted, and the pleasant chat goes

- сплошная глупость.

Однако нас было трое против одного, и предложение было принято.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обсуждение плана. Прелести ночевки под открытым небом в хорошую погоду. - То же - в дурную погоду. Принимается компромиссное решение. Первые впечатления от Монморенси. Не слишком ли он хорош для этого мира? Опасения отброшены как необоснованные. Заседание откладывается.

Мы вытащили карты и наметили план.

Было решено, что мы тронемся в следующую субботу от Кингстона. Я отправлюсь туда с Гаррисом утром, и мы поднимем лодку вверх до Чертси, а Джордж, который может выбраться из Сити только после обеда (Джордж спит в каком-то банке от десяти до четырех каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют оттуда в два), встретится с нами там.

Где мы будем ночевать - под открытым небом или в гостиницах? Я и Джордж стояли за то, чтобы ночевать на воздухе. Это будет, говорили мы, так привольно, так патриархально...

Золотое воспоминание об умершем солнце медленно блекнет в сердце холодных, печальных облаков. Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь, и только жалобы болотной курочки и резкий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над пеленою вод, где умирающий день испускает последнее дыхание.

Из потемневшего леса, подступившего к реке, неслышно ползут призрачные полчища ночи - серые тени. Разогнав последние отряды дня, они бесшумной, невидимой поступью проходят по колышущейся осоке и вздыхающему камышу. Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своем призрачном дворце, освещенном бледными звездами.

Мм укрыли нашу лодку в тихой бухточке, поставили палатку, сварили скромный ужин и поели. Вспыхивают огоньки в длинных трубках,

round in musical undertone; while, in the pauses of our talk, the river, playing round the boat, prattles strange old tales and secrets, sings low the old child's song that it has sung so many thousand years - will sing so many thousand years to come, before its voice grows harsh and old - a song that we, who have learnt to love its changing face, who have so often nestled on its yielding bosom, think, somehow, we understand, though we could not tell you in mere words the story that we listen to.

And we sit there, by its margin, while the moon, who loves it too, stoops down to kiss it with a sister's kiss, and throws her silver arms around it clingingly; and we watch it as it flows, ever singing, ever whispering, out to meet its king, the sea - till our voices die away in silence, and the pipes go out - till we, common-place, everyday young men enough, feel strangely full of thoughts, half sad, half sweet, and do not care or want to speak - till we laugh, and, rising, knock the ashes from our burnt-out pipes, and say "Good-night," and, lulled by the lapping water and the rustling trees, we fall asleep beneath the great, still stars, and dream that the world is young again - young and sweet as she used to be ere the centuries of fret and care had furrowed her fair face, ere her children's sins and follies had made old her loving heart - sweet as she was in those bygone days when, a new-made mother, she nursed us, her children, upon her own deep breast - ere the wiles of painted civilization had lured us away from her fond arms, and the poisoned sneers of artificiality had made us ashamed of the simple life we led with her, and the simple, stately home where mankind was born so many thousands years ago.

Harris said: "How about when it rained?"

You can never rouse Harris. There is no poetry about Harris - no wild yearning for the unattainable. Harris never "weeps, he knows not why." If Harris's eyes fill with tears, you can bet it is because Harris has been eating raw onions, or has put too much Worcester over his chop.

If you were to stand at night by the sea-shore with Harris, and say: "Hark! do you not hear? Is

звучит негромкая веселая болтовня. Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, которую она поет уже тысячи лет и будет петь, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым. Нам, которые научились любить ее изменчивый лик, которые так часто искали приюта на ее волнующейся груди, - нам кажется, что мы понимаем ее, хотя и не могли бы рассказать словами повесть, которую слушаем.

"И вот мы сидим у реки, а месяц, который тоже ее любит, склоняется, чтобы приложиться к ней братским лобзанием, и окутывает ее нежными серебристыми объятиями; мы смотрим, как струятся ее воды, и все поют, все шепчут, устремляясь к владыке своему - морю; наконец голоса наши замирают, трубки гаснут, и нас, обыкновенных, достаточно пошлых молодых людей, переполняют мысли печальные и милые, и нет у нас больше охоты говорить. И, наконец, рассмеявшись, мы поднимаемся, выколачиваем погасшие трубки и со словами "спокойной ночи" засыпаем под большими тихими звездами, убаюканные плеском воды и шелестом деревьев, и нам грезится, что мир снова молод, молод и прекрасен, как была прекрасна земля до того, как столетия смут и волнений избороздили морщинами ее лицо, а грехи и безумства ее детей состарили ее любящее сердце, - прекрасна, как в былые дни, когда, словно молодая мать, она баюкала нас, своих сыновей, на широкой груди, пока коварная цивилизация не выманила нас из ее любящих объятий и ядовитые насмешки искусственности не заставили нас устыдиться простой жизни, которую мы вели с нею, и простого величавого обиталища, где столько тысячелетий назад родилось человечество."

Гаррис спросил: - А как быть, если пойдет дождь?

Гарриса ничем не проймешь. В Гаррисе нет ничего поэтического, нет безудержного порыва к недостижимому. "Гаррис никогда не плачет, "сам не зная, почему"." Если глаза Гарриса наполняются слезами, можно биться об заклад, что он наелся сырого луку или намазал на котлету слишком много горчицы.

Если бы вы очутились с Гаррисом ночью на берегу моря и сказали ему: "Чу! Слышишь?" "Это, наверное, русалки поют в морской глубине или

it but the mermaids singing deep below the waving waters; or sad spirits, chanting dirges for white corpses, held by seaweed?" Harris would take you by the arm, and say: "I know what it is, old man; you've got a chill. Now, you come along with me. I know a place round the corner here, where you can get a drop of the finest Scotch whisky you ever tasted - put you right in less than no time."

Harris always does know a place round the corner where you can get something brilliant in the drinking line. I believe that if you met Harris up in Paradise (supposing such a thing likely), he would immediately greet you with: "So glad you've come, old fellow; I've found a nice place round the corner here, where you can get some really first-class nectar."

In the present instance, however, as regarded the camping out, his practical view of the matter came as a very timely hint. Camping out in rainy weather is not pleasant.

It is evening. You are wet through, and there is a good two inches of water in the boat, and all the things are damp. You find a place on the banks that is not quite so puddly as other places you have seen, and you land and lug out the tent, and two of you proceed to fix it.

It is soaked and heavy, and it flops about, and tumbles down on you, and clings round your head and makes you mad. The rain is pouring steadily down all the time. It is difficult enough to fix a tent in dry weather: in wet, the task becomes herculean. Instead of helping you, it seems to you that the other man is simply playing the fool. Just as you get your side beautifully fixed, he gives it a hoist from his end, and spoils it all.

"Here! what are you up to?" you call out.

"What are YOU up to?" he retorts; "leggo, can't you?"

"Don't pull it; you've got it all wrong, you stupid ass!" you shout.

"No, I haven't," he yells back; "let go your side!"

печальные духи читают псалмы над бледными утопленниками, запутавшимися в цепких водорослях", - Гаррис взял бы вас за локоть и сказал бы: "Я знаю, что с тобой такое, старина. Ты простудился." Идем-ка лучше со мной. "Я нашел здесь за углом одно местечко, где можно выпить такого шотландского виски, какого ты еще не пробовал. Оно миглом приведет тебя в чувство".

Гаррис всегда знает местечко за углом, где можно получить что-нибудь замечательное в смысле выпивки. Я думаю, что, если бы Гаррис встретился вам в раю (допустим на минуту такую возможность), он бы приветствовал вас словами: - Очень рад, что вы здесь, старина! Я нашел за углом хорошее местечко, где можно достать первосортный нектар.

Но в данном случае, в отношении ночевки под открытым небом, его практический взгляд на вещи послужил нам весьма своевременным предупреждением. Ночевать на воздухе в дождливую погоду неприятно.

Вечер. Вы промокли насквозь, в лодке добрых два дюйма воды, и все вещи отсырели. Вы находите на берегу место, где как будто поменьше луж, выволакиваете палатку на сушу и вдвоем с кем-нибудь начинаете ее устанавливать.

Палатка вся пропиталась водой и стала очень тяжелой. Она хлопает краями и валится на вас или обвивается вокруг вашей головы и приводит вас в бешенство. А дождь льет не переставая. Палатку достаточно трудно укрепить и в сухую погоду, но когда идет дождь, эта задача по плечу одному Геркулесу. Вам кажется, что ваш товарищ, вместо того чтобы помогать, просто валяет дурака. Только вам удалось замечательно укрепить свою сторону, как он дергает за свой конец, и все идет насмарку.

- Эй, что ты там делаешь? - спрашиваете вы,

- А ты что делаешь? - отвечает он. - Пусти же!

Вы кричите: - Не тяни, это ты все испортил, глупый осел!

- Нет, не я! - орет он а ответ. - Отпусти свой конец!

"I tell you you've got it all wrong!" you roar, wishing that you could get at him; and you give your ropes a tug that pulls all his pegs out.

"Ah, the bally idiot!" you hear him mutter to himself; and then comes a savage haul, and away goes your side. You lay down the mallet and start to go round and tell him what you think about the whole business, and, at the same time, he starts round in the same direction to come and explain his views to you. And you follow each other round and round, swearing at one another, until the tent tumbles down in a heap, and leaves you looking at each other across its ruins, when you both indignantly exclaim, in the same breath:

"There you are! what did I tell you?"

Meanwhile the third man, who has been baling out the boat, and who has spilled the water down his sleeve, and has been cursing away to himself steadily for the last ten minutes, wants to know what the thundering blazes you're playing at, and why the blarneyed tent isn't up yet.

At last, somehow or other, it does get up, and you land the things. It is hopeless attempting to make a wood fire, so you light the methylenated spirit stove, and crowd round that.

Rainwater is the chief article of diet at supper. The bread is two-thirds rainwater, the beefsteak-pie is exceedingly rich in it, and the jam, and the butter, and the salt, and the coffee have all combined with it to make soup.

After supper, you find your tobacco is damp, and you cannot smoke. Luckily you have a bottle of the stuff that cheers and inebriates, if taken in proper quantity, and this restores to you sufficient interest in life to induce you to go to bed.

There you dream that an elephant has suddenly sat down on your chest, and that the volcano has exploded and thrown you down to the bottom of the sea - the elephant still sleeping peacefully on your bosom. You wake up and grasp the idea that something terrible really has happened. Your first impression is that the end

- Говорю тебе, ты все запутал! - кричите вы, жалея, что не можете до него добраться, и с такой силой дергаете за веревки, что с его стороны вылетают все колышки.

- Что за идиот! - слышится шепот. После этого следует отчаянный рывок, и ваша сторона падает. Вы бросаете молоток и идете в обход палатки к вашему товарищу, чтобы высказать ему все, что вы об этом думаете. В это время он тоже пускается в путь в том же направлении, чтобы изложить вам свою точку зрения. И вы ходите кругом друг за другом и переругиваетесь, пока палатка не падает бесформенной кучей, а вы стоите над ее развалинами, глядя друг на друга, и в один голос негодуя восклицаете:

- Ну вот! Что я тебе говорил!

Между тем третий ваш товарищ, который, вычерпывая из лодки, воду, налил себе в рукав и уже десять минут без передышки сыплет проклятиями, спрашивает, какую вы там, черт побери, затеяли игру и отчего эта паскудная палатка до сих пор не стоит как следует.

Наконец она с грехом пополам установлена, и вы начинаете переносить вещи. Попытаться развести костер бесполезно. Вы зажигаете спиртовку и располагаетесь вокруг нее.

Основной предмет питания на ужин - дождевая вода. Хлеб состоит из воды на две трети, пирог с мясом чрезвычайно богат водой, варенье, масло, соль, кофе - все соединилось с нею, чтобы превратиться в похлебку.

После ужина выясняется, что табак отсырел и курить нельзя. К счастью, у вас имеется бутылка с веществом, которое, будучи принято в должном количестве, опьяняет и веселит, и вы снова начинаете достаточно интересоваться жизнью, чтобы улечься спать.

И вот вам снится, что на вас сел слон и что извержение вулкана бросило вас на дно моря вместе со слонем, который спокойно спит у вас на груди. Вы просыпаетесь и приходите к убеждению, что действительно случилось что-то ужасное. Прежде всего вам кажется, что пришел

of the world has come; and then you think that this cannot be, and that it is thieves and murderers, or else fire, and this opinion you express in the usual method. No help comes, however, and all you know is that thousands of people are kicking you, and you are being smothered.

Somebody else seems in trouble, too. You can hear his faint cries coming from underneath your bed. Determining, at all events, to sell your life dearly, you struggle frantically, hitting out right and left with arms and legs, and yelling lustily the while, and at last something gives way, and you find your head in the fresh air. Two feet off, you dimly observe a half-dressed ruffian, waiting to kill you, and you are preparing for a life-and-death struggle with him, when it begins to dawn upon you that it's Jim.

"Oh, it's you, is it?" he says, recognising you at the same moment.

"Yes," you answer, rubbing your eyes; "what's happened?"

"Bally tent's blown down, I think," he says. "Where's Bill?"

Then you both raise up your voices and shout for "Bill!" and the ground beneath you heaves and rocks, and the muffled voice that you heard before replies from out the ruin:

"Get off my head, can't you?"

And Bill struggles out, a muddy, trampled wreck, and in an unnecessarily aggressive mood - he being under the evident belief that the whole thing has been done on purpose.

In the morning you are all three speechless, owing to having caught severe colds in the night; you also feel very quarrelsome, and you swear at each other in hoarse whispers during the whole of breakfast time.

We therefore decided that we would sleep out on fine nights; and hotel it, and inn it, and pub. it, like respectable folks, when it was wet, or when we felt inclined for a change.

конец света, но потом вы решаете, что это невозможно и что на палатку напали воры или убийцы, или, может быть, случился пожар. Вы выражаете эту мысль обычным способом, но помощь не приходит, и вы чувствуете, что вас пинают ногами тысячи людей и что вас душат.

Кто-то другой, кроме вас, тоже, кажется, попал в беду. Из-под кровати доносятся его слабые крики. Решив дорого продать свою жизнь, вы начинаете отчаянно бороться, раздавая во все стороны удары ногами и руками и непрерывно испуская дикие вопли. Наконец что-то поддается, и ваша голова оказывается на свежем воздухе. В двух футах от себя вы смутно различаете какого-то полуодетого негодяя, готового вас убить, и намереваетесь завязать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть, как вдруг вам становится очевидно, что это Джим.

- Ах, это ты, - говорит он, узнавая вас в ту же самую минуту.

- Да, - говорите вы, протирая глаза. - Что случилось?

- Проклятую палатку, кажется, сдуло, - отвечает Джим. - Где Билл?

Вы оба кричите: "Билл!" - и почва под вами ходит ходуном, а заглушенный голос, который вы уже слышали, отвечает из-под развалин:

- Слезьте с моей головы, черти!

И Билл выбирается на поверхность - грязный, истоптанный, жалкий, измученный и чересчур воинственно настроенный. По-видимому, он твердо убежден, что вся эта штука подстроена нарочно.

Утром вы все трое без голоса, так как ночью схватили сильную простуду. К тому же вы стали очень раздражительны и в продолжение всего завтрака переругиваетесь хриплым шепотом.

Итак, мы решили, что будем спать под открытым небом только в хорошую погоду, а в дождливые дни или просто для разнообразия станем ночевать в гостиницах, трактирах и постоянных дворах, как порядочные люди.

Montmorency hailed this compromise with much approval. He does not revel in romantic solitude. Give him something noisy; and if a trifle low, so much the jollier. To look at Montmorency you would imagine that he was an angel sent upon the earth, for some reason withheld from mankind, in the shape of a small fox-terrier. There is a sort of Oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler expression about Montmorency that has been known to bring the tears into the eyes of pious old ladies and gentlemen.

When first he came to live at my expense, I never thought I should be able to get him to stop long. I used to sit down and look at him, as he sat on the rug and looked up at me, and think: "Oh, that dog will never live. He will be snatched up to the bright skies in a chariot, that is what will happen to him."

But, when I had paid for about a dozen chickens that he had killed; and had dragged him, growling and kicking, by the scruff of his neck, out of a hundred and fourteen street fights; and had had a dead cat brought round for my inspection by an irate female, who called me a murderer; and had been summoned by the man next door but one for having a ferocious dog at large, that had kept him pinned up in his own tool-shed, afraid to venture his nose outside the door for over two hours on a cold night; and had learned that the gardener, unknown to myself, had won thirty shillings by backing him to kill rats against time, then I began to think that maybe they'd let him remain on earth for a bit longer, after all.

To hang about a stable, and collect a gang of the most disreputable dogs to be found in the town, and lead them out to march round the slums to fight other disreputable dogs, is Montmorency's idea of "life;" and so, as I before observed, he gave to the suggestion of inns, and pubs., and hotels his most emphatic approbation.

Having thus settled the sleeping arrangements to the satisfaction of all four of us, the only thing left to discuss was what we should take with us; and this we had begun to argue, when Harris

Монморенси отнесся к этому компромиссу весьма одобрительно. Романтика одиночества его не прельщает. Ему нужно что-нибудь шумное, а если развлечение чуточку грубовато, что ж, тем веселей. Посмотрите на Монморенси - и вам покажется, что это ангел, по каким-то причинам, скрытым от человечества, посланный на землю в образе маленького фокстерьера. "Монморенси глядит на вас с таким выражением, словно хочет сказать: "О, как испорчен этот мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее"; вид его вызывает слезы на глазах набожных старых дам и джентльменов."

Когда Монморенси перешел на мое иждивение, я никак не думал, что мне удастся надолго сохранить его у себя. Я сидел, смотрел на него (а он, сидя на коврикe у камина, смотрел на меня) и думал: эта собака долго не проживет. Ее вознесут в колеснице на небо - вот что с ней произойдет.

Но когда я заплатил за дюжину растерзанных Монморенси цыплят; когда он, рыча и брыкаясь, был вытащен мною за шиворот из сточетырнадцатой уличной драки; когда мне предъявили для осмотра дохлую кошку, принесенную разгневанной особой женского пола, которая обозвала меня убийцей; когда мой сосед подал на меня в суд за то, что я держу на свободе свирепого пса, из-за которого он больше двух часов просидел, как пришпиленный, в холодную ночь в своем собственном сарае, не смея высунуть нос за дверь; когда, наконец, я узнал, что мой садовник выиграл тридцать шиллингов, угадывая, сколько крыс Монморенси убьет в определенный промежуток времени, - я подумал, что его, может быть, и оставят еще немного пожить на этом свете.

"Слоняться возле конюшен, собрать кучу самых отпетых собак, какие только есть в городе, и шествовать во главе их к трущобам, готовясь к бою с другими отпетыми собаками, - вот что Монморенси называет "жизнью". Поэтому, как я уже сказал, упоминание о гостиницах, трактирах и постоялых дворах вызвало у него живейшее одобрение."

Когда вопрос о ночевках был, таким образом, решен ко всеобщему удовольствию, оставалось обсудить лишь одно: что именно нам следует взять с собой. Мы начали было рассуждать об

said he'd had enough oratory for one night, and proposed that we should go out and have a smile, saying that he had found a place, round by the square, where you could really get a drop of Irish worth drinking.

George said he felt thirsty (I never knew George when he didn't); and, as I had a presentiment that a little whisky, warm, with a slice of lemon, would do my complaint good, the debate was, by common assent, adjourned to the following night; and the assembly put on its hats and went out.

CHAPTER III

ARRANGEMENTS SETTLED. - HARRIS'S METHOD OF DOING WORK. - HOW THE ELDERLY, FAMILY-MAN PUTS UP A PICTURE. - GEORGE MAKES A SENSIBLE, REMARK. - DELIGHTS OF EARLY MORNING BATHING. - PROVISIONS FOR GETTING UPSET.

SO, on the following evening, we again assembled, to discuss and arrange our plans.

Harris said: "Now, the first thing to settle is what to take with us. Now, you get a bit of paper and write down, J., and you get the grocery catalogue, George, and somebody give me a bit of pencil, and then I'll make out a list."

That's Harris all over - so ready to take the burden of everything himself, and put it on the backs of other people.

He always reminds me of my poor Uncle Podger. You never saw such a commotion up and down a house, in all your life, as when my Uncle Podger undertook to do a job. A picture would have come home from the frame-maker's, and be standing in the dining-room, waiting to be put up; and Aunt Podger would ask what was to be done with it, and Uncle Podger would say:

"Oh, you leave that to ME. Don't you, any of you, worry yourselves about that. I'LL do all that."

And then he would take off his coat, and begin. He would send the girl out for sixpen'orth of nails, and then one of the boys after her to tell

этом, но Гаррис заявил, что с него хватит разговоров на один вечер, и предложил пойти промочить горло. Он сказал, что нашел неподалеку от площади одно место, где можно получить глоток стоящего ирландского виски.

Джордж заявил, что чувствует жажду (я не знаю случая, когда бы он ее не чувствовал), и так как у меня тоже было ощущение, что некоторое количество виски - теплого с кусочком лимона - принесет мне пользу, дебаты были с общего согласия отложены до следующего вечера, члены собрания надели шляпы и вышли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

План уточняется. Метод работы Гарриса. Пожилой отец семейства вешает картину. Джордж делает разумное замечание. Прелести утреннего купанья. Запасы на случай аварии.

Итак, на следующий день вечером мы снова встретились, чтобы обо всем договориться и обсудить наши планы.

Гаррис сказал: - Во-первых, нужно решить, что надо брать с собой. Возьми-ка кусок бумаги, Джей, и записывай. А ты, Джордж, достань прейскурант бакалейной лавки. Пусть кто-нибудь даст мне карандаш, и я составлю список.

В этом сказался весь Гаррис, - он так охотно берет на себя всю тяжесть работы и перекладывает ее на плечи других.

Он напоминает мне моего бедного дядю Поджера. Вам в жизни не приходилось видеть в доме такой суматохи, как когда дядя Поджер брался сделать какое-нибудь полезное дело. Положим, от рамочника привезли картину и поставили в столовую в ожидании, пока ее повесят. Тетя Поджер спрашивает, что с ней делать.

Дядя Поджер говорит: - Предоставьте Это мне. Пусть никто из вас об этом не беспокоится. Я все сделаю сам.

Потом он снимает пиджак и принимается за работу. Он посылает горничную купить гвоздей на шесть пенсов и шлет ей вдогонку одного из

her what size to get; and, from that, he would gradually work down, and start the whole house.

"Now you go and get me my hammer, Will," he would shout; "and you bring me the rule, Tom; and I shall want the step-ladder, and I had better have a kitchen-chair, too; and, Jim! you run round to Mr. Goggles, and tell him, 'Pa's kind regards, and hopes his leg's better; and will he lend him his spirit-level?' And don't you go, Maria, because I shall want somebody to hold me the light; and when the girl comes back, she must go out again for a bit of picture-cord; and Tom! - where's Tom? - Tom, you come here; I shall want you to hand me up the picture."

And then he would lift up the picture, and drop it, and it would come out of the frame, and he would try to save the glass, and cut himself; and then he would spring round the room, looking for his handkerchief. He could not find his handkerchief, because it was in the pocket of the coat he had taken off, and he did not know where he had put the coat, and all the house had to leave off looking for his tools, and start looking for his coat; while he would dance round and hinder them.

"Doesn't anybody in the whole house know where my coat is? I never came across such a set in all my life - upon my word I didn't. Six of you! - and you can't find a coat that I put down not five minutes ago! Well, of all the - "

Then he'd get up, and find that he had been sitting on it, and would call out:

"Oh, you can give it up! I've found it myself now. Might just as well ask the cat to find anything as expect you people to find it."

And, when half an hour had been spent in tying up his finger, and a new glass had been got, and the tools, and the ladder, and the chair, and the candle had been brought, he would have another go, the whole family, including the girl and the charwoman, standing round in a semi-circle, ready to help. Two people would have to hold the chair, and a third would help him up on it, and hold him there, and a fourth would hand him a nail, and a fifth would pass him up the hammer, and he would take hold of the nail, and drop it.

мальчиков, чтобы сказать ей, какой взять размер. Начиная с этой минуты, он постепенно запрягает в работу весь дом.

- Принеси-ка мне молоток, Уилл! - кричит он. - А ты, Том, подай линейку. Мне понадобится стремянка, и табуретку, пожалуй, тоже захватите. Джим, сбегай-ка к мистеру Гогглсу и скажи ему: "Папа вам кланяется и надеется, что нога у вас лучше, и просит вас одолжить ваш ватерпас". А ты, Мария, никуда не уходи, - мне будет нужен кто-нибудь, чтобы подержать свечку. Когда горничная воротится, ей придется выйти еще раз и купить бечевки. Том! Где Том? Пойди сюда, ты мне понадобишься, чтобы подать мне картину.

Он поднимает картину и роняет ее. Картина вылетает из рамы, дядя Поджер хочет спасти стекло, и стекло врезается ему в руку. Он бежит по комнате и ищет свой носовой платок. Он не может найти его, так как платок лежит в кармане пиджака, который он снял, а он не помнит, куда дел пиджак. Домочадцы перестают искать инструменты и начинают искать пиджак; дядя Поджер мечется по комнате и всем мешает.

- Неужели никто во всем доме не знает, где мой пиджак? Честное слово, я никогда еще не встречал таких людей! Вас шесть человек, и вы не можете найти пиджак, который я снял пять минут тому назад. Эх вы!

Тут он поднимается и видит, что все время сидел на своем пиджаке.

- Можете больше не искать! - кричит он. - Я уже нашел его. Рассчитывать на то, что вы что-нибудь найдете, - все равно что просить об этом кошку.

Ему перевязывают палец, достают другое стекло и приносят инструменты, стремянку, табуретку и свечу. На это уходит полчаса, после чего дядя Поджер снова берется за дело. Все семейство, включая горничную и поденщицу, становится полукругом, готовое прийти на помощь. Двое держат табуретку, третий помогает дяде Поджеру взлезть и поддерживает его, четвертый подает гвоздь, пятый - молоток. Дядя Поджер берет гвоздь и роняет его.

"There!" he would say, in an injured tone, "now the nail's gone."

And we would all have to go down on our knees and grovel for it, while he would stand on the chair, and grunt, and want to know if he was to be kept there all the evening.

The nail would be found at last, but by that time he would have lost the hammer.

"Where's the hammer? What did I do with the hammer? Great heavens! Seven of you, gaping round there, and you don't know what I did with the hammer!"

We would find the hammer for him, and then he would have lost sight of the mark he had made on the wall, where the nail was to go in, and each of us had to get up on the chair, beside him, and see if we could find it; and we would each discover it in a different place, and he would call us all fools, one after another, and tell us to get down. And he would take the rule, and re-measure, and find that he wanted half thirty-one and three-eighths inches from the corner, and would try to do it in his head, and go mad.

And we would all try to do it in our heads, and all arrive at different results, and sneer at one another. And in the general row, the original number would be forgotten, and Uncle Podger would have to measure it again.

He would use a bit of string this time, and at the critical moment, when the old fool was leaning over the chair at an angle of forty-five, and trying to reach a point three inches beyond what was possible for him to reach, the string would slip, and down he would slide on to the piano, a really fine musical effect being produced by the suddenness with which his head and body struck all the notes at the same time.

And Aunt Maria would say that she would not allow the children to stand round and hear such language.

At last, Uncle Podger would get the spot fixed again, and put the point of the nail on it with his left hand, and take the hammer in his right

- Ну вот, - говорит он обиженно, - теперь гвоздь упал.

И всем нам приходится ползать на коленях и разыскивать гвоздь. А дядя Поджер стоит на табуретке, ворчит и спрашивает, не придется ли ему торчать там весь вечер.

Наконец гвоздь найден, но тем временем дядя Поджер потерял молоток.

- Где молоток? Куда я девал молоток? Великий боже! Вы все стоите и глазеее на меня и не можете сказать, куда я положил молоток!

Мы находим ему молоток, а он успевает потерять заметку, которую сделал на стене в том месте, куда нужно вбить гвоздь. Он заставляет нас всех по очереди взлезать к нему на табуретку и искать ее. Каждый видит эту отметку в другом месте, и дядя Поджер обзывает нас одного за другим дураками и приказывает нам слезть. Он берет линейку и мерит снова. Оказывается, что ему необходимо разделить тридцать один и три восьмых дюйма пополам. Он пробует сделать это в уме и приходит в неистовство.

Мы тоже пробуем сделать это в уме, и у всех получается разный результат. Мы начинаем издеваться друг над другом и в пылу ссоры забываем первоначальное число, так что дяде Поджеру приходится мерить еще раз.

Теперь он пускает в дело веревочку; в критический момент, когда старый чудака наклоняется на табуретке под углом в сорок пять градусов и пытается отметить точку, находящуюся на три дюйма дальше, чем он может достать, веревочка выскальзывает у него из рук, и он падает прямо на рояль. Внезапность, с которой он прикасается головой и всем телом к клавишам, создает поистине замечательный музыкальный эффект.

Тетя Мария говорит, что она не может позволить детям стоять здесь и слушать такие выражения.

Наконец дядя Поджер находит подходящее место и приставляет к нему гвоздь левой рукой, держа молоток в правой. Первым же ударом он попадает

hand. And, with the first blow, he would smash his thumb, and drop the hammer, with a yell, on somebody's toes.

Aunt Maria would mildly observe that, next time Uncle Podger was going to hammer a nail into the wall, she hoped he'd let her know in time, so that she could make arrangements to go and spend a week with her mother while it was being done.

"Oh! you women, you make such a fuss over everything," Uncle Podger would reply, picking himself up. "Why, I LIKE doing a little job of this sort."

And then he would have another try, and, at the second blow, the nail would go clean through the plaster, and half the hammer after it, and Uncle Podger be precipitated against the wall with force nearly sufficient to flatten his nose.

Then we had to find the rule and the string again, and a new hole was made; and, about midnight, the picture would be up - very crooked and insecure, the wall for yards round looking as if it had been smoothed down with a rake, and everybody dead beat and wretched - except Uncle Podger.

"There you are," he would say, stepping heavily off the chair on to the charwoman's corns, and surveying the mess he had made with evident pride. "Why, some people would have had a man in to do a little thing like that!"

Harris will be just that sort of man when he grows up, I know, and I told him so. I said I could not permit him to take so much labour upon himself. I said:

"No; YOU get the paper, and the pencil, and the catalogue, and George write down, and I'll do the work."

The first list we made out had to be discarded. It was clear that the upper reaches of the Thames would not allow of the navigation of a boat sufficiently large to take the things we had set down as indispensable; so we tore the list up, and looked at one another!

George said: "You know we are on a wrong track altogether. We must not think of the

себе по большому пальцу и с воплем роняет молоток прямо кому-то на ногу.

Тетя Мария кротко выражает надежду, что когда дяде Поджеру опять захочется вбить в стену гвоздь, он заранее предупредит ее, чтобы она могла поехать на недельку к матери, пока он будет этим заниматься.

- Вы, женщины, всегда поднимаете, из-за всего шум, - бодро говорит дядя Поджер. - А Я так люблю поработать.

Потом он предпринимает новую попытку и вторым ударом вгоняет весь гвоздь и половину молотка в штукатурку. Самого дядю Поджера стремительно бросает к стене, и он чуть не расплющивает себе нос.

Затем нам приходится снова отыскивать веревочку и линейку, и пробивается еще одна дырка. Около полуночи картина, наконец, повешена - очень криво и ненадежно, - и стена на много ярдов вокруг выглядит так, словно по ней прошли граблями. Мы все выбились из сил и злимся - все, кроме дяди Поджера.

- Ну, вот видите! - говорит он, тяжело спрыгивая с табуретки прямо на мозоли поденщице и с явной гордостью любуясь на произведенный им беспорядок. - А ведь некоторые люди пригласили бы для такой мелочи специального человека.

Я знаю, Гаррис будет таким же, когда вырастет. Я сказал ему это и заявил, что не могу позволить, чтобы он взял на себя столько работы.

- Нет, - сказал я, - ты принесешь бумагу и карандаш, Джордж будет записывать, а я сделаю остальное.

Первый наш список пришлось аннулировать. Было ясно, что в верхнем течении Темзы нельзя проплыть на лодке, достаточно большой, чтобы вместить все то, что мы считали необходимым. Мы разорвали список и молча переглянулись.

Джордж сказал: - Мы на совершенно ложном пути. Нам следует думать не о тех вещах,

things we could do with, but only of the things that we can't do without."

George comes out really quite sensible at times. You'd be surprised. I call that downright wisdom, not merely as regards the present case, but with reference to our trip up the river of life, generally. How many people, on that voyage, load up the boat till it is ever in danger of swamping with a store of foolish things which they think essential to the pleasure and comfort of the trip, but which are really only useless lumber.

How they pile the poor little craft mast-high with fine clothes and big houses; with useless servants, and a host of swell friends that do not care twopence for them, and that they do not care three ha'pence for; with expensive entertainments that nobody enjoys, with formalities and fashions, with pretence and ostentation, and with - oh, heaviest, maddest lumber of all! - the dread of what will my neighbour think, with luxuries that only cloy, with pleasures that bore, with empty show that, like the criminal's iron crown of yore, makes to bleed and swoon the aching head that wears it!

It is lumber, man - all lumber! Throw it overboard. It makes the boat so heavy to pull, you nearly faint at the oars. It makes it so cumbersome and dangerous to manage, you never know a moment's freedom from anxiety and care, never gain a moment's rest for dreamy laziness - no time to watch the windy shadows skimming lightly o'er the shallows, or the glittering sunbeams flitting in and out among the ripples, or the great trees by the margin looking down at their own image, or the woods all green and golden, or the lilies white and yellow, or the sombre- waving rushes, or the sedges, or the orchis, or the blue forget-me-nots.

Throw the lumber over, man! Let your boat of life be light, packed with only what you need - a homely home and simple pleasures, one or two friends, worth the name, someone to love and someone to love you, a cat, a dog, and a pipe or two, enough to eat and enough to wear, and a little more than enough to drink; for thirst is a dangerous thing.

которыми мы как-нибудь обойдемся, но о тех, без которых нам никак не обойтись.

Джордж, оказывается, может иногда быть разумным. Это даже удивительно. Я бы сказал, что в его словах заключается подлинная мудрость, приложимая не только к настоящему случаю, но и ко всей нашей прогулке по реке жизни вообще. Сколь многие, рискуя затопить свой корабль, нагружают его всякими вещами, которые кажутся им необходимыми для удовольствия и комфорта в пути, а на самом деле являются бесполезным хламом.

Как они загромождают свое утлое суденышко по самые мачты дорогими платьями и огромными домами, бесполезными слугами и множеством светских друзей, которые ни во что их не ставят и которых сами они не ценят, дорогостоящими увеселениями, которые никого не веселят, условностями и модами, притворством и тщеславием и - самый грузный и нелепый хлам - страхом, как бы сосед чего не подумал; роскошью, приводящей к пресыщению, удовольствиями, которые через день надоедают, бессмысленной пышностью, которая, как во дни оны железный венец преступников, заливают кровью наболевший лоб и доводит до обморока того, кто его носит!

Хлам, все хлам! Выбросьте его за борт! Это из-за него так тяжело вести лодку, что гребцы вот-вот свалятся замертво. Это он делает судно таким громоздким и неустойчивым. Вы не знаете ни минуты отдыха от тревог и беспокойства, не имеете ни минуты досуга, чтобы отдаться мечтательному безделью, у вас нет времени полюбоваться игрой теней, скользящих по поверхности реки, солнечными бликами на воде, высокими деревьями на берегу, глядящими на собственное свое отражение, золотом и зеленью лесов, лилиями, белыми и желтыми, темным колышущимся тростником, осокой, ятрышником и синими незабудками.

Выбросьте этот хлам за борт! Пусть ваша жизненная ладья будет легка и несет лишь то, что необходимо: уютный дом, простые удовольствия, двух-трех друзей, достойных называться друзьями, того, кто вас любит и кого вы любите, кошку, собаку, несколько трубок, сколько нужно еды и одежды и немножко больше, чем нужно, напитков, ибо жажда - опасная вещь.

You will find the boat easier to pull then, and it will not be so liable to upset, and it will not matter so much if it does upset; good, plain merchandise will stand water. You will have time to think as well as to work. Time to drink in life's sunshine - time to listen to the AEolian music that the wind of God draws from the human heart-strings around us - time to -

I beg your pardon, really. I quite forgot.

Well, we left the list to George, and he began it.

"We won't take a tent, suggested George; "we will have a boat with a cover. It is ever so much simpler, and more comfortable."

It seemed a good thought, and we adopted it. I do not know whether you have ever seen the thing I mean. You fix iron hoops up over the boat, and stretch a huge canvas over them, and fasten it down all round, from stem to stern, and it converts the boat into a sort of little house, and it is beautifully cosy, though a trifle stuffy; but there, everything has its drawbacks, as the man said when his mother-in-law died, and they came down upon him for the funeral expenses.

George said that in that case we must take a rug each, a lamp, some soap, a brush and comb (between us), a toothbrush (each), a basin, some tooth- powder, some shaving tackle (sounds like a French exercise, doesn't it?), and a couple of big-towels for bathing. I notice that people always make gigantic arrangements for bathing when they are going anywhere near the water, but that they don't bathe much when they are there.

It is the same when you go to the sea-side. I always determine - when thinking over the matter in London - that I'll get up early every morning, and go and have a dip before breakfast, and I religiously pack up a pair of drawers and a bath towel. I always get red bathing drawers. I rather fancy myself in red drawers. They suit my complexion so. But when I get to the sea I don't feel somehow that I want that early morning bathe nearly so much as I did when I was in town.

Вы увидите, что тогда лодка пойдет свободно и не так легко опрокинется, а если и опрокинется - неважно: простой, хороший товар не боится воды. У вас будет время не только поработать, но и подумать, будет время, чтобы упиваться солнцем жизни и слушать эолову музыку, которую божественный ветерок извлекает из струн нашего сердца, будет время...

Извините, пожалуйста! Я совсем забыл...

Итак, мы предоставили список Джорджу, и он принялся за работу.

- Палатки мы не возьмем, - предложил Джордж. - у нас будет лодка с навесом. Это гораздо проще и к тому же удобней.

Мы нашли, что это хорошая мысль, и приняли ее. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь штуку, которую я имею в виду. По всей длине лодки укрепляют железные воротца, на них натягивают брезент и привязывают его со всех сторон от кормы до носа так, что лодка превращается в маленький домик. В нем очень уютно, хотя и душновато, но все ведь имеет свои теневые стороны, как сказал человек, у которого умерла теща, когда от него потребовали денег на похороны.

Джордж сказал, что в таком случае нам нужно взять каждому по пледу, одну лампу, головную щетку и гребень (на троих), зубную щетку (по одной на каждого), умывальную чашку, зубной порошок, бритвенные принадлежности (не правда ли, это похоже на упражнение из учебника французского языка?) и пару больших купальных полотенец. Я заметил, что люди, всегда делают колоссальные приготовления к купанью, когда собираются ехать куда-нибудь поближе к воде, но не очень много купаются, приехав на место.

То же самое происходит, когда едешь на море. Обдумывая свои планы в Лондоне, я неизменно решаю, что буду рано вставать и окунаться перед завтраком, и благоговейно укладываю в чемодан трусы и купальное полотенце. Я всегда покупаю красные трусы. Я нравлюсь себе в красных трусах. Они очень идут к моему цвету лица... Но, оказавшись на берегу моря, я почему-то не чувствую больше такой потребности в утреннем купанье, какую чувствовал в городе.

On the contrary, I feel more that I want to stop in bed till the last moment, and then come down and have my breakfast. Once or twice virtue has triumphed, and I have got out at six and half-dressed myself, and have taken my drawers and towel, and stumbled dismally off. But I haven't enjoyed it. They seem to keep a specially cutting east wind, waiting for me, when I go to bathe in the early morning; and they pick out all the three-cornered stones, and put them on the top, and they sharpen up the rocks and cover the points over with a bit of sand so that I can't see them, and they take the sea and put it two miles out, so that I have to huddle myself up in my arms and hop, shivering, through six inches of water. And when I do get to the sea, it is rough and quite insulting.

One huge wave catches me up and chucks me in a sitting posture, as hard as ever it can, down on to a rock which has been put there for me. And, before I've said "Oh! Ugh!" and found out what has gone, the wave comes back and carries me out to mid-ocean. I begin to strike out frantically for the shore, and wonder if I shall ever see home and friends again, and wish I'd been kinder to my little sister when a boy (when I was a boy, I mean). Just when I have given up all hope, a wave retires and leaves me sprawling like a star-fish on the sand, and I get up and look back and find that I've been swimming for my life in two feet of water. I hop back and dress, and crawl home, where I have to pretend I liked it.

In the present instance, we all talked as if we were going to have a long swim every morning. George said it was so pleasant to wake up in the boat in the fresh morning, and plunge into the limpid river. Harris said there was nothing like a swim before breakfast to give you an appetite. He said it always gave him an appetite. George said that if it was going to make Harris eat more than Harris ordinarily ate, then he should protest against Harris having a bath at all.

He said there would be quite enough hard work in towing sufficient food for Harris up against stream, as it was.

I urged upon George, however, how much

Я испытываю скорее желание как можно дольше оставаться в постели, а потом сойти вниз и позавтракать. Однако один раз добродетель восторжествовала. Я встал в шесть часов, наполовину оделся и, захватив трусы и полотенце, меланхолично побрел к морю. Но купанье не доставило мне радости. Когда я рано утром иду купаться, мне кажется, что для меня нарочно приберегли какой-то особенно резкий восточный ветер, выкопали и положили сверху все треугольные камешки, заострили концы скал, а чтобы я не заметил, прикрыли их песком; море же увели на две мили, так что мне приходится, дрожа от холода и кутаясь в собственные руки, долго ковылять по глубине в шесть дюймов. А когда я добираюсь до моря, оно ведет себя грубо и совершенно оскорбительно.

Сначала большая волна приподнимает меня и елико возможно бесцеремоннее бросает в сидячем положении на скалу, которую поставили здесь специально для меня. "Не успею я вскрикнуть "ух!" и сообразить, что случилось, как волна возвращается и уносит меня на середину океана." Я отчаянно бью руками, порываясь к берегу, спрашиваю себя, увижу ли я еще родной дом и друзей, и сожалею, что в детстве так жестоко дразнил свою младшую сестру. Но в тот самый момент, когда я теряю всякую надежду, волна вдруг уходит, а я остаюсь распластанным на песке, точно медуза. Я поднимаюсь, оглядываюсь и вижу, что боролся за свою жизнь на глубине в два фута. Я ковыляю назад, одеваюсь и иду домой, где мне приходится делать вид, что купанье мне понравилось.

В настоящем случае мы все рассуждали так, словно собирались каждое утро подолгу купаться. Джордж сказал, что очень приятно проснуться свежим утром на лодке и погрузиться в прозрачную реку. Гаррис сказал, что ничто так не возбуждает аппетита, как купанье перед завтраком. У него это всегда вызывает аппетит. Джордж заметил, что если Гаррис станет от купанья есть больше, чем обыкновенно, то он, Джордж, будет протестовать против того, чтобы Гаррис вообще лез в воду.

Он сказал, что везти против течения количество пищи, необходимое для Гарриса, и так достаточно тяжелая работа.

Я доказывал Джорджу, что гораздо приятней

pleasanter it would be to have Harris clean and fresh about the boat, even if we did have to take a few more hundredweight of provisions; and he got to see it in my light, and withdrew his opposition to Harris's bath.

Agreed, finally, that we should take THREE bath towels, so as not to keep each other waiting.

For clothes, George said two suits of flannel would be sufficient, as we could wash them ourselves, in the river, when they got dirty. We asked him if he had ever tried washing flannels in the river, and he replied: "No, not exactly himself like; but he knew some fellows who had, and it was easy enough;" and Harris and I were weak enough to fancy he knew what he was talking about, and that three respectable young men, without position or influence, and with no experience in washing, could really clean their own shirts and trousers in the river Thames with a bit of soap.

We were to learn in the days to come, when it was too late, that George was a miserable impostor, who could evidently have known nothing whatever about the matter. If you had seen these clothes after - but, as the shilling shockers say, we anticipate.

George impressed upon us to take a change of under-things and plenty of socks, in case we got upset and wanted a change; also plenty of handkerchiefs, as they would do to wipe things, and a pair of leather boots as well as our boating shoes, as we should want them if we got upset.

CHAPTER IV

THE FOOD QUESTION. - OBJECTIONS TO PARAFFINE OIL AS AN ATMOSPHERE. - ADVANTAGES OF CHEESE AS A TRAVELLING COMPANION. - A MARRIED WOMAN DESERTS HER HOME. - FURTHER PROVISION FOR GETTING UPSET. - I PACK. - CUSSÉDNESS OF TOOTH-BRUSHES. - GEORGE AND HARRIS PACK. - AWFUL BEHAVIOUR OF MONTMORENCY. - WE RETIRE TO REST.

будет иметь Гарриса в лодке чистым и свежим, даже если придется захватить на несколько центнеров больше провизии; Джордж принял мою точку зрения и взял обратно свой протест против купанья Гарриса.

Наконец мы уговорились захватить с собой не два, а три купальных полотенца, чтобы не заставлять друг друга ждать.

Что касается платья, то Джордж сказал, что двух фланелевых костюмов будет достаточно, так как мы сами можем стирать их в реке, когда они запачкаются. На наш вопрос, пробовал ли он когда-нибудь стирать в реке фланелевые костюмы, Джордж ответил: - Нельзя сказать, чтобы я стирал их сам, но я знаю людей, которые стирали. Это не так уже трудно. Мы с Гаррисом были достаточно наивны, чтобы вообразить, что он знает, о чем говорит, и что три молодых человека, не пользующихся влиянием и положением в обще

В последующие дни когда было уже поздно, нам пришлось убедиться, что Джордж - подлый обманщик, который, видимо, и понятия не имел об этом деле. Если бы вы видели нашу одежду после... Но, как говорится в дешевых уголовных романах, мы забегаем вперед.

Джордж уговорил нас взять с собой смену нижнего белья и достаточное количество носков на тот случай, если мы опрокинемся и потребуется переодеться. А также побольше носовых платков, которые пригодятся, чтобы вытирать разные вещи, и кожаные башмаки вдобавок к резиновым туфлям, - они нам понадобятся, если мы перевернемся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Продовольственный вопрос. Отрицательные свойства керосина. Преимущества путешествия в компании с сыром. Замужняя женщина бросает свой дом. Дальнейшие меры на случай аварии. Я укладываюсь. Зловредность зубных щеток Джордж и Гаррис укладываются. Чудовищное поведение Монморенси. Мы отходим ко сну.

THEN we discussed the food question. George said:

"Begin with breakfast." (George is so practical.) "Now for breakfast we shall want a frying-pan" - (Harris said it was indigestible; but we merely urged him not to be an ass, and George went on) - "a tea-pot and a kettle, and a methyated spirit stove."

"No oil," said George, with a significant look; and Harris and I agreed.

We had taken up an oil-stove once, but "never again." It had been like living in an oil-shop that week. It oozed. I never saw such a thing as paraffine oil is to ooze. We kept it in the nose of the boat, and, from there, it oozed down to the rudder, impregnating the whole boat and everything in it on its way, and it oozed over the river, and saturated the scenery and spoilt the atmosphere. Sometimes a westerly oily wind blew, and at other times an easterly oily wind, and sometimes it blew a northerly oily wind, and maybe a southerly oily wind; but whether it came from the Arctic snows, or was raised in the waste of the desert sands, it came alike to us laden with the fragrance of paraffine oil.

And that oil oozed up and ruined the sunset; and as for the moonbeams, they positively reeked of paraffine.

We tried to get away from it at Marlow. We left the boat by the bridge, and took a walk through the town to escape it, but it followed us. The whole town was full of oil. We passed through the church-yard, and it seemed as if the people had been buried in oil. The High Street stunk of oil; we wondered how people could live in it. And we walked miles upon miles out Birmingham way; but it was no use, the country was steeped in oil.

At the end of that trip we met together at midnight in a lonely field, under a blasted oak, and took an awful oath (we had been swearing for a whole week about the thing in an ordinary, middle-class way, but this was a swell affair) - an awful oath never to take paraffine oil with us in a boat again-except, of course, in case of sickness.

Потом мы начали обсуждать продовольственный вопрос. Джордж сказал:

- Начнем с утреннего завтрака. (Джордж всегда так практичен!) Для утреннего завтрака нам понадобится сковорода (Гаррис сказал, что она плохо переваривается, но мы предложили ему не быть ослом, и Джордж продолжал), чайник и спиртовка.

- Ни капли керосина, - сказал Джордж многозначительно, и мы с Гаррисом согласились.

Один раз мы взяли с собой керосинку, но больше - никогда! Целую неделю мы как будто жили в керосиновой лавке. Керосин просачивался всюду. Я никогда не видел, чтобы что-нибудь так просачивалось, как керосин. Мы держали его на носу лодки, и оттуда он просочился до самого руля, пропитав лодку и все ее содержимое. Он растекся по всей реке, заполнил собой пейзаж и отравил воздух. Иногда керосиновый ветер дул с запада, иногда с востока, а иной раз это был северный керосиновый ветер или, может быть, южный, но, прилетал ли он из снежной Арктики, или зарождался в песках пустыни, он всегда достигал нас, насыщенный ароматом керосина.

Этот керосин просачивался все дальше и портил нам закат. Что же касается лучей луны, то от них просто разило керосином.

Мы попытались уйти от него в Марло. Чтобы избавиться от керосина, мы оставили лодку у моста и пошли по городу пешком, но он неотступно следовал за нами. Весь город был полон керосина. Мы проходили по кладбищу, и нам казалось, что покойников закопали в керосин. Главная улица провоняла керосином; мы не могли понять, как на ней можно жить. Милю за милей проходили мы по Бирмингемской дороге, но бесполезно - вся местность пропиталась керосином.

В конце концов мы сошлись в полночь в безлюдном поле, под сожженным молнией дубом, и дали страшную клятву (мы уже и так целую неделю кляли керосин в обычном обывательском стиле, но теперь это было нечто грандиозное) - страшную клятву никогда больше не брать с собой в лодку керосин, разве только на случай болезни.

Therefore, in the present instance, we confined ourselves to methylated spirit. Even that is bad enough. You get methylated pie and methylated cake. But methylated spirit is more wholesome when taken into the system in large quantities than paraffine oil.

For other breakfast things, George suggested eggs and bacon, which were easy to cook, cold meat, tea, bread and butter, and jam. For lunch, he said, we could have biscuits, cold meat, bread and butter, and jam - but NO CHEESE. Cheese, like oil, makes too much of itself. It wants the whole boat to itself. It goes through the hamper, and gives a cheesy flavour to everything else there. You can't tell whether you are eating apple-pie or German sausage, or strawberries and cream. It all seems cheese. There is too much odour about cheese.

I remember a friend of mine, buying a couple of cheeses at Liverpool. Splendid cheeses they were, ripe and mellow, and with a two hundred horse-power scent about them that might have been warranted to carry three miles, and knock a man over at two hundred yards. I was in Liverpool at the time, and my friend said that if I didn't mind he would get me to take them back with me to London, as he should not be coming up for a day or two himself, and he did not think the cheeses ought to be kept much longer.

"Oh, with pleasure, dear boy," I replied, "with pleasure."

I called for the cheeses, and took them away in a cab. It was a ramshackle affair, dragged along by a knock-kneed, broken-winded somnambulist, which his owner, in a moment of enthusiasm, during conversation, referred to as a horse. I put the cheeses on the top, and we started off at a shamble that would have done credit to the swiftest steam-roller ever built, and all went merry as a funeral bell, until we turned the corner. There, the wind carried a whiff from the cheeses full on to our steed. It woke him up, and, with a snort of terror, he dashed off at three miles an hour. The wind still blew in his direction, and before we reached the end of the street he was laying himself out at the rate of nearly four miles an hour, leaving the cripples and stout old ladies simply nowhere.

It took two porters as well as the driver to hold

Итак, на этот раз мы ограничились спиртом. Это тоже достаточно плохо. Приходится есть спиртовой пирог и спиртовое печенье. Но спирт, принимаемый внутрь в больших количествах, полезнее, чем керосин.

Из прочих вещей Джордж предложил взять для первого завтрака яйца с ветчиной, которые легко приготовить, холодное мясо, чай, хлеб с маслом и варенье. Для второго завтрака он рекомендовал печенье, холодное мясо, хлеб с маслом и варенье, но только не сыр. Сыр, как и керосин, слишком много о себе воображает. Он хочет захватить для себя всю лодку. Он проникает сквозь корзину и придает всему привкус сыра. Вы не знаете, что вы едите, - яблочный пирог, сосиски или клубнику со сливками. Все кажется вам сыром. У сыра слишком много запаха.

Помню, один мой друг купил как-то в Ливерпуле пару сыров. Чудесные это были сыры - выдержанные, острые, с запахом в двести лошадиных сил. Он распространялся минимум на три мили, а за двести ярдов валил человека с ног. Я как раз был тогда в Ливерпуле, и мой друг попросил меня, если я ничего не имею против, отвезти его покупку в Лондон. Он сам вернется туда только через день-два, а этот сыр, как ему кажется, не следует хранить особенно долго.

- С удовольствием, дружище, - ответил я. - С удовольствием.

Я заехал за сыром и увез его в кэбе. Это была ветхая колымага, влекомая кривоногим запаленным лунатиком, которого его хозяин в минуту увлечения, разговаривая со мной, назвал лошадью. Я положил сыр наверх, и мы тронулись со скоростью, которая сделала бы честь самому быстрому паровому катку в мире. Все шло весело, как на похоронах, пока мы не повернули за угол. Тут ветер ударил запахом сыра прямо в ноздри нашему рысаку. Это пробудило его, и, фыркнув от ужаса, он ринулся вперед с резвостью трех миль в час. Ветер продолжал дуть в его сторону, и мы еще не достигли конца улицы, как наш конь уже стлался по земле, делая почти четыре мили в час и оставляя за флагом всех калек и толстых пожилых дам.

Чтобы остановить его у вокзала, потребовались

him in at the station; and I do not think they would have done it, even then, had not one of the men had the presence of mind to put a handkerchief over his nose, and to light a bit of brown paper.

I took my ticket, and marched proudly up the platform, with my cheeses, the people falling back respectfully on either side. The train was crowded, and I had to get into a carriage where there were already seven other people. One crusty old gentleman objected, but I got in, notwithstanding; and, putting my cheeses upon the rack, squeezed down with a pleasant smile, and said it was a warm day. A few moments passed, and then the old gentleman began to fidget.

"Very close in here," he said.

"Quite oppressive," said the man next him.

And then they both began sniffing, and, at the third sniff, they caught it right on the chest, and rose up without another word and went out. And then a stout lady got up, and said it was disgraceful that a respectable married woman should be harried about in this way, and gathered up a bag and eight parcels and went. The remaining four passengers sat on for a while, until a solemn-looking man in the corner, who, from his dress and general appearance, seemed to belong to the undertaker class, said it put him in mind of dead baby; and the other three passengers tried to get out of the door at the same time, and hurt themselves.

I smiled at the black gentleman, and said I thought we were going to have the carriage to ourselves; and he laughed pleasantly, and said that some people made such a fuss over a little thing. But even he grew strangely depressed after we had started, and so, when we reached Crewe, I asked him to come and have a drink. He accepted, and we forced our way into the buffet, where we yelled, and stamped, and waved our umbrellas for a quarter of an hour; and then a young lady came, and asked us if we wanted anything.

"What's yours?" I said, turning to my friend.

усилия двух носильщиков и возницы. Я думаю, что даже они не могли бы это сделать, если бы одному из носильщиков не пришло в голову накинуть на морду лошади носовой платок и зажечь у нее под носом кусок оберточной бумаги.

Я взял билет и, гордо неся свои сыры, вышел на платформу; народ почтительно расступался передо мной. Поезд был битком набит, и мне пришлось войти в отделение, где уже и так сидело семь человек пассажиров. Один сварливый старый джентльмен запротестовал было, но я все же вошел, положил свои сыры в сетку, втиснулся на скамью и с приятной улыбкой сказал, что сегодня тепло. Прошло несколько минут, и старый джентльмен начал беспокойно ерзать на месте.

- Здесь очень душно, - сказал он.

- Совершенно нечем дышать, - подтвердил его сосед.

Потом оба потянули носом и, сразу попав в самую точку, встали и молча вышли. После них поднялась старая дама и сказала, что стыдно так обращаться с почтенной замужней женщиной. Она взяла чемодан и восемь свертков и ушла. Четыре оставшихся пассажира некоторое время продолжали сидеть, но потом какой-то сумрачный господин в углу, принадлежавший, судя по одежде и внешнему облику, к классу гробовщиков, сказал, что ему невольно вспомнились мертвые дети. Тут остальные три пассажира сделали попытку выйти из двери одновременно и ушиблись об косяки.

Я улыбнулся мрачному джентльмену и сказал, что мы, кажется, останемся в отделении вдвоем. Он добродушно засмеялся и заметил, что некоторые люди любят поднимать шум из-за пустяков. Но когда мы тронулись, он тоже пришел в какое-то подавленное состояние, так что по приезде в Кру я предложил ему пойти со мной выпить. Он согласился, и мы с трудом пробились в буфет, где с четверть часа кричали, стучали ногами и махали зонтиками. Наконец к нам подошла барышня и спросила, чего бы мы хотели.

- Что будем пить? - обратился Я к моему спутнику.

"I'll have half-a-crown's worth of brandy, neat, if you please, miss," he responded.

And he went off quietly after he had drunk it and got into another carriage, which I thought mean.

From Crewe I had the compartment to myself, though the train was crowded. As we drew up at the different stations, the people, seeing my empty carriage, would rush for it. "Here y' are, Maria; come along, plenty of room." "All right, Tom; we'll get in here," they would shout. And they would run along, carrying heavy bags, and fight round the door to get in first. And one would open the door and mount the steps, and stagger back into the arms of the man behind him; and they would all come and have a sniff, and then droop off and squeeze into other carriages, or pay the difference and go first.

From Euston, I took the cheeses down to my friend's house. When his wife came into the room she smelt round for an instant. Then she said:

"What is it? Tell me the worst."

I said: "It's cheeses. Tom bought them in Liverpool, and asked me to bring them up with me."

And I added that I hoped she understood that it had nothing to do with me; and she said that she was sure of that, but that she would speak to Tom about it when he came back.

My friend was detained in Liverpool longer than he expected; and, three days later, as he hadn't returned home, his wife called on me. She said:

"What did Tom say about those cheeses?"

I replied that he had directed they were to be kept in a moist place, and that nobody was to touch them.

She said: "Nobody's likely to touch them. Had he smelt them?"

I thought he had, and added that he seemed greatly attached to them.

"You think he would be upset," she queried, "if I

- Мне, пожалуйста, на полкроны чистого бренди, мисс, - сказал он.

А потом, выпив свое бренди, он незаметно удалился и сел в другой вагон, что я расценил как низость.

От Кру я ехал в отделении один, хотя поезд был набит до отказа. Когда он подходил к станциям, публика, видя пустое купе, бросалась к дверям. "Сюда, Мария, иди сюда, масса мест!" - "Прекрасно, Том, мы сядем здесь!" И они бежали, таща свои тяжелые чемоданы, и толкались у дверей, чтобы войти первыми. Кто-нибудь открывал дверь и поднимался на ступеньки, но сейчас же, шатаясь, падал на руки соседа. За ним входили остальные и, потянув носом, тут же соскакивали и втискивались в другие вагоны или доплачивали разницу и ехали в первом классе.

С Юстонского вокзала я отвез сыры на квартиру моего приятеля. Его жена, войдя в комнату, понюхала воздух и спросила:

- Что случилось? Скажите мне все, даже самое худшее.

Я ответил: - Это сыр. Том купил его в Ливерпуле и просил меня привезти его к вам.

Надеюсь, вы понимаете, - прибавил я, - что сам я здесь ни при чем. Она сказала, что уверена в этом, но что, когда Том вернется, она с ним еще поговорит.

Мой приятель задержался в Ливерпуле дольше, чем думал. Когда прошло три дня и он не вернулся, его жена явилась ко мне. Она спросила:

- Что говорил том насчет этих сыров?

Я ответил, что он рекомендовал держать их в не очень сухом месте и просил, чтобы никто к ним не прикасался.

- Сомнительно, чтобы кто-нибудь прикоснулся к ним, - сказала жена Тома. - А он их нюхал?

Я выразил предположение, что да, и прибавил, что он, видимо, очень дорожит этими сырами.

- Как вы думаете, Том очень огорчится, если я дам

gave a man a sovereign to take them away and bury them?"

I answered that I thought he would never smile again.

An idea struck her.

She said: "Do you mind keeping them for him? Let me send them round to you."

"Madam," I replied, "for myself I like the smell of cheese, and the journey the other day with them from Liverpool I shall ever look back upon as a happy ending to a pleasant holiday. But, in this world, we must consider others. The lady under whose roof I have the honour of residing is a widow, and, for all I know, possibly an orphan too. She has a strong, I may say an eloquent, objection to being what she terms 'put upon.' The presence of your husband's cheeses in her house she would, I instinctively feel, regard as a 'put upon'; and it shall never be said that I put upon the widow and the orphan."

"Very well, then," said my friend's wife, rising, "all I have to say is, that I shall take the children and go to an hotel until those cheeses are eaten. I decline to live any longer in the same house with them."

She kept her word, leaving the place in charge of the charwoman, who, when asked if she could stand the smell, replied, "What smell?" and who, when taken close to the cheeses and told to sniff hard, said she could detect a faint odour of melons. It was argued from this that little injury could result to the woman from the atmosphere, and she was left.

The hotel bill came to fifteen guineas; and my friend, after reckoning everything up, found that the cheeses had cost him eight-and-sixpence a pound. He said he dearly loved a bit of cheese, but it was beyond his means; so he determined to get rid of them. He threw them into the canal; but had to fish them out again, as the bargemen complained. They said it made them feel quite faint. And, after that, he took them one dark night and left them in the parish mortuary.

кому-нибудь соверен и попрошу унести эти сыры и закопать их в землю? - спросила жена Тома.

Я ответил, что, по моему мнению, он после этого ни разу больше не улыбнется.

Ей пришла в голову новая идея.

Она сказала: - не согласитесь ли Вы поддержать их у себя до приезда Тома? Позвольте мне прислать их к вам.

- Сударыня, - ответил я, - что касается меня лично, то я люблю запах сыра и путешествие с этими сырами из Ливерпуля всегда буду вспоминать как счастливое завершение приятного отпуска. Но на нашей земле приходится считаться с другими. Дама, под кровом которой я имею честь обитать, - вдова и, насколько я знаю, сирота. "Она энергично, я бы даже сказал - красноречиво, возражает против того, чтобы ее, по ее выражению, "обижали". "Наличие в ее доме сыров вашего мужа - я это инстинктивно чувствую - она воспримет как обиду. А я не допущу, чтобы про меня говорили, будто я обижаю вдов и сирот.

- Прекрасно, - сказала жена Тома и встала. - Тогда мне остается одно: я заберу детей и перееду в гостиницу на то время, пока этот сыр не будет съеден. Я отказываюсь жить с ним под одной кровлей.

Она сдержала слово и оставила квартиру на попечение служанки. Последняя, на вопрос, может ли она выносить этот запах, ответила: "Какой запах?" - а когда ее подвели близко к сыру и предложили хорошенько понюхать, сказала, что чувствует легкий запах дыни." Из этого был сделан вывод, что такая атмосфера не принесет служанке особого вреда, и ее оставили в квартире.

Счет из гостиницы составил пятнадцать гиней, и мой приятель, подытожив все расходы, выяснил, что сыр обошелся ему по восемь шиллингов и шесть пенсов фунт. Он сказал, что очень любит съесть иногда кусочек сыра, но что это ему не по средствам, и решил от него избавиться. Он выбросил сыр в канал, но его пришлось оттуда выудить, так как лодочники подали жалобу. Они сказали, что им делается дурно. После этого мой приятель в одну темную ночь отнес свой сыр в покойницкую при церкви.

But the coroner discovered them, and made a fearful fuss. He said it was a plot to deprive him of his living by waking up the corpses.

My friend got rid of them, at last, by taking them down to a sea-side town, and burying them on the beach. It gained the place quite a reputation. Visitors said they had never noticed before how strong the air was, and weak-chested and consumptive people used to throng there for years afterwards.

Fond as I am of cheese, therefore, I hold that George was right in declining to take any.

"We shan't want any tea," said George (Harris's face fell at this); "but we'll have a good round, square, slap-up meal at seven - dinner, tea, and supper combined."

Harris grew more cheerful. George suggested meat and fruit pies, cold meat, tomatoes, fruit, and green stuff. For drink, we took some wonderful sticky concoction of Harris's, which you mixed with water and called lemonade, plenty of tea, and a bottle of whisky, in case, as George said, we got upset.

It seemed to me that George harped too much on the getting-upset idea. It seemed to me the wrong spirit to go about the trip in.

But I'm glad we took the whisky. We didn't take beer or wine. They are a mistake up the river. They make you feel sleepy and heavy. A glass in the evening when you are doing a mouch round the town and looking at the girls is all right enough; but don't drink when the sun is blazing down on your head, and you've got hard work to do.

We made a list of the things to be taken, and a pretty lengthy one it was, before we parted that evening. The next day, which was Friday, we got them all together, and met in the evening to pack. We got a big Gladstone for the clothes, and a couple of hampers for the victuals and the cooking utensils. We moved the table up against

Но коронер [Коронер - следователь, производящий дознание в случаях скоропостижной смерти, позволяющей заподозрить убийство.] обнаружил сыр и поднял ужасный шум. Он сказал, что это заговор, имеющий целью лишить его средств к существованию путем оживления мертвецов.

В конце концов мой приятель избавился от своего сыра: он увез его в один приморский город и закопал на пляже. Это создало городу своеобразную славу. Приезжие говорили, что только теперь заметили, какой там бодрящий воздух, и еще много лет подряд туда толпами съезжались слабогрудые и чахоточные.

Поэтому, хоть я и очень люблю сыр, но считаю, что Джордж был прав, отказываясь взять его с собою.

- Чая мы пить не будем, - сказал Джордж (лицо у Гарриса вытянулось), - но мы будем основательно, плотно, шикарно обедать в семь часов. Это будет одновременно и чай, и обед, и ужин.

Гаррис несколько повеселел. Джордж предложил взять с собой мясные и фруктовые пироги, холодное мясо, помидоры, фрукты и зелень. Для питья мы запаслись какой-то удивительно липкой микстурой, изготовленной Гаррисом, которую смешивают с водой и называют лимонадом, достаточным количеством чая и бутылкой виски - на случай аварии, как сказал Джордж.

Мне казалось, что Джордж слишком уж много говорит об аварии. Это не дело пускаться в путь с такими мыслями.

Но все же хорошо, что мы захватили с собой виски. Вина и пива мы с собой не взяли. Пить их на реке - большая оплошность. От них становишься грузным и сонливым. стакан пива вечером, когда вы бродите по городу, глаза на девушек, - это еще ничего. Но не пейте, когда солнце припекает вам голову и вам предстоит тяжелая работа.

Прежде чем разойтись, мы составили список вещей, которые нужно было захватить, - довольно длинный список! На следующий день, в пятницу, мы собрали все вещи в одно место, а вечером сошлись, чтобы уложиться. Мы достали большой чемодан для белья и платья и две корзины под провизию и посуду. Стол мы отодвинули к окну,

the window, piled everything in a heap in the middle of the floor, and sat round and looked at it.

I said I'd pack.

I rather pride myself on my packing. Packing is one of those many things that I feel I know more about than any other person living. (It surprises me myself, sometimes, how many of these subjects there are.) I impressed the fact upon George and Harris, and told them that they had better leave the whole matter entirely to me. They fell into the suggestion with a readiness that had something uncanny about it. George put on a pipe and spread himself over the easy-chair, and Harris cocked his legs on the table and lit a cigar.

This was hardly what I intended. What I had meant, of course, was, that I should boss the job, and that Harris and George should potter about under my directions, I pushing them aside every now and then with, "Oh, you - !" "Here, let me do it." "There you are, simple enough!" - really teaching them, as you might say. Their taking it in the way they did irritated me. There is nothing does irritate me more than seeing other people sitting about doing nothing when I'm working.

I lived with a man once who used to make me mad that way. He would loll on the sofa and watch me doing things by the hour together, following me round the room with his eyes, wherever I went. He said it did him real good to look on at me, messing about. He said it made him feel that life was not an idle dream to be gaped and yawned through, but a noble task, full of duty and stern work. He said he often wondered now how he could have gone on before he met me, never having anybody to look at while they worked.

Now, I'm not like that. I can't sit still and see another man slaving and working. I want to get up and superintend, and walk round with my hands in my pockets, and tell him what to do. It is my energetic nature. I can't help it.

вещи свалили в кучу посреди пола и, усевшись в кружок, долго смотрели на них.

- Я буду укладывать, - сказал я.

Я горжусь своим умением укладывать. Это одно из многих дел, которые я, по моему глубокому убеждению, умею делать лучше всех на свете (меня самого иногда удивляет, сколько существует таких дел). Я убедил в этом Джорджа и Гарриса и сказал, что лучше всего будет предоставить всю эту работу мне одному. Они приняли это предложение с удивительной готовностью. Джордж зажег трубку и улегся в кресло. Гаррис закурил сигару и развалился в другом кресле, закинув ноги на стол.

Это было не совсем то, чего я ожидал. Я предполагал, разумеется, что Гаррис и Джордж будут действовать по моим указаниям, а сам собирался только руководить работой, то и дело отталкивая их и прикрикивая: "Эх вы!" Дайте-ка я сам сделаю. "Видите, как это просто!" Я думал, так сказать, о роли учителя." То, что они поняли это иначе, раздражало меня. Ничто меня так не раздражает, как вид людей, которые сидят и ничего не делают, когда я работаю.

Мне как-то пришлось жить с одним человеком, который доводил меня таким образом до бешенства. Он часами валялся на диване и смотрел, как я тружусь; его взор следовал за мной, куда бы я ни направился. Он говорил, что ему прямо-таки полезно смотреть, как я работаю. Он понимает тогда, что жизнь - это не праздные мечты, не сплошная скука и зевота, но благородное дело, в котором главное - чувство долга и суровый труд. Он, по его словам, часто удивлялся, как ему удалось прожить до встречи со мной, когда он не имел возможности смотреть на кого-нибудь, кто работает.

Ну, а я совсем другой человек. Я не могу спокойно сидеть и смотреть, как кто-нибудь трудится. Мне хочется встать и распоряжаться - расхаживать по комнате, заложив руки в карманы, и указывать, что надо делать. Такая уж у меня деятельная натура.

Тем не менее я не сказал ни слова и начал

However, I did not say anything, but started the packing. It seemed a longer job than I had thought it was going to be; but I got the bag finished at last, and I sat on it and strapped it.

"Ain't you going to put the boots in?" said Harris.

And I looked round, and found I had forgotten them. That's just like Harris. He couldn't have said a word until I'd got the bag shut and strapped, of course. And George laughed - one of those irritating, senseless, chuckle-headed, crack-jawed laughs of his. They do make me so wild.

I opened the bag and packed the boots in; and then, just as I was going to close it, a horrible idea occurred to me. Had I packed my tooth-brush? I don't know how it is, but I never do know whether I've packed my tooth-brush.

My tooth-brush is a thing that haunts me when I'm travelling, and makes my life a misery. I dream that I haven't packed it, and wake up in a cold perspiration, and get out of bed and hunt for it. And, in the morning, I pack it before I have used it, and have to unpack again to get it, and it is always the last thing I turn out of the bag; and then I repack and forget it, and have to rush upstairs for it at the last moment and carry it to the railway station, wrapped up in my pocket- handkerchief.

Of course I had to turn every mortal thing out now, and, of course, I could not find it. I rummaged the things up into much the same state that they must have been before the world was created, and when chaos reigned. Of course, I found George's and Harris's eighteen times over, but I couldn't find my own. I put the things back one by one, and held everything up and shook it. Then I found it inside a boot. I repacked once more.

When I had finished, George asked if the soap was in. I said I didn't care a hang whether the soap was in or whether it wasn't; and I slammed the bag to and strapped it, and found that I had packed my tobacco-pouch in it, and had to re-

укладываться. Эта работа потребовала больше времени, чем я предполагал, но, наконец, я уложил чемодан и, сев на него, начал затягивать ремни.

- А сапоги ты не будешь укладывать? - спросил Гаррис.

Я оглянулся и увидел, что забыл уложить сапоги. Это очень похоже на Гарриса. Он, конечно, не вымолвил ни слова, пока я не уложил чемодан и не затянул ремни. Джордж засмеялся своим раздражающим, тупым, бессмысленным, неприятным смехом. Как они оба меня бесят!

Я раскрыл чемодан и уложил сапоги. Когда я собирался его закрыть, мне вдруг пришла в голову ужасная мысль: уложил ли я свою зубную щетку. Непонятно почему, но я никогда не знаю, уложил ли я свою зубную щетку.

Когда я путешествую, зубная щетка преследует меня как кошмар и превращает мою жизнь в сплошную муку. Мне снится, что я ее не уложил, и я просыпаюсь в холодном поту и начинаю ее разыскивать. А утром я укладываю ее, еще не почистив зубы, и вынужден снова распаковывать вещи, и щетка всегда оказывается на самом дне чемодана. Потом я укладываюсь снова и забываю щетку, и мне приходится в последний момент мчаться за нею наверх и везти ее на вокзал в носовом платке.

Мне, разумеется, и теперь пришлось выверотить из чемодана все вещи до последней, и, разумеется, я не нашел щетки. Я привел наши пожитки приблизительно в такое состояние, в каком они, вероятно, были до сотворения мира, когда царил первобытный хаос. Конечно, мне восемнадцать раз попадались под руку щетки Джорджа и Гарриса, но своей щетки я найти не мог. Я переложил одну за другой все вещи, поднимая их и встряхивая. Наконец я нашел мою щетку в одном из башмаков. Я уложил чемодан снова.

Когда я кончил, Джордж спросил, уложено ли мыло. Я ответил, что мне наплевать, уложено мыло или нет, и, с шумом захлопнув чемодан, затянул ремни. Но оказалось, что я запаковал туда мой кисет с табаком, и мне пришлось открывать чемодан еще раз. В десять часов пять

open it. It got shut up finally at 10.5 p.m., and then there remained the hampers to do. Harris said that we should be wanting to start in less than twelve hours' time, and thought that he and George had better do the rest; and I agreed and sat down, and they had a go.

They began in a light-hearted spirit, evidently intending to show me how to do it. I made no comment; I only waited. When George is hanged, Harris will be the worst packer in this world; and I looked at the piles of plates and cups, and kettles, and bottles and jars, and pies, and stoves, and cakes, and tomatoes, &c., and felt that the thing would soon become exciting.

It did. They started with breaking a cup. That was the first thing they did. They did that just to show you what they COULD do, and to get you interested.

Then Harris packed the strawberry jam on top of a tomato and squashed it, and they had to pick out the tomato with a teaspoon.

And then it was George's turn, and he trod on the butter. I didn't say anything, but I came over and sat on the edge of the table and watched them. It irritated them more than anything I could have said. I felt that. It made them nervous and excited, and they stepped on things, and put things behind them, and then couldn't find them when they wanted them; and they packed the pies at the bottom, and put heavy things on top, and smashed the pies in.

They upset salt over everything, and as for the butter! I never saw two men do more with one-and-twopence worth of butter in my whole life than they did. After George had got it off his slipper, they tried to put it in the kettle. It wouldn't go in, and what WAS in wouldn't come out. They did scrape it out at last, and put it down on a chair, and Harris sat on it, and it stuck to him, and they went looking for it all over the room.

"I'll take my oath I put it down on that chair," said George, staring at the empty seat.

минут вечера он был окончательно закрыт, и теперь предстояло только уложить корзинки с провизией. Гаррис сказал, что до отъезда осталось меньше полусуток и что ему с Джорджем, пожалуй, следует взять оставшуюся работу на себя. Я согласился и сел, а они принялись за дело.

Начали они весело, намереваясь, по-видимому, показать мне, как надо укладываться. Я не делал никаких замечаний, я просто ждал. Когда Джорджа повесят, Гаррис будет самым плохим укладчиком в мире. Я смотрел на груды тарелок, чашек, кастрюль, бутылок, банок, пирогов, спиртовок, бисквитов, помидоров и пр. и предвкушал великое наслаждение.

Надежды мои оправдались. Прежде всего Гаррис с Джорджем разбили чашку. Они сделали это лишь для того, чтобы показать, на что они способны, и вызвать к себе интерес.

Затем Гаррис положил банку с клубничным вареньем на помидор и раздавил его. Помидор пришлось извлекать чайной ложкой.

Затем настала очередь Джорджа, и он наступил на масло. Я не сказал ни слова, я только подошел ближе и, усевшись на край стола, наблюдал за ними. Я чувствовал, что это раздражает их больше, чем самые колкие слова. Они волновались, нервничали; они роняли то одно, то другое, без конца искали вещи, которые сами же перед тем ухитрялись спрятать. Они запихивали пироги на дно и клали тяжелые вещи сверху, так что пироги превращались в месиво.

Все, что возможно, они посыпали солью, а что касается масла, то я никогда не видел, чтобы два человека столько возились с куском масла стоимостью в четырнадцать пенсов. Когда Джордж отскреб масло от своей туфли, они попробовали запихнуть его в котелок. Но оно не входило, а то, что уже вошло, не хотело вылезать. Наконец они выскребли его оттуда и положили на стул, а Гаррис сел на этот стул, и масло прилипло к его брюкам, и они принялись его искать по всей комнате.

- Готов присягнуть, что я положил его на этот стул, - сказал Джордж, тараща глаза на пустое сиденье.

"I saw you do it myself, not a minute ago," said Harris.

Then they started round the room again looking for it; and then they met again in the centre, and stared at one another.

"Most extraordinary thing I ever heard of," said George.

"So mysterious!" said Harris.

Then George got round at the back of Harris and saw it.

"Why, here it is all the time," he exclaimed, indignantly.

"Where?" cried Harris, spinning round.

"Stand still, can't you!" roared George, flying after him.

And they got it off, and packed it in the teapot.

Montmorency was in it all, of course. Montmorency's ambition in life, is to get in the way and be sworn at. If he can squirm in anywhere where he particularly is not wanted, and be a perfect nuisance, and make people mad, and have things thrown at his head, then he feels his day has not been wasted.

To get somebody to stumble over him, and curse him steadily for an hour, is his highest aim and object; and, when he has succeeded in accomplishing this, his conceit becomes quite unbearable.

He came and sat down on things, just when they were wanted to be packed; and he laboured under the fixed belief that, whenever Harris or George reached out their hand for anything, it was his cold, damp nose that they wanted. He put his leg into the jam, and he worried the teaspoons, and he pretended that the lemons were rats, and got into the hamper and killed three of them before Harris could land him with the frying-pan.

Harris said I encouraged him. I didn't encourage him. A dog like that don't want any

- Я сам это видел минуту назад, - подтвердил Гаррис.

Они снова обошли всю комнату в поисках масла и, сойдясь посредине, уставились друг на друга.

- Это просто поразительно, - сказал Джордж.

- Настоящая загадка! - сказал Гаррис.

Наконец Джордж обошел вокруг Гарриса и увидел масло.

- Оно же все время было здесь! - с негодованием воскликнул Джордж.

- Где? - вскричал Гаррис, круто поворачиваясь на каблуках.

- Стой смирно! - завопил Джордж, устремляясь за Гаррисом.

Они отскребли масло от брюк и уложили его в чайник.

Монморенси, разумеется, принимал во всем этом участие. Жизненный идеал Монморенси состоит в том, чтобы всем мешать и выслушивать брань по своему адресу. Лишь бы втереться куда-нибудь, где его присутствие особенно нежелательно, всем надоест, довести людей до бешенства и заставить их швырять ему в голову разные предметы, - тогда он чувствует, что провел время с пользой.

Высшая цель и мечта этого пса - попасть кому-нибудь под ноги и заставить проклинать себя в течение целого часа. Когда ему это удастся, его самомнение становится совершенно нестерпимым.

Монморенси садился на разные предметы в тот самый момент, когда их нужно было укладывать, и не сомневался ни минуты, что, когда Гаррис или Джордж протягивают за чем-нибудь руку, им нужен его холодный, влажный нос. Он совал лапу в варенье, разбрасывал чайные ложки и делал вид, что думает, будто лимоны - это крысы. Ему удалось проникнуть в корзину и убить их целых три штуки, пока, наконец, Гаррис изловчился попасть в него сковородкой.

Гаррис сказал, что я науськиваю собаку. Я ее не науськивал. Такая собака не нуждается в

encouragement. It's the natural, original sin that is born in him that makes him do things like that.

The packing was done at 12.50; and Harris sat on the big hamper, and said he hoped nothing would be found broken. George said that if anything was broken it was broken, which reflection seemed to comfort him. He also said he was ready for bed. We were all ready for bed. Harris was to sleep with us that night, and we went upstairs.

We tossed for beds, and Harris had to sleep with me. He said:

"Do you prefer the inside or the outside, J.?"

I said I generally preferred to sleep INSIDE a bed. Harris said it was old.

George said: "What time shall I wake you fellows?"

Harris said: "Seven."

I said: "No - six," because I wanted to write some letters.

Harris and I had a bit of a row over it, but at last split the difference, and said half-past six.

"Wake us at 6.30, George," we said.

George made no answer, and we found, on going over, that he had been asleep for some time; so we placed the bath where he could tumble into it on getting out in the morning, and went to bed ourselves.

CHAPTER V

MRS. P. AROUSES US. - GEORGE, THE SLUGGARD. - THE "WEATHER FORECAST" SWINDLE. - OUR LUGGAGE. - DEPRAVITY OF THE SMALL BOY. - THE PEOPLE GATHER ROUND US. - WE DRIVE OFF IN GREAT STYLE, AND ARRIVE AT WATERLOO. - INNOCENCE OF SOUTH WESTERN OFFICIALS

науськивании. Ее толкает на все эти проделки врожденный инстинкт, так сказать, первородный грех.

В двенадцать пятьдесят укладка была окончена. Гаррис сел на корзину и выразил надежду, что ничто не окажется разбитым. Джордж заметил, что если чему-нибудь было суждено разбиться, то это уже случилось, и такое соображение, по-видимому, его утешило. Он добавил, что не прочь поспать. Мы все были не прочь поспать. Гаррис должен был ночевать у нас, и мы втроем поднялись наверх.

Мы кинули жребий, кому где спать, и вышло, что Гаррис ляжет со мной.

- Как ты больше любишь, Джей, - внутри или с краю? - спросил он.

Я ответил, что вообще предпочитаю спать внутри постели. Гаррис сказал, что это старо.

Джордж спросил: - В котором часу мне вас разбудить?

- В семь, - сказал Гаррис.

- Нет, в шесть, - сказал я. Мне хотелось еще написать несколько писем.

Мы с Гаррисом немного повздорили из-за этого, но в конце концов разделили спорный час пополам и сошлись на половине седьмого.

- Разбуди нас в шесть тридцать, Джордж, - сказали мы.

Ответа не последовало, и, подойдя к Джорджу, мы обнаружили, что он уже некоторое время спит. Мы поставили рядом с ним ванну, чтобы он мог утром вскочить в нее прямо с постели, и тоже легли спать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Миссис П. будит нас. Джордж - лентяй. Надувательство с предсказанием погоды. Наш багаж. Испорченный мальчишка. Вокруг нас собирается толпа. Мы торжественно отбываем и приезжаем на Ватерлооский вокзал. Блаженное неведение служащих Юго-западной дороги

CONCERNING SUCH WORLDLY THINGS AS TRAINS. - WE ARE AFLOAT, AFLOAT IN AN OPEN BOAT.

IT was Mrs. Poppets that woke me up next morning.

She said: "Do you know that it's nearly nine o'clock, sir?"

"Nine o' what?" I cried, starting up.

"Nine o'clock," she replied, through the keyhole. "I thought you was a- oversleeping yourselves."

I woke Harris, and told him. He said:

"I thought you wanted to get up at six?"

"So I did," I answered; "why didn't you wake me?"

"How could I wake you, when you didn't wake me?" he retorted. "Now we shan't get on the water till after twelve. I wonder you take the trouble to get up at all."

"Um," I replied, "lucky for you that I do. If I hadn't woke you, you'd have lain there for the whole fortnight."

We snarled at one another in this strain for the next few minutes, when we were interrupted by a defiant snore from George. It reminded us, for the first time since our being called, of his existence. There he lay - the man who had wanted to know what time he should wake us - on his back, with his mouth wide open, and his knees stuck up.

I don't know why it should be, I am sure; but the sight of another man asleep in bed when I am up, maddens me. It seems to me so shocking to see the precious hours of a man's life - the priceless moments that will never come back to him again - being wasted in mere brutish sleep.

There was George, throwing away in hideous sloth the inestimable gift of time; his valuable life, every second of which he would have to account for hereafter, passing away from him, unused. He might have been up stuffing himself

касательно столь суетных вопросов, как отправление поездов. По волнам, по волнам, мы плывем в открытой лодке!..

Разбудила меня на следующее утро миссис Попетс.

Она сказала: - Знаете ли вы, сэр, что уже девять часов?

- Девять чего? - закричал я, вскакивая.

- Девять часов, сэр, - ответила она через замочную скважину. - Я уже подумала, как бы вам не проспать.

Я разбудил Гарриса и сообщил ему, в чем дело. Он сказал:

- ты же хотел встать В шесть?

- Ну да, - ответил я. - Почему ты меня не разбудил?

- Как же я мог тебя разбудить, если ты не разбудил меня? - возразил Гаррис. - Теперь Мы попадем на реку не раньше двенадцати. Не понимаю, зачем ты вообще собрался вставать.

- Гм! Твое счастье! - заметил я. - Не разбуди я тебя, ты бы так и пролежал все две недели.

Мы еще несколько минут огрызались друг на друга, как вдруг нас прервал вызывающий храп Джорджа. Впервые с тех пор, как нас разбудили, этот звук напомнил нам о его существовании. Вот он лежит - тот, кто спрашивал, когда ему разбудить нас, лежит на спине, рот разинут, колени торчком.

Не знаю почему, но вид человека, который спит, когда я уже встал, приводит меня в неистовство. Меня возмущает, что драгоценные часы нашей жизни, эти чудесные мгновения, которые никогда уже не вернутся, бесцельно тратятся на скотский сон.

Вот и Джордж, поддавшись отвратительной лени, проматывает неоцененный дар времени, - его драгоценная жизнь, за каждую секунду которой ему придется впоследствии держать ответ, уходит от него неиспользованная. Он мог бы сейчас набивать свою утробу грудинкой с яйцами,

with eggs and bacon, irritating the dog, or flirting with the slavey, instead of sprawling there, sunk in soul-clogging oblivion.

It was a terrible thought. Harris and I appeared to be struck by it at the same instant. We determined to save him, and, in this noble resolve, our own dispute was forgotten. We flew across and slung the clothes off him, and Harris landed him one with a slipper, and I shouted in his ear, and he awoke. "Wasermarrer?" he observed, sitting up.

"Get up, you fat-headed chunk!" roared Harris. "It's quarter to ten."

"What!" he shrieked, jumping out of bed into the bath; "Who the thunder put this thing here?"

We told him he must have been a fool not to see the bath.

We finished dressing, and, when it came to the extras, we remembered that we had packed the tooth-brushes and the brush and comb (that tooth-brush of mine will be the death of me, I know), and we had to go downstairs, and fish them out of the bag. And when we had done that George wanted the shaving tackle. We told him that he would have to go without shaving that morning, as we weren't going to unpack that bag again for him, nor for anyone like him.

He said: "Don't be absurd. How can I go into the City like this?"

It was certainly rather rough on the City, but what cared we for human suffering? As Harris said, in his common, vulgar way, the City would have to lump it.

We went downstairs to breakfast. Montmorency had invited two other dogs to come and see him off, and they were whiling away the time by fighting on the doorstep. We calmed them with an umbrella, and sat down to chops and cold beef.

Harris said: "The great thing is to make a good breakfast," and he started with a couple of chops, saying that he would take these while they were hot, as the beef could wait.

дразнить пса или заигрывать с горничной, а он вместо того валяется здесь, погруженный в мертвящее душу забытие.

Это была ужасная мысль. И Гарриса и меня она, видимо, поразила одновременно. Мы решили спасти Джорджа, и это благородное намерение заставило нас забыть нашу размолвку. Мы ринулись к Джорджу и стянули с него одеяло. Гаррис отвесил ему шлепок туфлей, я крикнул ему в ухо, и Джордж проснулся. - Что такое? - спросил он, садясь на постели.

- Вставай, дубина ты этакая! - заорал Гаррис. - уже без четверти десять.

- Что? - взвизгнул Джордж, соскакивая с постели прямо в ванну. - Кто это, черт побери, поставил сюда эту гадость?

Мы сказали ему, что нужно быть дураком, чтобы не заметить ванны.

Мы кончили одеваться, но когда дело дошло до тонкостей туалета, оказалось, что зубные щетки и головная щетка с гребнем уложены. Эта зубная щетка когда-нибудь сведет меня в могилу. Пришлось идти вниз и выуживать их из чемодана. Когда мы с этим покончили, Джорджу вдруг понадобился бритвенный прибор. Мы сказали, что сегодня ему придется обойтись без бритья, так как мы не намерены еще раз развязывать чемодан для него или для кого-нибудь, ему подобного.

- Не говорите глупостей, - сказал Джордж. - как Я могу пойти В Сити В таком виде?

Это, конечно, было довольно жестоко по отношению к Сити, но что нам за дело до человеческих страданий? Как выразился со своей обычной пошлой грубостью Гаррис, Сити от этого не убудет.

Мы спустились завтракать. Монморенси пригласил еще двух собак проводить его, и они, чтобы скоротать время, дрались на ступеньках крыльца. Мы успокоила их зонтиком и принялись за котлеты и холодное мясо.

- Великое дело - хорошо позавтракать, - сказал Гаррис. Он начал с пары бараньих котлет, заявляя, что хочет съесть их, пока они горячие, а говядина может подождать.

George got hold of the paper, and read us out the boating fatalities, and the weather forecast, which latter prophesied "rain, cold, wet to fine" (whatever more than usually ghastly thing in weather that may be), "occasional local thunderstorms, east wind, with general depression over the Midland Counties (London and Channel). Bar. falling."

I do think that, of all the silly, irritating tomfoolishness by which we are plagued, this "weather-forecast" fraud is about the most aggravating. It "forecasts" precisely what happened yesterday or a the day before, and precisely the opposite of what is going to happen to-day.

I remember a holiday of mine being completely ruined one late autumn by our paying attention to the weather report of the local newspaper. "Heavy showers, with thunderstorms, may be expected to-day," it would say on Monday, and so we would give up our picnic, and stop indoors all day, waiting for the rain. - And people would pass the house, going off in wagonettes and coaches as jolly and merry as could be, the sun shining out, and not a cloud to be seen.

"Ah!" we said, as we stood looking out at them through the window, "won't they come home soaked!"

And we chuckled to think how wet they were going to get, and came back and stirred the fire, and got our books, and arranged our specimens of seaweed and cockle shells. By twelve o'clock, with the sun pouring into the room, the heat became quite oppressive, and we wondered when those heavy showers and occasional thunderstorms were going to begin.

"Ah! they'll come in the afternoon, you'll find," we said to each other. "Oh, WON'T those people get wet. What a lark!"

At one o'clock, the landlady would come in to ask if we weren't going out, as it seemed such a lovely day.

"No, no," we replied, with a knowing chuckle, "not we. WE don't mean to get wet - no, no."

And when the afternoon was nearly gone, and

"Джордж завладел газетой и прочитал нам сообщение о несчастных случаях с лодками и предсказание погоды, которое гласило: "Холод, дождь, с последующим прояснением (все, что может быть наиболее ужасного в области погоды); местами грозы; ветер восточный; общее понижение давления в районе центральных графств (до Лондона и Ламанша); барометр падает".

"По-моему, из всей той бессмысленной чепухи, которой досаждают нам жизнь, надувательство с "предсказанием погоды", пожалуй, наиболее неприятно." "Нам "предсказывают" в точности то, что произошло вчера или третьего дня, и совершенно противоположное тому, что произойдет сегодня."

Я припоминаю, как испортили прошлой осенью мой отпуск известия о погоде в местной газете. "Сегодня ожидаются ливни и проходящие грозы", - сообщала эта газета в понедельник, и мы отменяли намеченный пикник и сидели в комнате, ожидая дождя. А мимо нашего дома проезжали в колясках и шарабанах веселые, оживленные компании, солнце сияло вовсю, и на небе не было видно ни облачка."

- Ага, - говорили мы, стоя у окна и смотря на них. - Ну и промокнут же они сегодня!

Мы ухмылялись, думая о том, в каком виде они вернутся, и, усевшись у камина, помешивали огонь и приводили в порядок собранные нами образцы водорослей и ракушек. В полдень солнце заливало всю комнату; жара становилась невыносимой, и мы спрашивали себя, когда же, наконец, начнутся эти ливни и проходящие грозы.

- Увидите, они разразятся после обеда! - говорили мы друг другу. - Ну и вымочит же их там на пикнике. Вот забавно!

В час приходила хозяйка и спрашивала, не пойдем ли мы гулять, ведь на дворе такая хорошая погода.

- Нет, нет, - говорили мы, хитро улыбаясь. - Мы-то не пойдем. Нам не хочется вымокнуть - о нет!

- А когда день почти миновал и все еще не было и

still there was no sign of rain, we tried to cheer ourselves up with the idea that it would come down all at once, just as the people had started for home, and were out of the reach of any shelter, and that they would thus get more drenched than ever. But not a drop ever fell, and it finished a grand day, and a lovely night after it.

The next morning we would read that it was going to be a "warm, fine to set-fair day; much heat;" and we would dress ourselves in flimsy things, and go out, and, half-an-hour after we had started, it would commence to rain hard, and a bitterly cold wind would spring up, and both would keep on steadily for the whole day, and we would come home with colds and rheumatism all over us, and go to bed.

The weather is a thing that is beyond me altogether. I never can understand it. The barometer is useless: it is as misleading as the newspaper forecast.

There was one hanging up in a hotel at Oxford at which I was staying last spring, and, when I got there, it was pointing to "set fair." It was simply pouring with rain outside, and had been all day; and I couldn't quite make matters out. I tapped the barometer, and it jumped up and pointed to "very dry." The Boots stopped as he was passing, and said he expected it meant to-morrow. I fancied that maybe it was thinking of the week before last, but Boots said, No, he thought not.

I tapped it again the next morning, and it went up still higher, and the rain came down faster than ever. On Wednesday I went and hit it again, and the pointer went round towards "set fair," "very dry," and "much heat," until it was stopped by the peg, and couldn't go any further. It tried its best, but the instrument was built so that it couldn't prophesy fine weather any harder than it did without breaking itself. It evidently wanted to go on, and prognosticate drought, and water famine, and sunstroke, and simooms, and such things, but the peg prevented it, and it had to be content with pointing to the mere commonplace "very dry."

Meanwhile, the rain came down in a steady

признака дождя, мы пытались развеселить друг друга мыслью, что он начнется неожиданно, как раз в ту минуту, когда гуляющие тронутся в обратный путь и будут далеко от всякого жилья и промокнут до костей. Но с неба так и не упало ни капли, и этот великолепный день миновал, сменившись чудесным вечером.

"Наутро мы прочли, что будет "теплый, ясный день, жара". Мы оделись полегче и пошли гулять; через полчаса после того, как мы вышли, начался сильный дождь, поднялся резкий, холодный ветер. И то и другое продолжалось до вечера. Мы вернулись домой простуженные, с ревматизмом во всем теле, и легли спать."

Погода - выше моего разума. Я никогда не могу разобраться в ней. Барометр бесполезен. Он так же обманывает, как предсказания газет.

"В одной гостинице в Оксфорде, где я жил прошлой весной, висел барометр. Когда я приехал туда, он стоял на "ясно". На дворе лило как из ведра, и дождь продолжался целый день. Это было непонятно. "Я постучал по барометру, и стрелка перескочила на "великую сушь". Коридорный, проходивший мимо, остановился и сказал, что, по его мнению, имеется в виду завтрашний день. "Я решил, что, может быть, барометр вспоминает о прошлой неделе, но коридорный сказал: "Нет, не думаю"."

На другой день утром я снова постучал по барометру, и он поднялся еще выше. А дождь лил все сильнее и сильнее. "В среду я подошел и ударил его снова, и стрелка пошла кругом через "ясно", "жара" и "великая сушь", пока не остановилась у шпенька, не будучи в состоянии двинуться дальше." Она старалась, как могла, но инструмент был сделан на совесть и не мог предвещать хорошую погоду еще более энергично. "Ему явно хотелось идти дальше и предсказывать засуху, водяной голод, солнечный удар, самум и прочие подобные вещи, но шпенек препятствовал этому, и барометру пришлось удовольствоваться указанием на банальную "великую сушь"!"

torrent, and the lower part of the town was under water, owing to the river having overflowed.

Boots said it was evident that we were going to have a prolonged spell of grand weather SOME TIME, and read out a poem which was printed over the top of the oracle, about

"Long foretold, long last; Short notice, soon past."

The fine weather never came that summer. I expect that machine must have been referring to the following spring.

Then there are those new style of barometers, the long straight ones. I never can make head or tail of those. There is one side for 10 a.m. yesterday, and one side for 10 a.m. to-day; but you can't always get there as early as ten, you know. It rises or falls for rain and fine, with much or less wind, and one end is "Nly" and the other "Ely" (what's Ely got to do with it?), and if you tap it, it doesn't tell you anything. And you've got to correct it to sea-level, and reduce it to Fahrenheit, and even then I don't know the answer.

But who wants to be foretold the weather? It is bad enough when it comes, without our having the misery of knowing about it beforehand. The prophet we like is the old man who, on the particularly gloomy-looking morning of some day when we particularly want it to be fine, looks round the horizon with a particularly knowing eye, and says:

"Oh no, sir, I think it will clear up all right. It will break all right enough, sir."

"Ah, he knows", we say, as we wish him good-morning, and start off; "wonderful how these old fellows can tell!"

And we feel an affection for that man which is not at all lessened by the circumstances of its NOT clearing up, but continuing to rain steadily all day.

"Ah, well," we feel, "he did his best."

Между тем дождик лил потоками. Нижнюю часть города затопило, так как река вышла из берегов.

Коридорный сказал, что, очевидно, когда-нибудь наступит продолжительный период великолепной погоды, и прочитал стихи, написанные на верхней части прорицателя:

За долгий срок предскажешь - так долго и продлится, А скажешь незадолго - так быстро прекратится.

Хорошая погода так и не наступила в то лето. Я думаю, этот метеорологический прибор имел в виду будущую весну.

Существуют еще барометры новой формации - такие высокие, прямые. Я никогда не мог ничего в них разобрать. Одна сторона у них служит для десяти утра минувшего дня, другая для десяти утра на сегодня, но не всегда ведь удастся подойти к барометру так рано. Он поднимается и падает при дожде и хорошей погоде, с сильным или слабым ветром; на одном конце его стоит "Вос", на другом - "Сев" (при чем тут сев, скажите, пожалуйста?), а если его постучать, все равно ничего не узнаешь." Приходится еще вносить поправку на уровень моря и переводить градусы на шкалу Фаренгейта, и даже тогда не знаешь, чего следует ожидать.

Но кому нужно знать погоду заранее? И без того плохо, когда она портится, зачем же еще мучиться вперед? Прорицатель, приятный нам, - это старичок, который в какое-нибудь совсем уже мрачное утро, когда нам особенно необходима хорошая погода, опытным глазом оглядывает горизонт и говорит:

- О нет, сэр, я думаю, прояснится. Погода будет хорошая, сэр.

- Ну, он-то знает, - говорим мы, дружески прощаясь с ним и пускаясь в путь. - Удивительно, как эти старички знают все приметы.

И мы испытываем к этому человеку расположение, на которое несколько не влияет то обстоятельство, что погода не прояснилась и дождь непрерывно лил весь день.

"Он сделал все, что мог", - думаем мы."

For the man that prophesies us bad weather, on the contrary, we entertain only bitter and revengeful thoughts.

"Going to clear up, d'ye think?" we shout, cheerily, as we pass.

"Well, no, sir; I'm afraid it's settled down for the day," he replies, shaking his head.

"Stupid old fool!" we mutter, "what's HE know about it?" And, if his portent proves correct, we come back feeling still more angry against him, and with a vague notion that, somehow or other, he has had something to do with it.

It was too bright and sunny on this especial morning for George's blood- curdling readings about "Bar. falling," "atmospheric disturbance, passing in an oblique line over Southern Europe," and "pressure increasing," to very much upset us: and so, finding that he could not make us wretched, and was only wasting his time, he sneaked the cigarette that I had carefully rolled up for myself, and went.

Then Harris and I, having finished up the few things left on the table, carted out our luggage on to the doorstep, and waited for a cab.

There seemed a good deal of luggage, when we put it all together. There was the Gladstone and the small hand-bag, and the two hampers, and a large roll of rugs, and some four or five overcoats and macintoshes, and a few umbrellas, and then there was a melon by itself in a bag, because it was too bulky to go in anywhere, and a couple of pounds of grapes in another bag, and a Japanese paper umbrella, and a frying pan, which, being too long to pack, we had wrapped round with brown paper.

It did look a lot, and Harris and I began to feel rather ashamed of it, though why we should be, I can't see. No cab came by, but the street boys did, and got interested in the show, apparently, and stopped.

Biggs's boy was the first to come round. Biggs is our greengrocer, and his chief talent lies in

К человеку же, который предвещает плохую погоду, мы, наоборот, питаем самые злобные, мстительные чувства.

- Ну как, по-вашему, прояснится? - весело кричим мы ему, проезжая мимо.

- Нет, сэр. Боюсь, что дождь зарядил на весь день, - отвечает он, качая головой.

- Старый дурак! - бормочем мы про себя. - Много он понимает! - И если его пророчества сбываются, мы, возвращаясь домой, еще больше злимся на него, думая про себя, что и он тоже отчасти тут виноват.

"В день нашего отъезда было слишком ясно и солнечно, чтобы леденящие кровь сообщения Джорджа о "падении барометра", о "циклонах, проходящих над южной частью Европы", и "усиливающимся давлении" могли особенно нас расстроить. Видя, что он не в силах нагнать на нас уныние и только попусту тратит время, Джордж стащил папироску, которую я так любовно скрутил для себя, и ушел."

После этого мы с Гаррисом, прикончив то небольшое, что оставалось на столе, вынесли наши пожитки на крыльцо и стали ждать извозчика.

Когда весь багаж сложили вместе, его оказалось достаточно. Большой чемодан, ручной сак, две корзины, объемистый сверток пледов, четыре или пять плащей и накидок, столько же зонтиков, дыня в отдельном мешке (она была слишком громоздкой и ее некуда было засунуть), фунта два винограду (тоже в отдельном мешке), японский бумажный зонтик и сковорода. Она оказалась чересчур длинной, чтобы уложить ее куда-нибудь, и мы просто завернули ее в бумагу.

В общем, вещей на вид было довольно много, и мы с Гаррисом чувствовали себя несколько смущенно, хотя я сам не понимал, чего нам было стыдиться. Вблизи не было видно ни одного экипажа. Зато уличных мальчишек было сколько угодно. Зрелище, видимо, заинтересовало их, и они начали останавливаться.

Первым к нам подошел Биггсов мальчишка. Биггс - это наш зеленщик. Его главный талант заключается в том, что он где-то выкапывает и

securing the services of the most abandoned and unprincipled errand-boys that civilisation has as yet produced. If anything more than usually villainous in the boy-line crops up in our neighbourhood, we know that it is Biggs's latest. I was told that, at the time of the Great Coram Street murder, it was promptly concluded by our street that Biggs's boy (for that period) was at the bottom of it, and had he not been able, in reply to the severe cross-examination to which he was subjected by No. 19, when he called there for orders the morning after the crime (assisted by No. 21, who happened to be on the step at the time), to prove a complete ALIBI, it would have gone hard with him. I didn't know Biggs's boy at that time, but, from what I have seen of them since, I should not have attached much importance to that ALIBI myself.

Biggs's boy, as I have said, came round the corner. He was evidently in a great hurry when he first dawned upon the vision, but, on catching sight of Harris and me, and Montmorency, and the things, he eased up and stared. Harris and I frowned at him. This might have wounded a more sensitive nature, but Biggs's boys are not, as a rule, touchy. He came to a dead stop, a yard from our step, and, leaning up against the railings, and selecting a straw to chew, fixed us with his eye. He evidently meant to see this thing out.

In another moment, the grocer's boy passed on the opposite side of the street. Biggs's boy hailed him:

"Hi! ground floor o' 42's a-moving."

The grocer's boy came across, and took up a position on the other side of the step. Then the young gentleman from the boot-shop stopped, and joined Biggs's boy; while the empty-can superintendent from "The Blue Posts" took up an independent position on the curb.

"They ain't a-going to starve, are they?" said the gentleman from the boot-shop.

"Ah! you'd want to take a thing or two with YOU," retorted "The Blue Posts," "if you was a-going to cross the Atlantic in a small boat."

"They ain't a-going to cross the Atlantic," struck

берет к себе на работу самых распущенных и безнравственных мальчишек, каких только создала цивилизация. Если по соседству случалась какая-нибудь особенно гнусная шалость, мы так уже и знали, что это натворил последний Биггсов мальчишка. Говорят, что, когда произошло убийство на Грейт-Корам-стрит, все обитатели нашего квартала быстро пришли к заключению, что это дело рук тогдашнего Биггсова мальчишки. Не будь он в состоянии доказать свое полное алиби при строгом допросе, которому его подверг жилец дома No 19, когда он зашел за заказами (в допросе участвовал и No 21, который в это время случайно оказался на крыльце), Биггсову мальчишке пришлось бы круто. "Я в то время не знал этого мальчика, но, судя по поведению его преемников, я не придал бы особого значения этому "алиби".

Как я уже сказал, Биггсов мальчишка вышел из-за угла. Он, видимо, очень спешил, когда впервые появился в поле нашего зрения, но, заметив нас с Гаррисом, Монморенси и наши вещи, сбавил ход и устоял на нас. Мы с Гаррисом сурово посмотрели на него. Это могло бы обидеть более чуткое существо, но мальчишки от Биггса, как правило, не отличаются чувствительностью. Он остановился на расстоянии ярда от наших дверей, выбрал себе соломинку для жеванья и, опершись на перила, устремил на нас глаза. По-видимому, он решил досмотреть весь спектакль до конца.

Через минуту на другой стороне улицы появился мальчик от бакалейщика. Биггсов мальчишка крикнул ему:

- Эй, нижние из сорок второго переезжают!

Мальчик от бакалейщика перешел через дорогу и занял позицию с другой стороны крыльца. Потом возле Биггсова мальчишки остановился молодой человек из сапожного магазина, а надсмотрщик за пустыми жестянками из "Голубого столба" занял самостоятельную позицию у обочины."

- Они, видать, не помрут с голоду, а? - заметил юноша из сапожного магазина.

"- Ты бы тоже небось захватил с собой кое-что, если бы вздумал переплыть океан на маленькой лодочке, - возразил "Голубой столб".

- Они не собираются переплывать океан, они будут искать Стэнли [Стэнли Генри Мортон (1841

in Biggs's boy; "they're a-going to find Stanley."

By this time, quite a small crowd had collected, and people were asking each other what was the matter. One party (the young and giddy portion of the crowd) held that it was a wedding, and pointed out Harris as the bridegroom; while the elder and more thoughtful among the populace inclined to the idea that it was a funeral, and that I was probably the corpse's brother.

At last, an empty cab turned up (it is a street where, as a rule, and when they are not wanted, empty cabs pass at the rate of three a minute, and hang about, and get in your way), and packing ourselves and our belongings into it, and shooting out a couple of Montmorency's friends, who had evidently sworn never to forsake him, we drove away amidst the cheers of the crowd, Biggs's boy shying a carrot after us for luck.

We got to Waterloo at eleven, and asked where the eleven-five started from. Of course nobody knew; nobody at Waterloo ever does know where a train is going to start from, or where a train when it does start is going to, or anything about it. The porter who took our things thought it would go from number two platform, while another porter, with whom he discussed the question, had heard a rumour that it would go from number one. The station-master, on the other hand, was convinced it would start from the local.

To put an end to the matter, we went upstairs, and asked the traffic superintendent, and he told us that he had just met a man, who said he had seen it at number three platform. We went to number three platform, but the authorities there said that they rather thought that train was the Southampton express, or else the Windsor loop. But they were sure it wasn't the Kingston train, though why they were sure it wasn't they couldn't say.

Then our porter said he thought that must be it on the high-level platform; said he thought he

- 1904) - англичанин, исследователь Африки], - вмешался Биггсов мальчишка.

К этому времени вокруг нас собралась целая толпа, и люди спрашивали друг друга, что случилось. Некоторые (юная и легкомысленная часть присутствующих) придерживались мнения, что это свадьба, и указывали на Гарриса как на жениха. Более пожилые и серьезные люди склонялись к мысли, что происходят похороны и что я, по всей вероятности, брат покойника.

"Наконец показался пустой кэб (на нашей улице пустые кэбы, когда они не нужны, попадают, как правило, по три в минуту). Мы кое-как втиснули в него наши вещи и самих себя, сбросив со ступенек нескольких друзей Монморенси, которые, видимо, дали клятву никогда не расставаться с ним, и поехали, сопровождаемые приветственными кликами толпы и морковкой, которую Биггсов мальчишка пустил нам вслед "на счастье"."

В одиннадцать часов мы приехали на Ватерлооский вокзал и спросили, откуда отправляется поезд 11.05. Никто, разумеется, этого не знал. На Ватерлооском вокзале никто никогда не знает, откуда отходит какой-нибудь поезд, куда он идет, если уже отошел, и тому подобное. Носильщик, несший наши вещи, высказал предположение, что он отойдет с платформы No 2. Но другой носильщик, с которым он обсуждал этот вопрос, имел сведения, будто наш поезд тронется с платформы No 1. Дежурный по вокзалу, со своей стороны, был уверен, что поезд 11.05 отправляется с пригородной платформы.

Чтобы покончить с этим вопросом, мы поднялись наверх и спросили начальника движения. Он сказал, что только что встретил человека, который говорил, будто видел наш поезд на третьей платформе. Мы пошли на третью платформу, но местные власти сообщили нам, что, по их мнению, это был скорее саутгемптонский экспресс или же кольцевой виндзорский. Там были твердо убеждены, что это не поезд на Кингстон, хотя и не могли сказать, почему именно они в этом уверены.

Тогда носильщик сказал, что наш поезд, вероятно, на верхней платформе и что он узнает этот поезд.

knew the train. So we went to the high-level platform, and saw the engine-driver, and asked him if he was going to Kingston. He said he couldn't say for certain of course, but that he rather thought he was. Anyhow, if he wasn't the 11.5 for Kingston, he said he was pretty confident he was the 9.32 for Virginia Water, or the 10 a.m. express for the Isle of Wight, or somewhere in that direction, and we should all know when we got there. We slipped half-a-crown into his hand, and begged him to be the 11.5 for Kingston.

"Nobody will ever know, on this line," we said, "what you are, or where you're going. You know the way, you slip off quietly and go to Kingston."

"Well, I don't know, gents," replied the noble fellow, "but I suppose SOME train's got to go to Kingston; and I'll do it. Gimme the half-crown."

Thus we got to Kingston by the London and South-Western Railway.

We learnt, afterwards, that the train we had come by was really the Exeter mail, and that they had spent hours at Waterloo, looking for it, and nobody knew what had become of it.

Our boat was waiting for us at Kingston just below bridge, and to it we wended our way, and round it we stored our luggage, and into it we stepped.

"Are you all right, sir?" said the man.

"Right it is," we answered; and with Harris at the sculls and I at the tiller-lines, and Montmorency, unhappy and deeply suspicious, in the prow, out we shot on to the waters which, for a fortnight, were to be our home.

CHAPTER VI

KINGSTON. - INSTRUCTIVE REMARKS ON EARLY ENGLISH HISTORY. - INSTRUCTIVE OBSERVATIONS ON CARVED OAK AND LIFE IN GENERAL. - SAD CASE OF STIVVINGS, JUNIOR. - MUSINGS ON ANTIQUITY. - I FORGET THAT I AM STEERING. -

Мы отправились на верхнюю платформу, пошли к машинисту и спросили его, не едет ли он в Кингстон. Машинист ответил, что он, конечно, не может утверждать наверняка, но думает, что едет; во всяком случае, если он не 11.05 на Кингстон, то он уже наверное 9.32 на Виргиния-Уотер, или десятичасовой экспресс на остров Уайт, или куда-нибудь в этом направлении и что мы все узнаем, когда приедем на место. Мы сунули ему в руку полкроны и попросили его сделаться 11.05 на Кингстон.

- Ни одна душа на этой линии никогда не узнает, кто вы и куда вы направляетесь, - сказали мы. - Вы знаете дорогу, так трогайтесь потихоньку и езжайте в Кингстон.

- Ну что ж, джентльмены, - ответил этот благородный человек. - Должен же какой-нибудь поезд идти в Кингстон. Я согласен. Давайте сюда полкроны.

Так мы попали в Кингстон по Лондонской Юго-западной железной дороге.

Впоследствии мы узнали, что поезд, который нас привез, был на самом деле экзетерский почтовый и что на Ватерлооском вокзале несколько часов искали его, и никто не знал, что с ним случилось.

Наша лодка ожидала нас в Кингстоне, чуть ниже моста. Мы направили к ней свои стопы, погрузили в нее свои вещи, заняли в ней каждый свое место.

- Все в порядке, сэр? - спросил лодочник.

- Все в порядке! - ответили мы и, - Гаррис на веслах, я на руле и Монморенси, глубоко несчастный и полный самых мрачных подозрений, на носу, - поплыли по реке, которая на ближайшие две недели должна была стать нашим домом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кингстон. Полезные сведения из ранней истории Англии. Поучительные рассуждения о резном дубе и о жизни вообще. Печальная судьба Стиввингса-младшего. Размышления о древности. Я забываю, что правлю рулем. Интересные

INTERESTING RESULT. - HAMPTON COURT MAZE. - HARRIS AS A GUIDE.

IT was a glorious morning, late spring or early summer, as you care to take it, when the dainty sheen of grass and leaf is blushing to a deeper green; and the year seems like a fair young maid, trembling with strange, wakening pulses on the brink of womanhood.

The quaint back streets of Kingston, where they came down to the water's edge, looked quite picturesque in the flashing sunlight, the glinting river with its drifting barges, the wooded towpath, the trim-kept villas on the other side, Harris, in a red and orange blazer, grunting away at the sculls, the distant glimpses of the grey old palace of the Tudors, all made a sunny picture, so bright but calm, so full of life, and yet so peaceful, that, early in the day though it was, I felt myself being dreamily lulled off into a musing fit.

I mused on Kingston, or "Kynningestun," as it was once called in the days when Saxon "kings" were crowned there. Great Caesar crossed the river there, and the Roman legions camped upon its sloping uplands. Caesar, like, in later years, Elizabeth, seems to have stopped everywhere: only he was more respectable than good Queen Bess; he didn't put up at the public-houses.

She was nuts on public-houses, was England's Virgin Queen. There's scarcely a pub. of any attractions within ten miles of London that she does not seem to have looked in at, or stopped at, or slept at, some time or other. I wonder now, supposing Harris, say, turned over a new leaf, and became a great and good man, and got to be Prime Minister, and died, if they would put up signs over the public-houses that he had patronised: "Harris had a glass of bitter in this house;" "Harris had two of Scotch cold here in the summer of '88;" "Harris was chucked from here in December, 1886."

No, there would be too many of them! It would be the houses that he had never entered that would become famous. "Only house in South London that Harris never had a drink in!" The

последствия этого. Хэмптон-Кортский лабиринт. Гаррис в роли проводника.

Стояло великолепное утро в конце весны или в начале лета - как вам больше нравится, - когда нежная зелень травы и листьев приобретает более темный оттенок и природа, словно юная красавица, готовая превратиться в женщину, охвачена непонятным, тревожным трепетом.

Старинные переулки Кингстона, спускающиеся к реке, выглядели очень живописно в ярких лучах солнца; сверкающая река, усеянная скользящими лодками, окаймленная лесом дорога, изящные виллы на другом берегу, Гаррис в своей красной с оранжевым фуфайке, с кряхтением взмахивающий веслами, старый серый замок Тюдоров, мелькающий вдалеке, - представляли яркую картину, веселую, но спокойную, полную жизни, но в то же время столь мирную, что, хотя было еще рано, меня охватила мечтательная дремота и я впал в задумчивость.

Я думал о Кингстоне, или "Кинингестуне", как его называли некогда, в те дни, когда саксонские "кинги" - короли - короновались в этом городе." Великий Цезарь перешел здесь реку, и римские легионы стояли лагерем на склонах ближних холмов. Цезарь, как впоследствии Елизавета, останавливался, по-видимому, всюду, но только он был человек более строгих правил, чем добрая королева Бесс, - он не ночевал в трактирах.

Она обожала трактиры, эта королева-девственница! Едва ли найдется хоть один сколько-нибудь замечательный кабачок на десять миль вокруг Лондона, где бы она когда-нибудь не побывала или не провела ночь. Я часто спрашиваю себя: если, допустим, Гаррис начнет новую жизнь, станет достойным и знаменитым человеком, попадет в премьер-министры и умрет, прибудут ли на трактирах, которые он почтил своим посещением, доски с надписью: "В этом доме Гаррис выпил стакан пива"; "Здесь Гаррис выпил две рюмки холодного шотландского летом 88 года"; "Отсюда Гарриса вытолкали в декабре 1886 года"?"

Нет, таких досок было бы слишком много. Прославились бы скорее те трактиры, в которые Гаррис ни разу не заходил. "Единственный кабачок в южной части Лондона, где Гаррис не выпил ни одной рюмки". Публика валом валила

people would flock to it to see what could have been the matter with it.

How poor weak-minded King Edwy must have hated Kyningestun! The coronation feast had been too much for him. Maybe boar's head stuffed with sugar-plums did not agree with him (it wouldn't with me, I know), and he had had enough of sack and mead; so he slipped from the noisy revel to steal a quiet moonlight hour with his beloved Elgiva.

Perhaps, from the casement, standing hand-in-hand, they were watching the calm moonlight on the river, while from the distant halls the boisterous revelry floated in broken bursts of faint-heard din and tumult.

Then brutal Odo and St. Dunstan force their rude way into the quiet room, and hurl coarse insults at the sweet-faced Queen, and drag poor Edwy back to the loud clamour of the drunken brawl.

Years later, to the crash of battle-music, Saxon kings and Saxon revelry were buried side by side, and Kingston's greatness passed away for a time, to rise once more when Hampton Court became the palace of the Tudors and the Stuarts, and the royal barges strained at their moorings on the river's bank, and bright-cloaked gallants swaggered down the water-steps to cry: "What Ferry, ho! Gadzooks, gramercy."

Many of the old houses, round about, speak very plainly of those days when Kingston was a royal borough, and nobles and courtiers lived there, near their King, and the long road to the palace gates was gay all day with clanking steel and prancing palfreys, and rustling silks and velvets, and fair faces. The large and spacious houses, with their oriel, latticed windows, their huge fireplaces, and their gabled roofs, breathe of the days of hose and doublet, of pearl-embroidered stomachers, and complicated oaths. They were upraised in the days "when men knew how to build." The hard red bricks have only grown more firmly set with time, and their oak stairs do not creak and grunt when you try to go down them quietly.

Speaking of oak staircases reminds me that

бы в это заведение, чтобы посмотреть, что в нем такого особенного.

Как бедный, слабоумный король Эдви должен был ненавидеть Кинингестун! Пиршество после коронации оказалось ему не по силам. Может быть, кабанья голова, начиненная леденцами, не очень ему нравилась (мне бы она наверняка пришлась не по вкусу) и он выпил достаточно браги и меду, - как бы то ни было, он покинул шумный пир, чтобы украдкой погулять часок при свете луны со своей возлюбленной Эльдживой.

Быть может, стоя рука об руку, они любовались из окна игрой лунного света на реке, внимая шуму пиршества, смутно доносившемуся из отдаленных покоев.

Затем буйный Одо и Сент-Дустен грубо врываются в тихую комнату, осыпая ругательствами ясноликую королеву, и уводят бедного Эдви к разгулявшимся пьяным крикунам.

Через много лет под грохот боевой музыки саксонские короли и саксонские пирушки были погребены в одной могиле. И слава Кингстона померкла на время, чтобы снова засиять в те дни, когда Хэмптон-Корт сделался резиденцией Тюдоров и Стюартов, и королевские лодки покачивались у причалов, и юные щеголи в разноцветных плащах сходили по ступеням к воде и громко звали перевозчиков.

Многие старые дома в городе напоминают о том времени, когда Кингстон был местопребыванием двора и вельможи и сановники жили там, вблизи своего короля. На длинной дороге, ведущей к дворцовым воротам, целый день весело бряцала сталь, ржали гордые кони, шелестели шелк и атлас и мелькали прекрасные лица. Большие, просторные дома с их решетчатыми окнами, громадными каминами и стрельчатыми крышами напоминают времена длинных чулок и камзолов, шитых жемчугом жилетов и замысловатых клять. Люди, которые возвели эти дома, умели строить. Твердый красный кирпич от времени стал лишь крепче, а дубовые лестницы не скрипят и не стонут, когда вы пытаетесь спуститься по ним бесшумно.

Кстати о дубовых лестницах. В одном доме в

there is a magnificent carved oak staircase in one of the houses in Kingston. It is a shop now, in the market-place, but it was evidently once the mansion of some great personage. A friend of mine, who lives at Kingston, went in there to buy a hat one day, and, in a thoughtless moment, put his hand in his pocket and paid for it then and there.

The shopman (he knows my friend) was naturally a little staggered at first; but, quickly recovering himself, and feeling that something ought to be done to encourage this sort of thing, asked our hero if he would like to see some fine old carved oak. My friend said he would, and the shopman, thereupon, took him through the shop, and up the staircase of the house. The balusters were a superb piece of workmanship, and the wall all the way up was oak-panelled, with carving that would have done credit to a palace.

From the stairs, they went into the drawing-room, which was a large, bright room, decorated with a somewhat startling though cheerful paper of a blue ground. There was nothing, however, remarkable about the apartment, and my friend wondered why he had been brought there. The proprietor went up to the paper, and tapped it. It gave forth a wooden sound.

"Oak," he explained. "All carved oak, right up to the ceiling, just the same as you saw on the staircase."

"But, great Caesar! man," expostulated my friend; "you don't mean to say you have covered over carved oak with blue wall-paper?"

"Yes," was the reply: "it was expensive work. Had to match-board it all over first, of course. But the room looks cheerful now. It was awful gloomy before."

I can't say I altogether blame the man (which is doubtless a great relief to his mind). From his point of view, which would be that of the average householder, desiring to take life as lightly as possible, and not that of the old-curiosity-shop maniac, there is reason on his side. Carved oak is very pleasant to look at, and

Кингстоне есть замечательная лестница из резного дуба. Теперь в этом доме, на рыночной площади, помещается лавка, но некогда в нем, очевидно, жил какой-нибудь вельможа. Мой приятель, живущий в Кингстоне, однажды зашел туда, чтобы купить себе шляпу, и в минуту рассеянности опустил руку в карман и тут же на месте заплатил наличными.

Лавочник (он знаком с моим приятелем), естественно, был сначала несколько потрясен, но быстро взял себя в руки и, чувствуя, что необходимо что-нибудь сделать, чтобы поддержать такие стремления, спросил нашего героя, не желает ли он полюбоваться на красивый резной дуб. Мой приятель согласился, и лавочник провел его через магазин и поднялся с ним по лестнице. Перила ее представляют замечательный образец столярного мастерства, а стены вдоль всей лестницы покрыты дубовыми панелями с резьбой, которая сделала бы честь любому дворцу.

С лестницы они вошли в гостиную - большую, светлую комнату, оклеенную несколько неожиданными, но веселенькими обоями голубого цвета. В комнате не было, однако, ничего особенно замечательного, и мой приятель не понимал, зачем его туда привели. Хозяин дома подошел к обоям и постучал об стену. Звук получился деревянный.

- Дуб, - объяснил лавочник. - Сплошь резной дуб, до самого потолка. Такой же, как вы видели на лестнице.

- Черт возьми! - возмутился мой приятель. - Неужели вы хотите сказать, что заклеили резной дуб голубыми обоями?

- Конечно, - последовал ответ. - И это обошлось мне недешево. Ведь сначала пришлось обшить стены досками. Но зато комната имеет веселый вид. Раньше здесь было ужасно мрачно.

Не могу сказать, чтобы я считал лавочника кругом виноватым (это несомненно доставляет ему большое облегчение). С его точки зрения - с точки зрения среднего домовладельца, стремящегося относиться к жизни как можно легче, а не какого-нибудь помешанного на старине чудака - поступок его имеет известный смысл. На резной дуб очень приятно смотреть,

to have a little of, but it is no doubt somewhat depressing to live in, for those whose fancy does not lie that way. It would be like living in a church.

No, what was sad in his case was that he, who didn't care for carved oak, should have his drawing-room panelled with it, while people who do care for it have to pay enormous prices to get it. It seems to be the rule of this world. Each person has what he doesn't want, and other people have what he does want.

Married men have wives, and don't seem to want them; and young single fellows cry out that they can't get them. Poor people who can hardly keep themselves have eight hearty children. Rich old couples, with no one to leave their money to, die childless.

Then there are girls with lovers. The girls that have lovers never want them. They say they would rather be without them, that they bother them, and why don't they go and make love to Miss Smith and Miss Brown, who are plain and elderly, and haven't got any lovers? They themselves don't want lovers. They never mean to marry.

It does not do to dwell on these things; it makes one so sad.

There was a boy at our school, we used to call him Sandford and Merton. His real name was Stivvings. He was the most extraordinary lad I ever came across. I believe he really liked study. He used to get into awful rows for sitting up in bed and reading Greek; and as for French irregular verbs there was simply no keeping him away from them. He was full of weird and unnatural notions about being a credit to his parents and an honour to the school; and he yearned to win prizes, and grow up and be a clever man, and had all those sorts of weak-minded ideas. I never knew such a strange creature, yet harmless, mind you, as the babe unborn.

приятно даже иметь его у себя дома в небольшом количестве. Но нельзя отрицать, что пребывание среди сплошного резного дуба действует несколько угнетающе на людей, которые к этому не расположены. Это все равно что жить в церкви.

Печально во всей этой истории лишь то, что у лавочника, которого это ничуть не радовало, была целая гостиная, обшитая резным дубом, в то время как другие платят огромные деньги, чтобы его раздобыть. По-видимому, в жизни всегда так бывает. У одного человека есть то, что ему не нужно, а другие обладают тем, что он хотел бы иметь.

Женатые имеют жен и, видимо, не дорожат ими, а молодые холостяки кричат, что не могут найти жену. У бедняков, которые и себя-то едва могут прокормить, бывает по восемь штук веселых ребят, а богатые пожилые супруги умирают бездетными и не знают, кому оставить свои деньги.

Или вот, например, барышни и поклонники. Барышни, у которых они есть, уверяют, что не нуждаются в них. Они говорят, что предпочли бы обходиться без них, что молодые люди им надоели. Почему бы им не поухаживать, за мисс Смит или мисс Браун, которые стары и дурны и не имеют поклонников? Им самим поклонники не нужны. Они не собираются выходить замуж.

Грустно становится, когда думаешь о подобных вещах!

"У нас в школе был один мальчик, которого мы называли Сэндфорд и Мертон. ["Сэндфорд и Мертон" - нравоучительная детская книжка Томаса Дэя (1783) про плохого богатого мальчика Томми Мертон и хорошего бедного мальчика Гарри Сэндфорда.] Настоящая его фамилия была Стиввингс." Я никогда не встречал более удивительного мальчика. Он действительно любил учиться. С ним происходили ужасные неприятности из-за того, что он читал в постели по-гречески, а что касается французских неправильных глаголов, то его просто невозможно было оторвать от них. У него была целая куча странных и противоестественных предрассудков, вроде того, что он должен делать честь своим родителям и служить украшением школы; он жаждал получать награды, скорее вырасти и стать умным, и вообще он был начинен разными

Well, that boy used to get ill about twice a week, so that he couldn't go to school. There never was such a boy to get ill as that Sandford and Merton. If there was any known disease going within ten miles of him, he had it, and had it badly. He would take bronchitis in the dog-days, and have hay-fever at Christmas. After a six weeks' period of drought, he would be stricken down with rheumatic fever; and he would go out in a November fog and come home with a sunstroke.

They put him under laughing-gas one year, poor lad, and drew all his teeth, and gave him a false set, because he suffered so terribly with toothache; and then it turned to neuralgia and ear-ache. He was never without a cold, except once for nine weeks while he had scarlet fever; and he always had chilblains. During the great cholera scare of 1871, our neighbourhood was singularly free from it. There was only one reputed case in the whole parish: that case was young Stivvings.

He had to stop in bed when he was ill, and eat chicken and custards and hot-house grapes; and he would lie there and sob, because they wouldn't let him do Latin exercises, and took his German grammar away from him.

And we other boys, who would have sacrificed ten terms of our school-life for the sake of being ill for a day, and had no desire whatever to give our parents any excuse for being stuck-up about us, couldn't catch so much as a stiff neck. We fooled about in draughts, and it did us good, and freshened us up; and we took things to make us sick, and they made us fat, and gave us an appetite. Nothing we could think of seemed to make us ill until the holidays began. Then, on the breaking-up day, we caught colds, and whooping cough, and all kinds of disorders, which lasted till the term recommenced; when, in spite of everything we could manoeuvre to the contrary, we would get suddenly well again, and be better than ever.

Such is life; and we are but as grass that is cut down, and put into the oven and baked.

дурацкими идеями. Да, это был диковинный мальчик, притом безобидный, как неродившийся младенец.

Ну, так вот этот мальчик раза два в неделю заболел и не мог ходить в школу. Ни один школьник не умел так хворать, как этот самый Сэндфорд и Мертон. Если за десять миль от него появлялась какая-нибудь болезнь, он схватывал ее, и притом в тяжелой ферме. Он болел бронхитом в самый разгар лета и сенной лихорадкой на рождество. После шестинедельной засухи он вдруг сваливался, пораженный ревматизмом, а выйдя из дому в ноябрьский туман, падал от солнечного удара.

В каком-то году беднягу усыпили веселящим газом, вырвали у него все зубы и поставили ему две фальшивые челюсти, до того он мучился зубной болью. Потом она сменилась невралгией и колющим в ухе. Он всегда страдал насморком, кроме тех девяти недель, когда болел скарлатиной, и вечно что-нибудь отмораживал. В большую эпидемию холеры в 1871 году в нашей округе почему-то совсем не было заболеваний. Известен был только один больной во всем приходе - это был молодой Стиввингс.

Когда он болел, ему приходилось оставаться в кровати и есть цыплят, яблоки и виноград, а он лежал и плакал, что у него отнимают немецкую грамматику и не позволяют делать латинские упражнения.

А мы, мальчишки, охотно бы пожертвовали десять лет школьной жизни за то, чтобы проболеть один день, и не давали нашим родителям ни малейшего повода гордиться нами, - и все-таки не болели. Мы бегали и шалили на сквозняке, но это приносило нам лишь пользу и освежало нас. Мы ели разные вещи, чтобы захворать, но только жирели и приобретали аппетит. Что бы мы ни придумали, заболеть не удавалось, пока не наступали каникулы. Зато в последний день учения мы схватывали простуду, коклюш и всевозможные другие недуги, которые длились до начала следующей четверти. А тогда, какие бы ухищрения мы ни пускали в ход, здоровье вдруг возвращалось, и мы чувствовали себя лучше, чем когда-либо.

Такова жизнь, и мы все - только трава, которую срезают, кладут в печь и жгут.

To go back to the carved-oak question, they must have had very fair notions of the artistic and the beautiful, our great-great-grandfathers. Why, all our art treasures of to-day are only the dug-up commonplaces of three or four hundred years ago. I wonder if there is real intrinsic beauty in the old soup-plates, beer-mugs, and candle-snuffers that we prize so now, or if it is only the halo of age glowing around them that gives them their charms in our eyes. The "old blue" that we hang about our walls as ornaments were the common every-day household utensils of a few centuries ago; and the pink shepherds and the yellow shepherdesses that we hand round now for all our friends to gush over, and pretend they understand, were the unvalued mantel-ornaments that the mother of the eighteenth century would have given the baby to suck when he cried.

Will it be the same in the future? Will the prized treasures of to-day always be the cheap trifles of the day before? Will rows of our willow-pattern dinner-plates be ranged above the chimneypieces of the great in the years 2000 and odd? Will the white cups with the gold rim and the beautiful gold flower inside (species unknown), that our Sarah Janes now break in sheer light-heartedness of spirit, be carefully mended, and stood upon a bracket, and dusted only by the lady of the house?

That china dog that ornaments the bedroom of my furnished lodgings. It is a white dog. Its eyes blue. Its nose is a delicate red, with spots. Its head is painfully erect, its expression is amiability carried to verge of imbecility. I do not admire it myself. Considered as a work of art, I may say it irritates me. Thoughtless friends jeer at it, and even my landlady herself has no admiration for it, and excuses its presence by the circumstance that her aunt gave it to her.

But in 200 years' time it is more than probable that that dog will be dug up from somewhere or other, minus its legs, and with its tail broken, and will be sold for old china, and put in a glass cabinet. And people will pass it round, and admire it. They will be struck by the wonderful depth of the colour on the nose, and speculate

Возвращаясь к вопросу о резном дубе, надо сказать, что наши предки обладали довольно-таки развитым чувством изящного и прекрасного. Ведь вое теперешние сокровища искусства три-четыре века тому назад были банальными предметами повседневного обихода. Я часто спрашиваю себя, действительно ли красивы старинные суповые тарелки, пивные кружки и щипцы для снятия нагара со свечей, которые мы так высоко ценим, или только ореол древности придает им прелесть в наших глазах. Старинные синие тарелки, украшающие теперь стены наших комнат, несколько столетий тому назад были самой обычной домашней утварью, а розовые пастушки и желтенькие пастушки, которыми с понимающим видом восторгаются все наши знакомые, в восемнадцатом веке скромно стояли на камине, никем не замечаемые, и матери давали их пососать своим плачущим младенцам.

А чего ждать в будущем? Всегда ли дешевые безделушки прошлого будут казаться сокровищами? Будут ли наши расписные обеденные тарелки украшать камин вельмож двадцать первого столетия? А белые чашки с золотым ободком снаружи и великолепным золотым цветком неизвестного названия внутри, которые без всякого огорчения бьют теперь наши горничные? Не будут ли их бережно склеивать и устанавливать на подставки, с тем чтобы лишь хозяйка дома имела право стирать с них пыль?

Вот, например, фарфоровая собачка, которая украшает спальню в моей меблированной квартире. Эта собачка белая. Глаза у нее голубые, нос нежно-розовый, с черными крапинками. Она держит голову мучительно прямо и всем своим видом выражает приветливость, граничащую со слабоумием. Я лично далеко не в восторге от этой собачки. Как произведение искусства она меня, можно сказать, раздражает. Мои легкомысленные приятели глумятся над ней, и даже квартирная хозяйка не слишком ею восхищается, оправдывая ее присутствие тем, что это подарок тетки.

Но более чем вероятно, что через двести лет эту собачку - без ног и с обломанным хвостом - откуда-нибудь выкопают, продадут за старый фарфор и поставят под стекло. И люди будут ходить вокруг и восторгаться ею, удивляясь теплой окраске носа, и гадать, каков был

as to how beautiful the bit of the tail that is lost no doubt was.

We, in this age, do not see the beauty of that dog. We are too familiar with it. It is like the sunset and the stars: we are not awed by their loveliness because they are common to our eyes. So it is with that china dog. In 2288 people will gush over it. The making of such dogs will have become a lost art. Our descendants will wonder how we did it, and say how clever we were. We shall be referred to lovingly as "those grand old artists that flourished in the nineteenth century, and produced those china dogs."

The "sampler" that the eldest daughter did at school will be spoken of as "tapestry of the Victorian era," and be almost priceless. The blue-and- white mugs of the present-day roadside inn will be hunted up, all cracked and chipped, and sold for their weight in gold, and rich people will use them for claret cups; and travellers from Japan will buy up all the "Presents from Ramsgate," and "Souvenirs of Margate," that may have escaped destruction, and take them back to Jedo as ancient English curios.

At this point Harris threw away the sculls, got up and left his seat, and sat on his back, and stuck his legs in the air. Montmorency howled, and turned a somersault, and the top hamper jumped up, and all the things came out.

I was somewhat surprised, but I did not lose my temper. I said, pleasantly enough:

"Hulloa! what's that for?"

"What's that for? Why - "

No, on second thoughts, I will not repeat what Harris said. I may have been to blame, I admit it; but nothing excuses violence of language and coarseness of expression, especially in a man who has been carefully brought up, as I know Harris has been. I was thinking of other things, and forgot, as any one might easily understand, that I was steering, and the consequence was that we had got mixed up a good deal with the tow- path. It was difficult to say, for the

утраченный кончик ее хвоста.

Мы в наше время не сознаем прелести этой собачки. Мы слишком привыкли к ней. Она подобна закату солнца и звездам, - красота их не поражает нас, потому что наши глаза уже давно к ней пригляделись. Так и с этой фарфоровой собачкой. В 2288 году люди будут приходить от нее в восторг. Производство таких собачек станет к тому времени забытым искусством. Наши потомки будут ломать себе голову над тем, как мы ее сделали. "Нас будут с нежностью называть "великими мастерами, которые жили в девятнадцатом веке и делали таких фарфоровых собачек".

"Узор, который наша старшая дочь вышила в школе, получит название "гобелена эпохи Виктории" и будет цениться очень дорого." "Синие с белым кружки из придорожных трактиров, щербатые и потрескавшиеся, будут усердно разыскивать и продавать на вес золота: богатые люди будут пить из них крюшон. Японские туристы бросятся скупать все сохранившиеся от разрушения "подарки из Рамсгета" и "сувениры из Маргета" и увезут их в Токио как старинные английские редкости."

В этом месте Гаррис вдруг бросил весла, приподнялся, покинул свое сиденье и упал на спину, задрав ноги вверх. Монморенси взвыл и перекувырнулся через голову, а верхняя корзина подскочила, вытряхивая все свое содержимое.

Я несколько удивился, но не потерял хладнокровия. Достаточно добродушно я сказал:

- Алло! Это почему?

- Почему?! Ну!..

Нет, я лучше не стану повторять то, что оказал Гаррис. Согласен, я, может быть, был несколько виноват, но ничто не оправдывает резких слов и грубости выражений, в особенности если человек получил столь тщательное воспитание, как Гаррис. Я думал о другом и забыл, - как легко может понять всякий, - что правлю рулем. Последствием этого явилось то, что мы пришли в слишком близкое соприкосновение с берегом. В первую минуту было трудно сказать, где

moment, which was us and which was the Middlesex bank of the river; but we found out after a while, and separated ourselves.

Harris, however, said he had done enough for a bit, and proposed that I should take a turn; so, as we were in, I got out and took the tow-line, and ran the boat on past Hampton Court. What a dear old wall that is that runs along by the river there! I never pass it without feeling better for the sight of it. Such a mellow, bright, sweet old wall; what a charming picture it would make, with the lichen creeping here, and the moss growing there, a shy young vine peeping over the top at this spot, to see what is going on upon the busy river, and the sober old ivy clustering a little farther down! There are fifty shades and tints and hues in every ten yards of that old wall. If I could only draw, and knew how to paint, I could make a lovely sketch of that old wall, I'm sure. I've often thought I should like to live at Hampton Court. It looks so peaceful and so quiet, and it is such a dear old place to ramble round in the early morning before many people are about.

But, there, I don't suppose I should really care for it when it came to actual practice. It would be so ghastly dull and depressing in the evening, when your lamp cast uncanny shadows on the panelled walls, and the echo of distant feet rang through the cold stone corridors, and now drew nearer, and now died away, and all was death-like silence, save the beating of one's own heart.

We are creatures of the sun, we men and women. We love light and life. That is why we crowd into the towns and cities, and the country grows more and more deserted every year. In the sunlight - in the daytime, when Nature is alive and busy all around us, we like the open hill-sides and the deep woods well enough: but in the night, when our Mother Earth has gone to sleep, and left us waking, oh! the world seems so lonesome, and we get frightened, like children in a silent house. Then we sit and sob, and long for the gas-lit streets, and the sound of human voices, and the answering throb of human life. We feel so helpless and so little in the great stillness, when the dark trees rustle in the night-wind. There are so many ghosts about,

кончаемся мы и начинается графство Миддл-Эссекс, но через некоторое время мы в этом разобрались и отделились друг от друга.

Тут Гаррис заявил, что он достаточно поработал, и предложил мне сменить его. Поскольку мы были у берега, я вышел, взялся за бечеву и потащил лодку мимо Хэмптон-Корта. Что за чудесная старая стена тянется в этом месте вдоль реки! Проходя мимо нее, я всякий раз испытываю удовольствие от одного ее вида. Яркая, милая, веселая старая стена! Как чудесно украшают ее ползучий лишай и буйно растущий мох, стыдливая молодая лоза, выглядывающая сверху, чтобы посмотреть, что происходит на реке, и темный старый плющ, вьющийся немного ниже. Любые десять ярдов этой стены являют глазу пятьдесят нюансов и оттенков. Если бы я умел рисовать и писать красками, я бы, наверное, создал прекрасный набросок этой старой стены. Я часто думаю, что с удовольствием жил бы в Хэмптон-Корте. Здесь, видимо, так тихо, так спокойно, в этом милом старом городе, и так приятно бродить по его улицам рано утром, когда вокруг еще мало народу.

Но все же, мне кажется, я бы не очень хорошо себя чувствовал, если бы это действительно случилось. В Хэмптон-Корте, должно быть, так мрачно и уныло по вечерам, когда лампа бросает неверные тени на деревянные панели стен, когда шум отдаленных шагов гулко раздается в каменных коридорах, то приближаясь, то замирая вдаль, и лишь биение нашего сердца нарушает мертвую тишину.

Мы, мужчины и женщины, - создания солнца. Мы любим свет и жизнь. Вот почему мы толпимся в городах и поселках, а деревни с каждым годом все больше пустеют. При свете солнца, днем, когда природа живет и все вокруг нас полно деятельности, нам нравятся открытые склоны гор и густые леса. Но ночью, когда мать-земля уснула, а мы бодрствуем, - о, мир кажется таким пустынным, и нам страшно, как детям в безлюдном доме. И мы сидим и плачем, тоскуя по улицам, залитым светом газа, по звукам человеческих голосов и бурному биению жизни. Мы кажемся себе такими беспомощными, такими маленькими в великом безмолвии, когда темные деревья шелестят от ночного ветра; вокруг так много призраков, и их тихие вздохи нагоняют на

and their silent sighs make us feel so sad. Let us gather together in the great cities, and light huge bonfires of a million gas-jets, and shout and sing together, and feel brave.

Harris asked me if I'd ever been in the maze at Hampton Court. He said he went in once to show somebody else the way. He had studied it up in a map, and it was so simple that it seemed foolish - hardly worth the twopence charged for admission. Harris said he thought that map must have been got up as a practical joke, because it wasn't a bit like the real thing, and only misleading. It was a country cousin that Harris took in.

He said: "We'll just go in here, so that you can say you've been, but it's very simple. It's absurd to call it a maze. You keep on taking the first turning to the right. We'll just walk round for ten minutes, and then go and get some lunch."

They met some people soon after they had got inside, who said they had been there for three-quarters of an hour, and had had about enough of it. Harris told them they could follow him, if they liked; he was just going in, and then should turn round and come out again. They said it was very kind of him, and fell behind, and followed.

They picked up various other people who wanted to get it over, as they went along, until they had absorbed all the persons in the maze. People who had given up all hopes of ever getting either in or out, or of ever seeing their home and friends again, plucked up courage at the sight of Harris and his party, and joined the procession, blessing him. Harris said he should judge there must have been twenty people, following him, in all; and one woman with a baby, who had been there all the morning, insisted on taking his arm, for fear of losing him.

Harris kept on turning to the right, but it seemed a long way, and his cousin said he supposed it was a very big maze.

"Oh, one of the largest in Europe," said Harris.

"Yes, it must be," replied the cousin, "because

нас грусть. Соберемся же в больших городах, зажжем огромные костры из миллионов газовых рожков, будем кричать и петь все вместе и чувствовать себя смелыми.

Гаррис спросил, бывал ли я когда-нибудь в Хэмптон-Кортском лабиринте. Сам он, по его словам, заходил туда один раз, чтобы показать кому-то, как лучше пройти. Он изучал лабиринт по плану, который казался до глупости простым, так что жалко было даже платить два пенса за вход. Гаррис полагал, что этот план был издан в насмешку, так как он ничуть не был похож на подлинный лабиринт и только сбивал с толку. Гаррис повел туда одного своего родственника из провинции.

Он сказал: - Мы только зайдем ненадолго, чтобы ты мог сказать, что побывал в лабиринте, но это совсем не сложно. Даже нелепо называть его лабиринтом. Надо все время сворачивать направо. Походим минут десять, а потом отправимся завтракать.

Попав внутрь лабиринта, они вскоре встретили людей, которые сказали, что находятся здесь три четверти часа и что с них, кажется, хватит. Гаррис предложил им, если угодно, последовать за ним. Он только вошел, сейчас повернет направо и выйдет. Все были ему очень признательны и пошли за ним следом.

По дороге они выбрали еще многих, которые мечтали выбраться на волю, и, наконец, поглотили всех, кто был в лабиринте. Люди, отказавшиеся от всякой надежды снова увидеть родной дом и друзей, при виде Гарриса и его компании воспряли духом и присоединились к процессии, осыпая его благословениями. "Гаррис сказал, что, по его предположению" за ним следовало, в общем, человек двадцать; одна женщина с ребенком, которая пробыла в лабиринте все утро, непременно пожелала взять Гарриса под руку, чтобы не потерять его."

Гаррис все время поворачивал направо, но идти было, видимо, далеко, и родственник Гарриса сказал, что это, вероятно, очень большой лабиринт.

- Один из самых обширных в Европе, - сказал Гаррис.

- Похоже, что так, - ответил его родственник. - Мы

we've walked a good two miles already."

Harris began to think it rather strange himself, but he held on until, at last, they passed the half of a penny bun on the ground that Harris's cousin swore he had noticed there seven minutes ago. Harris said: "Oh, impossible!" but the woman with the baby said, "Not at all," as she herself had taken it from the child, and thrown it down there, just before she met Harris. She also added that she wished she never had met Harris, and expressed an opinion that he was an impostor. That made Harris mad, and he produced his map, and explained his theory.

"The map may be all right enough," said one of the party, "if you know whereabouts in it we are now."

Harris didn't know, and suggested that the best thing to do would be to go back to the entrance, and begin again. For the beginning again part of it there was not much enthusiasm; but with regard to the advisability of going back to the entrance there was complete unanimity, and so they turned, and trailed after Harris again, in the opposite direction. About ten minutes more passed, and then they found themselves in the centre.

Harris thought at first of pretending that that was what he had been aiming at; but the crowd looked dangerous, and he decided to treat it as an accident.

Anyhow, they had got something to start from then. They did know where they were, and the map was once more consulted, and the thing seemed simpler than ever, and off they started for the third time.

And three minutes later they were back in the centre again. After that, they simply couldn't get anywhere else. Whatever way they turned brought them back to the middle. It became so regular at length, that some of the people stopped there, and waited for the others to take a walk round, and come back to them. Harris drew out his map again, after a while, but the sight of it only infuriated the mob, and they told him to go and curl his hair with it. Harris said that he couldn't help feeling that, to a certain

ведь уже прошли добрых две мили.

Гаррису и самому это начало казаться странным. Но он держался стойко, пока компания не прошла мимо валявшейся на земле половины пышки, которую Гаррисов родственник, по его словам, видел на этом самом месте семь минут тому назад. - Это невозможно, - возразил Гаррис, но женщина с ребенком сказала: "Ничего подобного", - так как она сама отняла эту пышку у своего мальчика и бросила ее перед встречей с Гаррисом." Она прибавила, что лучше бы ей никогда с ним не встречаться, и выразила мнение, что он обманщик. Это взбесило Гарриса. Он вытащил план и изложил свою теорию.

- План-то, может, и неплохой, - сказал кто-то, - но только нужно знать, в каком месте мы сейчас находимся.

Гаррис не знал этого и сказал, что самое лучшее будет вернуться к выходу и начать все снова. Предложение начать все снова не вызвало особого энтузиазма, но в части возвращения назад единодушие было полное. Все повернули обратно и потянулись за Гаррисом в противоположном направлении. Прошло еще минут десять, и компания очутилась в центре лабиринта.

Гаррис хотел сначала сделать вид, будто он именно к этому и стремился, но его свита имела довольно угрожающий вид, и он решил расценить это как случайность.

Теперь они хотя бы знают, с чего начать. Им известно, где они находятся. План был еще раз извлечен на свет божий, и дело показалось проще простого, - все в третий раз тронулись в путь.

Через три минуты они опять были в центре. После этого они просто-таки не могли оттуда уйти. В какую бы сторону они ни сворачивали, все пути приводили их в центр. Это стало повторяться с такой правильностью, что некоторые просто оставались на месте и ждали, пока остальные прогуляются и вернутся к ним. Гаррис опять извлек свой план, но вид этой бумаги привел толпу в ярость. Гаррису посоветовали пустить план на папильотки. Гаррис, по его словам, не мог не сознавать, что до некоторой степени утратил

extent, he had become unpopular.

They all got crazy at last, and sang out for the keeper, and the man came and climbed up the ladder outside, and shouted out directions to them. But all their heads were, by this time, in such a confused whirl that they were incapable of grasping anything, and so the man told them to stop where they were, and he would come to them. They huddled together, and waited; and he climbed down, and came in.

He was a young keeper, as luck would have it, and new to the business; and when he got in, he couldn't find them, and he wandered about, trying to get to them, and then HE got lost. They caught sight of him, every now and then, rushing about the other side of the hedge, and he would see them, and rush to get to them, and they would wait there for about five minutes, and then he would reappear again in exactly the same spot, and ask them where they had been.

They had to wait till one of the old keepers came back from his dinner before they got out.

Harris said he thought it was a very fine maze, so far as he was a judge; and we agreed that we would try to get George to go into it, on our way back.

CHAPTER VII

THE RIVER IN ITS SUNDAY GARB. - DRESS ON THE RIVER. - A CHANCE FOR THE MEN. - ABSENCE OF TASTE IN HARRIS. - GEORGE'S BLAZER. - A DAY WITH THE FASHION-PLATE YOUNG LADY. - MRS. THOMAS'S TOMB. - THE MAN WHO LOVES NOT GRAVES AND COFFINS AND SKULLS. - HARRIS MAD. - HIS VIEWS ON GEORGE AND BANKS AND LEMONADE. - HE PERFORMS TRICKS.

IT was while passing through Moulsey Lock that Harris told me about his maze experience. It took us some time to pass through, as we were the only boat, and it is a big lock. I don't think I ever remember to have seen Moulsey Lock, before, with only one boat in it. It is, I suppose,

популярность.

Наконец все совершенно потеряли голову и весь голос стали звать сторожа. Сторож пришел, взобрался на стремянку снаружи лабиринта и начал громко давать им указания. Но к этому времени у всех в головах была такая путаница, что никто не мог ничего сообразить. Тогда сторож предложил им постоять на месте и сказал, что придет к ним. Все собрались в кучу и ждали, а сторож спустился с лестницы и пошел внутрь.

На горе это был молодой сторож, новичок в своем деле. Войдя в лабиринт, он не нашел заблудившихся, начал бродить взад и вперед и, наконец, сам заблудился. Время от времени они видели сквозь листву, как он метался где-то по ту сторону изгороди, и он тоже видел людей и бросался к ним, и они стояли и ждали его минут пять, а потом он опять появлялся на том же самом месте и спрашивал, куда они пропали.

Всем пришлось дожидаться, пока не вернулся один из старых сторожей, который ходил обедать. Только тогда они, наконец, вышли.

Гаррис оказал, что, поскольку он может судить, это замечательный лабиринт, и мы сговорились, что на обратном пути попробуем завести туда Джорджа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Река в праздничном наряде. Как одеваться для путешествия по реке. Удобный случай для мужчин. Отсутствие вкуса у Гарриса. Фуфайка Джорджа. День с барышней из модного журнала. Могила миссис Томас. Человек, который не любит могил, гробов и черепов. Гаррис приходит в бешенство. Его мнение о Джордже, банках и лимонаде. Он показывает акробатические номера.

Когда Гаррис рассказывал мне о своих переживаниях в лабиринте, мы проходили Маулсейский шлюз. Это заняло много времени, так как наша лодка была единственная, а шлюз велик. Насколько мне помнится, я еще ни разу не видел, чтобы в Маулсейском шлюзе была всего одна лодка. Мне кажется, это самый оживленный

Boulter's not even excepted, the busiest lock on the river.

I have stood and watched it, sometimes, when you could not see any water at all, but only a brilliant tangle of bright blazers, and gay caps, and saucy hats, and many-coloured parasols, and silken rugs, and cloaks, and streaming ribbons, and dainty whites; when looking down into the lock from the quay, you might fancy it was a huge box into which flowers of every hue and shade had been thrown pell-mell, and lay piled up in a rainbow heap, that covered every corner.

On a fine Sunday it presents this appearance nearly all day long, while, up the stream, and down the stream, lie, waiting their turn, outside the gates, long lines of still more boats; and boats are drawing near and passing away, so that the sunny river, from the Palace up to Hampton Church, is dotted and decked with yellow, and blue, and orange, and white, and red, and pink. All the inhabitants of Hampton and Moulsey dress themselves up in boating costume, and come and mouch round the lock with their dogs, and flirt, and smoke, and watch the boats; and, altogether, what with the caps and jackets of the men, the pretty coloured dresses of the women, the excited dogs, the moving boats, the white sails, the pleasant landscape, and the sparkling water, it is one of the gayest sights I know of near this dull old London town.

The river affords a good opportunity for dress. For once in a way, we men are able to show our taste in colours, and I think we come out very natty, if you ask me. I always like a little red in my things - red and black. You know my hair is a sort of golden brown, rather a pretty shade I've been told, and a dark red matches it beautifully; and then I always think a light-blue necktie goes so well with it, and a pair of those Russian-leather shoes and a red silk handkerchief round the waist - a handkerchief looks so much better than a belt.

Harris always keeps to shades or mixtures of orange or yellow, but I don't think he is at all wise in this. His complexion is too dark for

из всех шлюзов на реке, не исключая даже Баултерского.

Мне иногда приходилось наблюдать его в такие минуты, когда воды совсем не было видно под множеством ярких фуфаяк, пестрых тапочек, нарядных шляп, зонтиков всех цветов радуги, шелковых накидок, плащей, развевающихся лент и изящных белых платьев. Если смотреть с набережной, этот шлюз можно было принять за огромный ящик, куда набросали цветов всех оттенков, которые заполнили его до самых краев.

В погожее воскресенье река имеет такой вид почти весь день. За воротами, и вверх и вниз по течению, стоят, ожидая своей очереди, длинные вереницы лодок; лодки приближаются и удаляются, так что вся сверкающая река от дворца вплоть до Хэмптонской церкви усеяна желтыми, синими, оранжевыми, белыми, красными, розовыми точками. Все обитатели Хэмптона и Маулси, разодевшись по-летнему, гуляют вокруг шлюза со своими собаками, любезничают, курят и смотрят на лодки. Все это вместе - куртки и шапочки мужчин, красивые цветные платья женщин, спующие собаки, движущиеся лодки, белые паруса, приятный ландшафт и сверкающие воды - представляет одно из самых красивых зрелищ, какие можно видеть близ нашего унылого старого Лондона.

Река дает возможность одеться как следует. Хоть здесь мы, мужчины, можем показать, каков наш вкус в отношении красок, и если вы меня спросите, я скажу, что получается совсем не так плохо. Я очень люблю носить что-нибудь красное - красное с черным. Волосы у меня, знаете, такие золотисто-каштановые - довольно красивый оттенок, как мне говорили, - и темно-красное замечательно к ним идет. И еще, по-моему, сюда очень подходит голубой галстук, юфтяные башмаки и красный шелковый шарф вокруг пояса, - шарф выглядит ведь гораздо лучше, чем ремень.

Гаррис всегда предпочитает различные оттенки и комбинации оранжевого и желтого, но я с ним не согласен. Для желтого у него слишком темный цвет лица. Желтое ему не идет, в этом нет

yellows. Yellows don't suit him: there can be no question about it. I want him to take to blue as a background, with white or cream for relief; but, there! the less taste a person has in dress, the more obstinate he always seems to be. It is a great pity, because he will never be a success as it is, while there are one or two colours in which he might not really look so bad, with his hat on.

George has bought some new things for this trip, and I'm rather vexed about them. The blazer is loud. I should not like George to know that I thought so, but there really is no other word for it. He brought it home and showed it to us on Thursday evening. We asked him what colour he called it, and he said he didn't know. He didn't think there was a name for the colour. The man had told him it was an Oriental design. George put it on, and asked us what we thought of it. Harris said that, as an object to hang over a flower-bed in early spring to frighten the birds away, he should respect it; but that, considered as an article of dress for any human being, except a Margate nigger, it made him ill. George got quite huffy; but, as Harris said, if he didn't want his opinion, why did he ask for it?

What troubles Harris and myself, with regard to it, is that we are afraid it will attract attention to the boat.

Girls, also, don't look half bad in a boat, if prettily dressed. Nothing is more fetching, to my thinking, than a tasteful boating costume. But a "boating costume," it would be as well if all ladies would understand, ought to be a costume that can be worn in a boat, and not merely under a glass-case. It utterly spoils an excursion if you have folk in the boat who are thinking all the time a good deal more of their dress than of the trip. It was my misfortune once to go for a water picnic with two ladies of this kind. We did have a lively time!

They were both beautifully got up - all lace and silky stuff, and flowers, and ribbons, and dainty shoes, and light gloves. But they were dressed for a photographic studio, not for a river picnic.

сомнения. Лучше бы он избрал для фона голубой цвет, и к нему что-нибудь белое или кремовое. Но поди ж ты! Чем меньше у человека вкуса в вопросах туалета, тем больше он упрямится. Это очень жаль, потому что он никогда не достигнет успеха. В то же время существуют цвета, в которых он выглядел бы не так уж плохо, если бы надел шляпу.

Джордж купил себе для этой прогулки несколько новых принадлежностей туалета, и они меня огорчают. "Его фуфайка "кричит"." Мне не хотелось бы, чтобы Джордж знал, что я так думаю, но, право, для нее нет более подходящего слова. Он принес и показал нам эту фуфайку в четверг вечером. Мы спросили его, какого она, по его мнению, цвета, и он ответил, что не знает. Для такого цвета, по его словам, нет названия. Продавец сказал ему, что это восточная расцветка. Джордж надел свою фуфайку и спросил, как мы ее находим. Гаррис заметил, что она вполне годится для того, чтобы вешать ее ранней весной над цветочными грядками, - отпугивать птиц; но от одной мысли, что это предмет одежды, предназначенный для какого бы то ни было человеческого существа, кроме разве бродячего певца-негра, ему делается плохо. Джордж надулся, но Гаррис совершенно правильно сказал, что, если Джордж не хотел выслушать его мнение, незачем было и спрашивать.

Нас же с Гаррисом беспокоит лишь одно: мы боимся, что эта фуфайка привлечет к нашей лодке всеобщее внимание.

Девушки тоже производят в лодке весьма недурное впечатление, если они хорошо одеты. На мой взгляд, нет ничего более привлекательного, чем хороший лодочный костюм. "Но "лодочный костюм" - хорошо бы все дамы это понимали! - есть нечто такое, что следует носить, находясь в лодке, а не под стеклянным колпаком." Если с вами едет публика, которая все время думает не о прогулке, а о своих платьях, вся экскурсия будет испорчена. Однажды я имел несчастье отправиться на речной пикник с двумя дамами такого сорта. Ну и весело же нам было!

Обе были разряжены в пух и прах - шелка, кружева, ленты, цветы, изящные туфли, светлые перчатки. Они оделись для фотографии, а не для речного пикника. "На них были "лодочные

They were the "boating costumes" of a French fashion-plate. It was ridiculous, fooling about in them anywhere near real earth, air, and water.

The first thing was that they thought the boat was not clean. We dusted all the seats for them, and then assured them that it was, but they didn't believe us. One of them rubbed the cushion with the forefinger of her glove, and showed the result to the other, and they both sighed, and sat down, with the air of early Christian martyrs trying to make themselves comfortable up against the stake. You are liable to occasionally splash a little when sculling, and it appeared that a drop of water ruined those costumes. The mark never came out, and a stain was left on the dress for ever.

I was stroke. I did my best. I feathered some two feet high, and I paused at the end of each stroke to let the blades drip before returning them, and I picked out a smooth bit of water to drop them into again each time. (Bow said, after a while, that he did not feel himself a sufficiently accomplished oarsman to pull with me, but that he would sit still, if I would allow him, and study my stroke. He said it interested him.) But, notwithstanding all this, and try as I would, I could not help an occasional flicker of water from going over those dresses.

The girls did not complain, but they huddled up close together, and set their lips firm, and every time a drop touched them, they visibly shrank and shuddered. It was a noble sight to see them suffering thus in silence, but it unnerved me altogether. I am too sensitive. I got wild and fitful in my rowing, and splashed more and more, the harder I tried not to.

I gave it up at last; I said I'd row bow. Bow thought the arrangement would be better too, and we changed places. The ladies gave an involuntary sigh of relief when they saw me go, and quite brightened up for a moment. Poor girls! they had better have put up with me. The man they had got now was a jolly, light-hearted, thick-headed sort of a chap, with about as much sensitiveness in him as there might be in a Newfoundland puppy. You might look daggers at him for an hour and he would not notice it,

костюмы" с французской модной картинки." Сидеть в них поблизости от настоящей земли, воды и воздуха было просто нелепо.

Прежде всего эти дамы решили, что в лодке грязно. Мы смахнули пыль со всех скамей и стали убеждать наших спутниц, что теперь чисто, но они не верили. Одна из них потеряла подушку пальцем и показала его другой; обе вздохнули и уселись с видом мучениц первых лет христианства, старающихся устроиться поудобнее на кресте. Когда гребешь, случается иногда плеснуть веслом, а капля воды, оказывается, может совершенно сгубить дамский туалет. Пятно ничем нельзя вывести, и на платье навсегда остается след.

Я был кормовым. Я старался как мог. Я поднимал весла вверх на два фута, после каждого удара делал паузу, чтобы с лопастей стекла вода, и выискивал, опуская их снова, самое гладкое место. (Носовой вскоре сказал, что не чувствует себя достаточно искусным, чтобы грести со мной, и предпочитает, если я не против, сидеть и изучать мой стиль гребли. Она очень интересуется его.) Но, несмотря на все мои старания, брызги иногда залетали на платья девушек.

Девушки не жаловались, а только крепче прижимали друг к другу и сидели, плотно сжав губы. Всякий раз, как их касалась капля воды, они пожимались и вздрагивали. Зрелище их молчаливых страданий возвышало душу, но оно совершенно расстроило мне нервы. Я слишком чувствителен. Я начал грести яростно и беспокойно, и чем больше я старался не брызгать, тем сильнее брызгал.

Наконец я сдался и сказал, что пересяду на нос. Носовой тоже нашел, что так будет лучше, и мы поменялись местами. Дамы, видя, что я ухожу, испустили невольный вздох облегчения и на минуту просияли. Бедные девушки! Им бы следовало лучше примириться со мной. Юноша, который достался им теперь, был веселый, легкомысленный, толстокожий и не более чувствительный, чем щенок ньюфаундленд. Вы могли метать в него молнии целый час подряд, и он бы этого не заметил, а если бы и заметил, то не

and it would not trouble him if he did. He set a good, rollicking, dashing stroke that sent the spray playing all over the boat like a fountain, and made the whole crowd sit up straight in no time. When he spread more than pint of water over one of those dresses, he would give a pleasant little laugh, and say:

"I beg your pardon, I'm sure;" and offer them his handkerchief to wipe it off with.

"Oh, it's of no consequence," the poor girls would murmur in reply, and covertly draw rugs and coats over themselves, and try and protect themselves with their lace parasols.

At lunch they had a very bad time of it. People wanted them to sit on the grass, and the grass was dusty; and the tree-trunks, against which they were invited to lean, did not appear to have been brushed for weeks; so they spread their handkerchiefs on the ground and sat on those, bolt upright. Somebody, in walking about with a plate of beef-steak pie, tripped up over a root, and sent the pie flying. None of it went over them, fortunately, but the accident suggested a fresh danger to them, and agitated them; and, whenever anybody moved about, after that, with anything in his hand that could fall and make a mess, they watched that person with growing anxiety until he sat down again.

"Now then, you girls," said our friend Bow to them, cheerily, after it was all over, "come along, you've got to wash up!"

They didn't understand him at first. When they grasped the idea, they said they feared they did not know how to wash up.

"Oh, I'll soon show you," he cried; "it's rare fun! You lie down on your - I mean you lean over the bank, you know, and slough the things about in the water."

The elder sister said that she was afraid that they hadn't got on dresses suited to the work.

"Oh, they'll be all right," said he light-heartedly; "tuck `em up."

And he made them do it, too. He told them that that sort of thing was half the fun of a picnic. They said it was very interesting.

смутился. Он шумно, наотмашь, ударил веслами, так что брызги фонтаном разлетелись по всей лодке, и вся наша компания тотчас же застыла, выпрямившись на скамьях. Вылив на платья барышень около пинты воды, он с приятной улыбкой говорил:

"Ах, простите, пожалуйста", - и предлагал им свой носовой платок."

- О, это неважно, - шептали в ответ несчастные девицы и украдкой закрывались пледами и пальто или пытались защищаться от брызг своими кружевными зонтиками.

За завтраком им пришлось очень плохо. Их заставляли садиться на траву, а трава была пыльная; стволы деревьев, к которым им предлагали прислониться, видимо не были чищены уже целую неделю. Девушки разостлали на земле носовые платки и сели на них, держась очень прямо. Кто-то споткнулся о корень, неся в руках блюдо с мясным пирогом, и пирог полетел на землю. К счастью, он не попал на девушек, но этот прискорбный случай открыл им глаза на новую опасность и взволновал их. После этого, когда кто-нибудь из нас нес что-нибудь, что могло упасть и запачкать платье, барышни со все возрастающим беспокойством провожали его глазами, пока он снова не садился на место.

- А ну-ка, девушки, - весело сказал наш друг носовой, когда с завтраком было покончено, - теперь вымойте посуду.

Сначала они его не поняли. Потом, усвоив его мысль, они сказали, что не умеют мыть посуду.

- Это очень забавно! Сейчас я вас научу! - закричал юноша. - Лягте на... я хочу сказать, свесьтесь с берега и полощите посуду в воде.

Старшая сестра сказала, что не уверена, подходят ли их платья для подобной работы.

- Ничего с ними не сделается, - беспечно объявил носовой. - Подоткните их.

И он заставил-таки девушек вымыть посуду! Он сказал, что в этом главная прелесть пикника. Девушки нашли, что это очень интересно.

Now I come to think it over, was that young man as dense-headed as we thought? or was he - no, impossible! there was such a simple, child-like expression about him!

Harris wanted to get out at Hampton Church, to go and see Mrs. Thomas's tomb.

"Who is Mrs. Thomas?" I asked.

"How should I know?" replied Harris. "She's a lady that's got a funny tomb, and I want to see it."

I objected. I don't know whether it is that I am built wrong, but I never did seem to hanker after tombstones myself. I know that the proper thing to do, when you get to a village or town, is to rush off to the churchyard, and enjoy the graves; but it is a recreation that I always deny myself. I take no interest in creeping round dim and chilly churches behind wheezy old men, and reading epitaphs. Not even the sight of a bit of cracked brass let into a stone affords me what I call real happiness.

I shock respectable sextons by the imperturbability I am able to assume before exciting inscriptions, and by my lack of enthusiasm for the local family history, while my ill-concealed anxiety to get outside wounds their feelings.

One golden morning of a sunny day, I leant against the low stone wall that guarded a little village church, and I smoked, and drank in deep, calm gladness from the sweet, restful scene - the grey old church with its clustering ivy and its quaint carved wooden porch, the white lane winding down the hill between tall rows of elms, the thatched-roof cottages peeping above their trim-kept hedges, the silver river in the hollow, the wooded hills beyond!

It was a lovely landscape. It was idyllic, poetical, and it inspired me. I felt good and noble. I felt I didn't want to be sinful and wicked any more. I

Теперь я иногда спрашиваю себя, был ли этот юноша так туп, как мы думали? Или, может быть, он... Нет, невозможно! У него был такой простой, детски-наивный вид!

Гаррису захотелось выйти в Хэмптон-Корте и посмотреть могилу миссис Томас.

- Кто такая миссис Томас? - спросил я.

- Почему я знаю, - ответил Гаррис. - Это дама, у которой интересная могила, и я хочу ее посмотреть.

Я возражал против этого. Не знаю, может быть, я не так устроен, как другие, но меня как-то никогда не влекло к надгробным плитам. Я знаю, что первое, что подобает сделать, когда вы приезжаете в какой-нибудь город или в деревню, - это бежать на кладбище и наслаждаться видом могил, но я всегда отказываю себе в этом развлечении. Мне неинтересно бродить по темным, холодным церквям вслед за каким-нибудь астматическим старцем и читать надгробные надписи. Даже вид куска потрескавшейся бронзы, вделанной в камень, не доставляет мне того, что я называю истинным счастьем.

Я шокирую почтенных причетников невозмутимостью, с какой смотрю на трогательные надписи, и полным отсутствием интереса к генеалогии обитателей данной местности. А мое плохо скрываемое стремление поскорее выбраться из церкви кажется им оскорбительным.

Однажды, золотистым солнечным утром я прислонился к невысокой стене, ограждающей, маленькую сельскую церковь, и курил, с глубокой, тихой радостью наслаждаясь безмятежной картиной: серая старинная церковь с деревянным резным крыльцом, увитая гирляндами плюща, белая дорога, извивающаяся по склону горы между рядами высоких вязов, домики с соломенными крышами, выглядывающие из-за аккуратно подстриженных изгородей, серебристая река в ложбине, покрытые лесом горы вдали...

Чудесный пейзаж! В нем было что-то идиллическое, поэтичное, он вдохновлял меня... Я казался себе добрым и благородным. Я чувствовал, что не хочу больше быть грешным и

would come and live here, and never do any more wrong, and lead a blameless, beautiful life, and have silver hair when I got old, and all that sort of thing.

In that moment I forgave all my friends and relations for their wickedness and cussedness, and I blessed them. They did not know that I blessed them. They went their abandoned way all unconscious of what I, far away in that peaceful village, was doing for them; but I did it, and I wished that I could let them know that I had done it, because I wanted to make them happy. I was going on thinking away all these grand, tender thoughts, when my reverie was broken in upon by a shrill piping voice crying out:

"All right, sur, I'm a-coming, I'm a-coming. It's all right, sur; don't you be in a hurry."

I looked up, and saw an old bald-headed man hobbling across the churchyard towards me, carrying a huge bunch of keys in his hand that shook and jingled at every step.

I motioned him away with silent dignity, but he still advanced, screeching out the while:

"I'm a-coming, sur, I'm a-coming. I'm a little lame. I ain't as spry as I used to be. This way, sur."

"Go away, you miserable old man," I said.

"I've come as soon as I could, sur," he replied. "My missis never see you till just this minute. You follow me, sur."

"Go away," I repeated; "leave me before I get over the wall, and slay you."

He seemed surprised.

"Don't you want to see the tombs?" he said.

"No," I answered, "I don't. I want to stop here, leaning up against this gritty old wall. Go away, and don't disturb me. I am chock full of beautiful and noble thoughts, and I want to stop like it, because it feels nice and good. Don't you

безнравственным. Мне хотелось поселиться здесь, никогда больше не поступать дурно и вести безупречную, прекрасную жизнь; мне хотелось, чтобы седина посеребрила мне волосы, когда я состарюсь, и т. д. и т. д.

В эту минуту я прощал всем моим друзьям и знакомым их греховность и дурной нрав и благословлял их. Они не знали, что я их благословляю. Они шли своим дурным путем, не имея понятия о том, что я делал для них в этой далекой мирной деревне. Но я все же делал это, и мне хотелось, чтобы они это знали, так как я желал сделать их счастливыми. Такие возвышенные, добрые мысли мелькали у меня в голове, и вдруг моя задумчивость была прервана тоненькими, пронзительными возгласами:

- Все в порядке, сэр! Я иду, иду. Все в порядке, сэр! Не спешите.

Я поднял глаза и увидел лысого старика, который ковылял по кладбищу, направляясь ко мне; в руках у него была огромная связка ключей, которые тряслись и гремели при каждом его шаге.

С молчаливым достоинством я махнул ему рукой, чтобы он уходил. Но старик все приближался, неумолчно крича:

- Я иду, сэр, иду! Я немного хромаю. Теперь я уже не такой прыткий, как раньше. Сюда, сэр!

- Уходи, о несчастный старец, - сказал я.

- Я торопился изо всех сил, сэр! - продолжал старик. - Моя хозяйка вот только сию минуту заметила вас. Идите за мной, сэр!

- Уходите, - повторил я, - оставьте меня, пока я не перелез через стену и не убил вас.

Старик, видимо, удивился.

- Разве Вы не хотите посмотреть могилы? - спросил он.

- Нет, - ответил я. - не хочу. Я хочу стоять здесь, прислонившись к этой старой крепкой стене. Уходите, не мешайте мне. Я доверху полон прекрасными, благородными мыслями и хочу остаться таким, ибо чувствую себя добрым и

come fooling about, making me mad, chivying away all my better feelings with this silly tombstone nonsense of yours. Go away, and get somebody to bury you cheap, and I'll pay half the expense."

He was bewildered for a moment. He rubbed his eyes, and looked hard at me. I seemed human enough on the outside: he couldn't make it out.

He said: "Youse a stranger in these parts? You don't live here?"

"No," I said, "I don't. YOU wouldn't if I did."

"Well then," he said, "you want to see the tombs - graves - folks been buried, you know - coffins!"

"You are an untruther," I replied, getting roused; "I do not want to see tombs - not your tombs. Why should I? We have graves of our own, our family has. Why my uncle Podger has a tomb in Kensal Green Cemetery, that is the pride of all that country-side; and my grandfather's vault at Bow is capable of accommodating eight visitors, while my great-aunt Susan has a brick grave in Finchley Churchyard, with a headstone with a coffee-pot sort of thing in bas-relief upon it, and a six-inch best white stone coping all the way round, that cost pounds. When I want graves, it is to those places that I go and revel. I do not want other folk's. When you yourself are buried, I will come and see yours. That is all I can do for you."

He burst into tears. He said that one of the tombs had a bit of stone upon the top of it that had been said by some to be probably part of the remains of the figure of a man, and that another had some words, carved upon it, that nobody had ever been able to decipher.

I still remained obdurate, and, in broken-hearted tones, he said:

"Well, won't you come and see the memorial window?"

I would not even see that, so he fired his last shot. He drew near, and whispered hoarsely:

хорошим. Не болтайте же здесь и не бесите меня. Вы рассеете все мои добрые чувства вашими нелепыми могильными камнями. Уходите и найдите кого-нибудь, кто похоронит вас за дешевую цену, а я оплачу половину расходов.

На минуту старик растерялся. Он протер глаза и пристально посмотрел на меня. Снаружи я был достаточно похож на человека. Старик ничего не понимал.

- Вы приезжий? - спросил он. - Вы не живете здесь?

- Нет, не живу, - сказал я. - Если бы я жил здесь, вы бы здесь не жили.

- Ну, значит, вы хотите посмотреть могилы, - сказал старик. - Гробницы, знаете, закопанные люди, памятники.

- Вы обманщик, - ответил я, начиная раздражаться. - Я не хочу смотреть ваши могилы. Зачем это мне? У нас есть свои могилы - у нашей семьи. Могилой моего дяди Поджера на кладбище Кенсел-Грин гордится вся округа; гробница моего дяди в Бау может принять восемь постояльцев, а моя двоюродная бабушка Сюзен покоится в кирпичной гробнице на кладбище в Финчли; надгробный камень ее украшен барельефом в виде кофейника, а вдоль всей могилы тянется шестидюймовая ограда из лучшего белого камня, которая стоила немалых денег. Если мне требуются могилы, я хожу в те места и наслаждаюсь ими. Мне не нужно чужих могил. Когда вас самого похоронят, я приду и посмотрю на вашу могилу. Это все, что я могу для вас сделать.

Старик залился слезами. Он сказал, что на одной из могил лежит камень, про который говорят, будто это все, что осталось от изображения какого-то мужчины, а на другом камне вырезаны какие-то слова, которых никто еще не мог разобрать.

Я продолжал упорствовать, и старик сказал сокрушенным тоном:

- Может быть, вы посмотрите надгробное окно?

Я не согласился даже на это, и старик выпустил свой последний заряд. Он подошел ближе и

"I've got a couple of skulls down in the crypt," he said; "come and see those. Oh, do come and see the skulls! You are a young man out for a holiday, and you want to enjoy yourself. Come and see the skulls!"

Then I turned and fled, and as I sped I heard him calling to me:

"Oh, come and see the skulls; come back and see the skulls!"

Harris, however, revels in tombs, and graves, and epitaphs, and monumental inscriptions, and the thought of not seeing Mrs. Thomas's grave made him crazy. He said he had looked forward to seeing Mrs. Thomas's grave from the first moment that the trip was proposed - said he wouldn't have joined if it hadn't been for the idea of seeing Mrs. Thomas's tomb.

I reminded him of George, and how we had to get the boat up to Shepperton by five o'clock to meet him, and then he went for George. Why was George to fool about all day, and leave us to lug this lumbering old top-heavy barge up and down the river by ourselves to meet him? Why couldn't George come and do some work? Why couldn't he have got the day off, and come down with us? Bank be blowed! What good was he at the bank?

"I never see him doing any work there," continued Harris, "whenever I go in. He sits behind a bit of glass all day, trying to look as if he was doing something. What's the good of a man behind a bit of glass? I have to work for my living. Why can't he work. What use is he there, and what's the good of their banks? They take your money, and then, when you draw a cheque, they send it back smeared all over with 'No effects,' 'Refer to drawer.' What's the good of that? That's the sort of trick they served me twice last week. I'm not going to stand it much longer. I shall withdraw my account. If he was here, we could go and see that tomb. I don't believe he's at the bank at all. He's larking about somewhere, that's what he's doing, leaving us to do all the work. I'm going to get out, and have a drink."

хрипло прошептал:

- У меня есть там внизу, в склепе, пара черепов. Посмотрите на них. Идемте же, посмотрите черепа. Вы молодой человек, вы путешествуете и должны доставить себе удовольствие. Пойдемте, посмотрите черепа.

Тут я обратился в бегство и на бегу слышал, как старик кричал:

- Посмотрите черепа! Вернитесь же, посмотрите черепа!

Но Гаррис упивается видом могил, гробниц, эпитафий и надписей на памятниках, и от мысли, что он может не увидеть могилы миссис Томас, он совершенно свихнулся. Он заявил, что предвкушал возможность увидеть эту могилу с того момента, как была задумана наша прогулка, и что не присоединился бы к нам, не будь у него надежды увидеть могилу миссис Томас.

Я напомнил Гаррису о Джордже и о том, что мы должны доставить лодку к пяти часам в Шеппертон и встретить его, и Гаррис принялся за Джорджа. Чего это Джордж целый день болтается и заставляет нас одних таскать эту громоздкую старую перегруженную лодку вверх и вниз по реке и встречать его! Почему Джордж не мог сам прийти и поработать? Почему он не взял себе свободный день и не поехал с нами? Провались этот банк! Какая польза банку от Джорджа?

- Когда бы я туда ни пришел, - продолжал Гаррис, - я ни разу не видел, чтобы Джордж что-нибудь делал. Он весь день сидит за стеклом и притворяется, будто чем-то занят. Что пользы от человека, который сидит за стеклом? Я должен работать, чтобы жить. Почему же он не работает? Зачем он там нужен и какой вообще толк от всех этих банков? Они берут у вас деньги, а потом, когда вы выписываете чек, возвращают его, испещрив во всех направлениях надписями: "Исчерпан." "Обратитесь к чекодателю." Какой во всем этом смысл? Этот фокус они проделали со мной на прошлой неделе дважды. Я не намерен долго терпеть подобные вещи. Я закрою свой счет. Будь Джордж здесь, мы могли бы посмотреть могилу. Я вообще не верю, что он в банке. Просто он где-нибудь шляется, а нам приходится работать. Я выйду и пойду чего-нибудь выпью.

I pointed out to him that we were miles away from a pub.; and then he went on about the river, and what was the good of the river, and was everyone who came on the river to die of thirst?

It is always best to let Harris have his head when he gets like this. Then he pumps himself out, and is quiet afterwards.

I reminded him that there was concentrated lemonade in the hamper, and a gallon-jar of water in the nose of the boat, and that the two only wanted mixing to make a cool and refreshing beverage.

Then he flew off about lemonade, and "such-like Sunday-school slops," as he termed them, ginger-beer, raspberry syrup, &c., &c. He said they all produced dyspepsia, and ruined body and soul alike, and were the cause of half the crime in England.

He said he must drink something, however, and climbed upon the seat, and leant over to get the bottle. It was right at the bottom of the hamper, and seemed difficult to find, and he had to lean over further and further, and, in trying to steer at the same time, from a topsy-turvy point of view, he pulled the wrong line, and sent the boat into the bank, and the shock upset him, and he dived down right into the hamper, and stood there on his head, holding on to the sides of the boat like grim death, his legs sticking up into the air. He dared not move for fear of going over, and had to stay there till I could get hold of his legs, and haul him back, and that made him madder than ever.

CHAPTER VIII

BLACKMAILING. - THE PROPER COURSE TO PURSUE. - SELFISH BOORISHNESS OF RIVER-SIDE LANDOWNER. - "NOTICE" BOARDS. - UNCHRISTIANLIKE FEELINGS OF HARRIS. - HOW HARRIS SINGS A COMIC SONG. - A HIGH-CLASS PARTY. - SHAMEFUL CONDUCT OF TWO ABANDONED YOUNG MEN. - SOME USELESS INFORMATION. - GEORGE BUYS A BANJO.

WE stopped under the willows by Kempton

Я указал Гаррису, что мы находимся на расстоянии многих миль от трактира, и Гаррис принялся ругать реку. Какая польза от этой реки, и неужели всякий, кто отдыхает на реке, должен умереть от жажды?

Когда Гаррис в таком настроении, лучше всего ему не мешать. В конце концов он выдыхается и сидит потом спокойно.

Я напомнил ему, что в корзине есть концентрированный лимонад, а на носу стоит целый галлон воды. Надо только смешать одно с другим, и получится вкусный, освежающий напиток.

"Тут Гаррис накинулся на лимонад и "всякую - по его выражению - бурду, годную лишь для школьников", вроде имбирного пива, малинового сиропа и т. д." Все они расстраивают желудок, губят тело и душу и являются причиной половины преступлений, совершаемых в Англии.

Но все же, заявил он, ему необходимо чего-нибудь выпить. Он влез на скамью и наклонился, чтобы достать бутылку. Она лежала на самом дне корзины, и ее, видимо, было нелегко найти. Гаррису приходилось наклоняться все больше и больше; пытаясь при этом управлять лодкой и видя все вверх дном, он потянул не за ту веревку и вогнал лодку в берег. Толчок опрокинул его, и он нырнул прямо в корзину и стоял в ней головой вниз, судорожно вцепившись руками в борта лодки и задрал ноги кверху. Он не отважился шевельнуться, чтобы не полететь в воду, и ему пришлось стоять так, пока я не вытянул его за ноги, отчего он еще больше взбесился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

"Шантаж. Какую политику следует при этом проводить. Себялюбивая грубость земельного собственника. "Объявления". Нехристианские чувства Гарриса. Как Гаррис поет комические куплеты. Культурная вечеринка. Постыдное поведение двух порочных молодых людей. Бесполезные сведения. Джордж покупает банджо."

Мы остановились у Хэмптон-парка, под ивами, и

Park, and lunched. It is a pretty little spot there: a pleasant grass plateau, running along by the water's edge, and overhung by willows. We had just commenced the third course - the bread and jam - when a gentleman in shirt-sleeves and a short pipe came along, and wanted to know if we knew that we were trespassing. We said we hadn't given the matter sufficient consideration as yet to enable us to arrive at a definite conclusion on that point, but that, if he assured us on his word as a gentleman that we WERE trespassing, we would, without further hesitation, believe it.

He gave us the required assurance, and we thanked him, but he still hung about, and seemed to be dissatisfied, so we asked him if there was anything further that we could do for him; and Harris, who is of a chummy disposition, offered him a bit of bread and jam.

I fancy he must have belonged to some society sworn to abstain from bread and jam; for he declined it quite gruffly, as if he were vexed at being tempted with it, and he added that it was his duty to turn us off.

Harris said that if it was a duty it ought to be done, and asked the man what was his idea with regard to the best means for accomplishing it. Harris is what you would call a well-made man of about number one size, and looks hard and bony, and the man measured him up and down, and said he would go and consult his master, and then come back and chuck us both into the river.

Of course, we never saw him any more, and, of course, all he really wanted was a shilling. There are a certain number of riverside roughs who make quite an income, during the summer, by slouching about the banks and blackmailing weak-minded noodles in this way. They represent themselves as sent by the proprietor. The proper course to pursue is to offer your name and address, and leave the owner, if he really has anything to do with the matter, to summon you, and prove what damage you have

стали завтракать. Это приятная местность: вдоль берега здесь тянется веселый зеленый луг, осененный ивами. Мы только что взялись за третье блюдо - хлеб с вареньем, - как появился какой-то джентльмен без пиджака и с короткой трубкой и осведомился, известно ли нам, что мы вторглись в чужие владения. Мы ответили, что не уделили еще этому вопросу достаточного внимания, чтобы иметь возможность прийти к определенному выводу, но если он поручится честным словом джентльмена, что мы действительно вторглись в чужие владения, мы готовы без дальнейших колебаний ему поверить.

Джентльмен с короткой трубкой дал нам требуемое заверение, и мы поблагодарили его. Но он продолжал ходить вокруг нас и, по-видимому, был недоволен, так что мы спросили, чем еще мы можем ему служить. Гаррис, человек по натуре компанейский, даже предложил ему кусок хлеба с вареньем.

Но этот джентльмен, вероятно, принадлежал к какому-нибудь обществу, члены которого поклялись воздерживаться от хлеба с вареньем; во всяком случае он довольно-таки грубо отклонил предложение Гарриса, словно обиженный тем, что его пытаются соблазнить, и прибавил, что его обязанность - выставить нас отсюда.

Гаррис сказал, что, если такова его обязанность, она должна быть выполнена, и спросил, какие средства, по его мнению, являются для этого наилучшими. А Гаррис, надо сказать, хорошо сложен и роста вполне приличного и производит впечатление человека жилистого и крепкого. Джентльмен смерил его взглядом сверху донизу и сказал, что пойдет посоветоваться со своим хозяином, а потом вернется и сбросит нас обоих в реку.

Разумеется, мы его больше не видели, и, разумеется, все, что ему было нужно, - это один шиллинг. На побережье попадаются подобные хулиганы, которые сколачивают за лето порядочное состояние, болтаясь по берегу и шантажируя таким образом слабохарактерных дурачков. Они выдают себя за уполномоченных землевладельца. Лучшая политика в этом случае - сказать свое имя и адрес и предоставить хозяину, если он действительно имеет отношение к этому делу, вызвать вас в суд и доказать, что вы нанесли

done to his land by sitting down on a bit of it. But the majority of people are so intensely lazy and timid, that they prefer to encourage the imposition by giving in to it rather than put an end to it by the exertion of a little firmness.

Where it is really the owners that are to blame, they ought to be shown up. The selfishness of the riparian proprietor grows with every year. If these men had their way they would close the river Thames altogether. They actually do this along the minor tributary streams and in the backwaters. They drive posts into the bed of the stream, and draw chains across from bank to bank, and nail huge notice-boards on every tree. The sight of those notice-boards rouses every evil instinct in my nature. I feel I want to tear each one down, and hammer it over the head of the man who put it up, until I have killed him, and then I would bury him, and put the board up over the grave as a tombstone.

I mentioned these feelings of mine to Harris, and he said he had them worse than that. He said he not only felt he wanted to kill the man who caused the board to be put up, but that he should like to slaughter the whole of his family and all his friends and relations, and then burn down his house. This seemed to me to be going too far, and I said so to Harris; but he answered:

"Not a bit of it. Serve `em all jolly well right, and I'd go and sing comic songs on the ruins."

I was vexed to hear Harris go on in this blood-thirsty strain. We never ought to allow our instincts of justice to degenerate into mere vindictiveness. It was a long while before I could get Harris to take a more Christian view of the subject, but I succeeded at last, and he promised me that he would spare the friends and relations at all events, and would not sing comic songs on the ruins.

You have never heard Harris sing a comic song, or you would understand the service I had rendered to mankind. It is one of Harris's fixed ideas that he CAN sing a comic song; the fixed idea, on the contrary, among those of Harris's friends who have heard him try, is that he CAN'T and never will be able to, and that he ought not to be allowed to try.

вред его земле, посидев на ней. Но большинство людей до того лениво и робко, что им приятнее поощрять это насилие, уступая ему, чем прекратить его, проявив некоторую твердость характера.

В тех случаях, когда действительно виноваты хозяева, их следует разоблачать. Эгоизм прибрежных землевладельцев усиливается с каждым годом. Дай им волю, они бы совсем заперли реку Темзу. Они уже фактически делают это в притоках и каналах. Они вбивают в дно реки столбы, протягивают от берега до берега цепи и приколачивают к каждому дереву огромные доски с предупреждениями. Вид этих досок пробуждает во мне самые дурные инстинкты. Мне хочется сорвать их и до тех пор барабанить ими по голове человека, который их повесил, пока он не умрет. Потом я его похороню и положу доску ему на могилу вместо надгробного памятника.

Я поделился своими чувствами с Гаррисом, и Гаррис сказал, что с ним дело обстоит еще хуже. Ему хочется не только убить человека, который велел повесить доску, но перерезать всю его семью, друзей и родственников и потом сжечь его дом. Такая жестокость показалась мне несколько чрезмерной, и я высказал это Гаррису. Но Гаррис возразил:

- Ничего подобного. Так им и надо. Я еще спел бы на развалинах куплеты.

Меня огорчило, что Гаррис настроен так кровожадно. Никогда не следует допускать, чтобы чувство справедливости вырождалось в простую мстительность. Потребовалось много времени, чтобы убедить Гарриса принять более христианскую точку зрения, но, наконец, это удалось. Он обещал во всяком случае пощадить друзей и родственников и не петь на развалинах куплетов.

Если бы вам хоть раз пришлось слышать, как Гаррис поет комические куплеты, вы бы поняли, какую услугу я оказал человечеству. Гаррис одержим навязчивой идеей, будто он умеет петь комические куплеты. Друзья Гарриса, которым довелось его слышать, наоборот, твердо убеждены в том, что он не умеет и никогда не будет уметь петь и что ему нельзя позволять это делать.

When Harris is at a party, and is asked to sing, he replies: "Well, I can only sing a COMIC song, you know;" and he says it in a tone that implies that his singing of THAT, however, is a thing that you ought to hear once, and then die.

"Oh, that IS nice," says the hostess. "Do sing one, Mr. Harris;" and Harris gets up, and makes for the piano, with the beaming cheeriness of a generous-minded man who is just about to give somebody something.

"Now, silence, please, everybody" says the hostess, turning round; "Mr. Harris is going to sing a comic song!"

"Oh, how jolly!" they murmur; and they hurry in from the conservatory, and come up from the stairs, and go and fetch each other from all over the house, and crowd into the drawing-room, and sit round, all smirking in anticipation.

Then Harris begins.

Well, you don't look for much of a voice in a comic song. You don't expect correct phrasing or vocalization. You don't mind if a man does find out, when in the middle of a note, that he is too high, and comes down with a jerk. You don't bother about time. You don't mind a man being two bars in front of the accompaniment, and easing up in the middle of a line to argue it out with the pianist, and then starting the verse afresh. But you do expect the words.

You don't expect a man to never remember more than the first three lines of the first verse, and to keep on repeating these until it is time to begin the chorus. You don't expect a man to break off in the middle of a line, and snigger, and say, it's very funny, but he's blest if he can think of the rest of it, and then try and make it up for himself, and, afterwards, suddenly recollect it, when he has got to an entirely different part of the song, and break off, without a word of warning, to go back and let you have it then and there. You don't - well, I will just give you an idea of Harris's comic singing, and then you can judge of it for yourself.

HARRIS (STANDING UP IN FRONT OF PIANO AND ADDRESSING THE EXPECTANT MOB):

Когда Гаррис сидит где-нибудь в гостях и его просят спеть, он отвечает: "Вы же знаете - я пою только комические куплеты", - причем говорит это с таким видом, будто их-то он во всяком случае поет так, что достаточно один раз его услышать - и можно спокойно умереть."

- Ну вот и хорошо, - говорит хозяйка дома. - Спойте что-нибудь, мистер Гаррис. И Гаррис поднимается и идет к роялю с широкой улыбкой добряка, который собирается сделать кому-нибудь подарок.

- Теперь, пожалуйста, тише, - говорит хозяйка, оглядываясь по сторонам. - Мистер Гаррис будет петь куплеты.

- Ах, как интересно! - слышится шепот. Все спешат из зимнего сада, спускаются с лестницы, собирают людей со всего дома и толпой входят в гостиную. Потом все садятся в кружок, заранее улыбаясь.

И Гаррис начинает.

Конечно, для пения куплетов не требуется особых голосовых данных. Вы не ожидаете точности фразировки или чистоты звука. Неважно, если певец на середине ноты вдруг обнаруживает, что забрался слишком высоко и рывком съезжает вниз. Темп тоже не имеет значения. Мы простим певцу, если он обогнал аккомпанемент на два такта и вдруг останавливается посреди строки, чтобы обсудить этот вопрос с пианистом, а потом начинает куплет снова. Но мы ждем слов.

Мы не готовы к тому, что певец помнит только три строки первого куплета и повторяет их до тех пор, пока не приходит время вступать хору. Мы не думали, что он способен вдруг остановиться на полуслове и с глупым хихиканьем сказать, что, как это ни забавно, но черт его побери, если он помнит, как там идет дальше. Потом он пробует сочинить что-нибудь от себя и после этого, дойдя уже до другого куплета, вдруг вспоминает и без всякого предупреждения останавливается, чтобы начать все снова и немедленно сообщить вам забытые слова. Мы не думали... Но лучше я попробую показать вам, что такое пение Гарриса, и тогда судите сами.

Гаррис (стоя перед фортепиано и обращаясь к публике). Боюсь, что это слишком старо, знаете

"I'm afraid it's a very old thing, you know. I expect you all know it, you know. But it's the only thing I know. It's the Judge's song out of PINAFORE - no, I don't mean PINAFORE - I mean - you know what I mean - the other thing, you know. You must all join in the chorus, you know."

[Murmurs of delight and anxiety to join in the chorus. Brilliant performance of prelude to the Judge's song in "Trial by Jury" by nervous Pianist. Moment arrives for Harris to join in. Harris takes no notice of it. Nervous pianist commences prelude over again, and Harris, commencing singing at the same time, dashes off the first two lines of the First Lord's song out of "Pinafore." Nervous pianist tries to push on with prelude, gives it up, and tries to follow Harris with accompaniment to Judge's song out of "Trial by Jury," finds that doesn't answer, and tries to recollect what he is doing, and where he is, feels his mind giving way, and stops short.]

HARRIS (WITH KINDLY ENCOURAGEMENT): "It's all right. You're doing it very well, indeed - go on."

NERVOUS PIANIST: "I'm afraid there's a mistake somewhere. What are you singing?"

HARRIS (PROMPTLY): "Why the Judge's song out of Trial by Jury. Don't you know it?"

SOME FRIEND OF HARRIS'S (FROM THE BACK OF THE ROOM): "No, you're not, you chuckle-head, you're singing the Admiral's song from PINAFORE."

[Long argument between Harris and Harris's friend as to what Harris is really singing. Friend finally suggests that it doesn't matter what Harris is singing so long as Harris gets on and sings it, and Harris, with an evident sense of injustice rankling inside him, requests pianist to begin again. Pianist, thereupon, starts prelude to the Admiral's song, and Harris, seizing what he considers to be a favourable opening in the music, begins.]

HARRIS: " `When I was young and called to the Bar.' "

[GENERAL ROAR OF LAUGHTER, TAKEN BY

ли. Вам всем, наверное, известна эта песня. Но это единственное, что я пою. "Это песня судьи из "Передника", то есть, я хочу сказать, не из "Передника", а... Ну, да вы знаете, что я хочу сказать. Ну, из той, другой оперетки." Вы все будете подпевать хором, разумеется.

Радостный шепот - всем хочется петь хором. "Блестяще исполненное взволнованным пианистом вступление к песне судьи из "Суда присяжных"." Гаррису пора начинать. Гаррис не замечает этого. "Нервный пианист снова начинает вступление. Гаррис в ту же минуту принимается петь и одним духом выпаливает две начальные строки песенки Первого лорда из "Передника"." "Нервный пианист пробует продолжать вступление, сдается, пытается догнать Гарриса, аккомпанируя песне судьи из "Суда присяжных", видит, что это не подходит, пытается сообразить, что он делает и где находится, чувствует, что разум изменяет ему, и смолкает."

Гаррис (ласково, желая его ободрить). Прекрасно! Вы замечательно аккомпанируете. Продолжайте.

Нервный пианист. Боюсь, что где-то произошла ошибка. Что вы поете?

Гаррис (быстро). "Как что? Песню судьи из "Суда присяжных"." Разве вы ее не знаете?

Один из приятелей Гарриса (из глубины комнаты). "Да нет! Ты поешь песню адмирала из "Передника"."

Продолжительный спор между Гаррисом и его приятелем о том, что именно поет Гаррис. Приятель, наконец, говорит, что это несущественно, лишь бы Гаррис вообще что-нибудь пел. Гаррис, которого явно терзает чувство оскорбленной справедливости, просит пианиста начать снова. Пианист играет вступление к песне адмирала. Гаррис, выбрав подходящий, по его мнению, момент, начинает.

Когда, в дни юности, я адвокатом стал...

Общий хохот, принимаемый Гаррисом за знак

HARRIS AS A COMPLIMENT. PIANIST, THINKING OF HIS WIFE AND FAMILY, GIVES UP THE UNEQUAL CONTEST AND RETIRES; HIS PLACE BEING TAKEN BY A STRONGER-NERVED MAN.

THE NEW PIANIST (CHEERILY): "Now then, old man, you start off, and I'll follow. We won't bother about any prelude."

HARRIS (UPON WHOM THE EXPLANATION OF MATTERS HAS SLOWLY DAWNED - LAUGHING): "By Jove! I beg your pardon. Of course - I've been mixing up the two songs. It was Jenkins confused me, you know. Now then.

[SINGING; HIS VOICE APPEARING TO COME FROM THE CELLAR, AND SUGGESTING THE FIRST LOW WARNINGS OF AN APPROACHING EARTHQUAKE.

" `When I was young I served a term As office-boy to an attorney's firm.'

(Aside to pianist): "It is too low, old man; we'll have that over again, if you don't mind."

[SINGS FIRST TWO LINES OVER AGAIN, IN A HIGH FALSETTO THIS TIME. GREAT SURPRISE ON THE PART OF THE AUDIENCE. NERVOUS OLD LADY NEAR THE FIRE BEGINS TO CRY, AND HAS TO BE LED OUT.]

HARRIS (continuing):

"I swept the windows and I swept the door, And I - `

No - no, I cleaned the windows of the big front door. And I polished up the floor - no, dash it - I beg your pardon - funny thing, I can't think of that line. And I - and I - Oh, well, we'll get on to the chorus, and chance it (SINGS):

`And I diddle-diddle-diddle-diddle-diddle-diddle-dee, Till now I am the ruler of the Queen's navee.'

Now then, chorus - it is the last two lines repeated, you know.

GENERAL CHORUS:

"And he diddle-diddle-diddle-diddle-diddle-diddle-dee'd, Till now he is the ruler of the Queen's navee."

одобрения. Пианист, вспомнив о жене и детях, отказывается от неравной борьбы и уходит. Его место занимает человек с более крепкими нервами.

Новый пианист (весело). Ну, старина, начинайте, а я пойду следом. Не стоит возиться со вступлением.

Гаррис (который постепенно уяснил себе причину всего происходящего, со смехом). Ах, боже мой! Извините, пожалуйста! Ну, конечно, я перепутал эти песни. Это Дженкинс меня смутил. Ну, валяйте!

(Поет. Его голос звучит как из погреба и напоминает первые предвестники приближающегося землетрясения.)

В дни юности в конторе я служил, Рассыльным у поверенного был.

(В сторону, пианисту.) Слишком низко, старина. Начнем еще раз, если вы не возражаете.

Снова поет те же две строчки, на сей раз высоким фальцетом. Публика удивлена. Нервная старая дама у камина начинает плакать, и ее приходится увести.

Гаррис (продолжая)

Я окна мыл, и пол я натирал, Я...

"Нет, нет, "я стекла на парадной начищал и пол до блеска натирал". Нет, черт побери, извините, пожалуйста! Вот забавно! Не могу вспомнить эту строчку." "Я... я..." Ну, ладно, попробуем прямо перейти к припеву. (Поет.)"

И я, тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, Теперь во флоте королевском адмирал.

Ну же, хор, повторяйте последние две строчки!

Хор.

И он, тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, Теперь во флоте королевском адмирал.

And Harris never sees what an ass he is making of himself, and how he is annoying a lot of people who never did him any harm. He honestly imagines that he has given them a treat, and says he will sing another comic song after supper.

Speaking of comic songs and parties, reminds me of a rather curious incident at which I once assisted; which, as it throws much light upon the inner mental working of human nature in general, ought, I think, to be recorded in these pages.

We were a fashionable and highly cultured party. We had on our best clothes, and we talked pretty, and were very happy - all except two young fellows, students, just returned from Germany, commonplace young men, who seemed restless and uncomfortable, as if they found the proceedings slow. The truth was, we were too clever for them. Our brilliant but polished conversation, and our high-class tastes, were beyond them. They were out of place, among us. They never ought to have been there at all. Everybody agreed upon that, later on.

We played MORCEAUX from the old German masters. We discussed philosophy and ethics. We flirted with graceful dignity. We were even humorous - in a high-class way.

Somebody recited a French poem after supper, and we said it was beautiful; and then a lady sang a sentimental ballad in Spanish, and it made one or two of us weep - it was so pathetic.

And then those two young men got up, and asked us if we had ever heard Herr Slossenn Boschen (who had just arrived, and was then down in the supper-room) sing his great German comic song.

None of us had heard it, that we could remember.

The young men said it was the funniest song that had ever been written, and that, if we liked, they would get Herr Slossenn Boschen, whom they knew very well, to sing it. They said it was so funny that, when Herr Slossenn Boschen had

А Гаррис так и не понимает, в каком он оказался дурацком положении и как он надоел людям, которые не сделали ему ничего дурного. Он искренне думает, что доставил им удовольствие, и обещает спеть после ужина еще.

В связи с куплетами и вечеринками я вспомнил один любопытный случай, которому я был свидетелем. Он бросает яркий свет на процесс человеческого мышления и потому, думается мне, должен быть упомянут в этой книге.

Нас собралось несколько человек, очень светских и высококультурных. Мы надели свои лучшие костюмы, вели тонкие разговоры и были очень довольны - все, кроме двух молодых студентов, только что вернувшихся из Германии. Это были самые обыкновенные юноши, и они чувствовали себя как-то беспокойно и неуютно, словно находя, что время тянется слишком медленно. Дело в том, что мы были для них чересчур умны. Наш блестящий, но утонченный разговор и наши изысканные вкусы были им недоступны. В нашей компании они были явно не к месту. Им вообще не следовало быть здесь. Впоследствии все пришли к этому выводу.

Мы играли произведения старинных немецких композиторов. Мы рассуждали о философии, об этике. Мы с изящным достоинством занимались флиртом. Мы даже острили - в светском тоне.

После ужина кто-то прочитал французские стихи, и мы нашли их прекрасными. Потом одна дама спела чувствительную балладу по-испански, и некоторые из нас даже заплакали, до того она была трогательна.

И вдруг один из этих молодых людей поднялся и спросил, слышали ли мы когда-нибудь, как герр Шлоссен-Бошен (он только что приехал и сидел внизу в столовой) поет немецкую комическую песню.

Никому из нас как будто не приходилось ее слышать.

Молодые люди сказали, что это самая смешная песня на свете и что, если угодно, они попросят герра Шлоссен-Бошена, с которым они хорошо знакомы, спеть ее. Это такая смешная песня, что когда герр Шлоссен-Бошен спел ее германскому

sung it once before the German Emperor, he (the German Emperor) had had to be carried off to bed. They said nobody could sing it like Herr Slossenn Boschen; he was so intensely serious all through it that you might fancy he was reciting a tragedy, and that, of course, made it all the funnier. They said he never once suggested by his tone or manner that he was singing anything funny - that would spoil it. It was his air of seriousness, almost of pathos, that made it so irresistibly amusing.

We said we yearned to hear it, that we wanted a good laugh; and they went downstairs, and fetched Herr Slossenn Boschen.

He appeared to be quite pleased to sing it, for he came up at once, and sat down to the piano without another word.

"Oh, it will amuse you. You will laugh," whispered the two young men, as they passed through the room, and took up an unobtrusive position behind the Professor's back.

Herr Slossenn Boschen accompanied himself. The prelude did not suggest a comic song exactly. It was a weird, soulful air. It quite made one's flesh creep; but we murmured to one another that it was the German method, and prepared to enjoy it.

I don't understand German myself. I learned it at school, but forgot every word of it two years after I had left, and have felt much better ever since. Still, I did not want the people there to guess my ignorance; so I hit upon what I thought to be rather a good idea. I kept my eye on the two young students, and followed them. When they tittered, I tittered; when they roared, I roared; and I also threw in a little snigger all by myself now and then, as if I had seen a bit of humour that had escaped the others. I considered this particularly artful on my part.

I noticed, as the song progressed, that a good many other people seemed to have their eye fixed on the two young men, as well as myself. These other people also tittered when the young men tittered, and roared when the young men roared; and, as the two young men tittered and roared and exploded with laughter pretty

императору, его (германского императора) пришлось увести и уложить в постель. Никто не может спеть эту песню так, как герр Шлоссен-Бошен, говорили они. Исполняя ее, герр Шлоссен-Бошен все время так глубоко серьезен, что может показаться, будто он играет трагедию, и от этого все становится еще смешнее. Он не показывает голосом или поведением, что поет что-то смешное, - это бы все испортило. Именно его серьезный, почти патетический тон и делает пение таким бесконечно забавным.

Мы заявили, что жаждем его услышать, что испытываем потребность в здоровом смехе. Молодые люди спустились вниз и привели герра Шлоссен-Бошена.

Он, по-видимому, был рад нам спеть, потому что пришел немедленно и, не говоря ни слова, сел за рояль.

- Вот-то будет забава! Вы посмеетесь, - шепнули нам молодые люди, проходя через комнату, и скромно заняли места за спиной профессора.

Герр Шлоссен-Бошен аккомпанировал себе сам. Вступление не предвещало особенно смешной песни. Это была медленная, полная чувства мелодия, от которой по спине пробежал холодок. Но мы шепнули друг другу, что это немецкий способ смешить, и приготовились наслаждаться.

Сам я не понимаю по-немецки. Я изучал этот язык в школе, но забыл все до последнего слова через два года после ее окончания и с тех пор чувствую себя значительно лучше. Все же я не хотел обнаружить перед присутствующими свое невежество. Поэтому я прибегнул к хитрой уловке: я не спускал глаз с молодых студентов и следовал их примеру. Когда они хихикали, я тоже хихикал, когда они хохотали, я тоже хохотал. Кроме того, я по временам слегка улыбался, словно отмечая смешную черточку, которой они не уловили. Этот прием я считал особенно удачным.

Через некоторое время я заметил, что многие из присутствующих, как и я, не сводили глаз с молодых людей. Они тоже хихикали, когда те хихикали, и хохотали, когда те хохотали. И так как эти молодые люди хихикали, хохотали и ржали почти непрерывно во время всей песни,

continuously all through the song, it went exceedingly well.

And yet that German Professor did not seem happy. At first, when we began to laugh, the expression of his face was one of intense surprise, as if laughter were the very last thing he had expected to be greeted with. We thought this very funny: we said his earnest manner was half the humour. The slightest hint on his part that he knew how funny he was would have completely ruined it all. As we continued to laugh, his surprise gave way to an air of annoyance and indignation, and he scowled fiercely round upon us all (except upon the two young men who, being behind him, he could not see). That sent us into convulsions. We told each other that it would be the death of us, this thing. The words alone, we said, were enough to send us into fits, but added to his mock seriousness - oh, it was too much!

In the last verse, he surpassed himself. He glowered round upon us with a look of such concentrated ferocity that, but for our being forewarned as to the German method of comic singing, we should have been nervous; and he threw such a wailing note of agony into the weird music that, if we had not known it was a funny song, we might have wept.

He finished amid a perfect shriek of laughter. We said it was the funniest thing we had ever heard in all our lives. We said how strange it was that, in the face of things like these, there should be a popular notion that the Germans hadn't any sense of humour. And we asked the Professor why he didn't translate the song into English, so that the common people could understand it, and hear what a real comic song was like.

Then Herr Slossenn Boschen got up, and went on awful. He swore at us in German (which I should judge to be a singularly effective language for that purpose), and he danced, and shook his fists, and called us all the English he knew. He said he had never been so insulted in all his life.

It appeared that the song was not a comic song at all. It was about a young girl who lived in the

дело шло замечательно.

Тем не менее немецкий профессор не казался довольным. Сначала, когда мы захохотали, его лицо приняло крайне удивленное выражение, словно он меньше всего ожидал, что его пение встретят смехом. Мы сочли это очень забавным и подумали, что в серьезности профессора - половина его успеха. Малейший намек на то, что он знает, как он смешон, погубил бы все. Мы продолжали смеяться, и его удивление сменилось негодованием и досадой. Он окинул яростным взглядом нас всех, кроме тех двух студентов, которых он не видел, так как они сидели сзади. Тут мы прямо покатались со смеху. Мы говорили друг другу, что эта песня нас уморит. Одних слов было бы достаточно, чтобы довести нас до припадка, а тут еще эта притворная серьезность. Нет, это уже чересчур!

В последнем куплете профессор превзошел самого себя. Он опалил нас взглядом, полным такой сосредоточенной ярости, что, не будь мы предупреждены о германской манере петь смешные песни, нам бы стало страшно. В его странной мелодии зазвучал такой вопль страдания, что мы бы заплакали, если бы не знали, что песня смешная.

Когда профессор кончил, все прямо визжали от смеха. Мы говорили, что в жизни не слышали ничего смешнее этой песни. Нам казалось очень странным, что, несмотря на подобные песни, в публике существует мнение, будто немцы лишены чувства юмора. Мы спросили профессора, почему он не переведет эту песню на английский язык, чтобы все могли понимать слова и узнали бы, что такое настоящая комическая песня.

Тут герр Шлоссен-Бошен встал и разразился. Он ругал нас по-немецки (мне кажется, это исключительно подходящий язык для такой цели), приплясывал, потрясал кулаками и обзывал нас всеми скверными английскими словами, какие знал. Он говорил, что его еще никогда в жизни так не оскорбляли.

Оказалось, что эта песня вовсе не комическая. В ней говорилось про одну молодую девушку, которая жила в горах Гарца и пожертвовала

Hartz Mountains, and who had given up her life to save her lover's soul; and he died, and met her spirit in the air; and then, in the last verse, he jilted her spirit, and went on with another spirit - I'm not quite sure of the details, but it was something very sad, I know. Herr Boschen said he had sung it once before the German Emperor, and he (the German Emperor) had sobbed like a little child. He (Herr Boschen) said it was generally acknowledged to be one of the most tragic and pathetic songs in the German language.

It was a trying situation for us - very trying. There seemed to be no answer. We looked around for the two young men who had done this thing, but they had left the house in an unostentatious manner immediately after the end of the song. That was the end of that party. I never saw a party break up so quietly, and with so little fuss. We never said good-night even to one another. We came downstairs one at a time, walking softly, and keeping the shady side. We asked the servant for our hats and coats in whispers, and opened the door for ourselves, and slipped out, and got round the corner quickly, avoiding each other as much as possible.

I have never taken much interest in German songs since then.

We reached Sunbury Lock at half-past three. The river is sweetly pretty just there before you come to the gates, and the backwater is charming; but don't attempt to row up it.

I tried to do so once. I was sculling, and asked the fellows who were steering if they thought it could be done, and they said, oh, yes, they thought so, if I pulled hard. We were just under the little foot-bridge that crosses it between the two weirs, when they said this, and I bent down over the sculls, and set myself up, and pulled.

I pulled splendidly. I got well into a steady rhythmical swing. I put my arms, and my legs, and my back into it. I set myself a good, quick, dashing stroke, and worked in really grand style. My two friends said it was a pleasure to watch me. At the end of five minutes, I thought we ought to be pretty near the weir, and I

жизнью, чтобы спасти душу своего возлюбленного. Он умер и встретил в воздухе ее дух, а потом, в последнем куплете, он изменил ее духу и удрал с другим духом. Я не совсем уверен в подробностях, но знаю, что это было что-то очень печальное. Герр Бошен сказал, что ему пришлось однажды петь эту песню в присутствии германского императора, и он (германский император) рыдал, как дитя. Он (герр Бошен) заявил, что эта песня вообще считается одной из самых трагических и чувствительных в немецкой музыкальной литературе.

Мы были в тяжелом, очень тяжелом положении. Отвечать, казалось, было нечего. Мы поискали глазами двух молодых людей, которые нас так подвели, но они незаметным образом скрылись, едва только песня была окончена. Таков был конец этого вечера. Я никогда не видел, чтобы гости расходились так тихо, без всякой суеты. Мы даже не попрощались друг с другом. Мы спускались вниз поодиночке, стараясь ступать бесшумно и придерживаясь неосвещенной стороны. Мы шепотом просили лакея подать нам пальто, сами открывали двери, выскальзывали и поскорее сворачивали за угол, избегая смотреть друг на друга.

С тех пор я уже никогда не проявлял особого интереса к немецким песням.

В половине четвертого мы подошли к шлюзу Санбери. Река здесь полна очарования, и отводный канал удивительно красив, но не пробуйте подняться по нему на веслах.

Однажды я попробовал это сделать. Я сидел на веслах и спросил приятелей, которые правили рулем, можно ли подняться вверх по течению. Они ответили: да, разумеется, если я очень постараюсь. Когда они это сказали, мы были как раз под пешеходным мостиком, переброшенным между двумя дамбами. Я собрался с силами, налег на весла и начал грести.

Я грел великолепно. У меня скоро выработался непрерывный ритмический мах. Я действовал руками, ногами, спиной. Я грел быстро и красиво, работал в блестящем стиле. Приятели говорили, что смотреть на меня - чистое удовольствие. Когда прошло пять минут, я решил, что мы должны быть уже близко от запруды, я поднял

looked up. We were under the bridge, in exactly the same spot that we were when I began, and there were those two idiots, injuring themselves by violent laughing. I had been grinding away like mad to keep that boat stuck still under that bridge. I let other people pull up backwaters against strong streams now.

We sculled up to Walton, a rather large place for a riverside town. As with all riverside places, only the tiniest corner of it comes down to the water, so that from the boat you might fancy it was a village of some half-dozen houses, all told. Windsor and Abingdon are the only towns between London and Oxford that you can really see anything of from the stream. All the others hide round corners, and merely peep at the river down one street: my thanks to them for being so considerate, and leaving the river-banks to woods and fields and water-works.

Even Reading, though it does its best to spoil and sully and make hideous as much of the river as it can reach, is good-natured enough to keep its ugly face a good deal out of sight.

Caesar, of course, had a little place at Walton - a camp, or an entrenchment, or something of that sort. Caesar was a regular up-river man. Also Queen Elizabeth, she was there, too. You can never get away from that woman, go where you will. Cromwell and Bradshaw (not the guide man, but the King Charles's head man) likewise sojourned here. They must have been quite a pleasant little party, altogether.

There is an iron "scold's bridle" in Walton Church. They used these things in ancient days for curbing women's tongues. They have given up the attempt now. I suppose iron was getting scarce, and nothing else would be strong enough.

There are also tombs of note in the church, and I was afraid I should never get Harris past them; but he didn't seem to think of them, and we went on. Above the bridge the river winds tremendously. This makes it look picturesque; but it irritates you from a towing or sculling point of view, and causes argument between the man who is pulling and the man who is steering.

глаза. Мы стояли под мостом, на том самом месте, с которого я начал, а мои два идиота хохотали так, что рисковали заболеть. Я, оказывается, лез из кожи, чтобы удержать лодку на одном месте, под мостом. Пусть теперь другие пробуют ходить на веслах по отводным каналам против сильного течения!

Мы поднялись вверх до Уолтона. Это одно из сравнительно больших местечек на побережье. Как и во всех прибрежных городах, только крошечный уголок Уолтона спускается к реке, так, что с лодки может показаться, что это деревушка, состоящая из какого-нибудь десятка домиков. Кроме Виндзора и Эдингтона, между Лондоном и Оксфордом нет ни одного города, который был бы виден с реки целиком. Все остальные прячутся за углом и выглядывают на реку только какой-нибудь одной улицей. Спасибо им за то, что они так деликатны и предоставляют берега лесам, полям и водопроводным станциям.

Даже Рэдинг, хотя, он из всех сил старается изгадить, загрязнить и обезобразить как можно более обширный участок реки, достаточно добродушен, чтобы спрятать значительную часть своего некрасивого лица.

У Цезаря, разумеется, было именице также и около Уолтона: лагерь, укрепление или что-то в этом роде. Цезарь ведь был большой любитель рек. Королева Елизавета тоже бывала здесь. От этой женщины никуда не скроешься. Кромвель и Брэдшо (не автор путеводителя, а судья, приговоривший к смерти короля Карла) тоже сюда заглядывали. Веселенькая, вероятно, была компания.

"В Уолтонской церкви хранится железная "узда для сварливых". В прежнее время эти предметы употребляли, чтобы обуздать женщинам языки. Теперь от таких попыток отказались. Вероятно, железа стало мало, а всякий другой материал для этого слишком мягок.

В той же церкви есть несколько интересных могил, и я боялся, что мне не удастся оттащить от них Гарриса. Но он, видимо, о них не думал, и мы продолжали путь. Выше моста река удивительно извилиста. Это придает ей живописность, но действует раздражающе на тех, кто гребет или тянет бечеву, и вызывает споры между гребцом и рулевым.

You pass Oatlands Park on the right bank here. It is a famous old place. Henry VIII. stole it from some one or the other, I forget whom now, and lived in it. There is a grotto in the park which you can see for a fee, and which is supposed to be very wonderful; but I cannot see much in it myself. The late Duchess of York, who lived at Oatlands, was very fond of dogs, and kept an immense number. She had a special graveyard made, in which to bury them when they died, and there they lie, about fifty of them, with a tombstone over each, and an epitaph inscribed thereon.

Well, I dare say they deserve it quite as much as the average Christian does.

At "Corway Stakes" - the first bend above Walton Bridge - was fought a battle between Caesar and Cassivelaunus. Cassivelaunus had prepared the river for Caesar, by planting it full of stakes (and had, no doubt, put up a notice-board). But Caesar crossed in spite of this. You couldn't choke Caesar off that river. He is the sort of man we want round the backwaters now.

Halliford and Shepperton are both pretty little spots where they touch the river; but there is nothing remarkable about either of them. There is a tomb in Shepperton churchyard, however, with a poem on it, and I was nervous lest Harris should want to get out and fool round it. I saw him fix a longing eye on the landing-stage as we drew near it, so I managed, by an adroit movement, to jerk his cap into the water, and in the excitement of recovering that, and his indignation at my clumsiness, he forgot all about his beloved graves.

At Weybridge, the Wey (a pretty little stream, navigable for small boats up to Guildford, and one which I have always been making up my mind to explore, and never have), the Bourne, and the Basingstoke Canal all enter the Thames together. The lock is just opposite the town, and the first thing that we saw, when we came in view of it, was George's blazer on one of the lock gates, closer inspection showing that George was inside it.

Montmorency set up a furious barking, I

На правом берегу расположен Отлэндс-парк. Это знаменитое старинное поместье. Генрих VIII украл его у кого-то, не помню у кого, и поселился там. В парке есть грот, который можно осматривать за плату. Он считается очень интересным, но я лично не нахожу в нем ничего особенного. Покойная герцогиня Йоркская, которая жила в этом поместье, очень любила собак и держала их несметное количество. Она устроила особое кладбище, чтобы хоронить собак, когда они околеют, и теперь их лежит там штук пятьдесят, и над каждой поставлен надгробный камень с надписью.

Ну что же, сказать по правде, они заслуживают этого в такой же мере, как любой заурядный христианин.

У Коруэй-Стэйкса, - первой излучины после Уолтонского моста, - произошла битва между Цезарем и Кассивелауном. Кассивелаун, ожидая прихода Цезаря, понатыкал в реку столбов (и, наверное, прибил к ним доски с надписями). Но Цезарь все же перешел на другой берег. Цезаря нельзя было отогнать от этой реки. Вот кто бы нам теперь пригодился, чтобы воевать с приречными землевладельцами!

Хэллифорд и Шеппертон - красивые местечки в той части, где они подходят к реке, но в них нет ничего примечательного. На шеппертонском кладбище есть, правда, могила, на которой воздвигнут камень со стихами, и я опасался, как бы Гаррис не пожелал выйти и побродить вокруг нее. Я увидел, с какой тоской он смотрел на пристань, когда мы подъезжали, и ловким движеньем сбросил его кепку в воду.хлопоты, связанные с ее выуживанием, и гнев на мою неловкость заставили Гарриса позабыть о своих любимых могилах.

Близ Уэйбриджа река Уэй (симпатичная речонка, по которой можно проплыть в небольшой лодке до самого Гилдфорда; я давно собираюсь исследовать ее, но так и не собрался), Берн и Бэзингстокский канал сливаются и вместе впадают в Темзу. Шлюз находится как раз напротив городка, и первое, что мы заметили, когда он стал виден, была фуфайка Джорджа у одного из ворот шлюза. Ближайшее исследование выяснило, что она облекала тело своего обладателя.

shrieked, Harris roared; George waved his hat, and yelled back. The lock-keeper rushed out with a drag, under the impression that somebody had fallen into the lock, and appeared annoyed at finding that no one had.

George had rather a curious oilskin-covered parcel in his hand. It was round and flat at one end, with a long straight handle sticking out of it.

"What's that?" said Harris - "a frying-pan?"

"No," said George, with a strange, wild look glittering in his eyes; "they are all the rage this season; everybody has got them up the river. It's a banjo."

"I never knew you played the banjo!" cried Harris and I, in one breath.

"Not exactly," replied George: "but it's very easy, they tell me; and I've got the instruction book!"

CHAPTER IX

GEORGE IS INTRODUCED TO WORK. -
HEATHENISH INSTINCTS OF TOW-LINES. -
UNGRATEFUL CONDUCT OF A DOUBLE-
SCULLING SKIFF. - TOWERS AND TOWED. - A
USE DISCOVERED FOR LOVERS. - STRANGE
DISAPPEARANCE OF AN ELDERLY LADY. -
MUCH HASTE, LESS SPEED. - BEING TOWED
BY GIRLS: EXCITING SENSATION. - THE
MISSING LOCK OR THE HAUNTED RIVER. -
MUSIC. - SAVED!

WE made George work, now we had got him. He did not want to work, of course; that goes without saying. He had had a hard time in the City, so he explained. Harris, who is callous in his nature, and not prone to pity, said:

"Ah! and now you are going to have a hard time on the river for a change; change is good for everyone. Out you get!"

He could not in conscience - not even George's conscience - object, though he did suggest that, perhaps, it would be better for him to stop in the boat, and get tea ready, while Harris and I

Монморенси поднял дикий лай, я завопил, Гаррис заорал. Джордж крикнул нам в ответ. Сторож шлюза выбежал с драгой в руках, уверенный, что кто-нибудь упал в воду, и был явно раздосадован, убедившись в своей ошибке.

Джордж держал в руках какой-то странный пакет, завернутый в клеенку. Он был круглый и плоский на конце, и из него торчала длинная прямая ручка.

- Что Это такое? - спросил Гаррис. - Сковородка?

- Нет, - ответил Джордж, поглядывая на нас с каким-то опасным блеском в глазах. - В этом году это очень модно. Все берут их с собой на реку. Это - банджо.

- Вот не знал, что ты играешь на банджо? - вскричали мы с Гаррисом в один голос.

- Я и не играю, - ответил Джордж. - Но это, говорят, очень легко. Кроме того, у меня есть самоучитель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джорджа запрягают в работу. Дурные инстинкты бечевы. Неблагодарное поведение четырехвесельной лодки. Влекущие и влекомые. Новое занятие для влюбленных. Странное исчезновение пожилой дамы. Поспешишь - людей насмешишь. На бечеве за девушками - сильное ощущение. Пропавший шлюз, или заколдованная река. Музыка. Спасены!

Заполучив, наконец, Джорджа, мы заставили его работать. Джорджу, конечно, не хотелось работать - это само собой разумеется. Ему порядком пришлось потрудиться в Сити, объяснил он. Гаррис, человек по натуре черствый и не склонный к жалости, сказал:

- Ах, вот как! Ну, а теперь тебе придется для разнообразия потрудиться на реке. Перемена полезна всякому. Выходи-ка!

По совести (даже при такой совести, как у Джорджа) Джорджу было нечего возразить, хотя он высказал мнение, что, может быть, ему лучше остаться в лодке и приготовить чай, в то время

towed, because getting tea was such a worrying work, and Harris and I looked tired. The only reply we made to this, however, was to pass him over the tow-line, and he took it, and stepped out.

There is something very strange and unaccountable about a tow-line. You roll it up with as much patience and care as you would take to fold up a new pair of trousers, and five minutes afterwards, when you pick it up, it is one ghastly, soul-revolting tangle.

I do not wish to be insulting, but I firmly believe that if you took an average tow-line, and stretched it out straight across the middle of a field, and then turned your back on it for thirty seconds, that, when you looked round again, you would find that it had got itself altogether in a heap in the middle of the field, and had twisted itself up, and tied itself into knots, and lost its two ends, and become all loops; and it would take you a good half-hour, sitting down there on the grass and swearing all the while, to disentangle it again.

That is my opinion of tow-lines in general. Of course, there may be honourable exceptions; I do not say that there are not. There may be tow-lines that are a credit to their profession - conscientious, respectable tow-lines - tow-lines that do not imagine they are crochet- work, and try to knit themselves up into antimacassars the instant they are left to themselves. I say there MAY be such tow-lines; I sincerely hope there are. But I have not met with them.

This tow-line I had taken in myself just before we had got to the lock. I would not let Harris touch it, because he is careless. I had looped it round slowly and cautiously, and tied it up in the middle, and folded it in two, and laid it down gently at the bottom of the boat. Harris had lifted it up scientifically, and had put it into George's hand. George had taken it firmly, and held it away from him, and had begun to unravel it as if he were taking the swaddling clothes off a new-born infant; and, before he had unwound a dozen yards, the thing was more like a badly-made door-mat than anything else.

как мы с Гаррисом будем тянуть бечеву. Ведь приготовление чая - очень утомительное занятие, а мы с Гаррисом, видимо, устали. Вместо ответа мы передали ему бечеву, и он взял ее и вышел из лодки.

У бечевы есть некоторые странные и необъяснимые свойства. Вы сматываете ее так терпеливо и бережно, словно задумали сложить новые брюки, а пять минут спустя, подняв ее с земли, видите, что она превратилась в какой-то ужасный, отвратительный клубок.

Я не хочу никого обидеть, но я твердо убежден, что если взять обыкновенную бечеву, растянуть ее посреди поля и на полминуты отвернуться, то окажется, что она за это время собралась в кучу, скрутилась, завязалась в узлы и превратилась в сплошные петли, а оба ее конца куда-то исчезли. Чтобы распутать ее, вам придется добрых полчаса просидеть на траве, непрерывно ругаясь.

Таково мое мнение о бечевках вообще. Конечно, могут быть достойные исключения, - я не говорю, что их нет. Может быть, существуют бечевки, делающие честь своему сословию, - добросовестные, почтенные бечевки, которые не изображают из себя вязальных ниток и не пытаются превратиться в салфеточки, как только их предоставят самим себе. Повторяю, подобные бечевки, может быть, и существуют. Я искренне надеюсь, что это так. Но мне не приходилось с ними встречаться.

Нашей бечевкой я занялся самолично незадолго до того, как мы подъехали к шлюзу. Я не позволил Гаррису прикасаться к ней, потому что Гаррис небрежен. Я медленно и старательно сматал ее, завязал посредине, сложил пополам и тихонько опустил на дно лодки; Гаррис по всем правилам искусства поднял ее и вложил в руку Джорджа. Джордж, крепко держа бечеву, отставил руку подальше и начал ее разматывать с такой осторожностью, словно распеленывал новорожденного младенца. Но не успел он раскрутить и десяти ярдов, как она уподобилась плетеному коврику, сделанному неумелыми руками новичка.

It is always the same, and the same sort of thing always goes on in connection with it. The man on the bank, who is trying to disentangle it, thinks all the fault lies with the man who rolled it up; and when a man up the river thinks a thing, he says it.

"What have you been trying to do with it, make a fishing-net of it? You've made a nice mess you have; why couldn't you wind it up properly, you silly dummy?" he grunts from time to time as he struggles wildly with it, and lays it out flat on the tow-path, and runs round and round it, trying to find the end.

On the other hand, the man who wound it up thinks the whole cause of the muddle rests with the man who is trying to unwind it.

"It was all right when you took it!" he exclaims indignantly. "Why don't you think what you are doing? You go about things in such a slap-dash style. You'd get a scaffolding pole entangled you would!"

And they feel so angry with one another that they would like to hang each other with the thing. Ten minutes go by, and the first man gives a yell and goes mad, and dances on the rope, and tries to pull it straight by seizing hold of the first piece that comes to his hand and hauling at it. Of course, this only gets it into a tighter tangle than ever. Then the second man climbs out of the boat and comes to help him, and they get in each other's way, and hinder one another. They both get hold of the same bit of line, and pull at it in opposite directions, and wonder where it is caught. In the end, they do get it clear, and then turn round and find that the boat has drifted off, and is making straight for the weir.

This really happened once to my own knowledge. It was up by Boveney, one rather windy morning. We were pulling down stream, and, as we came round the bend, we noticed a couple of men on the bank. They were looking at each other with as bewildered and helplessly miserable expression as I have ever witnessed on any human countenance before or since, and they held a long tow-line between them. It was clear that something had happened, so we eased up and asked them what was the matter.

Так бывает всегда, и это неизменно влечет за собой одинаковые последствия. Человек на берегу, который пытается размотать бечеву, думает, что во всем виноват тот, кто ее сматывал. А когда человек на берегу реки что-нибудь думает, он высказывает это без обиняков.

- Что ты делал с этой бечевой? хотел сплести из нее рыбачью сеть? Здорово же ты ее запутал! Неужели нельзя было свернуть ее по-человечески, дуралей ты этакий! Не переставая ворчать, он ведет отчаянную борьбу с бечевой, растягивает ее на дороге и бежит вокруг, стараясь найти ее конец.

Со своей стороны человек, который сматывал бечеву, думает, что основной виновник - тот, кто пытается ее раскрутить.

- Когда ты ее взял, она была в порядке! - с негодованием восклицает он. - Надо же думать о том, что делаешь! У тебя всегда все выходит кое-как. Ты ухитришься завязать узлом строительную балку!

Оба до того разгневаны, что каждому хочется повесить другого на этой самой бечеве. Проходит еще десять минут - и человек на берегу издает пронзительный вопль и впадает в бешенство. Он начинает плясать вокруг веревки и, желая ее распутать, тянет первую попавшуюся петлю. Разумеется, бечева от этого запутывается еще больше. Тогда его товарищ вылезает из лодки и хочет ему помочь, но они только толкаются и мешают друг другу. Оба хватаются за один и тот же кусок веревки и тянут его в разные стороны, не понимая, почему он не поддается. В конце концов они распутывают веревку и, обернувшись к реке, убеждаются, что их лодку отнесло от берега и гонит к запруде.

Мне самому пришлось быть свидетелем такого случая. Это произошло утром у Бовени, в довольно ветреную погоду. Мы гребли вниз по течению и, обогнув небольшой мыс, увидели на берегу двух человек. Они смотрели друг на друга с таким растерянным и беспомощно-огорченным выражением, какого я ни прежде, ни после не видел на человеческом лице. Каждый держал в руке конец длинной бечевы. Было ясно, что что-то случилось, мы замедлили ход и спросили их, в чем дело.

"Why, our boat's gone off!" they replied in an indignant tone. "We just got out to disentangle the tow-line, and when we looked round, it was gone!"

And they seemed hurt at what they evidently regarded as a mean and ungrateful act on the part of the boat.

We found the truant for them half a mile further down, held by some rushes, and we brought it back to them. I bet they did not give that boat another chance for a week.

I shall never forget the picture of those two men walking up and down the bank with a tow-line, looking for their boat.

One sees a good many funny incidents up the river in connection with towing. One of the most common is the sight of a couple of towers, walking briskly along, deep in an animated discussion, while the man in the boat, a hundred yards behind them, is vainly shrieking to them to stop, and making frantic signs of distress with a scull. Something has gone wrong; the rudder has come off, or the boat-hook has slipped overboard, or his hat has dropped into the water and is floating rapidly down stream. He calls to them to stop, quite gently and politely at first.

"Hi! stop a minute, will you?" he shouts cheerily. "I've dropped my hat over-board."

Then: "Hi! Tom - Dick! can't you hear?" not quite so affably this time.

Then: "Hi! Confound YOU, you dunder-headed idiots! Hi! stop! Oh you - !"

After that he springs up, and dances about, and roars himself red in the face, and curses everything he knows. And the small boys on the bank stop and jeer at him, and pitch stones at him as he is pulled along past them, at the rate of four miles an hour, and can't get out.

Much of this sort of trouble would be saved if those who are towing would keep remembering that they are towing, and give a pretty frequent look round to see how their man is getting on. It is best to let one person tow. When two are doing it, they get chattering, and forget, and the

- Нашу лодку угнало, - ответили они негодующим тоном. - Мы только вышли, чтобы распутать бечеву, а когда мы оглянулись, лодка исчезла.

Они были явно оскорблены таким низким и неблагодарным поступком своей лодки.

Мы нашли беглянку, - она застряла в камышах на полмили ниже, - и привели ее назад. Бьюсь об заклад, что после этого они целую неделю не давали ей случая поплавать на свободе.

Я никогда не забуду, как эти двое ходили взад и вперед по берегу с бечевой в руках и разыскивали свою лодку.

Много забавных картинок можно наблюдать на реке! Часто приходится видеть, как двое быстро идут по берегу, таща за собой лодку и оживленно беседуя, а пассажир, в сотне ярдов позади них, тщетно кричит им, чтобы они остановились, и отчаянно размахивает веслом. У него что-то неладно - либо сломался руль, либо багор упал в воду, или шляпа слетела с головы и быстро плывет вниз по течению. Он оросит товарищей остановиться, сначала кротко и вежливо.

- Эй, постойте-ка минутку! - весело кричит он. - Я уронил за борт шляпу.

Потом уже менее добродушно: - Эй, Том, Дик, не слышите вы, что ли?!

Затем: - Эй, черт вас возьми, идиоты вы этакие, стойте! Ах, чтоб вас!..

Тут он вскакивает и начинает метаться по лодке, багровея от крика и ругая все и вся. Мальчишки на берегу останавливаются, хохочут и кидают в него камнями, а он проносится мимо них со скоростью четырех миль в час и не может выйти.

Многих подобных неприятностей было бы легко избежать, если бы те, кто тянет лодку, помнили, что они ее тянут, и почаще оглядывались на своего спутника. Лучше, чтобы бечеву тянул кто-нибудь один. Если это делают двое, они, заболтавшись, забывают обо всем на свете, а

boat itself, offering, as it does, but little resistance, is of no real service in reminding them of the fact.

As an example of how utterly oblivious a pair of towers can be to their work, George told us, later on in the evening, when we were discussing the subject after supper, of a very curious instance.

He and three other men, so he said, were sculling a very heavily laden boat up from Maidenhead one evening, and a little above Cookham lock they noticed a fellow and a girl, walking along the towpath, both deep in an apparently interesting and absorbing conversation. They were carrying a boat-hook between them, and, attached to the boat-hook was a tow-line, which trailed behind them, its end in the water. No boat was near, no boat was in sight. There must have been a boat attached to that tow-line at some time or other, that was certain; but what had become of it, what ghastly fate had overtaken it, and those who had been left in it, was buried in mystery. Whatever the accident may have been, however, it had in no way disturbed the young lady and gentleman, who were towing. They had the boat-hook and they had the line, and that seemed to be all that they thought necessary to their work.

George was about to call out and wake them up, but, at that moment, a bright idea flashed across him, and he didn't. He got the hitcher instead, and reached over, and drew in the end of the tow-line; and they made a loop in it, and put it over their mast, and then they tidied up the sculls, and went and sat down in the stern, and lit their pipes.

And that young man and young woman towed those four hulking chaps and a heavy boat up to Marlow.

George said he never saw so much thoughtful sadness concentrated into one glance before, as when, at the lock, that young couple grasped the idea that, for the last two miles, they had been towing the wrong boat. George fancied that, if it had not been for the restraining influence of the sweet woman at his side, the young man might have given way to violent language.

лодка, которая оказывает весьма небольшое сопротивление, не может им напомнить, чем они заняты.

Как пример того, до какой степени двое людей, тянущих лодку, могут забыть о своем деле, Джордж рассказал нам вечером, когда мы разговаривали на эту тему, одну очень любопытную историю.

Однажды под вечер, рассказывал Джордж, ему пришлось вместе с тремя другими гребцами вести тяжело нагруженную лодку вверх по реке от Мэйденхеда. Несколько выше Кукхэмского шлюза они заметили какого-то человека и девушку, которые шли по дороге, видимо поглощенные интересным разговором. В руках у них был багор, а от багра тянулась привязанная к нему бечева, конец которой скрылся под водой. Но лодка отсутствовала, лодки нигде не было видно. Когда-то к этой бечеве несомненно была привязана лодка. Но что с ней случилось, какая ужасная судьба постигла ее и тех, кто в ней сидел, - это было окутано тайной. Несчастье с лодкой, каково бы оно ни было, видимо, не очень беспокоило молодого человека и барышню. Веревка и багор были при них, и это, очевидно, казалось им вполне достаточным.

Джордж хотел было крикнуть и разбудить их, но вдруг у него в голове мелькнула блестящая идея, и он промолчал. Схватив багор, он наклонился и подтянул к себе конец веревки; спутники Джорджа сделали на нем петлю и накинули ее на свою мачту, а потом выбрали весла, уселись на корме и закурили трубки.

И молодой человек с барышней проволокли тяжелую лодку и этих четырех увесистых нахалов до самого Марло.

По словам Джорджа, он никогда не видел в чьем-либо взоре столько задумчивой грусти, как у этих молодых людей, когда, достигнув шлюза, они убедились, что целые две мили тянули на бечеве чужую лодку. Джордж подумал, что, если бы не сдерживающее влияние кроткой женщины, юноша, пожалуй, не удержался бы от резких выражений.

The maiden was the first to recover from her surprise, and, when she did, she clasped her hands, and said, wildly:

"Oh, Henry, then WHERE is auntie?"

"Did they ever recover the old lady?" asked Harris.

George replied he did not know.

Another example of the dangerous want of sympathy between tower and towed was witnessed by George and myself once up near Walton. It was where the tow-path shelves gently down into the water, and we were camping on the opposite bank, noticing things in general. By-and-by a small boat came in sight, towed through the water at a tremendous pace by a powerful barge horse, on which sat a very small boy. Scattered about the boat, in dreamy and reposeful attitudes, lay five fellows, the man who was steering having a particularly restful appearance.

"I should like to see him pull the wrong line," murmured George, as they passed. And at that precise moment the man did it, and the boat rushed up the bank with a noise like the ripping up of forty thousand linen sheets. Two men, a hamper, and three oars immediately left the boat on the larboard side, and reclined on the bank, and one and a half moments afterwards, two other men disembarked from the starboard, and sat down among boat-hooks and sails and carpet-bags and bottles. The last man went on twenty yards further, and then got out on his head.

This seemed to sort of lighten the boat, and it went on much easier, the small boy shouting at the top of his voice, and urging his steed into a gallop. The fellows sat up and stared at one another. It was some seconds before they realised what had happened to them, but, when they did, they began to shout lustily for the boy to stop. He, however, was too much occupied with the horse to hear them, and we watched them, flying after him, until the distance hid them from view.

I cannot say I was sorry at their mishap. Indeed, I only wish that all the young fools who have their boats towed in this fashion - and plenty do

Девушка опомнилась первой и, ломая руки, воскликнула отчаянным голосам:

- Генри, а где же тетя?!

- Что же, нашли они свою престарелую родственницу? - спросил Гаррис.

Джордж отвечал, что не знает этого.

Другой случай отсутствия духовной связи между влекущими и влекомыми пришлось однажды наблюдать мне самому вместе с Джорджем около Уолтона. Это было в том месте, где дорога отлого спускается к воде. Мы сидели на другом берегу и смотрели на реку. Через некоторое время в виду показалась небольшая лодка. Она во весь опор мчалась по воде, влекомая могучей лошадью, на которой сидел очень маленький мальчик. В лодке мирно дремали в спокойных позах пять человек; особенно безмятежный вид был у рулевого.

- Хотел бы я, чтобы он потянул не за ту веревку, - пробормотал Джордж, когда лодка плыла мимо. И сейчас же рулевой сделал это, и лодка налетела на берег с таким треском, словно кто-то разорвал сразу сорок тысяч полотняных простынь. Два человека, корзина и три весла немедленно вылетели из лодки с бакборта и рассыпались по берегу; полторы секунды спустя еще двое покинули ее со штирборта и плюхнулись наземь среди крюков, парусов, мешков и бутылок. Последний пассажир проехал двадцатью ярдами больше и в конце концов вылетел головой вперед.

Это, видимо, облегчило лодку, и она пошла много быстрее; мальчик гикнул и пустил коня вскачь. Путники приподнялись и уставились друг на друга. Прошло несколько секунд, прежде чем они сообразили, что случилось; поняв это, они начали яростно кричать мальчишке, чтобы он остановился, но мальчишка был занят своей лошадью и ничего не слышал. Мы смотрели, как они мчались за ним следом, пока расстояние не скрыло их от нас.

Нельзя сказать, чтобы мне было их жалко. Наоборот, я желал бы, чтобы все болваны, которые заставляют тащить свои лодки таким

- could meet with similar misfortunes. Besides the risk they run themselves, they become a danger and an annoyance to every other boat they pass. Going at the pace they do, it is impossible for them to get out of anybody else's way, or for anybody else to get out of theirs. Their line gets hitched across your mast, and overturns you, or it catches somebody in the boat, and either throws them into the water, or cuts their face open. The best plan is to stand your ground, and be prepared to keep them off with the butt-end of a mast.

Of all experiences in connection with towing, the most exciting is being towed by girls. It is a sensation that nobody ought to miss. It takes three girls to tow always; two hold the rope, and the other one runs round and round, and giggles. They generally begin by getting themselves tied up. They get the line round their legs, and have to sit down on the path and undo each other, and then they twist it round their necks, and are nearly strangled. They fix it straight, however, at last, and start off at a run, pulling the boat along at quite a dangerous pace. At the end of a hundred yards they are naturally breathless, and suddenly stop, and all sit down on the grass and laugh, and your boat drifts out to mid-stream and turns round, before you know what has happened, or can get hold of a scull. Then they stand up, and are surprised.

"Oh, look!" they say; "he's gone right out into the middle."

They pull on pretty steadily for a bit, after this, and then it all at once occurs to one of them that she will pin up her frock, and they ease up for the purpose, and the boat runs aground.

You jump up, and push it off, and you shout to them not to stop.

"Yes. What's the matter?" they shout back.

"Don't stop," you roar.

"Don't what?"

"Don't stop - go on - go on!"

"Go back, Emily, and see what it is they want," says one; and Emily comes back, and asks what it is.

способом (а это делают очень многие), испытали подобное же несчастье. Не говоря о риске, которому подвергаются они сами, их лодка представляет опасность и неудобство для других. Идя таким ходом, они не могут свернуть в сторону и лишают других возможности посторониться. Их бечева цепляется за вашу мачту и перевертывает вас или задевает кого-нибудь из сидящих в лодке и либо сбрасывает его в воду, либо раскраивает ему физиономию. Самое правильное в таких случаях стойко держаться и быть готовым встретить их нижним концом мачты.

Из всех переживаний, связанных с бечевой, самое волнующее - когда ее тянут девушки. Это ощущение должен узнать всякий. Для того чтобы тянуть бечеву, всегда требуются три девушки: две тянут, третья бежит вокруг них и хохочет. Начинается обычно с того, что веревка обвивается у них вокруг ног, и им приходится садиться на дорогу и распутывать друг друга. Потом они наматывают веревку себе на шею и едва избегают удушения. В конце концов дело налаживается, и девушки бегом пускаются в путь с прямо-таки опасной скоростью. Через сто ярдов они, естественно, уже выдохлись и, внезапно остановившись, со смехом садятся на траву, а вашу лодку, прежде чем вы успели сообразить, в чем дело, и схватиться за весло, выносит на середину реки и начинает крутить. Девушки встают на ноги и громко удивляются.

- Посмотрите-ка, - говорят они, - он выехал на самую середину.

После этого они некоторое время тянут довольно прилежно. Вдруг одна из них вспоминает, что ей необходимо подколлоть платье. Девушки замедляют ход, и лодка садится на мель.

Вы вскакиваете, сталкиваете лодку и кричите барышням, чтобы они не останавливались.

- Что? Что случилось? - кричат они вам в ответ.

- Не останавливайтесь! - вопите вы.

- Что?! Что?!

- Не останавливайтесь! Идите вперед! Вперед!

- Пойди, Эмили, узнай, что им нужно? - говорит одна из девушек. Эмили возвращается назад и спрашивает, в чем дело.

"What do you want?" she says; "anything happened?"

"No," you reply, "it's all right; only go on, you know - don't stop."

"Why not?"

"Why, we can't steer, if you keep stopping. You must keep some way on the boat."

"Keep some what?"

"Some way - you must keep the boat moving."

"Oh, all right, I'll tell `em. Are we doing it all right?"

"Oh, yes, very nicely, indeed, only don't stop."

"It doesn't seem difficult at all. I thought it was so hard."

"Oh, no, it's simple enough. You want to keep on steady at it, that's all."

"I see. Give me out my red shawl, it's under the cushion."

You find the shawl, and hand it out, and by this time another one has come back and thinks she will have hers too, and they take Mary's on chance, and Mary does not want it, so they bring it back and have a pocket-comb instead. It is about twenty minutes before they get off again, and, at the next corner, they see a cow, and you have to leave the boat to chivy the cow out of their way.

There is never a dull moment in the boat while girls are towing it.

George got the line right after a while, and towed us steadily on to Penton Hook. There we discussed the important question of camping. We had decided to sleep on board that night, and we had either to lay up just about there, or go on past Staines. It seemed early to think about shutting up then, however, with the sun still in the heavens, and we settled to push straight on for Runnymede, three and a half miles further, a quiet wooded part of the river, and where there is good shelter.

- Что вам нужно? - спрашивает она. - Что-нибудь случилось?

- Нет, все в порядке, - отвечаете вы. - Только идите вперед, не останавливайтесь.

- почему?

- Если вы будете останавливаться, мы не сможем править. Вы должны держать лодку в движении.

- Держать В чем?

- В движении. лодка должна двигаться.

- Ладно, я им скажу. Что, хорошо мы тянем?

- Да, очень мило. Только не останавливайтесь.

- Это, оказывается, вовсе не трудно. Я думала, что это много тяжелей.

- Нет, это очень просто. Надо только все время тянуть. Вот и все.

- Понимаю. Достаньте мне мою красную шаль. Она под подушкой.

Вы отыскиваете шаль и подаете ее Эмили. В это время подходит другая девушка и тоже высказывает желание взять шаль. На всякий случай они берут шаль и для Мэри, но Мэри она, оказывается, не нужна, так что девушки приносят ее обратно и берут вместо нее гребень. На все это уходит минут двадцать. Наконец девушки снова трогаются в путь, но на следующем повороте они видят корову - и приходится вылезать из лодки и прогонять корову.

Нет, правда, в лодке никогда не бывает скучно, когда ее перевозят молодые девушки.

Джордж через некоторое время наладил бечеву и провел нас, не останавливаясь, до Пентон-Хука. Там мы принялись обсуждать важный вопрос о ночлеге. Мы решили провести эту ночь в лодке, и нам предстояло сделать привал либо здесь, либо уже выше Стэйнса. Укладываться сейчас, когда солнце еще светило, было рановато. Поэтому мы решили проплыть еще три мили с четвертью до Раннимиды. Это тихий лесистый уголок на реке, где можно найти надежный приют.

We all wished, however, afterward that we had stopped at Penton Hook. Three or four miles up stream is a trifle, early in the morning, but it is a weary pull at the end of a long day. You take no interest in the scenery during these last few miles. You do not chat and laugh. Every half-mile you cover seems like two. You can hardly believe you are only where you are, and you are convinced that the map must be wrong; and, when you have trudged along for what seems to you at least ten miles, and still the lock is not in sight, you begin to seriously fear that somebody must have sneaked it, and run off with it.

I remember being terribly upset once up the river (in a figurative sense, I mean). I was out with a young lady - cousin on my mother's side - and we were pulling down to Goring. It was rather late, and we were anxious to get in - at least SHE was anxious to get in. It was half-past six when we reached Benson's lock, and dusk was drawing on, and she began to get excited then. She said she must be in to supper. I said it was a thing I felt I wanted to be in at, too; and I drew out a map I had with me to see exactly how far it was. I saw it was just a mile and a half to the next lock - Wallingford - and five on from there to Cleeve.

"Oh, it's all right!" I said. "We'll be through the next lock before seven, and then there is only one more;" and I settled down and pulled steadily away.

We passed the bridge, and soon after that I asked if she saw the lock. She said no, she did not see any lock; and I said, "Oh!" and pulled on. Another five minutes went by, and then I asked her to look again.

"No," she said; "I can't see any signs of a lock."

"You - you are sure you know a lock, when you do see one?" I asked hesitatingly, not wishing to offend her.

The question did offend her, however, and she suggested that I had better look for myself; so I laid down the sculls, and took a view. The river stretched out straight before us in the twilight for about a mile; not a ghost of a lock was to be

Впоследствии мы все, однако, жалели, что не остановились у Пентон-Хука. Проплыть три или четыре мили вверх по течению утром - сущий пустяк, но к концу дня это трудное дело. Окружающий ландшафт, вас уже не интересует. Вам больше не хочется болтать и смеяться. Каждая полумиля тянется как две. Вы не верите, что находитесь именно там, где находитесь, и убеждены, что карта врет. Протащившись, как вам кажется, по крайней мере десять миль и все еще не видя шлюза, вы начинаете серьезно опасаться, что кто-нибудь стащил его и удрал.

Я помню, однажды на реке меня совсем перевернуло (в переносном смысле, конечно). Я катался с одной барышней, моей кузиной по материнской линии, и мы плыли вниз по течению к Горингу. Мы слегка опаздывали, и нам хотелось (барышне по крайней мере хотелось) поскорее вернуться домой. Когда мы доплыли до Бенсонского шлюза, было половина седьмого. Надвигались сумерки, и барышня начала волноваться. Она заявила, что ей надо быть дома к ужину. Я заметил, что тоже чувствую стремление не опоздать к этому событию, и вынул карту, чтобы удостовериться, далеко ли нам еще плыть. Я убедился, что до следующего шлюза - Уоллингфордского - остается ровно полторы мили, а оттуда до Клива пять.

- Все в порядке, - сказал я. - Ближайший шлюз мы пройдем еще до семи, а там останется еще только один - и все. - И я налег на весла.

Мы миновали мост, и скоро после этого я спросил, видит ли она шлюз. Она ответила, что не видит. Я сказал: "А-а", - и продолжал грести." Через пять минут я опять задал ей тот же вопрос.

- Нет, - сказала она, - я не вижу никаких признаков шлюза.

- А ты... ты знаешь, что такое шлюз? - спросил я нерешительно, опасаясь, как бы она не обиделась.

Она и вправду обиделась и предложила мне убедиться самому. Я положил весла и оглянулся. Река, окутанная сумерками, была видна примерно на милю вперед, но ничего похожего на шлюз я на

seen.

"You don't think we have lost our way, do you?" asked my companion.

I did not see how that was possible; though, as I suggested, we might have somehow got into the weir stream, and be making for the falls.

This idea did not comfort her in the least, and she began to cry. She said we should both be drowned, and that it was a judgment on her for coming out with me.

It seemed an excessive punishment, I thought; but my cousin thought not, and hoped it would all soon be over.

I tried to reassure her, and to make light of the whole affair. I said that the fact evidently was that I was not rowing as fast as I fancied I was, but that we should soon reach the lock now; and I pulled on for another mile.

Then I began to get nervous myself. I looked again at the map. There was Wallingford lock, clearly marked, a mile and a half below Benson's. It was a good, reliable map; and, besides, I recollected the lock myself. I had been through it twice. Where were we? What had happened to us? I began to think it must be all a dream, and that I was really asleep in bed, and should wake up in a minute, and be told it was past ten.

I asked my cousin if she thought it could be a dream, and she replied that she was just about to ask me the same question; and then we both wondered if we were both asleep, and if so, who was the real one that was dreaming, and who was the one that was only a dream; it got quite interesting.

I still went on pulling, however, and still no lock came in sight, and the river grew more and more gloomy and mysterious under the gathering shadows of night, and things seemed to be getting weird and uncanny. I thought of hobgoblins and banshees, and will-o'-the-wisps, and those wicked girls who sit up all night on rocks, and lure people into whirl- pools and things; and I wished I had been a better man,

ней не заметил.

- А Мы не могли заблудиться? - спросила Моя спутница.

Я отмел такую возможность, хотя и допустил гипотезу, что мы могли каким-то образом попасть в боковое русло и сейчас приближаемся к водопаду.

Эта мысль не доставила ей радости, и она заплакала. Она сказала, что мы оба утонем и что это ей наказание за то, что она поехала со мной.

Мне такое наказание показалось чрезмерно строгим; но кузина моя стояла на своем и хотела только, чтобы все кончилось поскорее.

Я пытался успокоить ее, уговаривал не смотреть на дело так мрачно. Просто я, значит, гребу медленнее, чем мне казалось. Теперь-то уж мы скоро доберемся до шлюза. И я прогреб еще с милю.

После этого я уже сам начал нервничать. Я снова посмотрел на карту. Вот он, Уоллингфордский шлюз, ясно отмечен в полутора милях ниже Бенсонского. Это была хорошая, надежная карта, и, кроме того, я сам помнил этот шлюз. Я проходил его дважды. Где мы находимся? Что с нами произошло? Я начал думать, что все это сон, что на самом деле я сплю в своей кровати и через минуту проснусь и мне скажут, что уже одиннадцатый час.

Я спросил мою кузину, не думает ли она, что это сон. Она ответила, что только что собиралась задать мне тот же вопрос. Потом мы решили, что, может быть, мы оба спим, но в таком случае, кто же из нас действительно видит сон, а кто представляет собой лишь сновиденье? Это становилось даже интересно.

Я продолжал грести, но шлюза по-прежнему не было. Река под набегающей тенью ночи становилась все сумрачней и таинственней, и все предметы казались загадочными и необычными. Я начал думать о домовых, леших, блуждающих огоньках и о тех грешных девушках, которые по ночам сидят на скалах и заманивают людей своим пением в водовороты и омуты. Я раскаивался, что не вел себя лучше и не выучил побольше молитв.

and knew more hymns; and in the middle of these reflections I heard the blessed strains of "He's got `em on," played, badly, on a concertina, and knew that we were saved.

I do not admire the tones of a concertina, as a rule; but, oh! how beautiful the music seemed to us both then - far, far more beautiful than the voice of Orpheus or the lute of Apollo, or anything of that sort could have sounded. Heavenly melody, in our then state of mind, would only have still further harrowed us. A soul-moving harmony, correctly performed, we should have taken as a spirit-warning, and have given up all hope. But about the strains of "He's got `em on," jerked spasmodically, and with involuntary variations, out of a wheezy accordion, there was something singularly human and reassuring.

The sweet sounds drew nearer, and soon the boat from which they were worked lay alongside us.

It contained a party of provincial `Arrys and `Arriets, out for a moonlight sail. (There was not any moon, but that was not their fault.) I never saw more attractive, lovable people in all my life. I hailed them, and asked if they could tell me the way to Wallingford lock; and I explained that I had been looking for it for the last two hours.

"Wallingford lock!" they answered. "Lor' love you, sir, that's been done away with for over a year. There ain't no Wallingford lock now, sir. You're close to Cleeve now. Blow me tight if `ere ain't a gentleman been looking for Wallingford lock, Bill!"

I had never thought of that. I wanted to fall upon all their necks and bless them; but the stream was running too strong just there to allow of this, so I had to content myself with mere cold-sounding words of gratitude.

We thanked them over and over again, and we said it was a lovely night, and we wished them a pleasant trip, and, I think, I invited them all to come and spend a week with me, and my cousin said her mother would be so pleased to see

И вдруг посреди этих размышлений я услышал благословенные звуки песенки "Он их надел", скверно исполняемой на гармонике, и понял, что мы спасены."

Обычно звуки гармоника не вызывают у меня особого восхищения. Но до чего прекрасной показалась нам обоим эта музыка в ту минуту! Много, много прекрасней, чем голос Орфея или лютня Аполлона, или что-нибудь им подобное. Небесная мелодия при нашем тогдашнем состоянии духа лишь еще более расстроила бы нас. Трогательную, хорошо исполняемую музыку мы сочли бы вестью из потустороннего мира и потеряли бы всякую надежду. Но в судорожных, с произвольными вариациями, звуках "Он их надел", извлекаемых из визгливой гармошки, было что-то необыкновенно человеческое и успокоительное."

Эти сладкие звуки слышались все ближе и ближе, и вскоре лодка, с которой они доносились, уже стояла бок о бок с нашей.

В ней находилась компания деревенских кавалеров и барышень, выехавших покататься при лунном свете (луны не было, но это уж не их вина). Никогда в жизни не видел я людей столь привлекательных и милых моему сердцу. Окликнув их, я спросил, не могут ли они указать мне дорогу к Уоллингфордскому шлюзу, и объяснил, что уже целых два часа ищу его.

- Уоллингфордский шлюз! - отвечали они. - Господи боже мой, сэр, вот уже больше года, как с ним разделались. Нет уже больше Уоллингфордского шлюза, сэр! Вы теперь недалеко от Клива. Провалиться мне на этом месте, Билл, если этот джентльмен не ищет Уоллингфордский шлюз!

Такая возможность не приходила мне в голову. Мне хотелось броситься им всем на шею и осыпать их благословениями, но течение было слишком сильно и не допускало этого, так что пришлось ограничиться холодными словами признательности.

Мы благодарили этих людей несчетное число раз. Мы сказали, что сегодня чудесная ночь, и пожелали им приятной прогулки. Я, кажется, даже пригласил их на недельку в гости, а моя

them. And we sang the soldiers' chorus out of FAUST, and got home in time for supper, after all.

CHAPTER X

OUR FIRST NIGHT. - UNDER CANVAS. - AN APPEAL FOR HELP. - CONTRARINESS OF TEA-KETTLES, HOW TO OVERCOME. - SUPPER. - HOW TO FEEL VIRTUOUS. - WANTED! A COMFORTABLY-APPOINTED, WELL-DRAINED DESERT ISLAND, NEIGHBOURHOOD OF SOUTH PACIFIC OCEAN PREFERRED. - FUNNY THING THAT HAPPENED TO GEORGE'S FATHER. - A RESTLESS NIGHT.

HARRIS and I began to think that Bell Weir lock must have been done away with after the same manner. George had towed us up to Staines, and we had taken the boat from there, and it seemed that we were dragging fifty tons after us, and were walking forty miles. It was half-past seven when we were through, and we all got in, and sculled up close to the left bank, looking out for a spot to haul up in.

We had originally intended to go on to Magna Charta Island, a sweetly pretty part of the river, where it winds through a soft, green valley, and to camp in one of the many picturesque inlets to be found round that tiny shore. But, somehow, we did not feel that we yearned for the picturesque nearly so much now as we had earlier in the day. A bit of water between a coal-barge and a gas-works would have quite satisfied us for that night. We did not want scenery. We wanted to have our supper and go to bed. However, we did pull up to the point - "Picnic Point," it is called - and dropped into a very pleasant nook under a great elm-tree, to the spreading roots of which we fastened the boat.

Then we thought we were going to have supper (we had dispensed with tea, so as to save time), but George said no; that we had better get the canvas up first, before it got quite dark, and while we could see what we were doing. Then, he said, all our work would be done, and we could sit down to eat with an easy mind.

кузина сказала, что ее мать будет страшно рада их видеть. "Мы запели хор солдат из "Фауста" и в конце концов все-таки успели домой к ужину."

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Первая ночевка. Под брезентом. Призыв о помощи. Упрямство чайника; как его преодолеть. Ужин. Как почувствовать себя добродетельным. Требуется уютно обставленный, хорошо осушенный необитаемый остров, предпочтительно в южной части Тихого океана. Забавное происшествие с отцом Джорджа. Беспокойная ночь.

Нам с Гаррисом начало казаться, что с Бель-Уирским шлюзом разделились точно таким же образом. Джордж вел нас на бечеве до Стэйнса, там мы сменили его. Нам представлялось, что мы тянем за собой пятьдесят тонн и прошли сорок миль. Когда мы кончили тянуть, было уже половина восьмого. Мы все уселись в лодку и подъехали к левому берегу, ища места, где бы высадиться.

Первоначально мы предполагали пристать к острову Великой Хартии, в тихом, красивом месте, где река вьется по ровной, покрытой зеленью долине, и заночевать в одном из живописных заливчиков, которых так много у этого островка. Но почему-то теперь мы не испытывали такого повышенного стремления к живописному, как утром. Водное пространство между угольной баржей и газовым заводом вполне удовлетворило бы нас в эту ночь. Нам не хотелось красивых пейзажей - нам хотелось поужинать и лечь спать. "Тем не менее мы подгребли к мысу (он называется "Мыс пикников") и остановились в приятном уголке, под могучим вязом, к широко разросшимся корням которого мы привязали нашу лодку."

После этого мы намеревались поужинать, но Джордж сказал: нет! Сначала, пока не совсем стемнело и еще видишь, что делаешь, нам следует натянуть брезент. Тогда с работой будет покончено, и мы с легким сердцем примемся за еду.

Но натягивание брезента оказалось более

That canvas wanted more putting up than I think any of us had bargained for. It looked so simple in the abstract. You took five iron arches, like gigantic croquet hoops, and fitted them up over the boat, and then stretched the canvas over them, and fastened it down: it would take quite ten minutes, we thought.

That was an under-estimate. We took up the hoops, and began to drop them into the sockets placed for them. You would not imagine this to be dangerous work; but, looking back now, the wonder to me is that any of us are alive to tell the tale. They were not hoops, they were demons. First they would not fit into their sockets at all, and we had to jump on them, and kick them, and hammer at them with the boat-hook; and, when they were in, it turned out that they were the wrong hoops for those particular sockets, and they had to come out again.

But they would not come out, until two of us had gone and struggled with them for five minutes, when they would jump up suddenly, and try and throw us into the water and drown us. They had hinges in the middle, and, when we were not looking, they nipped us with these hinges in delicate parts of the body; and, while we were wrestling with one side of the hoop, and endeavouring to persuade it to do its duty, the other side would come behind us in a cowardly manner, and hit us over the head.

We got them fixed at last, and then all that was to be done was to arrange the covering over them. George unrolled it, and fastened one end over the nose of the boat. Harris stood in the middle to take it from George and roll it on to me, and I kept by the stern to receive it. It was a long time coming down to me. George did his part all right, but it was new work to Harris, and he bungled it.

How he managed it I do not know, he could not explain himself; but by some mysterious process or other he succeeded, after ten minutes of superhuman effort, in getting himself completely rolled up in it. He was so firmly wrapped round and tucked in and folded over, that he could not get out. He, of course, made frantic struggles for freedom - the birthright of every Englishman, - and, in doing so (I learned

длительным делом, чем мы предполагали. В теории это выглядит очень просто. Вы берете пять железных дужек, похожих на гигантские воротца для крокета, устанавливаете их вдоль всей лодки, потом натягиваете на них брезент и привязываете его. Это займет минут десять, не больше, думали мы.

Но мы ошиблись. Мы взяли дужки и начали вставлять их в приготовленные для них гнезда. Никто бы не подумал, что это опасная работа, но теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь лишь тому, что все мы живы и еще можем об этом рассказывать. Это были не дужки - это были дьяволы. Сначала они вообще отказывались влезать в гнезда, так что нам пришлось прыгать по ним, бить их ногами я колотить багром. Когда они, наконец, влезли, оказалось, что мы вставили их в неправильном порядке, и их пришлось вынимать обратно.

Но они не хотели вылезать. С каждой двое из нас мучилось по пять минут, после чего они внезапно выскакивали и пытались сбросить нас в воду и утопить. У них были посередине шарниры, и стоило нам отвернуться, как они щипали нас этими шарнирами за чувствительные места. Пока мы сражались с одной стороной дужки и пытались убедить ее выполнить свой долг, другая предательски подбиралась к нам сзади и ударяла нас по голове.

Наконец мы вставили дужки, и нам осталось только натянуть на них брезент. Джордж развернул его и укрепил один конец на носу. Гаррис встал посередине, чтобы взять его у Джорджа, а я держался на корме, готовясь поймать свой конец. Он долго не доходил до меня. Джордж сделал все, что нужно, но для Гарриса эта работа была внове, и он все испортил.

Как это ему удалось, я не знаю, - Гаррис и сам не мог этого объяснить. Но после десятиминутных, сверхчеловеческих усилий он ухитрился совершенно закатать себя в парусину. Он до такой степени плотно закутался и завернулся в нее, что не мог высвободиться. Разумеется, он начал отчаянно бороться за свою свободу - прирожденное право каждого англичанина - и во время борьбы (как я узнал после) сбил с ног

this afterwards),knocked over George; and then George, swearing at Harris, began to struggle too, and got himself entangled and rolled up.

I knew nothing about all this at the time. I did not understand the business at all myself. I had been told to stand where I was, and wait till the canvas came to me, and Montmorency and I stood there and waited, both as good as gold. We could see the canvas being violently jerked and tossed about, pretty considerably; but we supposed this was part of the method, and did not interfere.

We also heard much smothered language coming from underneath it, and we guessed that they were finding the job rather troublesome, and concluded that we would wait until things had got a little simpler before we joined in.

We waited some time, but matters seemed to get only more and more involved, until, at last, George's head came wriggling out over the side of the boat, and spoke up.

It said: "Give us a hand here, can't you, you cuckoo; standing there like a stuffed mummy, when you see we are both being suffocated, you dummy!"

I never could withstand an appeal for help, so I went and undid them; not before it was time, either, for Harris was nearly black in the face.

It took us half an hour's hard labour, after that, before it was properly up, and then we cleared the decks, and got out supper. We put the kettle on to boil, up in the nose of the boat, and went down to the stern and pretended to take no notice of it, but set to work to get the other things out.

That is the only way to get a kettle to boil up the river. If it sees that you are waiting for it and are anxious, it will never even sing. You have to go away and begin your meal, as if you were not going to have any tea at all. You must not even look round at it. Then you will soon hear it sputtering away, mad to be made into tea.

It is a good plan, too, if you are in a great hurry,

Джорджа. Джордж, осыпая Гарриса ругательствами, тоже начал барахтаться и сам завернулся и закутался в парусину.

В то время я ничего об этом не знал. Я совершенно не понимал, в чем дело. Мне было велено стоять на месте и ждать, и мы с Монморенси стояли и ждали тихо и смирно. Мы видели, что парусину сильно бьет и толкает во все стороны, но считали, что так и полагается, и не вмешивались.

До нас доносились из-под брезента приглушенные ругательства. Мы поняли, что работа, которой заняты Гаррис и Джордж, причиняет им некоторые неудобства, и решили, прежде чем присоединиться к ним, дать им немного успокоиться.

Мы подождали еще несколько минут, но положение, видимо, запутывалось все больше. Наконец из-под брезента высунулась винтообразным движением голова Джорджа

и проговорила: - Помоги же нам, балда ты этакая! Видишь, что мы оба здесь задыхаемся, а сам стоишь как мумия, болван!

Я никогда не оставался глух к призыву о помощи, и тотчас распутал их. Это было вполне своевременно, так как лицо у Гарриса уже совсем почернело.

Нам потребовалось еще полчаса тяжелого труда, чтобы натянуть парусину как следует; после этого мы принялись за ужин. Мы поставили чайник на спиртовку на носу лодки, а сами ушли на корму, делая вид, что не обращаем на него внимания, и стали доставать остальное.

На реке это единственный способ заставить чайник вскипеть. Если он заметит, что вы с нетерпением этого ожидаете, он даже не зашумит. Вам лучше отойти подальше и начать есть, как будто вы вообще не хотите чаю. На чайник не следует даже оглядываться. Тогда вы скоро услышите, как он булькает, словно умоляя вас поскорее заварить чай.

Если вы очень торопитесь, то хорошо помогает

to talk very loudly to each other about how you don't need any tea, and are not going to have any. You get near the kettle, so that it can overhear you, and then you shout out, "I don't want any tea; do you, George?" to which George shouts back, "Oh, no, I don't like tea; we'll have lemonade instead - tea's so indigestible." Upon which the kettle boils over, and puts the stove out.

We adopted this harmless bit of trickery, and the result was that, by the time everything else was ready, the tea was waiting. Then we lit the lantern, and squatted down to supper.

We wanted that supper.

For five-and-thirty minutes not a sound was heard throughout the length and breadth of that boat, save the clank of cutlery and crockery, and the steady grinding of four sets of molars. At the end of five-and-thirty minutes, Harris said, "Ah!" and took his left leg out from under him and put his right one there instead.

Five minutes afterwards, George said, "Ah!" too, and threw his plate out on the bank; and, three minutes later than that, Montmorency gave the first sign of contentment he had exhibited since we had started, and rolled over on his side, and spread his legs out; and then I said, "Ah!" and bent my head back, and bumped it against one of the hoops, but I did not mind it. I did not even swear.

How good one feels when one is full - how satisfied with ourselves and with the world! People who have tried it, tell me that a clear conscience makes you very happy and contented; but a full stomach does the business quite as well, and is cheaper, and more easily obtained. One feels so forgiving and generous after a substantial and well-digested meal - so noble-minded, so kindly-hearted.

It is very strange, this domination of our intellect by our digestive organs. We cannot work, we cannot think, unless our stomach wills so. It dictates to us our emotions, our passions. After eggs and bacon, it says, "Work!" After beefsteak and porter, it says, "Sleep!" After a cup of tea (two spoonfuls for each cup, and don't let it stand more than three minutes), it says to

громко говорить друг другу, что вам совсем не хочется чая и что вы не будете его пить. Вы подходите к чайнику, чтобы он мог вас услышать, и кричите: "Я не хочу чая! А ты, Джордж?" И Джордж отвечает: "Нет, я не люблю чай, выпьем лучше лимонаду. Чай плохо переваривается". После этого чайник сейчас же перекипает и заливает спиртовку.

Мы применили эту безобидную хитрость, и в результате, когда все остальное было готово, чай уже ожидал нас. Тогда мы зажгли фонарь и сели ужинать.

Этот ужин был нам крайне необходим.

В течение тридцати пяти минут во всей лодке не было слышно ни звука, кроме звона ножей и посуды и непрерывной работы четырех пар челюстей. Через тридцать пять минут Гаррис сказал: "Уф!" - вынул из под себя левую ногу и заменил ее правой.

Спустя пять минут Джордж тоже сказал: "Уф!" - и выбросил свою тарелку на берег. Еще через три минуты Монморенси выказал первые признаки удовлетворения с тех пор, как мы тронулись в путь, лег на бок и вытянул ноги, а потом я сказал: "Уф!" - откинул назад голову и ударился ею об одну из дужек, но не обратил на это никакого внимания." Я даже не выругался.

Как хорошо себя чувствуешь, когда наешься! Как доволен бываешь самим собой и всем миром! Некоторые люди, ссылаясь на собственный опыт, утверждают, что чистая совесть делает человека веселым и довольным, но полный желудок делает это ничуть не хуже, и притом дешевле и с меньшими трудностями. После основательного, хорошо переваренного приема пищи чувствуешь себя таким великодушным, снисходительным, благородным и добрым человеком!

Странно, до какой степени пищеварительные органы властвуют над нашим рассудком. Мы не можем думать, мы не можем работать, если наш желудок не хочет этого. Он управляет всеми нашими страстями и переживаниями. После грудинки с яйцами он говорит: работай; после бифштекса и портера: спи; а после чашки чаю (две ложки на каждую чашку, настаивать не

the brain, "Now, rise, and show your strength. Be eloquent, and deep, and tender; see, with a clear eye, into Nature and into life; spread your white wings of quivering thought, and soar, a god-like spirit, over the whirling world beneath you, up through long lanes of flaming stars to the gates of eternity!"

After hot muffins, it says, "Be dull and soulless, like a beast of the field - a brainless animal, with listless eye, unlit by any ray of fancy, or of hope, or fear, or love, or life." And after brandy, taken in sufficient quantity, it says, "Now, come, fool, grin and tumble, that your fellow-men may laugh - drivel in folly, and splutter in senseless sounds, and show what a helpless ninny is poor man whose wit and will are drowned, like kittens, side by side, in half an inch of alcohol."

We are but the veriest, sorriest slaves of our stomach. Reach not after morality and righteousness, my friends; watch vigilantly your stomach, and diet it with care and judgment. Then virtue and contentment will come and reign within your heart, unsought by any effort of your own; and you will be a good citizen, a loving husband, and a tender father - a noble, pious man.

Before our supper, Harris and George and I were quarrelsome and snappy and ill-tempered; after our supper, we sat and beamed on one another, and we beamed upon the dog, too. We loved each other, we loved everybody. Harris, in moving about, trod on George's corn. Had this happened before supper, George would have expressed wishes and desires concerning Harris's fate in this world and the next that would have made a thoughtful man shudder. As it was, he said: "Steady, old man; `ware wheat."

And Harris, instead of merely observing, in his most unpleasant tones, that a fellow could hardly help treading on some bit of George's foot, if he had to move about at all within ten yards of where George was sitting, suggesting that George never ought to come into an ordinary sized boat with feet that length, and advising him to hang them over the side, as he would have done before supper, now said: "Oh,

больше трех минут) он повелевает мозгу: теперь поднимайся и покажи, на что ты способен. Будь красноречив, глубок и нежен. Смотри ясным оком на природу и на жизнь. Раскинь белые крылья трепещущей мысли и лети, как богоподобный дух, над шумным светом, устремляясь меж длинными рядами пылающих звезд к вратам вечности.

После горячих пышек он говорит: будь туп и бездушен, как скотина в поле, будь безмозглым животным с равнодушным взором, в котором не светится ни жизнь, ни воображение, ни надежда, ни страх, ни любовь. А после бренди, употребленного в должном количестве, он повелевает: теперь дури, смейся и пляши, чтобы смеялись твои ближние; болтай чепуху, издавай бессмысленные звуки; покажи, каким беспомощным пентюхом становится несчастное существо, ум и воля которого потоплены, как котят, в нескольких глотках алкоголя.

Все мы - жалкие рабы желудка. Не стремитесь быть нравственными и справедливыми, друзья! Внимательно наблюдайте за вашим желудком, питайте его с разумением и тщательностью. Тогда удовлетворение и добродетель воцарятся у вас в сердце без всяких усилий с вашей стороны; вы станете добрым гражданином, любящим мужем, нежным отцом - благородным, благочестивым человеком.

Перед ужином мы с Джорджем и Гаррисом были сварливы, раздражительны и дурно настроены; после ужина мы сидели и широко улыбались друг другу, мы улыбались даже нашей собаке. Мы любили друг друга; мы любили всех. Гаррис, расхаживая по лодке, наступил Джорджу на мозоль. Случись это до ужина, Джордж высказал бы множество разных пожеланий о судьбе Гарриса в здешней и будущей жизни, от которых содрогнулся бы всякий мыслящий человек. Теперь же он сказал только: "Тише, старина! Легче на поворотах".

А Гаррис, вместо того чтобы обозлиться и заявить, что нормальному человеку просто невозможно не наступить на какую-либо часть ноги Джорджа, передвигаясь на расстоянии десяти ярдов от того места где он сидит, или намекнуть, что Джорджу вообще не следовало бы, имея ноги такой длины, садиться в лодку обычных размеров, и посоветовать ему свесить ноги за борт, - все это он несомненно высказал бы до ужина, - теперь

I'm so sorry, old chap; I hope I haven't hurt you."

And George said: "Not at all;" that it was his fault; and Harris said no, it was his.

It was quite pretty to hear them.

We lit our pipes, and sat, looking out on the quiet night, and talked.

George said why could not we be always like this - away from the world, with its sin and temptation, leading sober, peaceful lives, and doing good. I said it was the sort of thing I had often longed for myself; and we discussed the possibility of our going away, we four, to some handy, well-fitted desert island, and living there in the woods.

Harris said that the danger about desert islands, as far as he had heard, was that they were so damp: but George said no, not if properly drained.

And then we got on to drains, and that put George in mind of a very funny thing that happened to his father once. He said his father was travelling with another fellow through Wales, and, one night, they stopped at a little inn, where there were some other fellows, and they joined the other fellows, and spent the evening with them.

They had a very jolly evening, and sat up late, and, by the time they came to go to bed, they (this was when George's father was a very young man) were slightly jolly, too. They (George's father and George's father's friend) were to sleep in the same room, but in different beds. They took the candle, and went up. The candle lurched up against the wall when they got into the room, and went out, and they had to undress and grope into bed in the dark. This they did; but, instead of getting into separate beds, as they thought they were doing, they both climbed into the same one without knowing it - one getting in with his head at the top, and the other crawling in from the opposite side of the compass, and lying with his feet on the pillow.

There was silence for a moment, and then

сказал: "Виноват, старина; надеюсь, я не сделал тебе больно?"

И Джордж ответил, что нет, нисколько, что он сам виноват, а Гаррис возразил, что виноват он.

Было прямо-таки приятно их слушать.

Мы зажгли наши трубки, и сидели, глядя на тихую ночь, и разговаривали.

Джордж спросил, почему мы не можем всегда быть такими, пребывать вдали от света с его соблазнами и пороками и вести мирную, воздержанную жизнь, творя добро. Я сказал, что я сам часто испытывал стремление к этому, и мы стали обсуждать, нельзя ли нам, всем четверым, удалиться на какой-нибудь удобный, хорошо обставленный необитаемый остров и жить там среди лесов.

Гаррис сказал, что, насколько ему известно, главное неудобство необитаемых островов состоит в том, что там очень сыро. Джордж ответил, что, если они хорошо осушены, это ничего.

Мы заговорили об осушении, и это напомнило Джорджу одну очень смешную историю, которая произошла с его отцом. Его отец путешествовал с одним человеком по Уэльсу, и однажды они остановились на ночь в маленькой гостинице. Там были еще другие постояльцы, и отец Джорджа с товарищем присоединились к ним и провели с ними вечер.

Время прошло очень весело. Все поздно засиделись, и когда настало время идти спать, наши двое (отец Джорджа был тогда еще очень молод) были слегка навеселе. Они (отец Джорджа и его приятель) должны были спать в одной комнате с двумя кроватями. Взяв свечу, они поднялись наверх. Когда они входили в комнату, свечка ударилась об стену и погасла. Им пришлось раздеваться и разыскивать свои кровати в темноте. Так они и сделали, но, вместо того чтобы улечься на разные кровати, они оба, не зная того, влезли в одну и ту же, - один лег головой к подушке, а другой забрался с противоположной стороны и положил на подушку ноги.

С минуту царило молчание. Потом отец Джорджа

George's father said:

"Joe!"

"What's the matter, Tom?" replied Joe's voice from the other end of the bed.

"Why, there's a man in my bed," said George's father; "here's his feet on my pillow."

"Well, it's an extraordinary thing, Tom," answered the other; "but I'm blest if there isn't a man in my bed, too!"

"What are you going to do?" asked George's father.

"Well, I'm going to chuck him out," replied Joe.

"So am I," said George's father, valiantly.

There was a brief struggle, followed by two heavy bumps on the floor, and then a rather doleful voice said:

"I say, Tom!"

"Yes!"

"How have you got on?"

"Well, to tell you the truth, my man's chucked me out."

"So's mine! I say, I don't think much of this inn, do you?"

"What was the name of that inn?" said Harris.

"The Pig and Whistle," said George. "Why?"

"Ah, no, then it isn't the same," replied Harris.

"What do you mean?" queried George.

"Why it's so curious," murmured Harris, "but precisely that very same thing happened to MY father once at a country inn. I've often heard him tell the tale. I thought it might have been the same inn."

We turned in at ten that night, and I thought I should sleep well, being tired; but I didn't. As a rule, I undress and put my head on the pillow, and then somebody bangs at the door, and says it is half-past eight: but, to-night, everything seemed against me; the novelty of it all, the

сказал:

- Джо!

- Что случилось, Том? - слышался голос Джо с другого конца кровати.

- В моей постели лежит еще кто-то, - сказал отец Джорджа, - его нога у меня на подушке.

- Это удивительно, Том, - ответил Джо, - но черт меня побери, если в моей постели тоже не лежит еще один человек.

- Что же ты думаешь делать? - спросил отец Джорджа.

- Я его выставлю, - ответил Джо.

- И я тоже, - храбро заявил отец Джорджа.

Произошла короткая борьба, за которой последовали два тяжелых удара об пол. Затем чей-то жалобный голос сказал:

- Эй, Том!

- Что?

- Ну, как дела?

- Сказать по правде, мой выставил меня самого.

- и мой тоже. Ты знаешь, эта гостиница мне не очень нравится. А тебе?

- как называлась гостиница? - спросил Гаррис.

"- \"Свинья и свиток\", - ответил Джордж.\" - А Что?

- Нет, значит, это другая, - сказал Гаррис.

- Что ты хочешь сказать? - спросил Джордж.

- Это очень любопытно, - пробормотал Гаррис. - Точно такая же история случилась с моим отцом в одной деревенской гостинице. Я часто слышал от него этот рассказ. Я думал, что это, может быть, та же самая гостиница.

В этот вечер мы улеглись в десять часов, и я думал, что, утомившись, буду хорошо спать, но вышло иначе. Обычно я раздеваюсь, кладу голову на подушку, и потом кто-то колотит в дверь и кричит, что уже половина девятого; но сегодня все, казалось, было против меня: новизна всего

hardness of the boat, the cramped position (I was lying with my feet under one seat, and my head on another), the sound of the lapping water round the boat, and the wind among the branches, kept me restless and disturbed.

I did get to sleep for a few hours, and then some part of the boat which seemed to have grown up in the night - for it certainly was not there when we started, and it had disappeared by the morning - kept digging into my spine. I slept through it for a while, dreaming that I had swallowed a sovereign, and that they were cutting a hole in my back with a gimlet, so as to try and get it out. I thought it very unkind of them, and I told them I would owe them the money, and they should have it at the end of the month. But they would not hear of that, and said it would be much better if they had it then, because otherwise the interest would accumulate so. I got quite cross with them after a bit, and told them what I thought of them, and then they gave the gimlet such an excruciating wrench that I woke up.

The boat seemed stuffy, and my head ached; so I thought I would step out into the cool night-air. I slipped on what clothes I could find about - some of my own, and some of George's and Harris's - and crept under the canvas on to the bank.

It was a glorious night. The moon had sunk, and left the quiet earth alone with the stars. It seemed as if, in the silence and the hush, while we her children slept, they were talking with her, their sister - conversing of mighty mysteries in voices too vast and deep for childish human ears to catch the sound.

They awe us, these strange stars, so cold, so clear. We are as children whose small feet have strayed into some dim-lit temple of the god they have been taught to worship but know not; and, standing where the echoing dome spans the long vista of the shadowy light, glance up, half hoping, half afraid to see some awful vision hovering there.

And yet it seems so full of comfort and of strength, the night. In its great presence, our small sorrows creep away, ashamed. The day has been so full of fret and care, and our hearts

окружающего, твердое ложе, неудобная поза (ноги у меня лежали под одной скамьей, а голова на другой), плеск воды вокруг лодки и ветер в ветвях не давали мне спать и волновали меня.

Наконец я заснул на несколько часов, но потом какая-то часть лодки, которая, по-видимому, выросла за ночь (ее несомненно не было, когда мы тронулись в путь, а с наступлением утра она исчезла) начала буравить мне спину. Некоторое время я продолжал спать и видел во сне, что проглотил соверен и что какие-то люди хотят провертеть у меня в спине дырку, чтобы достать монету. Я нашел это очень неделикатным и сказал, что останусь им должен этот соверен и отдам его в конце месяца. Но никто не хотел об этом и слышать, и мне сказали, что лучше будет извлечь соверен сейчас, а то нарастут большие проценты. Тут я совсем рассердился и высказал этим людям, что я о них думаю, и тогда они вонзили в меня бурав с таким вывертом, что я проснулся.

В лодке было душно, у меня болела голова, и я решил выйти и подышать воздухом в ночной прохладе. Я надел на себя то, что попало под руку, - часть платья была моя, а часть Джорджа и Гарриса, - и вылез из-под парусины на берег.

Ночь была великолепная. Луна зашла, и затихшая земля осталась наедине со звездами. Казалось, что, пока мы, ее дети, спали, звезды в тишине и безмолвии разговаривали с нею о каких-то великих тайнах; их голос был слишком низок и глубок, чтобы мы, люди, могли уловить его нашим детским ухом.

Они пугают нас, эти странные звезды, такие холодные и ясные. Мы похожи на детей, которых их маленькие ножки привели в полуосвященный храм божества... Они привыкли почитать этого бога, но не знают его. Стоя под гулким куполом, осеняющим длинный ряд призрачных огней, они смотрят вверх, и боясь и надеясь увидеть там какой-нибудь грозный призрак.

А в то же время ночь кажется исполненной силы и утешения. В присутствии великой ночи наши маленькие горести куда-то скрываются,

have been so full of evil and of bitter thoughts, and the world has seemed so hard and wrong to us. Then Night, like some great loving mother, gently lays her hand upon our fevered head, and turns our little tear-stained faces up to hers, and smiles; and, though she does not speak, we know what she would say, and lay our hot flushed cheek against her bosom, and the pain is gone.

Sometimes, our pain is very deep and real, and we stand before her very silent, because there is no language for our pain, only a moan. Night's heart is full of pity for us: she cannot ease our aching; she takes our hand in hers, and the little world grows very small and very far away beneath us, and, borne on her dark wings, we pass for a moment into a mightier Presence than her own, and in the wondrous light of that great Presence, all human life lies like a book before us, and we know that Pain and Sorrow are but the angels of God.

Only those who have worn the crown of suffering can look upon that wondrous light; and they, when they return, may not speak of it, or tell the mystery they know.

Once upon a time, through a strange country, there rode some goodly knights, and their path lay by a deep wood, where tangled briars grew very thick and strong, and tore the flesh of them that lost their way therein. And the leaves of the trees that grew in the wood were very dark and thick, so that no ray of light came through the branches to lighten the gloom and sadness.

And, as they passed by that dark wood, one knight of those that rode, missing his comrades, wandered far away, and returned to them no more; and they, sorely grieving, rode on without him, mourning him as one dead.

Now, when they reached the fair castle towards which they had been journeying, they stayed there many days, and made merry; and one night, as they sat in cheerful ease around the logs that burned in the great hall, and drank a loving measure, there came the comrade they had lost, and greeted them. His clothes were ragged, like a beggar's, and many sad wounds were on his sweet flesh, but upon his face there

устыдившись своей ничтожностью. Днем было так много суеты и забот. Наши сердца были полны зла и горьких мыслей, мир казался нам жестоким и несправедливым. Ночь, как великая, любящая мать, положила свои нежные руки на наш пылающий лоб и улыбается, глядя в наши заплаканные лица. Она молчит, но мы знаем, что юна могла бы сказать, и прижимаемся разгоряченной щекой к ее груди. Боль прошла.

Иногда наше страдание подлинно и глубоко, и мы стоим перед нею в полном молчании, так как не словами, а только стоном можно выразить наше горе. Сердце ночи полно жалости к нам; она не может облегчить нашу боль. Она берет нас за руку и маленький наш мир уходит далеко-далеко; вознесенные на темных крыльях ночи, мы на минуту оказываемся перед кем-то еще более могущественным, чем ночь, и в чудесном свете этой силы вся человеческая жизнь лежит перед нами, точно раскрытая книга, и мы сознаем, что Горе и Страдание - ангелы, посланные богом.

Лишь те, кто носил венец страдания, могут увидеть этот чудесный свет. Но, вернувшись на землю, они не могут рассказать о нем и поделиться тайной, которую узнали.

Некогда, в былые времена, ехали на конях в чужой стране несколько добрых рыцарей. Путь их лежал через дремучий лес, где тесно сплелись густые заросли шиповника, терзавшие своими колючками всякого, кто там заблудится. Листья деревьев в этом лесу были темные и плотные, так что ни один луч солнца не мог пробиться сквозь них и рассеять мрак и печаль.

И когда они ехали в этом лесу, один из рыцарей потерял своих товарищей и отбился от них и не вернулся больше. И рыцари в глубокой печали продолжали путь, оплакивая его как покойника.

И вот они достигли прекрасного замка, к которому направлялись, и пробыли там несколько дней, предаваясь веселью. Однажды вечером, когда они беззаботно сидели у огня, пылающего в зале, и осушали один кубок за другим, появился их товарищ, которого они потеряли, и приветствовал их. Он был в лохмотьях, как нищий, и глубокие раны зияли на его нежном теле, но

shone a great radiance of deep joy.

And they questioned him, asking him what had befallen him: and he told them how in the dark wood he had lost his way, and had wandered many days and nights, till, torn and bleeding, he had lain him down to die.

Then, when he was nigh unto death, lo! through the savage gloom there came to him a stately maiden, and took him by the hand and led him on through devious paths, unknown to any man, until upon the darkness of the wood there dawned a light such as the light of day was unto but as a little lamp unto the sun; and, in that wondrous light, our way-worn knight saw as in a dream a vision, and so glorious, so fair the vision seemed, that of his bleeding wounds he thought no more, but stood as one entranced, whose joy is deep as is the sea, whereof no man can tell the depth.

And the vision faded, and the knight, kneeling upon the ground, thanked the good saint who into that sad wood had strayed his steps, so he had seen the vision that lay there hid.

And the name of the dark forest was Sorrow; but of the vision that the good knight saw therein we may not speak nor tell.

CHAPTER XI

HOW GEORGE, ONCE UPON A TIME, GOT UP EARLY IN THE MORNING. - GEORGE, HARRIS, AND MONTMORENCY DO NOT LIKE THE LOOK OF THE COLD WATER. - HEROISM AND DETERMINATION ON THE PART OF J. - GEORGE AND HIS SHIRT: STORY WITH A MORAL. - HARRIS AS COOK. - HISTORICAL RETROSPECT, SPECIALLY INSERTED FOR THE USE OF SCHOOLS.

I WOKE at six the next morning; and found George awake too. We both turned round, and tried to go to sleep again, but we could not. Had there been any particular reason why we should not have gone to sleep again, but have got up and dressed then and there, we should have dropped off while we were looking at our watches, and have slept till ten. As there was no

лицо его светилось великой радостью.

Рыцари стали его спрашивать, что с ним случилось, и он рассказал, как, заблудившись в лесу, проплутал много дней и ночей и, наконец, окровавленный и истерзанный, лег на землю, готовясь умереть.

И когда он уже был близок к смерти, вдруг явилась ему из мрачной тьмы величавая женщина и, взяв его за руку, повела по извилистым тропам, неведомым человеку. И, наконец, во тьме леса засиял свет, в сравнении с которым сияние дня казалось светом фонаря при солнце, и в этом свете нашему измученному рыцарю предстало видение. И столь прекрасным, столь дивным казалось ему это видение, что он забыл о своих кровавых ранах и стоял, как очарованный, полный радости, глубокой, как море, чья глубина не ведома никому.

И видение рассеялось, и рыцарь, преклонив колени, возблагодарил святую, которая в этом дремучем лесу увлекла его с торной дороги, и он увидел видение, скрытое в нем.

А имя этому лесу было Горе; что же касается видения, которое увидел в нем добрый рыцарь, то о нем нам поведать не дано.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О том, как Джордж однажды встал рано. Джордж, Гаррис и Монморенси не любят вида холодной воды. Героизм и решительность Джей. Джордж и его рубашка - история с нравоучением. Гаррис в роли повара. Историческая реминисценция, включенная специально для детей школьного возраста.

На следующее утро я проснулся в шесть часов и обнаружил, что Джордж тоже проснулся. Мы оба повернулись на другой бок и попробовали опять заснуть, но это не удалось. Будь у нас какая-либо особая надобность не спать, а сейчас же встать и одеться, мы бы, наверное, упали на подушки, едва взглянув на часы, и прохрапели бы до десяти. Но

earthly necessity for our getting up under another two hours at the very least, and our getting up at that time was an utter absurdity, it was only in keeping with the natural cussedness of things in general that we should both feel that lying down for five minutes more would be death to us.

George said that the same kind of thing, only worse, had happened to him some eighteen months ago, when he was lodging by himself in the house of a certain Mrs. Gippings. He said his watch went wrong one evening, and stopped at a quarter-past eight. He did not know this at the time because, for some reason or other, he forgot to wind it up when he went to bed (an unusual occurrence with him), and hung it up over his pillow without ever looking at the thing.

It was in the winter when this happened, very near the shortest day, and a week of fog into the bargain, so the fact that it was still very dark when George woke in the morning was no guide to him as to the time. He reached up, and hauled down his watch. It was a quarter-past eight.

"Angels and ministers of grace defend us!" exclaimed George; "and here have I got to be in the City by nine. Why didn't somebody call me? Oh, this is a shame!" And he flung the watch down, and sprang out of bed, and had a cold bath, and washed himself, and dressed himself, and shaved himself in cold water because there was not time to wait for the hot, and then rushed and had another look at the watch.

Whether the shaking it had received in being thrown down on the bed had started it, or how it was, George could not say, but certain it was that from a quarter-past eight it had begun to go, and now pointed to twenty minutes to nine.

George snatched it up, and rushed downstairs. In the sitting-room, all was dark and silent: there was no fire, no breakfast. George said it was a wicked shame of Mrs. G., and he made up his mind to tell her what he thought of her when he came home in the evening. Then he dashed on his great-coat and hat, and, seizing his umbrella, made for the front door. The door was not even unbolted. George anathematized Mrs. G. for a lazy old woman, and thought it was very strange that people could not get up at a decent,

так как не было решительно никаких оснований встать раньше, чем через два часа, и подняться в шесть часов было бы совершенно нелепо, мы чувствовали, что пролежать еще пять минут для нас равносильно смерти. Такова уже извращенность человеческой природы.

Джордж сказал, что нечто подобное, но только много хуже, случилось с ним года полтора назад, когда он снимал комнату у некоей миссис Гиппингс. Однажды вечером, рассказывал он, его часы испортились и остановились в четверть девятого. В то время он не заметил этого, так как забыл почему-то завести часы, когда ложился спать (случай для него необычный), и повесил их над головой, даже не взглянув на циферблат.

Случилось это зимой, перед самым коротким днем и к тому же в туманную погоду. То обстоятельство, что утром, когда Джордж проснулся, было совершенно темно, не могло послужить ему указанием. Он поднял руку и потянул к себе часы. Было четверть девятого.

- Святители небесные, спасите! - воскликнул Джордж. - Мне ведь нужно к девяти часам быть в банке! Почему меня никто не разбудил? Какое безобразие! Он бросил часы, выскочил из постели, принял холодную ванну, умылся, оделся, побрился холодной водой - горячей ждать было некогда - и еще раз взглянул на часы.

То ли от сотрясения при ударе о постель, то ли по какой-нибудь иной причине - этого Джордж сказать не мог, - но так или иначе, часы пошли и теперь показывали без двадцати девять.

Джордж схватил часы и бросился вниз по лестнице. В гостиной было темно и тихо. Камин не топили, завтрака не было. Джордж подумал, что это позор для миссис Г., и решил высказать ей свое мнение, когда вернется. Потом он ринулся за своим пальто и шляпой, схватил зонтик и устремился к выходной двери. Дверь была на засове. Джордж обозвал миссис Г. старой лентяйкой и нашел очень странным, что люди не могут подняться своевременно, в подобающий

respectable time, unlocked and unbolted the door, and ran out.

He ran hard for a quarter of a mile, and at the end of that distance it began to be borne in upon him as a strange and curious thing that there were so few people about, and that there were no shops open. It was certainly a very dark and foggy morning, but still it seemed an unusual course to stop all business on that account. HE had to go to business: why should other people stop in bed merely because it was dark and foggy!

At length he reached Holborn. Not a shutter was down! not a bus was about! There were three men in sight, one of whom was a policeman; a market-cart full of cabbages, and a dilapidated looking cab. George pulled out his watch and looked at it: it was five minutes to nine! He stood still and counted his pulse. He stooped down and felt his legs. Then, with his watch still in his hand, he went up to the policeman, and asked him if he knew what the time was.

"What's the time?" said the man, eyeing George up and down with evident suspicion; "why, if you listen you will hear it strike."

George listened, and a neighbouring clock immediately obliged.

"But it's only gone three!" said George in an injured tone, when it had finished.

"Well, and how many did you want it to go?" replied the constable.

"Why, nine," said George, showing his watch.

"Do you know where you live?" said the guardian of public order, severely.

George thought, and gave the address.

"Oh! that's where it is, is it?" replied the man; "well, you take my advice and go there quietly, and take that watch of yours with you; and don't let's have any more of it."

And George went home again, musing as he walked along, and let himself in.

порядочным англичанам час. Он отодвинул засов, отпер дверь и выбежал на улицу.

Четверть мили он бежал со всех ног, и лишь после этого ему начало казаться странным и непонятным, что на улице так мало народа и все магазины закрыты. Утро было, конечно, очень темное и туманное, но нельзя же все-таки по этой причине прекращать все дела. Ему же, например, надо идти на работу! С какой стати другие лежат в постели только потому, что темно и на улице туман?

Наконец он дошел до Холборна. Все ставни опущены, нигде ни одного омнибуса. В поле зрения Джорджа были три человека, из них один полисмен, да еще воз с капустой и обшарпанный кэб. Джордж вынул часы и посмотрел - было без пяти девять. Он остановился и сосчитал свой пульс. Потом наклонился и пощупал свои ноги. Затем, не выпуская часы из рук, подошел к полисмену и спросил, не знает ли он, который час.

- Который час? - спросил полисмен, окидывая Джорджа явно подозрительным взглядом. - Послушайте, сейчас пробьет.

Джордж прислушался, и ближайшие уличные часы удовлетворили его любопытство.

- Но они пробили только три! - воскликнул Джордж обиженным тоном, когда часы кончили бить.

- А сколько же вы хотите, чтобы они били? - спросил констебль.

- Как сколько? Девять, - ответил Джордж, показывая на свои часы.

- Знаете вы, где вы живете? - строго спросил его блюститель порядка.

Джордж подумал и дал свой адрес.

- Ах, так вы вот где проживаете! - сказал полисмен. - Послушайте моего совета: идите себе спокойно домой, заберите с собой ваши часы и больше так не делайте.

И Джордж в задумчивости отправился домой и вошел в свою квартиру.

At first, when he got in, he determined to undress and go to bed again; but when he thought of the redressing and re-washing, and the having of another bath, he determined he would not, but would sit up and go to sleep in the easy-chair.

But he could not get to sleep: he never felt more wakeful in his life; so he lit the lamp and got out the chess-board, and played himself a game of chess. But even that did not enliven him: it seemed slow somehow; so he gave chess up and tried to read. He did not seem able to take any sort of interest in reading either, so he put on his coat again and went out for a walk.

It was horribly lonesome and dismal, and all the policemen he met regarded him with undisguised suspicion, and turned their lanterns on him and followed him about, and this had such an effect upon him at last that he began to feel as if he really had done something, and he got to slinking down the by-streets and hiding in dark doorways when he heard the regulation flip-flop approaching.

Of course, this conduct made the force only more distrustful of him than ever, and they would come and rout him out and ask him what he was doing there; and when he answered, "Nothing," he had merely come out for a stroll (it was then four o'clock in the morning), they looked as though they did not believe him, and two plain-clothes constables came home with him to see if he really did live where he had said he did. They saw him go in with his key, and then they took up a position opposite and watched the house.

He thought he would light the fire when he got inside, and make himself some breakfast, just to pass away the time; but he did not seem able to handle anything from a scuttleful of coals to a teaspoon without dropping it or falling over it, and making such a noise that he was in mortal fear that it would wake Mrs. G. up, and that she would think it was burglars and open the window and call "Police!" and then these two detectives would rush in and handcuff him, and march him off to the police-court.

Придя к себе, он хотел было раздеться и снова лечь спать, но, подумав, что придется второй раз одеваться, бриться и брать ванну, решил не раздеваться и поспать в кресле.

Но он не мог спать - никогда в жизни он не чувствовал себя таким бодрым. Он зажег лампу, достал шахматы и сыграл сам с собой партию. Это его тоже не развлекло и показалось ему скучным. Он бросил шахматы и попробовал читать. Однако он был, видимо, не способен заинтересоваться чтением и потому снова надел пальто и вышел пройтись.

На улице было пустынно и мрачно. Все полисмены, попадавшиеся Джорджу навстречу, поглядывали на него с нескрываемым подозрением, освещали его своим фонарем и шли за ним следом. В конце концов это так подействовало на Джорджа, что ему стало казаться, будто он и вправду что-то такое натворил. Он шел крадучись по переулкам и, заслышав тяжелые шаги полисменов, прятался в темные подворотни.

Разумеется, такое поведение только усугубило недоверие полицейских: они подошли, отыскивали Джорджа и спросили, что он тут делает. Когда он ответил, что ничего и что он просто вышел прогуляться (дело было в четыре часа утра), ему явно не поверили, и два констебля в штатском платье проводили его до дому, чтобы убедиться, что он действительно проживает там, где сказал. Увидев, что у него есть свой ключ, полицейские заняли позицию напротив дома и начали за ним наблюдать.

Джордж решил затопить камин и приготовить себе завтрак - просто так, чтобы убить время. Но что бы он ни взял в руки, будь то совок с углями или чайная ложка, все падало на пол; он поминутно обо что-нибудь спотыкался и при этом страшно шумел. Его охватил смертельный ужас при мысли, что миссис Г. проснется, подумает, что это воры, раскроет окно и крикнет: "Полиция!" - и те два сыщика ворвутся в дом, закуют его в наручники и отведут в участок."

He was in a morbidly nervous state by this time, and he pictured the trial, and his trying to explain the circumstances to the jury, and nobody believing him, and his being sentenced to twenty years' penal servitude, and his mother dying of a broken heart. So he gave up trying to get breakfast, and wrapped himself up in his overcoat and sat in the easy-chair till Mrs. G came down at half-past seven.

He said he had never got up too early since that morning: it had been such a warning to him.

We had been sitting huddled up in our rugs while George had been telling me this true story, and on his finishing it I set to work to wake up Harris with a scull. The third prod did it: and he turned over on the other side, and said he would be down in a minute, and that he would have his lace-up boots. We soon let him know where he was, however, by the aid of the hitcher, and he sat up suddenly, sending Montmorency, who had been sleeping the sleep of the just right on the middle of his chest, sprawling across the boat.

Then we pulled up the canvas, and all four of us poked our heads out over the off-side, and looked down at the water and shivered. The idea, overnight, had been that we should get up early in the morning, fling off our rugs and shawls, and, throwing back the canvas, spring into the river with a joyous shout, and revel in a long delicious swim. Somehow, now the morning had come, the notion seemed less tempting. The water looked damp and chilly: the wind felt cold.

"Well, who's going to be first in?" said Harris at last.

There was no rush for precedence. George settled the matter so far as he was concerned by retiring into the boat and pulling on his socks. Montmorency gave vent to an involuntary howl, as if merely thinking of the thing had given him the horrors; and Harris said it would be so difficult to get into the boat again, and went back and sorted out his trousers.

I did not altogether like to give in, though I did not relish the plunge. There might be snags about, or weeds, I thought. I meant to compromise matters by going down to the edge

Постепенно Джордж пришел в болезненно-нервное состояние. Ему представлялось, что идет суд, что он пытается объяснить присяжным обстоятельства дела, но никто ему не верит. Его приговаривают к двадцати годам каторги, и его мать умирает с горя. Поэтому он бросил готовить завтрак, завернулся в пальто и просидел в своем кресле, пока миссис Г., в половине восьмого, не спустилась вниз.

Джордж сказал, что с тех пор он ни разу не поднимался так рано.

Это послужило ему хорошим уроком. Пока Джордж рассказывал эту правдивую историю, мы оба сидели, завернувшись в пледы. Когда он кончил, я принялся будить Гарриса веслом. Ткнув его в третий раз, я достиг цели. Гаррис повернулся на другой бок и сказал, что он сию минуту спустится и хотел бы получить свои штиблеты со шнуровкой. Однако с помощью багра мы скоро дали ему понять, где он находится, и Гаррис внезапно сел прямо, отбросив на противоположный конец лодки Монморенси, который спал на его груди сном праведника.

Потом мы приподняли парусину, высунули все вместе головы за борт, посмотрели на воду и поежились. Накануне вечером мы предполагали встать рано поутру, сбросить наши пледы и одеяла и, откинув парусину, с веселым криком броситься в воду, чтобы вдоволь поплавать. Но почему-то, когда наступило утро, эта перспектива представилась нам менее соблазнительной. Вода казалась сырой и холодной, ветер прямо пронизывал.

- Ну, кто же прыгнет первый? - спросил, наконец, Гаррис.

Особой борьбы за первенство не было. Джордж, поскольку это касалось его лично, решил вопрос, удалившись в глубину лодки и надев носки. Монморенси невольно взвыл, как будто одна мысль о купанье внушала ему ужас. Гаррис сказал, что слишком уж трудно будет влезть обратно в лодку, и стал разыскивать в грудке платья свои штаны.

Мне не очень хотелось отступать, хотя купанье меня тоже не прельщало. В воде могут быть коряги или водоросли, думал я. Я решил избрать

and just throwing the water over myself; so I took a towel and crept out on the bank and wormed my way along on to the branch of a tree that dipped down into the water.

It was bitterly cold. The wind cut like a knife. I thought I would not throw the water over myself after all. I would go back into the boat and dress; and I turned to do so; and, as I turned, the silly branch gave way, and I and the towel went in together with a tremendous splash, and I was out mid-stream with a gallon of Thames water inside me before I knew what had happened.

"By Jove! old J.'s gone in," I heard Harris say, as I came blowing to the surface. "I didn't think he'd have the pluck to do it. Did you?"

"Is it all right?" sung out George.

"Lovely," I spluttered back. "You are duffers not to come in. I wouldn't have missed this for worlds. Why won't you try it? It only wants a little determination."

But I could not persuade them.

Rather an amusing thing happened while dressing that morning. I was very cold when I got back into the boat, and, in my hurry to get my shirt on, I accidentally jerked it into the water. It made me awfully wild, especially as George burst out laughing. I could not see anything to laugh at, and I told George so, and he only laughed the more. I never saw a man laugh so much. I quite lost my temper with him at last, and I pointed out to him what a drivelling maniac of an imbecile idiot he was; but he only roared the louder. And then, just as I was landing the shirt, I noticed that it was not my shirt at all, but George's, which I had mistaken for mine; whereupon the humour of the thing struck me for the first time, and I began to laugh. And the more I looked from George's wet shirt to George, roaring with laughter, the more I was amused, and I laughed so much that I had to let the shirt fall back into the water again.

"Ar'n't you - you - going to get it out?" said George, between his shrieks.

средний путь: подойти к краю берега и побрызгать на себя водой. Я взял полотенце, вышел на сушу и подобрался к воде по длинной ветке дерева, которая спускалась прямо в реку.

Было очень холодно. Ветер резал, как ножом. Я подумал, что обливаться, пожалуй, не стоит, лучше вернуться в лодку и одеться. Я повернул обратно, чтобы выполнить свое намерение, но в эту минуту глупая ветка подломилась, и я вместе с полотенцем с оглушительным плеском плюхнулся в воду. Еще не успев сообразить, что случилось, я очутился посередине Темзы, и в желудке у меня был целый галлон речной воды.

- Черт возьми, старина Джей полез-таки в воду! - услышал я восклицанье Гарриса, когда, отдуваясь, всплыл на поверхность. - Я не думал, что у него хватит храбрости. А ты?

- Ну что, хорошо?- пропел Джордж.

- Прелестно, - ответил я, отплевываясь. - Вы дураки, что не выкупались. Я бы ни за что на свете не отказался от этого. Почему бы вам не попробовать? Нужно только немного решимости.

Но я не смог их уговорить.

В это утро во время одеванья случилась одна довольно забавная история. Когда я вернулся в лодку, было очень холодно, и, торопясь надеть рубашку, я нечаянно уронил ее в воду. Это меня ужасно разозлило, особенно потому, что Джордж стал смеяться. Я не находил в этом ничего смешного и сказал это Джорджу, но Джордж только громче захохотал. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так смеялся. Наконец я совсем рассердился и высказал Джорджу, какой он сумасшедший болван и безмозглый идиот, но Джордж после этого заржал еще пуще. И вдруг, вытаскивая рубашку из воды, я увидел, что это вовсе не моя рубашка, а рубашка Джорджа, которую я принял за свою. Тут комизм положения дошел, наконец, и до меня, и я тоже начал смеяться. Чем больше я смотрел на мокрую Джорджеву рубашку и на самого Джорджа, который покатывался со смеху, тем больше это меня забавляло, и я до того хохотал, что снова уронил рубашку в воду.

- Ты не собираешься ее вытаскивать? - спросил Джордж, давась от хохота.

I could not answer him at all for a while, I was laughing so, but, at last, between my peals I managed to jerk out:

"It isn't my shirt - it's YOURS!"

I never saw a man's face change from lively to severe so suddenly in all my life before.

"What!" he yelled, springing up. "You silly cuckoo! Why can't you be more careful what you're doing? Why the deuce don't you go and dress on the bank? You're not fit to be in a boat, you're not. Gimme the hitcher."

I tried to make him see the fun of the thing, but he could not. George is very dense at seeing a joke sometimes.

Harris proposed that we should have scrambled eggs for breakfast. He said he would cook them. It seemed, from his account, that he was very good at doing scrambled eggs. He often did them at picnics and when out on yachts. He was quite famous for them. People who had once tasted his scrambled eggs, so we gathered from his conversation, never cared for any other food afterwards, but pined away and died when they could not get them.

It made our mouths water to hear him talk about the things, and we handed him out the stove and the frying-pan and all the eggs that had not smashed and gone over everything in the hamper, and begged him to begin.

He had some trouble in breaking the eggs - or rather not so much trouble in breaking them exactly as in getting them into the frying-pan when broken, and keeping them off his trousers, and preventing them from running up his sleeve; but he fixed some half-a-dozen into the pan at last, and then squatted down by the side of the stove and chivied them about with a fork.

It seemed harassing work, so far as George and I could judge. Whenever he went near the pan he burned himself, and then he would drop everything and dance round the stove, flicking his fingers about and cursing the things. Indeed, every time George and I looked round at him he was sure to be performing this feat. We thought at first that it was a necessary part of the

Я ответил ему не сразу, такой меня разбирал смех, но, наконец, между приступами хохота мне удалось выговорить:

- Это не моя рубашка, а твоя.

Я в жизни не видел, чтобы человеческое лицо так быстро из веселого становилось мрачным.

- Что! - взвизгнул Джордж, вскакивая на ноги. - Дурак ты этакий! Почему ты не можешь быть осторожнее? Почему, черт возьми, ты не пошел одеваться на берег? Тебя нельзя пускать в лодку, вот что! Подай багор.

Я попытался объяснить ему, как все это смешно, но он не понял. Джордж иногда плохо чувствует шутку.

Гаррис предложил сделать на завтрак яичницу-болтушку и взялся сам ее приготовить. По его словам выходило, что он большой мастер готовить яичницу-болтушку. Он часто жарил ее на пикниках и во время прогулок на яхте. Он прямо-таки прославился этим. Гаррис дал нам понять, что люди, которые хоть раз отведали его яичницы, никогда уже не ели никакой другой пищи и чахли и умирали, если не могли получить ее.

После таких разговоров у нас потекли слюнки. Мы выдали Гаррису спиртовку, сковороду и те яйца, которые еще не разбились и не залили всего содержимого корзины, и предложили ему приступить к делу.

Разбить яйца Гаррису удалось не без хлопот. Трудно было не столько их разбить, сколько попасть ими на сковороду и не вылить их на брюки или на рукава. В конце концов Гаррис все же ухитрился выпустить на сковородку с полдюжины яиц, потом он сел перед спиртовкой на корточки и начал размазывать яйца вилкой.

Нам с Джорджем со стороны казалось, что это довольно изнурительная работа. Всякий раз, как Гаррис подходил к сковороде, он обжигался, ронял что-нибудь и начинал танцевать вокруг спиртовки, щелкая пальцами и проклиная яйца. Когда только мы с Джорджем на него ни взглядывали, он неизменно исполнял этот номер. Мы даже подумали, что это необходимая часть

culinary arrangements.

We did not know what scrambled eggs were, and we fancied that it must be some Red Indian or Sandwich Islands sort of dish that required dances and incantations for its proper cooking. Montmorency went and put his nose over it once, and the fat spluttered up and scalded him, and then he began dancing and cursing. Altogether it was one of the most interesting and exciting operations I have ever witnessed. George and I were both quite sorry when it was over.

The result was not altogether the success that Harris had anticipated. There seemed so little to show for the business. Six eggs had gone into the frying-pan, and all that came out was a teaspoonful of burnt and unappetizing looking mess.

Harris said it was the fault of the frying-pan, and thought it would have gone better if we had had a fish-kettle and a gas-stove; and we decided not to attempt the dish again until we had those aids to housekeeping by us.

The sun had got more powerful by the time we had finished breakfast, and the wind had dropped, and it was as lovely a morning as one could desire. Little was in sight to remind us of the nineteenth century; and, as we looked out upon the river in the morning sunlight, we could almost fancy that the centuries between us and that ever-to-be-famous June morning of 1215 had been drawn aside, and that we, English yeomen's sons in homespun cloth, with dirk at belt, were waiting there to witness the writing of that stupendous page of history, the meaning whereof was to be translated to the common people some four hundred and odd years later by one Oliver Cromwell, who had deeply studied it.

It is a fine summer morning - sunny, soft, and still. But through the air there runs a thrill of coming stir. King John has slept at Duncroft Hall, and all the day before the little town of Staines has echoed to the clang of armed men, and the clatter of great horses over its rough stones, and the shouts of captains, and the grim oaths and surly jests of bearded bowmen, billmen, pikemen, and strange-speaking foreign spearmen.

его кулинарных приготовлений.

Мы не знали, что такое яичница-болтушка, и думали, что это, должно быть, кушанье краснокожих индейцев или обитателей Сандвичевых островов, изготовление которого требовало плясок и заклинаний. Монморенси один раз подошел к сковороде и сунул в нее нос. Его обожгло брызгами жира, и он тоже начал танцевать и ругаться. В общем, это была одна из самых интересных и волнующих процедур, которые я когда-либо видел. Мы с Джорджем были прямо-таки огорчены, когда она кончилась.

Результат оказался не столь удачным, как ожидал Гаррис. Плоды работы были уж очень незначительны. На сковороде было шесть штук яиц, а получилось не больше чайной ложки какой-то подгоревшей, неаппетитной бурды.

Гаррис сказал, что виновата сковорода, - все вышло бы лучше, будь у нас котелок для варки рыбы и газовая плита. Мы решили не пытаться больше готовить это блюдо, пока у нас не будет вышеназванных хозяйственных принадлежностей.

Когда мы кончили завтракать, солнце уже порядком пригревало. Ветер стих, и более очаровательного утра нельзя было пожелать. Мало что вокруг нас напоминало о девятнадцатом веке. Глядя на реку, освещенную утренним солнцем, можно было подумать, что столетия, отделяющие нас от незабываемого июньского утра 1215 года, отошли в сторону и что мы, сыновья английских йоменов, в платье из домотканого сукна, с кинжалами за поясом, ждем здесь, чтобы увидеть, как пишется та потрясающая страница истории, значение которой открыл простым людям через четыреста с лишком лет Оливер Кромвель, так основательно изучивший ее.

Прекрасное летнее утро - солнечное, теплое и тихое. Но в воздухе чувствуется нарастающее волнение. Король Иоанн стоит в Данкрафт-Холле, и весь день накануне городок Стэйнс оглашался бряцанием оружия и стуком копыт по мостовой, криком командиров, свирепыми проклятиями и грубыми шутками бородатых лучников, копейщиков, алебардчиков и говорящих на чужом языке иностранных воинов с пиками.

Gay-cloaked companies of knights and squires have ridden in, all travel- stained and dusty. And all the evening long the timid townsmen's doors have had to be quick opened to let in rough groups of soldiers, for whom there must be found both board and lodging, and the best of both, or woe betide the house and all within; for the sword is judge and jury, plaintiff and executioner, in these tempestuous times, and pays for what it takes by sparing those from whom it takes it, if it pleases it to do so.

Round the camp-fire in the market-place gather still more of the Barons' troops, and eat and drink deep, and bellow forth roystering drinking songs, and gamble and quarrel as the evening grows and deepens into night. The firelight sheds quaint shadows on their piled-up arms and on their uncouth forms. The children of the town steal round to watch them, wondering; and brawny country wenches, laughing, draw near to bandy ale- house jest and jibe with the swaggering troopers, so unlike the village swains, who, now despised, stand apart behind, with vacant grins upon their broad, peering faces. And out from the fields around, glitter the faint lights of more distant camps, as here some great lord's followers lie mustered, and there false John's French mercenaries hover like crouching wolves without the town.

And so, with sentinel in each dark street, and twinkling watch-fires on each height around, the night has worn away, and over this fair valley of old Thame has broken the morning of the great day that is to close so big with the fate of ages yet unborn.

Ever since grey dawn, in the lower of the two islands, just above where we are standing, there has been great clamour, and the sound of many workmen. The great pavilion brought there yester eve is being raised, and carpenters are busy nailing tiers of seats, while `prentices from London town are there with many-coloured stuffs and silks and cloth of gold and silver.

And now, lo! down upon the road that winds along the river's bank from Staines there come towards us, laughing and talking together in deep guttural bass, a half-a-score of stalwart halbert-men - Barons' men, these - and halt at a

В город въезжают группы пестро одетых рыцарей и оруженосцев, они покрыты пылью дальних дорог. И весь вечер испуганные жители должны поспешно открывать двери, чтобы впустить к себе в дом беспорядочную гурьбу солдат, которых надо накормить и разместить, да наилучшим образом, не то горе дому и всем, кто в нем живет, ибо в эти бурные времена меч - сам судья и адвокат, истец и палач, за взятое он платит тем, что оставляет в живых того, у кого берет, если, конечно, захочет.

Вечером и до самого наступления ночи на рыночной площади вокруг костров собирается все больше людей из войска баронов; они едят, пьют и орут буйные песни, играют в кости и ссорятся. Пламя отбрасывает причудливые тени на кучи оружия и на неуклюжие фигуры самих воинов. Дети горожан подкрадываются к кострам и смотрят - им очень интересно, и крепкие деревенские девушки подвигаются поближе, чтобы перекинуться трактирной шуткой и посмеяться с лихими вояками, так непохожими на деревенских парней, которые понуро стоят в стороне, с глупой усмешкой на широких растерянных лицах. А кругом в поле виднеются слабые огни отдаленных костров, здесь собрались сторонники какого-нибудь феодала, а там французские наемники вероломного Иоанна притаились как голодные бездомные волки.

Всю ночь на каждой темной улице стояли часовые, и на каждом холме вокруг города мерцали огни сторожевых костров. Но вот ночь прошла, и над прекрасной долиной старой Темзы наступило утро великого дня, чреватого столь большими переменами для еще не рожденных поколений.

Как только занялся серый рассвет с ближайшего из двух островов, чуть повыше того места, где мы сейчас стоим, послышался шум голосов и звуки стройки. Там ставят большой шатер, привезенный еще вчера вечером, плотники сколачивают ряды скамеек, а подмастерья из Лондона прибыли с разноцветными материями и шелками, золотой и серебряной парчой.

И вот смотрите! По дороге, что вьется вдоль берега от Стэйкса, к нам направляются, смеясь и разговаривая гортанным басом, около десяти дюжих мужчин с алебардами - это люди баронов; они остановились ярдов на сто выше нас на

hundred yards or so above us, on the other bank, and lean upon their arms, and wait.

And so, from hour to hour, march up along the road ever fresh groups and bands of armed men, their casques and breastplates flashing back the long low lines of morning sunlight, until, as far as eye can reach, the way seems thick with glittering steel and prancing steeds. And shouting horsemen are galloping from group to group, and little banners are fluttering lazily in the warm breeze, and every now and then there is a deeper stir as the ranks make way on either side, and some great Baron on his war-horse, with his guard of squires around him, passes along to take his station at the head of his serfs and vassals.

And up the slope of Cooper's Hill, just opposite, are gathered the wondering rustics and curious townfolk, who have run from Staines, and none are quite sure what the bustle is about, but each one has a different version of the great event that they have come to see; and some say that much good to all the people will come from this day's work; but the old men shake their heads, for they have heard such tales before.

And all the river down to Staines is dotted with small craft and boats and tiny coracles - which last are growing out of favour now, and are used only by the poorer folk. Over the rapids, where in after years trim Bell Weir lock will stand, they have been forced or dragged by their sturdy rowers, and now are crowding up as near as they dare come to the great covered barges, which lie in readiness to bear King John to where the fateful Charter waits his signing.

It is noon, and we and all the people have been waiting patient for many an hour, and the rumour has run round that slippery John has again escaped from the Barons' grasp, and has stolen away from Duncroft Hall with his mercenaries at his heels, and will soon be doing other work than signing charters for his people's liberty.

Not so! This time the grip upon him has been one of iron, and he has slid and wriggled in vain. Far down the road a little cloud of dust has

противоположном берегу и, опершись о свое оружие, стали ждать.

И каждый час по дороге подходят все новые группы и отряды воинов - в их шлемах и латах отражаются длинные косые лучи утреннего солнца - пока вся дорога, насколько видит глаз, не кажется плотно забитой блестящим оружием и пляшущими конями. Всадники скачут от одной группы к другой, небольшие знамена лениво трепещут на теплом ветерке, и время от времени происходит движение - ряды раздвигаются, и кто-нибудь из великих баронов, окруженный свитой оруженосцев, проезжает на боевом коне, чтобы занять свое место во главе своих крепостных и вассалов.

А на склоне Купер-Хилла, как раз напротив, собрались изумленные селяне и любопытные горожане из Стэйнса, и никто не знает толком причину всей этой суматохи, но каждый по-своему объясняет, что привлекло его сюда; некоторые утверждают, что события этого дня послужат на благо всем, но старые люди покачивают головами - они слышали подобные сказки и раньше.

А вся река до самого Стэйнса усеяна черными точками лодок и лодочек и крохотных плетушек, обтянутых кожей, - последние теперь не в моде, и они в ходу только у очень бедных людей. Через пороги, там, где много лет спустя будет построен красивый шлюз Бел Уир, их тащили и тянули сильные гребцы, а теперь они подплывают как можно ближе, насколько у них хватает смелости, к большим крытым лодкам, которые стоят наготове, чтобы перевезти короля Иоанна к месту, где роковая хартия ждет его подписи.

Полдень. Мы вместе со всем народом терпеливо ждем уже много часов, но разносится слух, что неуловимый Иоанн опять ускользнул из рук баронов и убежал из Данкрафт-Холла вместе со своими наемниками и что скоро он займется делами поинтереснее, чем подписывать хартии о вольности своего народа.

Но нет! На этот раз его схватили в железные тиски, и напрасно он извивается и пытается ускользнуть. Вдали на дороге поднялось

risen, and draws nearer and grows larger, and the pattering of many hoofs grows louder, and in and out between the scattered groups of drawn-up men, there pushes on its way a brilliant cavalcade of gay-dressed lords and knights. And front and rear, and either flank, there ride the yeomen of the Barons, and in the midst King John.

He rides to where the barges lie in readiness, and the great Barons step forth from their ranks to meet him. He greets them with a smile and laugh, and pleasant honeyed words, as though it were some feast in his honour to which he had been invited. But as he rises to dismount, he casts one hurried glance from his own French mercenaries drawn up in the rear to the grim ranks of the Barons' men that hem him in.

Is it too late? One fierce blow at the unsuspecting horseman at his side, one cry to his French troops, one desperate charge upon the unready lines before him, and these rebellious Barons might rue the day they dared to thwart his plans! A bolder hand might have turned the game even at that point. Had it been a Richard there! the cup of liberty might have been dashed from England's lips, and the taste of freedom held back for a hundred years.

But the heart of King John sinks before the stern faces of the English fighting men, and the arm of King John drops back on to his rein, and he dismounts and takes his seat in the foremost barge. And the Barons follow in, with each mailed hand upon the sword-hilt, and the word is given to let go.

Slowly the heavy, bright-decked barges leave the shore of Runningmede. Slowly against the swift current they work their ponderous way, till, with a low grumble, they grate against the bank of the little island that from this day will bear the name of Magna Charta Island. And King John has stepped upon the shore, and we wait in breathless silence till a great shout cleaves the air, and the great cornerstone in England's temple of liberty has, now we know, been firmly laid.

CHAPTER XII

небольшое облачко пыли, оно приближается и растет, стук множества копыт становится громче, и от одной группы выстроившихся солдат к другой продвигается блестящая кавалькада ярко одетых феодалов и рыцарей. Впереди и сзади, и с обеих сторон едут йомены баронов, а в середине - король Иоанн.

Он подъезжает к тому месту, где наготове стоят лодки; и великие бароны выходят из строя ему навстречу. Он приветствует их, улыбаясь и смеясь, и говорит приятные, ласковые слова, будто приехал на праздник, устроенный в его честь. Но когда он приподнимается, чтобы слезть с коня, он бросает быстрый взгляд на своих французских наемников, выстроенных сзади, и на угрюмое войско баронов, окружившее его.

Может быть, еще не поздно? Один сильный, неожиданный удар по рядом стоящему всаднику, один призыв к его французским войскам, отчаянный натиск на готовые к отпору ряды впереди, - и эти мятежные бароны еще пожалеют о том дне, когда они посмели расстроить его планы! Более смелая рука могла бы изменить ход игры даже в таком положении. Будь на его месте Ричард, чаша свободы чего доброго была бы выбита из рук Англии, и она еще сотню лет не узнала бы, какова эта свобода на вкус!

Но сердце короля Иоанна дрогнуло перед суровыми лицами английских воинов, его рука падает на повод, он слезает с лошади и садится в первую лодку. Бароны входят следом за ним, держа руки в стальных рукавицах на рукоятках мечей, и отдается приказ к отправлению.

Медленно отплывают тяжелые разукрашенные лодки от Раннимиды. Медленно прокладывают они свой путь против течения, с глухим стуком ударяются о берег маленького острова, который отныне будет называться островом Великой Хартии. Король Иоанн сходит на берег, мы ждем, затаив дыхание, и вот громкий крик потрясает воздух, и мы знаем, что большой краеугольный камень английского храма свободы прочно лег на свое место.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

HENRY VIII. AND ANNE BOLEYN. -
DISADVANTAGES OF LIVING IN SAME HOUSE
WITH PAIR OF LOVERS. - A TRYING TIME FOR
THE ENGLISH NATION. - A NIGHT SEARCH
FOR THE PICTURESQUE. - HOMELESS AND
HOUSELESS. - HARRIS PREPARES TO DIE. -
AN ANGEL COMES ALONG. - EFFECT OF
SUDDEN JOY ON HARRIS. - A LITTLE SUPPER.
- LUNCH. - HIGH PRICE FOR MUSTARD. - A
FEARFUL BATTLE. - MAIDENHEAD. - SAILING.
- THREE FISHERS. - WE ARE CURSED.

I WAS sitting on the bank, conjuring up this scene to myself, when George remarked that when I was quite rested, perhaps I would not mind helping to wash up; and, thus recalled from the days of the glorious past to the prosaic present, with all its misery and sin, I slid down into the boat and cleaned out the frying-pan with a stick of wood and a tuft of grass, polishing it up finally with George's wet shirt.

We went over to Magna Charta Island, and had a look at the stone which stands in the cottage there and on which the great Charter is said to have been signed; though, as to whether it really was signed there, or, as some say, on the other bank at "Runningmede," I decline to commit myself. As far as my own personal opinion goes, however, I am inclined to give weight to the popular island theory. Certainly, had I been one of the Barons, at the time, I should have strongly urged upon my comrades the advisability of our getting such a slippery customer as King John on to the island, where there was less chance of surprises and tricks.

There are the ruins of an old priory in the grounds of Ankerwyke House, which is close to Picnic Point, and it was round about the grounds of this old priory that Henry VIII. is said to have waited for and met Anne Boleyn. He also used to meet her at Hever Castle in Kent, and also somewhere near St. Albans. It must have been difficult for the people of England in those days to have found a spot where these thoughtless young folk were NOT spooning.

Have you ever been in a house where there are a couple courting? It is most trying. You think you will go and sit in the drawing-room, and you march off there. As you open the door, you hear

Генрих Восьмой и Анна Болейн. Неудобства пребывания в одном доме с влюбленными. Трудные времена для английского народа. Ночные поиски красоты. Бесприютные и бездомные. Гаррис готовится умереть. Появление ангела. Влияние внезапной радости на Гарриса. Легкий ужин. Завтрак. Полмира за банку горчицы. Ужасная битва Мэйденхед. Под парусами. Трое рыбаков. Нас осыпают проклятиями.

Я сидел на берегу, вызывая в воображении эти сцены, когда Джордж сказал, что, может быть, я достаточно отдохнул и не откажусь принять участие в мытье посуды. Возвращенный из времен славного прошлого к прозаическому настоящему со всеми его несчастьями и грехами, я спустился в лодку и вычистил сковороду палочкой и пучком травы, придав ей окончательный блеск мокрой рубахой Джорджа.

Мы отправились на остров Великой Хартии и обозрели камень, который стоит там в домике и на котором, как говорят, был подписан этот знаменитый документ. Впрочем, я не могу поручиться, что он был подписан именно там, а не на противоположном берегу, в Раннимиде, как утверждают некоторые. Сам я склонен отдать предпочтение общепринятой островной теории. Во всяком случае, будь я одним из баронов тех времен, я настоятельно убеждал бы моих товарищей переправить столь ненадежного клиента, как король Иоанн, на остров, чтобы оградить себя от всяких неожиданностей и фокусов.

Около Энкервик-Хауса, неподалеку от Мыса пикников, сохранились развалины старого монастыря. Возле этого старого монастыря Генрих Восьмой, говорят, поджидал и встречал Анну Болейн. Он встречался с нею также у замка Хивер в графстве Кент и еще где-то около Сент-Олбенса. В те времена жителям Англии было, вероятно, очень трудно найти такое местечко, где эти беспечные молодые люди не крутили бы любовь.

Случалось ли вам когда-нибудь жить в доме, где есть влюбленная парочка? Это очень мучительно. Вы хотите посидеть в гостиной и направляетесь

a noise as if somebody had suddenly recollected something, and, when you get in, Emily is over by the window, full of interest in the opposite side of the road, and your friend, John Edward, is at the other end of the room with his whole soul held in thrall by photographs of other people's relatives.

"Oh!" you say, pausing at the door, "I didn't know anybody was here."

"Oh! didn't you?" says Emily, coldly, in a tone which implies that she does not believe you.

You hang about for a bit, then you say:

"It's very dark. Why don't you light the gas?"

John Edward says, "Oh!" he hadn't noticed it; and Emily says that papa does not like the gas lit in the afternoon.

You tell them one or two items of news, and give them your views and opinions on the Irish question; but this does not appear to interest them. All they remark on any subject is, "Oh!" "Is it?" "Did he?" "Yes," and "You don't say so!" And, after ten minutes of such style of conversation, you edge up to the door, and slip out, and are surprised to find that the door immediately closes behind you, and shuts itself, without your having touched it.

Half an hour later, you think you will try a pipe in the conservatory. The only chair in the place is occupied by Emily; and John Edward, if the language of clothes can be relied upon, has evidently been sitting on the floor. They do not speak, but they give you a look that says all that can be said in a civilised community; and you back out promptly and shut the door behind you.

You are afraid to poke your nose into any room in the house now; so, after walking up and down the stairs for a while, you go and sit in your own bedroom. This becomes uninteresting, however, after a time, and so you put on your hat and stroll out into the garden. You walk down the path, and as you pass the summer-house you glance in, and there are those two young idiots, huddled up into one corner of it; and they see you, and are evidently under the idea that, for some wicked purpose of your own, you are

туда. Открывая дверь, вы слышите легкий шум, словно кто-то вдруг вспомнил о неотложном деле; когда вы входите в комнату, Эмили стоит у окна и с глубоким интересом рассматривает противоположную сторону улицы, а ваш приятель Джон Эдвардс, сидя в другом углу, весь ушел в изучение фотографий чьих-то родственников.

- Ах, - говорите вы, останавливаясь у двери. - Я и не знал, что тут кто-нибудь есть.

- Вот как? - холодно отвечает Эмили, явно давая понять, что она вам не верит.

Поболтавшись немного в комнате, вы говорите:

- Здесь Очень темно. Почему вы не зажгли газ?

Джон Эдвардс восклицает: - Ах, я и не заметил! А Эмили говорит, что папа не любит, когда днем зажигают газ.

Вы сообщаете им последние новости и высказываете свои взгляды и мнения об ирландском вопросе, но это, по-видимому, не интересуется их. На любое ваше замечание они отвечают: "Ах, вот как?", "Правда?", "Неужели?", "Да?", "Не может быть!" После десяти минут разговора в таком стиле вы пробираетесь к двери и выскальзываете из комнаты. К вашему удивлению, дверь немедленно закрывается и захлопывается сама, без всякого вашего участия.

Полчаса спустя вы решаете спокойно покурить в зимнем саду. Единственный стул в этом помещении занят Эмили, а Джон Эдвардс, если можно доверять языку одежды, явно сидел на полу. Они ничего не говорят, но взгляд их выражает все, что можно высказать в цивилизованном обществе. Вы быстро ретируетесь и закрываете за собой дверь.

После этого вы боитесь сунуть нос в какую бы то ни было комнату. Побродив некоторое время вверх и вниз по лестнице, вы направляетесь в свою спальню и сидите там. Скоро это вам надоедает, вы надеваете шляпу и выходите в сад. Вы идете по дорожке и, проходя мимо беседки, заглядываете туда, и, конечно, эти идиоты уже сидят там, забившись в угол. Они тоже замечают вас и думают, что у вас есть какие-то свои гнусные причины их преследовать.

following them about.

"Why don't they have a special room for this sort of thing, and make people keep to it?" you mutter; and you rush back to the hall and get your umbrella and go out.

It must have been much like this when that foolish boy Henry VIII. was courting his little Anne. People in Buckinghamshire would have come upon them unexpectedly when they were mooning round Windsor and Wraysbury, and have exclaimed, "Oh! you here!" and Henry would have blushed and said, "Yes; he'd just come over to see a man;" and Anne would have said, "Oh, I'm so glad to see you! Isn't it funny? I've just met Mr. Henry VIII. in the lane, and he's going the same way I am."

Then those people would have gone away and said to themselves: "Oh! we'd better get out of here while this billing and cooing is on. We'll go down to Kent."

And they would go to Kent, and the first thing they would see in Kent, when they got there, would be Henry and Anne fooling round Hever Castle.

"Oh, drat this!" they would have said. "Here, let's go away. I can't stand any more of it. Let's go to St. Albans - nice quiet place, St. Albans."

And when they reached St. Albans, there would be that wretched couple, kissing under the Abbey walls. Then these folks would go and be pirates until the marriage was over.

From Picnic Point to Old Windsor Lock is a delightful bit of the river. A shady road, dotted here and there with dainty little cottages, runs by the bank up to the "Bells of Ouseley," a picturesque inn, as most up- river inns are, and a place where a very good glass of ale may be drunk - so Harris says; and on a matter of this kind you can take Harris's word. Old Windsor is a famous spot in its way. Edward the Confessor had a palace here, and here the great Earl Godwin was proved guilty by the justice of that age of having encompassed the death of the King's brother. Earl Godwin broke a piece of

- Завели бы, что ли, особую комнату для такого времяпрепровождения, - бормочете вы. Вы бегом возвращаетесь в переднюю, хватаете зонтик и уходите.

Нечто похожее, вероятно, было и тогда, когда этот легкомысленный юноша Генрих Восьмой ухаживал за своей маленькой Анной. Обитатели Бакингемшира неожиданно натыкались на них, когда они бродили вокруг Виндзора и Рэйсбери, и восклицали: "Ах, вы здесь!" Генрих, весь вспыхнув, отвечал: "Да, я приехал, чтобы повидаться с одним человеком", - а Анна говорила: "Как я рада вас видеть!" Вот забавно! "Я только что встретила на дороге мистера Генриха Восьмого, и он идет в ту же сторону, что и я".

И бэкингемширцы уходили, говоря про себя: "Лучше убраться отсюда, пока они здесь целуются и милуются." "Поедем в Кент".

Они ехали в Кент, и первое, что они видели в Кенте, были Генрих с Анной, которые слонялись вокруг замка Хивер.

- Черт бы их побрал, - говорили бэкингемширцы. - Давайте-ка уедем. Это, наконец, невыносимо. Поедем в Сент-Олбенс. Там тихо и спокойно.

Они приезжали в Сент-Олбенс, и, разумеется, эта несчастная парочка уже была там и целовалась под стенами аббатства. И тогда эти люди уходили прочь и поступали в пираты на все время до окончания свадебных торжеств.

Участок реки от Мыса пикников до старого Виндзорского шлюза очень красив. Тенистая дорога, застроенная хорошенькими домиками, тянется вдоль берега вплоть до гостиницы "Ауслейские колокола". Эта гостиница очень живописна, как и большинство прибрежных гостиниц, и там можно выпить стакан превосходного эля. Так по крайней мере говорит Гаррис, а в этом вопросе на мнение Гарриса можно положиться." Старый Виндзор - в своем роде знаменитое место. У Эдуарда Исповедника был здесь дворец, и именно здесь славный граф Годвин был обвинен тогдашними судьями в убийстве брата короля. Граф Годвин отломил

bread and held it in his hand.

"If I am guilty," said the Earl, "may this bread choke me when I eat it!"

Then he put the bread into his mouth and swallowed it, and it choked him, and he died.

After you pass Old Windsor, the river is somewhat uninteresting, and does not become itself again until you are nearing Boveney. George and I towed up past the Home Park, which stretches along the right bank from Albert to Victoria Bridge; and as we were passing Datchet, George asked me if I remembered our first trip up the river, and when we landed at Datchet at ten o'clock at night, and wanted to go to bed.

I answered that I did remember it. It will be some time before I forget it.

It was the Saturday before the August Bank Holiday. We were tired and hungry, we same three, and when we got to Datchet we took out the hamper, the two bags, and the rugs and coats, and such like things, and started off to look for diggings. We passed a very pretty little hotel, with clematis and creeper over the porch; but there was no honeysuckle about it, and, for some reason or other, I had got my mind fixed on honeysuckle, and I said:

"Oh, don't let's go in there! Let's go on a bit further, and see if there isn't one with honeysuckle over it."

So we went on till we came to another hotel. That was a very nice hotel, too, and it had honey-suckle on it, round at the side; but Harris did not like the look of a man who was leaning against the front door. He said he didn't look a nice man at all, and he wore ugly boots: so we went on further. We went a goodish way without coming across any more hotels, and then we met a man, and asked him to direct us to a few.

He said: "Why, you are coming away from them. You must turn right round and go back, and then you will come to the Stag."

кусок хлеба и взял его в руку.

- Если я виновен, - сказал граф, - пусть я подавлюсь этим хлебом.

И он положил хлеб в рот, и подавился, и умер.

За старым Виндзором река не очень интересна и снова становится красивой, только когда вы приближаетесь к Бовени. Мы с Джорджем провели лодку бечевой мимо Домашнего парка, который тянется по правому берегу от моста Альберта до моста Виктории. Мы проходили по Дэтчету, и Джордж спросил, помню ли я нашу первую прогулку по реке, когда мы высадились в Дэтчете в десять часов вечера и нам хотелось спать.

Я ответил, что помню. Такое не скоро забывается!

Дело было в субботу, в августе. Мы, то есть наша троица, устали и проголодались. Добравшись до Дэтчета, мы взяли корзину, оба саквояжа, пледы, пальто и другие вещи и отправились на поиски логовища. Нам попалась на пути очень милая маленькая гостиница с крылечком, увитым ползучими розами. Но там не было жимолости, а мне почему-то очень хотелось жимолости, и я сказал:

- не стоит заходить сюда. Пойдем дальше и посмотрим, нет ли где-нибудь гостиницы с жимолостью.

Мы пошли дальше и вскоре увидели еще одну гостиницу. Это тоже была очень хорошая гостиница, и на ней даже вилась жимолость - за углом, сбоку, но Гаррису не понравилось выражение лица мужчины, который стоял, прислонившись к входной двери. По мнению Гарриса, это был неприятный человек, и к тому же на нем были некрасивые сапоги. Поэтому мы отправились дальше. Мы прошли порядочное расстояние и не увидели ни одной гостиницы. Наконец нам повстречался какой-то прохожий, и мы попросили его указать нам хороший отель.

- Да вы же оставили их позади, - сказал этот человек. "- Поворачивайте и идите назад - вы придете к "Оленю"."

We said: "Oh, we had been there, and didn't like it - no honeysuckle over it."

"Well, then," he said, "there's the Manor House, just opposite. Have you tried that?"

Harris replied that we did not want to go there - didn't like the looks of a man who was stopping there - Harris did not like the colour of his hair, didn't like his boots, either.

"Well, I don't know what you'll do, I'm sure," said our informant; "because they are the only two inns in the place."

"No other inns!" exclaimed Harris.

"None," replied the man.

"What on earth are we to do?" cried Harris.

Then George spoke up. He said Harris and I could get an hotel built for us, if we liked, and have some people made to put in. For his part, he was going back to the Stag.

The greatest minds never realise their ideals in any matter; and Harris and I sighed over the hollowness of all earthly desires, and followed George.

We took our traps into the Stag, and laid them down in the hall.

The landlord came up and said:

"Good evening, gentlemen."

"Oh, good evening," said George; "we want three beds, please."

"Very sorry, sir," said the landlord; "but I'm afraid we can't manage it."

"Oh, well, never mind," said George, "two will do. Two of us can sleep in one bed, can't we?" he continued, turning to Harris and me.

Harris said, "Oh, yes;" he thought George and I could sleep in one bed very easily.

"Very sorry, sir," again repeated the landlord: "but we really haven't got a bed vacant in the

- Мы там были, и он нам не понравился, - сказали мы. - Там нет жимолости.

"- Ну тогда, - сказал он, - есть еще "Помещичий дом" - он как раз напротив." Вы туда заходили?

"Гаррис ответил, что туда он не хочет, - ему не понравился вид человека" который стоял у дверей. Не понравился цвет его волос и сапоги."

- Ну, не знаю тогда, что вам и делать, - сказал прохожий. - Здесь больше нет гостиниц.

- Ни одной? - воскликнул Гаррис.

- Ни одной, - ответил прохожий.

- как же нам быть? - вскричал Гаррис.

Тут взял слово Джордж. Он сказал, что мы с Гаррисом можем, если нам угодно, распорядиться, чтобы для нас построили новую гостиницу и наняли персонал. "Что касается его, то он возвращается в "Олень"."

Даже величайшие умы никогда и ни в чем не достигают своего идеала. Мы с Гаррисом повздыхали о суетности всех земных желаний и последовали за Джорджем.

"Мы внесли наши пожитки в "Олень" и сложили их в вестибюле."

Хозяин подошел к нам и сказал:

- Добрый вечер, джентльмены.

- Добрый вечер, - сказал Джордж. - Будьте так добры, нам нужны три кровати.

- Очень сожалею, сэр, - ответил хозяин, - но боюсь, что мы не можем это устроить.

- Ну что же, не беда, - сказал Джордж. - Хватит и двух. Двое из нас могут спать в одной постели, не так ли? - продолжал он, обращаясь ко мне и к Гаррису.

- О, конечно, - ответил Гаррис. Он думал, что мы с Джорджем можем свободно проспать в одной постели.

- Очень сожалею, сэр, - повторил хозяин. - У нас нет ни одной свободной кровати. Мы уже и так

whole house. In fact, we are putting two, and even three gentlemen in one bed, as it is."

This staggered us for a bit.

But Harris, who is an old traveller, rose to the occasion, and, laughing cheerily, said:

"Oh, well, we can't help it. We must rough it. You must give us a shake-down in the billiard-room."

"Very sorry, sir. Three gentlemen sleeping on the billiard-table already, and two in the coffee-room. Can't possibly take you in to-night."

We picked up our things, and went over to the Manor House. It was a pretty little place. I said I thought I should like it better than the other house; and Harris said, "Oh, yes," it would be all right, and we needn't look at the man with the red hair; besides, the poor fellow couldn't help having red hair.

Harris spoke quite kindly and sensibly about it.

The people at the Manor House did not wait to hear us talk. The landlady met us on the doorstep with the greeting that we were the fourteenth party she had turned away within the last hour and a half. As for our meek suggestions of stables, billiard-room, or coal-cellars, she laughed them all to scorn: all these nooks had been snatched up long ago.

Did she know of any place in the whole village where we could get shelter for the night?

"Well, if we didn't mind roughing it - she did not recommend it, mind - but there was a little beershop half a mile down the Eton road - "

We waited to hear no more; we caught up the hamper and the bags, and the coats and rugs, and parcels, and ran. The distance seemed more like a mile than half a mile, but we reached the place at last, and rushed, panting, into the bar.

The people at the beershop were rude. They merely laughed at us. There were only three beds in the whole house, and they had seven single gentlemen and two married couples sleeping there already. A kind-hearted

укладываем по два, а то и по три человека на одну постель.

Это несколько обескуражило нас.

Но Гаррис, старый путешественник, оказался на высоте положения. Он весело засмеялся и сказал:

- Ну что же, ничего не поделаешь. Придется пойти на неудобства. Устройте нас в бильярдной.

- Очень сожалею, сэр, но трое джентльменов уже спят на бильярде и двое в кафе. Никак не могу принять вас на ночь.

"Мы взяли свои вещи и пошли в "Помещичий дом"." Это была очень славная гостиница. "Я сказал, что мне, наверное, понравится в ней больше, чем в "Олене"; Гаррис воскликнул:" "О да, все будет прекрасно, а на человека с рыжими волосами можно не смотреть. К тому же бедняга ведь не виноват, что он рыжий". "

Гаррис так разумно и кротко говорил об этом!

"В "Помещичьем доме" нас и слушать не стали." Хозяйка встретила нас на крыльце и приветствовала заявлением, что мы четырнадцатая компания за последние полтора часа, которой ей приходится отказать. Наши робкие намеки на конюшню, бильярдную или погреб были встречены презрительным смехом. Все эти уютные помещения уже давно были захвачены.

Не знает ли она какой-нибудь дом, где можно найти ночлег?

- Если вы согласны примириться с некоторыми неудобствами, - имейте в виду, я вам этого не рекомендую, - то в полумиле отсюда по Итонской дороге есть одна маленькая пивная...

Не слушая дальше, мы подхватили нашу корзину, саквояжи, пальто, пледы и свертки и помчались. Бежать пришлось скорее милоу, чем полмили, но, наконец, мы достигли цели и, задыхаясь, влетели в пивную.

Хозяева пивной были грубы. Они просто-напросто высмеяли нас. В доме имелось всего три постели, и в них уже спало семь холостых джентльменов и три супружеских четы. "Какой-то сострадательный лодочник, находившийся

bargeman, however, who happened to be in the tap-room, thought we might try the grocer's, next door to the Stag, and we went back.

The grocer's was full. An old woman we met in the shop then kindly took us along with her for a quarter of a mile, to a lady friend of hers, who occasionally let rooms to gentlemen.

This old woman walked very slowly, and we were twenty minutes getting to her lady friend's. She enlivened the journey by describing to us, as we trailed along, the various pains she had in her back.

Her lady friend's rooms were let. From there we were recommended to No. 27. No. 27 was full, and sent us to No. 32, and 32 was full.

Then we went back into the high road, and Harris sat down on the hamper and said he would go no further. He said it seemed a quiet spot, and he would like to die there. He requested George and me to kiss his mother for him, and to tell all his relations that he forgave them and died happy.

At that moment an angel came by in the disguise of a small boy (and I cannot think of any more effective disguise an angel could have assumed), with a can of beer in one hand, and in the other something at the end of a string, which he let down on to every flat stone he came across, and then pulled up again, this producing a peculiarly unattractive sound, suggestive of suffering.

We asked this heavenly messenger (as we discovered him afterwards to be) if he knew of any lonely house, whose occupants were few and feeble (old ladies or paralysed gentlemen preferred), who could be easily frightened into giving up their beds for the night to three desperate men; or, if not this, could he recommend us to an empty pigstye, or a disused limekiln, or anything of that sort. He did not know of any such place - at least, not one handy; but he said that, if we liked to come with him, his mother had a room to spare, and could put us up for the night.

We fell upon his neck there in the moonlight and blessed him, and it would have made a very

случайно в пивной, высказал, однако, мнение, что нам стоит толкнуться к бакалейщику рядом с "Оленем", и мы вернулись назад."

У бакалейщика все было полно. Одна старушка, которую мы встретили в его лавке, любезно предложила нам пройти с ней четверть мили, к ее знакомой, которая иногда сдает мужчинам комнаты.

Старушка шла очень медленно, и, чтобы добраться до ее знакомой, нам потребовалось минут двадцать. В пути эта женщина развлекала нас рассказами о том, как и когда у нее болит спина.

Комнаты ее знакомой оказались сданы. От нее нас направили в дом No 27. Дом No 27 был полон, и нас послали в No 32. No 32 тоже был полон.

Тогда мы вернулись на большую дорогу. Гаррис сел на корзину с провизией и сказал, что дальше он не пойдет. Здесь, кажется, тихо и спокойно, и ему бы хотелось тут умереть. Он попросил меня и Джорджа передать поцелуй его матери и сказать всем его родственникам, что он простил их и умер счастливым.

В этот момент появился ангел в образе маленького мальчика (более удачно ангел не может замаскироваться). В одной руке у него был бидон с пивом, а в другой - какой-то предмет, привязанный к веревочке, которым он ударял о каждый встречный камень, и затем снова дергал его вверх, чем вызывал исключительно неприятный жалобный звук.

Мы спросили этого посланца небес, каковым он оказался, не знает ли он уединенного дома, обитатели которого слабы и немногочисленны (старым дамам и паралитикам предпочтение) и могут под влиянием страха отдать на одну ночь свои постели троим готовым на все мужчинам; а если не знает, то не укажет ли нам какой-нибудь пустой хлев, или заброшенную печь для обжига извести, или что-нибудь в этом роде. Мальчик не знал ни одного такого места, по крайней мере поблизости, но сказал, что мы можем пойти с ним, - у его матери есть свободная комната.

Мы тут же, при свете луны, бросились ему на шею

beautiful picture if the boy himself had not been so over-powered by our emotion as to be unable to sustain himself under it, and sunk to the ground, letting us all down on top of him. Harris was so overcome with joy that he fainted, and had to seize the boy's beer-can and half empty it before he could recover consciousness, and then he started off at a run, and left George and me to bring on the luggage.

It was a little four-roomed cottage where the boy lived, and his mother - good soul! - gave us hot bacon for supper, and we ate it all - five pounds - and a jam tart afterwards, and two pots of tea, and then we went to bed. There were two beds in the room; one was a 2ft. 6in. truckle bed, and George and I slept in that, and kept in by tying ourselves together with a sheet; and the other was the little boy's bed, and Harris had that all to himself, and we found him, in the morning, with two feet of bare leg sticking out at the bottom, and George and I used it to hang the towels on while we bathed.

We were not so uppish about what sort of hotel we would have, next time we went to Datchet.

To return to our present trip: nothing exciting happened, and we tugged steadily on to a little below Monkey Island, where we drew up and lunched. We tackled the cold beef for lunch, and then we found that we had forgotten to bring any mustard. I don't think I ever in my life, before or since, felt I wanted mustard as badly as I felt I wanted it then. I don't care for mustard as a rule, and it is very seldom that I take it at all, but I would have given worlds for it then.

I don't know how many worlds there may be in the universe, but anyone who had brought me a spoonful of mustard at that precise moment could have had them all. I grow reckless like that when I want a thing and can't get it.

Harris said he would have given worlds for mustard too. It would have been a good thing for anybody who had come up to that spot with a can of mustard, then: he would have been set up in worlds for the rest of his life.

But there! I daresay both Harris and I would have tried to back out of the bargain after we

и осыпали его благословениями. Это зрелище было бы прекрасно, если бы мальчик не оказался до того подавлен нашим волнением, что не мог выдержать и сел на землю, увлекая нас за собой. Гаррис от радости почувствовал себя дурно и, схватив бидон мальчика, наполовину осушил его. После этого он пришел в себя и пустился бежать, предоставив нам с Джорджем нести вещи.

В маленьком коттедже, где жил мальчик, было четыре комнаты, и его мать - добрая душа - дала нам на ужин горячей грудинки, которую мы без остатка съели всю целиком (пять фунтов), и сверх того, пирога с вареньем и два чайника чаю, после чего мы пошли спать. В спальне стояло две кровати: складная кровать длиной в два фута и шесть дюймов - на ней спали мы с Джорджем, привязав себя друг к другу простыней, чтобы не упасть, - и кровать мальчика, которую получил в полное владение Гаррис. Утром оказалось, что из нее на два фута торчат его голые ноги, и мы с Джорджем, умываясь, использовали их как вешалку для полотенца.

В следующий наш приезд в Дэтчет мы уже не были так привередливы по части гостиниц.

Но вернемся к нашей теперешней прогулке. Ничего интересного не произошло, и мы продолжали усердно тянуть лодку. Немного ниже Обезьяньего острова мы подвели ее к берегу и позавтракали. Мы вынули холодное мясо и увидели, что забыли взять с собой горчицу. Не помню, чтобы мне когда-нибудь в жизни, до или после этого, так отчаянно хотелось горчицы. Вообще-то я не любитель горчицы и очень редко ее употребляю, но в тот день я бы отдал за нее полмира.

Не знаю, сколько это в точности составляет - полмира, но всякий, кто бы принес мне в эту минуту ложку горчицы, мог получить эти полмира целиком. Я готов на любое безрассудство, когда хочу чего-нибудь и не могу раздобыть.

Гаррис сказал, что он тоже отдал бы за горчицу полмира. Прибыльный был бы день для человека, который появился бы тогда в этом месте с банкой горчицы. Он был бы обеспечен мирами на всю жизнь.

Впрочем, мне кажется, что и я и Гаррис, получив

had got the mustard. One makes these extravagant offers in moments of excitement, but, of course, when one comes to think of it, one sees how absurdly out of proportion they are with the value of the required article. I heard a man, going up a mountain in Switzerland, once say he would give worlds for a glass of beer, and, when he came to a little shanty where they kept it, he kicked up a most fearful row because they charged him five francs for a bottle of Bass. He said it was a scandalous imposition, and he wrote to the TIMES about it.

It cast a gloom over the boat, there being no mustard. We ate our beef in silence. Existence seemed hollow and uninteresting. We thought of the happy days of childhood, and sighed. We brightened up a bit, however, over the apple-tart, and, when George drew out a tin of pine-apple from the bottom of the hamper, and rolled it into the middle of the boat, we felt that life was worth living after all.

We are very fond of pine-apple, all three of us. We looked at the picture on the tin; we thought of the juice. We smiled at one another, and Harris got a spoon ready.

Then we looked for the knife to open the tin with. We turned out everything in the hamper. We turned out the bags. We pulled up the boards at the bottom of the boat. We took everything out on to the bank and shook it. There was no tin-opener to be found.

Then Harris tried to open the tin with a pocket-knife, and broke the knife and cut himself badly; and George tried a pair of scissors, and the scissors flew up, and nearly put his eye out. While they were dressing their wounds, I tried to make a hole in the thing with the spiky end of the hitcher, and the hitcher slipped and jerked me out between the boat and the bank into two feet of muddy water, and the tin rolled over, uninjured, and broke a teacup.

Then we all got mad. We took that tin out on the bank, and Harris went up into a field and got a big sharp stone, and I went back into the boat and brought out the mast, and George held the

горчицу, попытались бы отказаться от этой сделки. Такие сумасбродные предложения делаешь сгоряча, но потом, подумав, соображаешь, до какой степени они нелепы и не соответствуют ценности нужного предмета. Я слышал, как однажды в Швейцарии один человек, восходивший на гору, сказал, что отдал бы полмира за стакан пива. А когда этот человек дошел до маленькой избушки, где держали пиво, он поднял страшный скандал из-за того, что с него потребовали пять франков за бутылку мартовского. "Он сказал, что это грабеж, и написал об этом в "Таймс".

Отсутствие горчицы подействовало на нас угнетающе, и мы ели говядину в полном молчании. Жизнь казалась пустой и неинтересной. Мы вспоминали дни счастливого детства и вздыхали. Но, перейдя к яблочному пирогу, мы несколько воспрянули духом, а когда Джордж вытащил со дна корзины банку ананасовых консервов и выкатил ее на середину лодки, нам начало казаться, что жить все же стоит.

Мы все трое любим ананасы. Мы рассматривали рисунок на банке, мы думали о сладком соке, мы обменивались улыбками. А Гаррис даже вытащил ложку.

Потом мы начали искать нож, чтобы вскрыть банку. Мы перерыли все содержимое корзины, вывернули чемоданы, подняли доски на дне лодки. Мы вынесли все наши вещи на берег и перетрясли их. Консервного ножа нигде не было.

Тогда Гаррис попробовал вскрыть банку перочинным ножом, но только сломал нож и сильно порезался. Джордж пустил в ход ножницы; ножницы выскочили у него из рук и чуть не выкололи ему глаза. Пока они перевязывали свои раны, я попробовал пробить в этой банке дырку острым концом багра, но багор соскользнул, и я оказался между лодкой и берегом, в грязной воде. А банка, невредимая, покатилась и разбила чайную чашку.

Тут мы все разъярились. Мы снесли эту банку на берег, Гаррис пошел в поле и притащил большой острый камень, а я вернулся в лодку и приволок мачту. Джордж придерживал банку, Гаррис

tin and Harris held the sharp end of his stone against the top of it, and I took the mast and poised it high up in the air, and gathered up all my strength and brought it down.

It was George's straw hat that saved his life that day. He keeps that hat now (what is left of it), and, of a winter's evening, when the pipes are lit and the boys are telling stretchers about the dangers they have passed through, George brings it down and shows it round, and the stirring tale is told anew, with fresh exaggerations every time.

Harris got off with merely a flesh wound.

After that, I took the tin off myself, and hammered at it with the mast till I was worn out and sick at heart, whereupon Harris took it in hand.

We beat it out flat; we beat it back square; we battered it into every form known to geometry - but we could not make a hole in it. Then George went at it, and knocked it into a shape, so strange, so weird, so unearthly in its wild hideousness, that he got frightened and threw away the mast. Then we all three sat round it on the grass and looked at it.

There was one great dent across the top that had the appearance of a mocking grin, and it drove us furious, so that Harris rushed at the thing, and caught it up, and flung it far into the middle of the river, and as it sank we hurled our curses at it, and we got into the boat and rowed away from the spot, and never paused till we reached Maidenhead.

Maidenhead itself is too snobby to be pleasant. It is the haunt of the river swell and his overdressed female companion. It is the town of showy hotels, patronised chiefly by dudes and ballet girls. It is the witch's kitchen from which go forth those demons of the river - steam-launches. The LONDON JOURNAL duke always has his "little place" at Maidenhead; and the heroine of the three-volume novel always dines there when she goes out on the spree with somebody else's husband.

We went through Maidenhead quickly, and then eased up, and took leisurely that grand reach

приложил к ней острый конец камня, а я взял мачту, поднял ее высоко в воздух и, собравшись с силами, опустил ее.

Джорджу в тот день спасла жизнь его соломенная шляпа. Он до сих пор хранит эту шляпу (или, вернее, то, что от нее осталось). В зимние вечера, когда трубки раскурены и друзья рассказывают всякие небылицы об опасностях, которые им пришлось пережить, Джордж приносит свою шляпу, пускает ее по рукам и еще раз рассказывает эту волнующую повесть, неизменно украшая ее новыми преувеличениями.

Гаррис отделался легкой раной.

После этого я сам принялся за банку и до тех пор колотил ее мачтой, пока не выбился из сил и не пришел в полное уныние. Тогда меня сменил Гаррис.

Мы расплющили банку, мы превратили ее в куб, мы придавали ей всевозможные очертания, встречающиеся в геометрии, но не могли пробить в ней дыру. Наконец за банку взялся Джордж, под его ударами она приняла такую дику, нелепую, чудовищно уродливую форму, что Джордж испугался и отбросил мачту. Тогда мы все трое сели в кружок на траву и стали смотреть на банку.

На верхушке ее образовалась длинная впадина, которая походила на насмешливую улыбку. Она привела нас в такое бешенство, что Гаррис бросился к банке, схватил ее и кинул на середину реки. Пока она тонула, мы осыпали ее проклятиями, потом сели в лодку и, взявшись за весла, гребли без отдыха до самого Мэйденхеда.

Мэйденхед слишком фешенебельное место, чтобы быть приятным. Это убежище речных франтов и их разряженных спутниц, город шикарных отелей, посещаемых преимущественно светскими щеголями и балетными танцовщицами. Это кухня ведьм, из которой выходят злые духи реки - паровые баркасы. "У всякого герцога из "Лондонской газеты" есть "домик" в Мэйденхеде, а героини трехтомных романов всегда обедают там, когда отправляются кутить с чужими мужьями."

Мы быстро проехали мимо Мэйденхеда, а потом сбавили ход и не торопясь проплыли

beyond Boulter's and Cookham locks. Cliveden Woods still wore their dainty dress of spring, and rose up, from the water's edge, in one long harmony of blended shades of fairy green. In its unbroken loveliness this is, perhaps, the sweetest stretch of all the river, and lingeringly we slowly drew our little boat away from its deep peace.

We pulled up in the backwater, just below Cookham, and had tea; and, when we were through the lock, it was evening. A stiffish breeze had sprung up - in our favour, for a wonder; for, as a rule on the river, the wind is always dead against you whatever way you go. It is against you in the morning, when you start for a day's trip, and you pull a long distance, thinking how easy it will be to come back with the sail. Then, after tea, the wind veers round, and you have to pull hard in its teeth all the way home.

When you forget to take the sail at all, then the wind is consistently in your favour both ways. But there! this world is only a probation, and man was born to trouble as the sparks fly upward.

This evening, however, they had evidently made a mistake, and had put the wind round at our back instead of in our face. We kept very quiet about it, and got the sail up quickly before they found it out, and then we spread ourselves about the boat in thoughtful attitudes, and the sail bellied out, and strained, and grumbled at the mast, and the boat flew.

I steered.

There is no more thrilling sensation I know of than sailing. It comes as near to flying as man has got to yet - except in dreams. The wings of the rushing wind seem to be bearing you onward, you know not where. You are no longer the slow, plodding, puny thing of clay, creeping tortuously upon the ground; you are a part of Nature! Your heart is throbbing against hers! Her glorious arms are round you, raising you up against her heart! Your spirit is at one with hers; your limbs grow light! The voices of the air are singing to you. The earth seems far away and little; and the clouds, so close above your

замечательный участок реки между Боултерским и Кукхэмским шлюзами. Кливденский лес был одет в свой прекрасный весенний убор и склонялся к реке сплошным рядом зеленых ветвей всевозможных оттенков. В своей ничем не омраченной прелести это, пожалуй, одно из самых красивых мест на реке, и нам не хотелось уводить оттуда нашу лодку и расставаться с его мирной тишиной.

Мы остановились в заводи, чуть не доходя Кукхэма, и напились чаю. Когда мы миновали шлюз, был уже вечер. Поднялся довольно свежий ветерок, - к нашему удивлению, попутный. Обычно на реке ветер всегда бывает встречный, в какую бы сторону вы ни шля. Он дует вам в лицо утром, когда вы выезжаете прогуляться на целый день, и вы долго гребете, думая, как легко будет идти обратно под парусом. Но потом, после чаю, ветер круто меняет направление, и вам приходится всю дорогу грести против него.

Если вы вообще забыли взять с собой парус, ветер неизменно благоприятен вам в обе стороны. Что делать! Земная жизнь ведь всего лишь испытание, и так же, как искрам суждено лететь вверх, так и человек обречен на невзгоды.

Но в этот вечер, по-видимому, произошла ошибка, и ветер дул нам в спину, а не в лицо. Боясьдохнуть, мы быстро подняли парус, прежде чем ошибка была замечена. Потом мы в задумчивых позах разлеглись в лодке, парус надулся, поворчал на мачту, и лодка полетела вперед.

Я правил рулем.

Я не знаю ничего более увлекательного, чем идти под парусом. Это наибольшее приближение к полету, по крайней мере наяву. Быстрые крылья ветра как будто уносят вас вперед, неведомо куда. Вы больше не похожи на слабое, неуклюжее создание, медленно извивающееся на земле, - вы слиты с природой. Ваше сердце бьется в лад с ее сердцем, ее прекрасные руки обнимают вас и прижимают к груди. Духом вы заодно с нею, члены ваши легки. Голоса атмосферы звучат для вас. Земля кажется маленькой и далекой. Облака над головой - ваши братья, и вы протягиваете к

head, are brothers, and you stretch your arms to them.

We had the river to ourselves, except that, far in the distance, we could see a fishing-punt, moored in mid-stream, on which three fishermen sat; and we skimmed over the water, and passed the wooded banks, and no one spoke.

I was steering.

As we drew nearer, we could see that the three men fishing seemed old and solemn-looking men. They sat on three chairs in the punt, and watched intently their lines. And the red sunset threw a mystic light upon the waters, and tinged with fire the towering woods, and made a golden glory of the piled-up clouds. It was an hour of deep enchantment, of ecstatic hope and longing. The little sail stood out against the purple sky, the gloaming lay around us, wrapping the world in rainbow shadows; and, behind us, crept the night.

We seemed like knights of some old legend, sailing across some mystic lake into the unknown realm of twilight, unto the great land of the sunset.

We did not go into the realm of twilight; we went slap into that punt, where those three old men were fishing. We did not know what had happened at first, because the sail shut out the view, but from the nature of the language that rose up upon the evening air, we gathered that we had come into the neighbourhood of human beings, and that they were vexed and discontented.

Harris let the sail down, and then we saw what had happened. We had knocked those three old gentlemen off their chairs into a general heap at the bottom of the boat, and they were now slowly and painfully sorting themselves out from each other, and picking fish off themselves; and as they worked, they cursed us - not with a common cursory curse, but with long, carefully-thought-out, comprehensive curses, that embraced the whole of our career, and went away into the distant future, and included all our relations, and covered everything connected with us - good, substantial curses.

ним руки.

Мы были на воде одни. Лишь в отдалении посреди реки виднелась рыбацья плоскодонка, в которой сидело трое рыбаков. Мы скользили вдоль лесистых берегов; никто не произносил ни слова.

Я правил рулем.

Приближаясь к плоскодонке, мы увидели, что эти трое рыбаков - пожилые, серьезные на вид люди. Они сидели на стульях и внимательно наблюдали за своими удочками. Багряный закат озарял воды реки мистическим светом, зажигая огнем величавые деревья и озаряя золотым блеском гряды облаков. Это был волшебный час восторженной надежды и грусти. Маленький парус вздымался к пурпурному небу; лучи заката окутывали мир многоцветными тенями, а позади нас кралась ночь.

Казалось, мы - рыцари из старой легенды, и плывем по таинственному озеру в неведомое царство сумерек, в великую страну заката.

Однако мы не попали в царство сумерек, но со всего размаху врезались в плоскодонку, с которой удили эти три старика. Мы не сразу сообразили, что случилось, так как парус мешал нам видеть. Но по выражениям, огласившим вечерний воздух, мы поняли, что пришли в соприкосновение с людьми и что эти люди раздражены и сердиты.

Гаррис опустил парус, и мы увидели, что произошло. Мы сбили этих трех джентльменов со стульев, и они кучей лежали на дне лодки, медленно и мучительно стараясь разъединиться и стряхивая с себя рыбу. При этом они ругали нас не обычными безобидными ругательствами, а длинными, тщательно продуманными, всеобъемлющими проклятиями, которые охватывали весь наш жизненный путь, уводили в отдаленное будущее и затрагивали всех наших родных и все, что было связано с нами. Это были добротные, основательные ругательства.

Harris told them they ought to be grateful for a little excitement, sitting there fishing all day, and he also said that he was shocked and grieved to hear men their age give way to temper so.

But it did not do any good.

George said he would steer, after that. He said a mind like mine ought not to be expected to give itself away in steering boats - better let a mere commonplace human being see after that boat, before we jolly well all got drowned; and he took the lines, and brought us up to Marlow.

And at Marlow we left the boat by the bridge, and went and put up for the night at the "Crown."

CHAPTER XIII

MARLOW. - BISHAM ABBEY. - THE MEDMENHAM MONKS. - MONTMORENCY THINKS HE WILL MURDER AN OLD TOM CAT. - BUT EVENTUALLY DECIDES THAT HE WILL LET IT LIVE. - SHAMEFUL CONDUCT OF A FOX TERRIER AT THE CIVIL SERVICE STORES. - OUR DEPARTURE FROM MARLOW. - AN IMPOSING PROCESSION. - THE STEAM LAUNCH, USEFUL RECEIPTS FOR ANNOYING AND HINDERING IT. - WE DECLINE TO DRINK THE RIVER. - A PEACEFUL DOG. - STRANGE DISAPPEARANCE OF HARRIS AND A PIE.

MARLOW is one of the pleasantest river centres I know of. It is a bustling, lively little town; not very picturesque on the whole, it is true, but there are many quaint nooks and corners to be found in it, nevertheless - standing arches in the shattered bridge of Time, over which our fancy travels back to the days when Marlow Manor owned Saxon Algar for its lord, ere conquering William seized it to give to Queen Matilda, ere it passed to the Earls of Warwick or to worldly-wise Lord Paget, the councillor of four successive sovereigns.

There is lovely country round about it, too, if, after boating, you are fond of a walk, while the river itself is at its best here. Down to Cookham, past the Quarry Woods and the meadows, is a

Гаррис сказал рыбакам, что они должны быть благодарны за маленькое развлечение после целого дня рыбной ловли. Нас смущает и огорчает, прибавил он, что люди в их возрасте так поддаются дурному расположению духа.

Но это не помогло.

Джордж сказал, что теперь он будет править. Он заявил, что мозги вроде моих не могут всецело отдаться управлению рулем; уж лучше, пока мы еще не утонули, предоставить наблюдение за лодкой простому смертному. И он взялся за веревки и довел нас до Марло.

В Марло мы оставили лодку у моста, а сами пошли ночевать в гостиницу "Корона".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Марло. Бишемское аббатство. Монахи из Медменхэма. Монморенси намеревается убить старого кота, но потом решает оставить его в живых. Постыдное поведение фокстерьера в универсальном магазине. Отъезд из Марло. Внушительная процессия. Паровые баркасы. Полезные советы как им досадить и помешать. Мы отказываемся выпить реку. Спокойный пес. Странное исчезновение Гарриса с пирогом.

Марло - одно из самых красивых прибрежных местечек, какие я знаю. Это оживленный, хлопотливый городок; в общем, он, правда, не слишком живописен, но в нем можно найти много причудливых уголков - уцелевшие своды разрушенного моста Времени, помогающие нашему воображению перенестись назад в те дни, когда господином поместья Марло был Эльгар Саксонский. Потом Вильгельм Завоеватель захватил его и передал королеве Матильде, а позже оно перешла к графам Уорвикским и к многоопытному лорду Пэджету, советнику четырех королей.

Если после катания на лодке вы любите пройтись, то в окрестностях Марло вы найдете прелестные места, но и самая река здесь всего лучше. Участок ее до Кукхэма, за лесом Куэрри и лугами, очень

lovely reach. Dear old Quarry Woods! with your narrow, climbing paths, and little winding glades, how scented to this hour you seem with memories of sunny summer days! How haunted are your shadowy vistas with the ghosts of laughing faces! how from your whispering leaves there softly fall the voices of long ago!

From Marlow up to Sonning is even fairer yet. Grand old Bisham Abbey, whose stone walls have rung to the shouts of the Knights Templars, and which, at one time, was the home of Anne of Cleves and at another of Queen Elizabeth, is passed on the right bank just half a mile above Marlow Bridge. Bisham Abbey is rich in melodramatic properties. It contains a tapestry bed-chamber, and a secret room hid high up in the thick walls. The ghost of the Lady Holy, who beat her little boy to death, still walks there at night, trying to wash its ghostly hands clean in a ghostly basin.

Warwick, the king-maker, rests there, careless now about such trivial things as earthly kings and earthly kingdoms; and Salisbury, who did good service at Poitiers. Just before you come to the abbey, and right on the river's bank, is Bisham Church, and, perhaps, if any tombs are worth inspecting, they are the tombs and monuments in Bisham Church. It was while floating in his boat under the Bisham beeches that Shelley, who was then living at Marlow (you can see his house now, in West street), composed THE REVOLT OF ISLAM.

By Hurley Weir, a little higher up, I have often thought that I could stay a month without having sufficient time to drink in all the beauty of the scene. The village of Hurley, five minutes' walk from the lock, is as old a little spot as there is on the river, dating, as it does, to quote the quaint phraseology of those dim days, "from the times of King Sebert and King Offa." Just past the weir (going up) is Danes' Field, where the invading Danes once encamped, during their march to Gloucestershire; and a little further still, nestling by a sweet corner of the stream, is what is left of Medmenham Abbey.

The famous Medmenham monks, or "Hell Fire Club," as they were commonly called, and of

красив. Милый старый лес! На твоих крутых тропинках и прогалинах до сей поры витает так много воспоминаний о солнечных летних днях! Твои тенистые просеки наполнены призраками смеющихся лиц, в твоих шелестящих листьях так нежно звучат голоса прошлого.

От Марло до Соннинга река, пожалуй, еще красивей. Величественное старинное Бишемское аббатство, которое служило когда-то приютом Анне Клевской и королеве Елизавете и в чьих каменных стенах раздавались возгласы рыцарей храмовников, высится на правом берегу, ровно полумилей выше Марлоуского моста. В Бишемском аббатстве много мелодраматического. Там есть спальня, обтянутая коврами, и потайная комната, скрытая в толще стены. Призрак леди Холли, которая до смерти забила своего маленького сына, все еще бродит там, стараясь отмыть в призрачной чаше свои призрачные руки.

Здесь покоится Уорвик - тот, что возвел на престол столько королей, а теперь не заботится уже больше о таких пустяках, как земные цари и земные царства; и Солсбери, хорошо послуживший при Пуатье. Невдалеке от аббатства, у самого берега реки, стоит Бишемская церковь, и если вообще есть смысл осматривать какие-нибудь гробницы, то это гробницы и памятники в Бишемской церкви. "Именно здесь, плавая в своей лодке под буками Бишема, Шелли, который жил тогда в Марло (его дом и теперь еще можно видеть на Западной улице), написал "Восстание ислама".

У Хэрлейской плотины, несколько выше по течению, я бы мог, кажется, прожить месяц и все же не насладился бы досыта красотой пейзажа. "Деревня Хэрлей, в пяти минутах ходьбы от шлюза, - одно из самых старинных местечек на реке и существует, выражаясь языком тех времен, "со дней короля Себерта и короля Оффы"." Сейчас же за плотиной (вверх по реке) находится Датское поле, где вторгшиеся в Британию датчане стояли лагерем во время похода на Глостершир; а еще подальше, укрытые в красивой излучине реки, высятся остатки Медменхэмского аббатства. Знаменитые медменхэмские монахи составили братство, или, как его обычно называли,

"Знаменитые медменхэмские монахи составили

whom the notorious Wilkes was a member, were a fraternity whose motto was "Do as you please," and that invitation still stands over the ruined doorway of the abbey. Many years before this bogus abbey, with its congregation of irreverent jesters, was founded, there stood upon this same spot a monastery of a sterner kind, whose monks were of a somewhat different type to the revellers that were to follow them, five hundred years afterwards.

The Cistercian monks, whose abbey stood there in the thirteenth century, wore no clothes but rough tunics and cowls, and ate no flesh, nor fish, nor eggs. They lay upon straw, and they rose at midnight to mass. They spent the day in labour, reading, and prayer; and over all their lives there fell a silence as of death, for no one spoke.

A grim fraternity, passing grim lives in that sweet spot, that God had made so bright! Strange that Nature's voices all around them - the soft singing of the waters, the whisperings of the river grass, the music of the rushing wind - should not have taught them a truer meaning of life than this. They listened there, through the long days, in silence, waiting for a voice from heaven; and all day long and through the solemn night it spoke to them in myriad tones, and they heard it not.

From Medmenham to sweet Hambledon Lock the river is full of peaceful beauty, but, after it passes Greenlands, the rather uninteresting looking river residence of my newsagent - a quiet unassuming old gentleman, who may often be met with about these regions, during the summer months, sculling himself along in easy vigorous style, or chatting genially to some old lock-keeper, as he passes through - until well the other side of Henley, it is somewhat bare and dull.

We got up tolerably early on the Monday morning at Marlow, and went for a bathe before breakfast; and, coming back, Montmorency made an awful ass of himself. The only subject on which Montmorency and I have any serious difference of opinion is cats. I like cats; Montmorency does not.

When I meet a cat, I say, "Poor Pussy!" and stop

братство, или, как его обычно называли, "Адский клуб", членом которого был пресловутый Уилкс, девизом которого было: "Поступайте как вам угодно". Это предложение еще красуется на его разрушенных воротах." За много лет до основания этого мнимого аббатства, населенного толпой нечестивых шутников, на том же самом месте стоял более суровых нравов монастырь, монахи которого несколько отличались от кутил, пришедших через пятьсот лет им на смену.

Монахи-цистерциане, основавшие здесь аббатство в тринадцатом веке, носили вместо одежды грубые балахоны с клобуками и не ели ни мяса, ни рыбы, ни яиц. Спали они на соломе и в полночь вставали, чтобы служить обедню. Они проводили весь день в трудах, чтении и молитве. Всю жизнь их осеяло мертвое молчание, ибо никто из них никогда не говорил.

Мрачное это было братство, и мрачную оно вело жизнь в этом прелестном местечке, которое господь создал таким веселым. Странно, что голоса окружавшей их природы - нежное пение струй, шепот речной травы, музыка шелестящего ветра - не внушили этим монахам более правильного взгляда на жизнь. Целыми днями они в молчании ожидали голоса с неба, а этот голос весь день и в торжественной тиши ночи говорил с ними тысячами звуков, но они его не слышали.

От Медменхэма до прелестного Хэмблдонского шлюза река полна мирной красоты, но за Гринлендом - мало интересной резиденцией моего газетчика (этого спокойного, непритязательного старичка можно часто видеть здесь в летние месяцы энергично работающим веслами или добродушно беседующим с каким-нибудь старым сторожем шлюза) - и до конца Хэнли она несколько пустынна и скучна.

Утром в понедельник в Марло мы встали довольно рано и перед завтраком пошли выкупаться. На обратном пути Монморенси свалил страшного дурака. Единственное, в чем мы с Монморенси не сходимся во мнениях, - это кошки. Я люблю кошек, Монморенси их не любит.

Когда я вижу кошку, я говорю: "Киса, бедная!" - и

down and tickle the side of its head; and the cat sticks up its tail in a rigid, cast-iron manner, arches its back, and wipes its nose up against my trousers; and all is gentleness and peace. When Montmorency meets a cat, the whole street knows about it; and there is enough bad language wasted in ten seconds to last an ordinarily respectable man all his life, with care.

I do not blame the dog (contenting myself, as a rule, with merely clouting his head or throwing stones at him), because I take it that it is his nature. Fox-terriers are born with about four times as much original sin in them as other dogs are, and it will take years and years of patient effort on the part of us Christians to bring about any appreciable reformation in the rowdiness of the fox-terrier nature.

I remember being in the lobby of the Haymarket Stores one day, and all round about me were dogs, waiting for the return of their owners, who were shopping inside. There were a mastiff, and one or two collies, and a St. Bernard, a few retrievers and Newfoundlands, a boar-hound, a French poodle, with plenty of hair round its head, but mangy about the middle; a bull-dog, a few Lowther Arcade sort of animals, about the size of rats, and a couple of Yorkshire tykes.

There they sat, patient, good, and thoughtful. A solemn peacefulness seemed to reign in that lobby. An air of calmness and resignation - of gentle sadness pervaded the room.

Then a sweet young lady entered, leading a meek-looking little fox-terrier, and left him, chained up there, between the bull-dog and the poodle. He sat and looked about him for a minute. Then he cast up his eyes to the ceiling, and seemed, judging from his expression, to be thinking of his mother. Then he yawned. Then he looked round at the other dogs, all silent, grave, and dignified.

He looked at the bull-dog, sleeping dreamlessly on his right. He looked at the poodle, erect and haughty, on his left. Then, without a word of warning, without the shadow of a provocation, he bit that poodle's near fore-leg, and a yelp of agony rang through the quiet shades of that lobby.

The result of his first experiment seemed highly

нагибаюсь и щекочу ее за ушами, а кошка поднимает хвост, твердый, как железо, выгибает спину и трется носом о мои брюки. Все полно мира и спокойствия." Когда Монморенси видит кошку, об этом узнает вся улица, и количества ругательств, которые расточаются здесь за десять секунд, любому порядочному человеку хватило бы при бережном расходовании на всю жизнь.

Я не порицаю моего пса (довольствуясь обычно тем, что бросаю в него камни и щелкаю по голове). Я считаю, что это у него в природе. У фокстерьеров примерно в четыре раза больше врожденной греховности, чем у других собак, и нам, христианам, понадобится немало терпения и труда, чтобы сколько-нибудь заметно изменить хулиганскую психологию фокстерьеров.

Помню, однажды я находился в вестибюле хэймаркетского универсального магазина. Меня окружало множество собак, ожидавших возвращения своих хозяев, которые делали покупки. Там сидел мастиф, два-три колли, сенбернар, несколько легавых и ньюфаундлендов, овчарка, французский пудель с множеством волос вокруг головы, но потертый в середине, бульдог, несколько левреток величиной с крысу и пара йоркширских дворняжек.

Они сидели мирные, терпеливые, задумчивые. Торжественная тишина царила в вестибюле. Его наполняла атмосфера покоя, смирения и тихой грусти.

И тут вошла красивая молодая дама, ведя за собой маленького, кроткого на вид фокстерьера, и оставила его на цепи между бульдогом и пуделем. Он сел и некоторое время осматривался. Потом он поднял глаза к потолку и, судя по выражению его морды, стал думать о своей матери. Потом он зевнул. Потом оглядел других собак, молчаливых, важных, полных достоинства.

Он посмотрел на бульдога, который безмятежно спал справа от него. Он взглянул на пуделя, сидевшего надменно выпрямившись слева. И вдруг, без всякого предупреждения, без всякого видимого повода, он укусил этого пуделя за ближайшую переднюю лапу, и вопль страдания огласил тихий полумрак вестибюля.

Результат этого первого опыта показался

satisfactory to him, and he determined to go on and make things lively all round. He sprang over the poodle and vigorously attacked a collie, and the collie woke up, and immediately commenced a fierce and noisy contest with the poodle. Then Foxey came back to his own place, and caught the bull-dog by the ear, and tried to throw him away; and the bull-dog, a curiously impartial animal, went for everything he could reach, including the hall-porter, which gave that dear little terrier the opportunity to enjoy an uninterrupted fight of his own with an equally willing Yorkshire tyke.

Anyone who knows canine nature need hardly, be told that, by this time, all the other dogs in the place were fighting as if their hearths and homes depended on the fray. The big dogs fought each other indiscriminately; and the little dogs fought among themselves, and filled up their spare time by biting the legs of the big dogs.

The whole lobby was a perfect pandemonium, and the din was terrific. A crowd assembled outside in the Haymarket, and asked if it was a vestry meeting; or, if not, who was being murdered, and why? Men came with poles and ropes, and tried to separate the dogs, and the police were sent for.

And in the midst of the riot that sweet young lady returned, and snatched up that sweet little dog of hers (he had laid the tyke up for a month, and had on the expression, now, of a new-born lamb) into her arms, and kissed him, and asked him if he was killed, and what those great nasty brutes of dogs had been doing to him; and he nestled up against her, and gazed up into her face with a look that seemed to say: "Oh, I'm so glad you've come to take me away from this disgraceful scene!"

She said that the people at the Stores had no right to allow great savage things like those other dogs to be put with respectable people's dogs, and that she had a great mind to summon somebody.

Such is the nature of fox-terriers; and, therefore, I do not blame Montmorency for his tendency to row with cats; but he wished he had not given way to it that morning.

фокстерьеру весьма удовлетворительным, и он решил действовать дальше и всех расшевелить. Перескочив через пуделя, он энергично атаковал одного из колли. Колли проснулся, и немедленно завязал яростный и шумный бой с пуделями. Наш фоксик вернулся на свое место и, схватив бульдога за ухо, попробовал свалить его с ног. Тогда бульдог, исключительно нелицеприятное животное, набросился на всех, кого мог достать, включая и швейцара, что дало возможность маленькому терьеру без помехи наслаждаться дракой со столь же расположенной к этому дворняжкой.

Всякий, кто знает собачью натуру, легко догадается, что к этому времени все собаки в вестибюле дрались с таким увлечением, словно от исхода боя зависело спасение их жизни и имущества. Большие собаки дрались друг с другом, маленькие дрались между собой и в свободную минуту кусали больших за ноги.

Вестибюль превратился в сущий ад, и шум был страшный. Снаружи собралась толпа; все спрашивали, не митинг ли здесь, а если нет, то кого тут убили и почему. Пришли какие-то люди с шестами и веревками и пробовали растащить собак; послали за полицией.

В самый разгар потасовки вернулась милая молодая дама, подхватила своего дорогого фоксика на руки (тот вывел дворняжку из строя по крайней мере на месяц, а сам теперь прикидывался новорожденным ягненком), осыпала его поцелуями и спросила, не убит ли он и что ему сделали эти гадкие, грубые собаки. А фокс притаился у нее на груди и смотрел на нее с таким видом, словно хотел сказать: "Как я рад, что вы пришли и унесете меня подальше от этого возмутительного зрелища!"

Молодая дама сказала, что хозяева магазина не имеют права допускать больших и злых собак в такие места, где находятся собаки порядочных людей, и что она очень подумывает подать кое на кого в суд.

Такова уж природа фокстерьеров; поэтому я не браню Монморенси за его склонность ссориться с кошками. Но в то утро он сам пожалел, что не вел себя скромнее.

We were, as I have said, returning from a dip, and half-way up the High Street a cat darted out from one of the houses in front of us, and began to trot across the road. Montmorency gave a cry of joy - the cry of a stern warrior who sees his enemy given over to his hands - the sort of cry Cromwell might have uttered when the Scots came down the hill - and flew after his prey.

His victim was a large black Tom. I never saw a larger cat, nor a more disreputable-looking cat. It had lost half its tail, one of its ears, and a fairly appreciable proportion of its nose. It was a long, sinewy-looking animal. It had a calm, contented air about it.

Montmorency went for that poor cat at the rate of twenty miles an hour; but the cat did not hurry up - did not seem to have grasped the idea that its life was in danger. It trotted quietly on until its would-be assassin was within a yard of it, and then it turned round and sat down in the middle of the road, and looked at Montmorency with a gentle, inquiring expression, that said:

"Yes! You want me?"

Montmorency does not lack pluck; but there was something about the look of that cat that might have chilled the heart of the boldest dog. He stopped abruptly, and looked back at Tom.

Neither spoke; but the conversation that one could imagine was clearly as follows:-

THE CAT: "Can I do anything for you?"

MONTMORENCY: "No - no, thanks."

THE CAT: "Don't you mind speaking, if you really want anything, you know."

MONTMORENCY (BACKING DOWN THE HIGH STREET): "Oh, no - not at all - certainly - don't you trouble. I - I am afraid I've made a mistake. I thought I knew you. Sorry I disturbed you."

THE CAT: "Not at all - quite a pleasure. Sure you don't want anything, now?"

MONTMORENCY (STILL BACKING): "Not at all, thanks - not at all - very kind of you. Good morning."

Как я уже говорил, мы возвращались с купанья, когда на Главной улице из одной подворотни впереди нас выскочила кошка и побежала по мостовой. Монморенси издал радостный крик - крик сурового воина, который увидел, что его противник отдан судьбой ему в руки, - такой крик, должно быть, испустил Кромвель, когда шотландцы спустились с горы, - и кинулся следом за своей добычей.

Жертвой Монморенси был большой черный кот. Я никогда не видел такого огромного и непрезентабельного кота. У него не хватало половины хвоста, одного уха и значительной части носа. Это было длинное жилистое животное. Вид у него был спокойный и самодовольный.

Монморенси мчался за этим бедным котом со скоростью двадцати миль в час, но кот не торопился - ему, видимо, и в голову не приходило, что его жизнь в опасности. Он трусил мелкой рысцой, пока его возможный убийца не оказался на расстоянии одного ярда. Тогда он обернулся и сел посреди дороги, глядя на Монморенси с кротким любопытством, словно хотел сказать:

"В чем дело?" "Вы ко мне?"

У Монморенси нет недостатка в храбрости. Но в поведении этого кота было нечто такое, от чего остыла бы смелость самого бесстрашного пса. Монморенси сразу остановился и тоже посмотрел на кота.

Оба молчали, но легко было себе представить, что между ними происходит такой разговор:

Кот. Вам что-нибудь нужно?

Монморенси. Н-нет... благодарю вас.

Кот. А вы, знаете, не стесняйтесь, говорите прямо.

Монморенси (отступая по Главной улице). О нет, что вы... Конечно... Не беспокойтесь... Я... боюсь, что я ошибся. Мне показалось, что мы знакомы... Простите за беспокойство. Кот. Не за что! Рад служить! Вам действительно ничего не нужно? Монморенси (продолжая отступать). Нет, нет... Спасибо, нет... вы очень любезны. Всего хорошего.

THE CAT: "Good-morning."

Then the cat rose, and continued his trot; and Montmorency, fitting what he calls his tail carefully into its groove, came back to us, and took up an unimportant position in the rear.

To this day, if you say the word "Cats!" to Montmorency, he will visibly shrink and look up piteously at you, as if to say:

"Please don't."

We did our marketing after breakfast, and revictualled the boat for three days. George said we ought to take vegetables - that it was unhealthy not to eat vegetables. He said they were easy enough to cook, and that he would see to that; so we got ten pounds of potatoes, a bushel of peas, and a few cabbages. We got a beefsteak pie, a couple of gooseberry tarts, and a leg of mutton from the hotel; and fruit, and cakes, and bread and butter, and jam, and bacon and eggs, and other things we foraged round about the town for.

Our departure from Marlow I regard as one of our greatest successes. It was dignified and impressive, without being ostentatious. We had insisted at all the shops we had been to that the things should be sent with us then and there. None of your "Yes, sir, I will send them off at once: the boy will be down there before you are, sir!" and then fooling about on the landing-stage, and going back to the shop twice to have a row about them, for us. We waited while the basket was packed, and took the boy with us.

We went to a good many shops, adopting this principle at each one; and the consequence was that, by the time we had finished, we had as fine a collection of boys with baskets following us around as heart could desire; and our final march down the middle of the High Street, to the river, must have been as imposing a spectacle as Marlow had seen for many a long day.

The order of the procession was as follows:-

Montmorency, carrying a stick. Two disreputable-looking curs, friends of

Кот. Всего хорошего.

После этого кот поднялся и пошел дальше, а Монморенси тщательно спрятал то, что он называет своим хвостом, в соответствующую выемку, вернулся к нам и занял незаметную позицию в тылу.

И теперь еще, если вы скажете: "Кошка!" - он вздрагивает и жалобно взглядывает на вас, будто говоря:

"Пожалуйста, не надо".

После завтрака мы сделали покупки и наполнили лодку провизией на три дня. Джордж сказал, что надо взять с собой овощей. Это вредно для здоровья - не есть овощей. Он заявил, что их нетрудно варить и что он берет это на себя. Поэтому мы купили десять фунтов картошки, бушель гороху и несколько кочанов капусты. В гостинице мы достали мясной пирог, несколько пирогов с крыжовником и баранью ногу; за фруктами, печеньем, хлебом, маслом, вареньем, грудинкой, яйцами и прочим нам пришлось ходить по городу.

Отбытие из Марло я рассматриваю как одно из наших высших достижений. Не будучи демонстративным, оно было в то же время полно достоинства и внушительно. Заходя в какую-нибудь лавку, мы везде объясняли, что забираем покупку немедленно. Никаких: "Хорошо, сэр! Я отошлю их сейчас же. Мальчик будет на месте раньше вас, сэр!" - после чего приходится топтаться на пристани, дважды возвращаться обратно в магазин и скандалить." Мы ждали, пока уложат корзины, и захватывали рассыльных с собой.

Применяя эту систему, мы обошли порядочное количество лавок; в результате, когда мы кончили, за нами следовала такая замечательная коллекция рассыльных с корзинками, какой только можно пожелать. Наше последнее шествие по Главной улице к реке являло, должно быть, внушительное зрелище, уже давно не виданное в городе Марло.

Порядок процессии был следующий:

Монморенси с палкой во рту. Две подозрительных дворняги, друзья Монморенси. Джордж,

Montmorency's. George, carrying coats and rugs, and smoking a short pipe. Harris, trying to walk with easy grace, while carrying a bulged-out Gladstone bag in one hand and a bottle of lime-juice in the other. Greengrocer's boy and baker's boy, with baskets. Boots from the hotel, carrying hamper. Confectioner's boy, with basket. Grocer's boy, with basket. Long-haired dog. Cheesemonger's boy, with basket. Odd man carrying a bag. Bosom companion of odd man, with his hands in his pockets, smoking a short clay. Fruiterer's boy, with basket. Myself, carrying three hats and a pair of boots, and trying to look as if I didn't know it. Six small boys, and four stray dogs.

When we got down to the landing-stage, the boatman said:

"Let me see, sir; was yours a steam-launch or a house-boat?"

On our informing him it was a double-scutting skiff, he seemed surprised.

We had a good deal of trouble with steam launches that morning. It was just before the Henley week, and they were going up in large numbers; some by themselves, some towing houseboats. I do hate steam launches: I suppose every rowing man does. I never see a steam launch but I feel I should like to lure it to a lonely part of the river, and there, in the silence and the solitude, strangle it.

There is a blatant bumptiousness about a steam launch that has the knack of rousing every evil instinct in my nature, and I yearn for the good old days, when you could go about and tell people what you thought of them with a hatchet and a bow and arrows. The expression on the face of the man who, with his hands in his pockets, stands by the stern, smoking a cigar, is sufficient to excuse a breach of the peace by itself; and the lordly whistle for you to get out of the way would, I am confident, ensure a verdict of "justifiable homicide" from any jury of river men.

They used to HAVE to whistle for us to get out of their way. If I may do so, without appearing

нагруженный пальто и пледом, с короткой трубкой в зубах. Гаррис, пытающийся идти с непринужденной грацией, неся в одной руке пузатый чемодан, а в другой - бутылку с лимонным соком. Мальчик от зеленщика и мальчик от булочника, с корзинами. Коридорный из гостиницы с большой корзиной. Мальчик от кондитера с корзинкой. Мальчик от бакалейщика с корзинкой. Мальчик от торговца сыром с корзинкой. Случайный прохожий с мешком в руке. Друг-приятель случайного прохожего с руками в карманах и трубкой во рту. Мальчик от фруктошника с корзиной. Я сам с тремя шляпами и парой башмаков и с таким видом, будто я их не замечаю. Шесть мальчишек и четыре приبلудных пса.

Когда мы пришли на пристань, лодочник сказал:

- Позвольте, сэр, у вас был баркас или крытый бот?

Услышав, что у нас четырехвесельная лодка, он был, видимо, удивлен.

В это утро у нас было немало хлопот с паровыми баркасами. Дело было как раз перед хэнлейскими гонками, и баркасы сновали по реке в великом множестве - иные в одиночку, другие с крытыми лодками на буксире. Я ненавижу паровые баркасы, я думаю, их ненавидит всякий, кому приходилось грести. Каждый раз, как я вижу паровой баркас, я чувствую, что мне хочется заманить его в пустынное место и там, в тиши и уединении, задушить.

В паровом баркасе есть что-то наглое и самоуверенное, отчего во мне просыпаются самые дурные инстинкты, и я начинаю жалеть о добром, старом времени, когда можно было высказывать всякому свое мнение о нем на языке топора и лука со стрелами. "Уже одно выражение лица человека, который стоит на корме, засунув руки в карманы, и курит сигару, само по себе служит достаточным поводом для нарушения общественного спокойствия, а властный свисток, повелевающий вам убираться с дороги, обеспечил бы, я уверен, справедливый приговор за "законное человекоубийство" при любом составе присяжных из жителей побережья."

А им пришлось-таки посвистеть, чтобы заставить нас убираться с дороги. Не желая прослыть

boastful, I think I can honestly say that our one small boat, during that week, caused more annoyance and delay and aggravation to the steam launches that we came across than all the other craft on the river put together.

"Steam launch, coming!" one of us would cry out, on sighting the enemy in the distance; and, in an instant, everything was got ready to receive her. I would take the lines, and Harris and George would sit down beside me, all of us with our backs to the launch, and the boat would drift out quietly into mid-stream.

On would come the launch, whistling, and on we would go, drifting. At about a hundred yards off, she would start whistling like mad, and the people would come and lean over the side, and roar at us; but we never heard them! Harris would be telling us an anecdote about his mother, and George and I would not have missed a word of it for worlds.

Then that launch would give one final shriek of a whistle that would nearly burst the boiler, and she would reverse her engines, and blow off steam, and swing round and get aground; everyone on board of it would rush to the bow and yell at us, and the people on the bank would stand and shout to us, and all the other passing boats would stop and join in, till the whole river for miles up and down was in a state of frantic commotion. And then Harris would break off in the most interesting part of his narrative, and look up with mild surprise, and say to George:

"Why, George, bless me, if here isn't a steam launch!"

And George would answer:

"Well, do you know, I THOUGHT I heard something!"

Upon which we would get nervous and confused, and not know how to get the boat out of the way, and the people in the launch would crowd round and instruct us:

"Pull your right - you, you idiot! back with your left. No, not YOU - the other one - leave the lines alone, can't you - now, both together. NOT THAT way. Oh, you - !"

хвастуном, я могу честно сказать, что наша лодочка за эту неделю причинила встречным баркасам больше неприятностей, хлопот и задержек, чем все остальные суда на реке, вместе взятые.

"Баркас идет!" - кричит кто-нибудь из нас, завидя вдали врага, и в одно мгновение все готово к встрече." Я сажусь за руль, а Гаррис с Джорджем усаживаются рядом со мной, тоже спиной к баркасу, и лодка медленно выплывает на середину реки.

Баркас, свистя, надвигается, а мы плывем. На расстоянии примерно в сотню ярдов он начинает свистеть, как бешеный, и все пассажиры, перегнувшись через борт, кричат на нас, но мы их не слышим. Гаррис рассказывает нам какой-нибудь случай, происшедший с его матерью, и мы с Джорджем жадно ловим каждое его слово.

Тогда баркас испускает последний вопль, от которого чуть не лопаются котел, дает задний ход и контрпар, делает полный поворот и садится на мель. Все, кто есть на борту, сбегается на нос, публика на берегу кричит нам что-то, другие лодки останавливаются и впутываются в это дело, так что вся река на несколько миль в обе стороны приходит в неистовое возбуждение. Тут Гаррис прерывает на самом интересном месте свой рассказ, с кротким удивлением поднимает глаза и говорит Джорджу:

- Смотри-ка, Джордж, кажется, там паровой баркас.

А Джордж отвечает:

- Да, знаешь, я тоже как будто что-то слышу.

После этого мы начинаем волноваться и нервничать и не знаем, как убрать лодку с дороги. Люди на баркасе толпятся у борта и учат нас:

- Гребите правым, идиот вы этаким! Левым - назад! Нет, нет, не вы, тот, другой... Оставьте руль в покое, черт побери! Ну, теперь обоими сразу! Да не так! Ах, вы...

Then they would lower a boat and come to our assistance; and, after quarter of an hour's effort, would get us clean out of their way, so that they could go on; and we would thank them so much, and ask them to give us a tow. But they never would.

Another good way we discovered of irritating the aristocratic type of steam launch, was to mistake them for a beanfeast, and ask them if they were Messrs. Cubit's lot or the Bermondsey Good Templars, and could they lend us a saucepan.

Old ladies, not accustomed to the river, are always intensely nervous of steam launches. I remember going up once from Staines to Windsor - a stretch of water peculiarly rich in these mechanical monstrosities - with a party containing three ladies of this description. It was very exciting. At the first glimpse of every steam launch that came in view, they insisted on landing and sitting down on the bank until it was out of sight again. They said they were very sorry, but that they owed it to their families not to be fool-hardy.

We found ourselves short of water at Hambledon Lock; so we took our jar and went up to the lock-keeper's house to beg for some.

George was our spokesman. He put on a winning smile, and said: "Oh, please could you spare us a little water?"

"Certainly," replied the old gentleman; "take as much as you want, and leave the rest."

"Thank you so much," murmured George, looking about him. "Where - where do you keep it?"

"It's always in the same place my boy," was the stolid reply: "just behind you."

"I don't see it," said George, turning round.

"Why, bless us, where's your eyes?" was the man's comment, as he twisted George round and pointed up and down the stream. "There's enough of it to see, ain't there?"

Потом они спускают лодку и приходят нам на помощь. После пятнадцатиминутных усилий нас начисто убирают с дороги, и баркас получает возможность продолжать путь. Мы рассыпаемся в благодарностях и просим взять нас на буксир. Но они не соглашаются.

Мы нашли и другой способ раздражать аристократические паровые баркасы: мы делаем вид, что принимаем их за плавучий ресторан, и спрашиваем, от кого они - от господ Кьюбит или от Бермондсейских Добрых Рыцарей, и просим одолжить нам кастрюлю.

Старые дамы, не привычные к реке, очень боятся паровых баркасов. Помню, я однажды плыл из Стэйнса в Виндзор (этот участок реки особенно богат подобного рода механическими чудовищами) с компанией, где были три таких дамы. Это было очень интересно. При первом появлении баркаса дамы настоятельно пожелали выйти на берег и посидеть на скамейке, пока баркас снова не скроется из виду. Они сказали, что им очень жаль, но мысль об их семействах не позволяет им рисковать собой.

В Хэмблдоне оказалось, что у нас нет воды. Мы взяли кувшин и отправились за водой к сторожу при шлюзе.

Джордж был нашим парламентаром. Он пустил в ход самую вкрадчивую улыбку и спросил: - Скажите, не могли бы вы уделить нам немного воды?

- Пожалуйста, - ответил старик. - Возьмите, сколько вам нужно, а остальное оставьте.

- Очень вам благодарен, - пробормотал Джордж, осматриваясь. - Где... Где Вы ее держите?

- Она всегда на одном и том же месте, молодой человек, - последовал неторопливый ответ. - Как раз сзади вас.

- Я ее не вижу, - сказал Джордж, оборачиваясь.

- Где же у вас глаза, черт возьми? - сказал сторож, повертывая Джорджа кругом и широким жестом указывая на реку. - Вон сколько воды, а вы не видите?

"Oh!" exclaimed George, grasping the idea; "but we can't drink the river, you know!"

"No; but you can drink SOME of it," replied the old fellow. "It's what I've drunk for the last fifteen years."

George told him that his appearance, after the course, did not seem a sufficiently good advertisement for the brand; and that he would prefer it out of a pump.

We got some from a cottage a little higher up. I daresay THAT was only river water, if we had known. But we did not know, so it was all right. What the eye does not see, the stomach does not get upset over.

We tried river water once, later on in the season, but it was not a success. We were coming down stream, and had pulled up to have tea in a backwater near Windsor. Our jar was empty, and it was a case of going without our tea or taking water from the river. Harris was for chancing it. He said it must be all right if we boiled the water. He said that the various germs of poison present in the water would be killed by the boiling. So we filled our kettle with Thames backwater, and boiled it; and very careful we were to see that it did boil.

We had made the tea, and were just settling down comfortably to drink it, when George, with his cup half-way to his lips, paused and exclaimed:

"What's that?"

"What's what?" asked Harris and I.

"Why that!" said George, looking westward.

Harris and I followed his gaze, and saw, coming down towards us on the sluggish current, a dog. It was one of the quietest and peaceablest dogs I have ever seen. I never met a dog who seemed more contented - more easy in its mind. It was floating dreamily on its back, with its four legs stuck up straight into the air. It was what I should call a full-bodied dog, with a well-developed chest. On he came, serene, dignified, and calm, until he was abreast of our boat, and there, among the rushes, he eased up, and

- А-а! - воскликнул Джордж, поняв, в чем дело. - Но не можем же мы выпить всю реку!

- Нет, но часть ее - можете, - возразил сторож. - Я по крайней мере пью из нее вот уже пятнадцать лет.

Джордж сказал, что его внешний вид - неважная реклама для фирмы и что он предпочел бы воду из колодца.

Мы достали воды в одном домике, немного выше по течению. Скорее всего, это была тоже речная вода. Но мы не спрашивали, откуда она, и все обошлось прекрасно. Что не видно глазу, то не огорчает желудок.

Однажды, позднее, мы попробовали речной воды, но это вышло неудачно. Мы плыли вниз по реке и сделали остановку в заводи недалеко от Виндзора, чтобы напиться чаю. Наш кувшин был пуст, и нам предстояло либо остаться без чая, либо взять воду из реки. Гаррис предложил рискнуть. Он говорил, что, если мы вскипятим воду, все будет хорошо. Все микробы, какие есть в воде, будут убиты кипячением. Итак, мы наполнили котелок водой из реки Темзы и вскипятчили ее. Мы очень тщательно проследили за тем, чтобы она вскипела.

Чай был готов, и мы только что уютно уселись и хотели за него приняться, как Джордж, который уже поднес было чашку к губам, воскликнул:

- Что это?

- Что именно? - спросили Мы с Гаррисом.

- Вот это! - ответил Джордж, указывая пальцем на запад.

Гаррис и я проследили за его взглядом и увидели собаку, которая плыла к нам, увлекаемая медленным течением. Это была самая спокойная и мирная собака, какую я когда-либо видел. Я никогда не встречал собаки, которая казалась бы столь удовлетворенной и невозмутимой. Она мечтательно покачивалась на спине, задрав все четыре лапы в воздух. Это была, что называется, основательная собака с хорошо развитой грудной клеткой; она приближалась к нам, безмятежная, полная достоинства и спокойная, пока не поровнялась с нашей лодкой. Тут, в камышах, она

settled down cosily for the evening.

George said he didn't want any tea, and emptied his cup into the water. Harris did not feel thirsty, either, and followed suit. I had drunk half mine, but I wished I had not.

I asked George if he thought I was likely to have typhoid.

He said: "Oh, no;" he thought I had a very good chance indeed of escaping it. Anyhow, I should know in about a fortnight, whether I had or had not.

We went up the backwater to Wargrave. It is a short cut, leading out of the right-hand bank about half a mile above Marsh Lock, and is well worth taking, being a pretty, shady little piece of stream, besides saving nearly half a mile of distance.

Of course, its entrance is studded with posts and chains, and surrounded with notice boards, menacing all kinds of torture, imprisonment, and death to everyone who dares set scull upon its waters - I wonder some of these riparian boors don't claim the air of the river and threaten everyone with forty shillings fine who breathes it - but the posts and chains a little skill will easily avoid; and as for the boards, you might, if you have five minutes to spare, and there is nobody about, take one or two of them down and throw them into the river.

Half-way up the backwater, we got out and lunched; and it was during this lunch that George and I received rather a trying shock.

Harris received a shock, too; but I do not think Harris's shock could have been anything like so bad as the shock that George and I had over the business.

You see, it was in this way: we were sitting in a meadow, about ten yards from the water's edge, and we had just settled down comfortably to feed. Harris had the beefsteak pie between his knees, and was carving it, and George and I were waiting with our plates ready.

"Have you got a spoon there?" says Harris; "I want a spoon to help the gravy with."

остановилась и уютно устроилась на весь вечер.

Джордж сказал, что ему не хочется чаю, и выплеснул свою чашку в воду. Гаррис тоже не чувствовал жажды и последовал его примеру. Я уже успел выпить половину своей чашки, но теперь пожалел об этом.

Я спросил Джорджа, как он думает, будет ли у меня тиф.

Джордж сказал: "О нет!" По его мнению, у меня были большие шансы уцелеть." Впрочем, через две недели я узнаю, будет у меня тиф или нет.

Мы поднялись по каналу до Уоргрэва. Это сокращенный путь, который срезает правый берег полумилей выше шлюза Марш, и им стоит пользоваться: там красиво, тенисто, и вдобавок расстояние сокращается почти на полмили.

Вход в канал, разумеется, утыкан столбами, увешан цепями и окружен надписями, которые грозят всевозможными пытками, тюрьмой и смертью всякому, кто отважится по нему плавать. Удивительно, как это еще прибрежные зубры не заявляют претензий на воздух над рекой и не грозят каждому, кто им дышит, штрафом в сорок шиллингов! Но столбы и цепи при некоторой ловкости легко обойти, а что касается вывесок с надписями, то если у вас имеется пять минут свободного времени и поблизости никого нет, вы можете сорвать две-три штуки и бросить в воду.

Пройдя до половины канала, мы вышли на берег и позавтракали. Во время этого завтрака мы с Джорджем испытали сильное потрясение.

Гаррис тоже испытал потрясение, но оно и в сравнение не идет с тем, что пережили я и Джордж.

Дело было так. Мы сидели на лугу, ярдах в десяти от реки, и только что расположились поудобнее, собираясь питаться. Гаррис зажал между колен мясной пирог и разрезал его; мы с Джорджем ждали, держа наготове тарелки.

- есть у вас ложка? - сказал Гаррис. - мне нужна ложка для подливки.

The hamper was close behind us, and George and I both turned round to reach one out. We were not five seconds getting it. When we looked round again, Harris and the pie were gone!

It was a wide, open field. There was not a tree or a bit of hedge for hundreds of yards. He could not have tumbled into the river, because we were on the water side of him, and he would have had to climb over us to do it.

George and I gazed all about. Then we gazed at each other.

"Has he been snatched up to heaven?" I queried.

"They'd hardly have taken the pie too," said George.

There seemed weight in this objection, and we discarded the heavenly theory.

"I suppose the truth of the matter is," suggested George, descending to the commonplace and practicable, "that there has been an earthquake." And then he added, with a touch of sadness in his voice: "I wish he hadn't been carving that pie."

With a sigh, we turned our eyes once more towards the spot where Harris and the pie had last been seen on earth; and there, as our blood froze in our veins and our hair stood up on end, we saw Harris's head - and nothing but his head - sticking bolt upright among the tall grass, the face very red, and bearing upon it an expression of great indignation!

George was the first to recover.

"Speak!" he cried, "and tell us whether you are alive or dead - and where is the rest of you?"

"Oh, don't be a stupid ass!" said Harris's head. "I believe you did it on purpose."

"Did what?" exclaimed George and I.

"Why, put me to sit here - darn silly trick! Here, catch hold of the pie."

And out of the middle of the earth, as it seemed to us, rose the pie - very much mixed up and

Корзина стояла тут же, сзади нас, и мы с Джорджем одновременно обернулись, чтобы достать ложку. Когда мы снова повернули головы, Гаррис и пирог исчезли.

Мы сидели в широком открытом поле. На сто ярдов вокруг не было ни деревца, ни изгороди, Гаррис не мог свалиться в реку, потому что мы были ближе к воде, и ему бы пришлось перелезть через нас, чтобы это сделать.

Мы с Джорджем посмотрели во все стороны. Потом мы взглянули друг на друга.

- Может быть, ангелы унесли его на небо? - сказал я.

- Они вряд ли взяли бы с собой пирог, - заметил Джордж.

Это возражение показалось мне веским, и небесная теория была отвергнута.

- Все дело, я думаю, в том, - сказал Джордж, возвращаясь к житейской прозе, - что произошло землетрясение. - И прибавил с оттенком печали в голосе: - Жаль, что он как раз в это время резал пирог!

Глубоко вздохнув, мы вновь обратили взоры к тому месту, где в последний раз видели пирог и Гарриса. И вдруг кровь застыла у нас в жилах и волосы встали дыбом: мы увидели голову Гарриса - одну только его голову, которая торчала среди высокой травы. Лицо его было очень красно и выражало сильнейшее негодование.

Джордж опомнился первым.

- Говори! - вскричал он. - Скажи нам, жив ты или умер и где твоё остальное тело!

- Не будь ослом, - сказала голова Гарриса. - небось Вы Это сделали нарочно.

- Что сделали? - вскричали Мы с Джорджем.

- Да посадили меня на Это место. Чертовски глупая шутка. Нате, берите пирог.

И из самого центра земли, - по крайней мере так нам казалось, - поднялся пирог, жестоко

damaged; and, after it, scrambled Harris - tumbled, grubby, and wet.

He had been sitting, without knowing it, on the very verge of a small gully, the long grass hiding it from view; and in leaning a little back he had shot over, pie and all.

He said he had never felt so surprised in all his life, as when he first felt himself going, without being able to conjecture in the slightest what had happened. He thought at first that the end of the world had come.

Harris believes to this day that George and I planned it all beforehand. Thus does unjust suspicion follow even the most blameless for, as the poet says, "Who shall escape calumny?"

Who, indeed!

CHAPTER XIV

WARGRAVE. - WAXWORKS. - SONNING. - OUR STEW. - MONTMORENCY IS SARCASTIC. - FIGHT BETWEEN MONTMORENCY AND THE TEA-KETTLE. - GEORGE'S BANJO STUDIES. - MEET WITH DISCOURAGEMENT. - DIFFICULTIES IN THE WAY OF THE MUSICAL AMATEUR. - LEARNING TO PLAY THE BAGPIPES. - HARRIS FEELS SAD AFTER SUPPER. - GEORGE AND I GO FOR A WALK. - RETURN HUNGRY AND WET. - THERE IS A STRANGENESS ABOUT HARRIS. - HARRIS AND THE SWANS, A REMARKABLE STORY. - HARRIS HAS A TROUBLED NIGHT.

WE caught a breeze, after lunch, which took us gently up past Wargrave and Shiplake. Mellowed in the drowsy sunlight of a summer's afternoon, Wargrave, nestling where the river bends, makes a sweet old picture as you pass it, and one that lingers long upon the retina of memory.

The "George and Dragon" at Wargrave boasts a sign, painted on the one side by Leslie, R.A., and on the other by Hodgson of that ilk. Leslie has depicted the fight; Hodgson has imagined the scene, "After the Fight" - George, the work done, enjoying his pint of beer.

истерзанный и помятый. Следом за ним вылез Гаррис, мокрый, грязный, взъерошенный.

Он, оказывается, не заметил, что сидел на самом краю канавы, скрытой густой травой, и, откинувшись назад, полетел в нее вместе с пирогом.

По его словам, он в жизни еще не был так изумлен, как когда почувствовал, что падает, и притом не имеет ни малейшего представления, что случилось. Сначала он решил, что настал конец света.

Гаррис до сих пор думает, что мы с Джорджем подстроили все это нарочно. Так несправедливое подозрение преследует даже самых праведных; ведь сказал же поэт: "Кто избегает клеветы?"

И правда, кто?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Уоргрэв. Восковые фигуры. Соннинг. Ирландское рагу. Монморенси настроен саркастически. Битва Монморенси с чайником. Джордж учится играть на банджо. Это не встречает одобрения. Трудности на пути музыканта-любителя. Изучение игры на волынке. Гаррису становится грустно после ужина. Мы с Джорджем совершаем прогулку и возвращаемся мокрые и голодные. С Гаррисом творится что-то странное. Удивительная история про Гарриса и лебедей. Гаррис проводит беспокойную ночь.

После завтрака мы воспользовались небольшим ветерком, и он медленно понес нас мимо Уоргрэва и Шиплэка. В мягких лучах сонного летнего дня Уоргрэв, притаившийся в излучине реки, производит впечатление приятного старинного города. Эта картина надолго остается в памяти.

"Гостиница "Святой Георгий и дракон" в Уоргрэве может похвалиться замечательной вывеской. Эту вывеску расписал с одной стороны Лесли, член Королевской академии, а с другой - Ходжсон." Лесли изобразил сражение, Ходжсон - сцену после битвы, когда Георгий, сделав свое дело, наслаждается пивом.

Day, the author of SANDFORD AND MERTON, lived and - more credit to the place still - was killed at Wargrave. In the church is a memorial to Mrs. Sarah Hill, who bequeathed 1 pound annually, to be divided at Easter, between two boys and two girls who "have never been undutiful to their parents; who have never been known to swear or to tell untruths, to steal, or to break windows." Fancy giving up all that for five shillings a year! It is not worth it.

It is rumoured in the town that once, many years ago, a boy appeared who really never had done these things - or at all events, which was all that was required or could be expected, had never been known to do them - and thus won the crown of glory. He was exhibited for three weeks afterwards in the Town Hall, under a glass case.

What has become of the money since no one knows. They say it is always handed over to the nearest wax-works show.

Shiplake is a pretty village, but it cannot be seen from the river, being upon the hill. Tennyson was married in Shiplake Church.

The river up to Sonning winds in and out through many islands, and is very placid, hushed, and lonely. Few folk, except at twilight, a pair or two of rustic lovers, walk along its banks. `Arry and Lord Fitznoodle have been left behind at Henley, and dismal, dirty Reading is not yet reached. It is a part of the river in which to dream of bygone days, and vanished forms and faces, and things that might have been, but are not, confound them.

We got out at Sonning, and went for a walk round the village. It is the most fairy-like little nook on the whole river. It is more like a stage village than one built of bricks and mortar. Every house is smothered in roses, and now, in early June, they were bursting forth in clouds of dainty splendour. If you stop at Sonning, put up at the "Bull," behind the church. It is a veritable picture of an old country inn, with green, square courtyard in front, where, on seats beneath the trees, the old men group of an evening to drink their ale and gossip over village politics; with low, quaint rooms and latticed windows, and

"В Уоргрэве жил и - к вящей славе этого городка - был убит Дэй, автор "Сэндфорда и Мертон". "В уоргрэвской церкви стоит памятник миссис Саре Хилл, которая завещала ежегодно на пасху делить один фунт стерлингов из оставленных ею денег между двумя мальчиками и двумя девочками, "которые никогда не были непочтительны с родителями, никогда не ругались, не лгали, не воровали и не били стекла". Отказаться от всего этого ради пяти шиллингов в год? Право, не стоит!

Старожилы утверждают, что однажды, много лет тому назад, объявился один мальчик, который действительно ничего такого не делал, - по крайней мере его ни разу не уличили, а это все, что требовалось, - и удостоился венца славы. После этого он три недели подряд красовался для всеобщего обозрения в городской ратуше под стеклянным колпаком.

Что случилось с деньгами потом, никто не знает. Говорят, что их каждый год передают ближайшему музею восковых фигур.

Шиплэк - хорошенькая деревня, но ее не видно с реки, так как она стоит на горе. В шиплэкской церкви венчался Теннисон.

Вплоть до самого Соннинга река вьется среди множества островов. Она очень спокойна, тиха и безлюдна. Только в сумерках по ее берегам гуляют редкие парочки влюбленных. Чернь и золотая молодежь остались в Хэнли, а до унылого, грязного Рэдинга еще далеко. Здесь хорошо помечтать о минувших днях и канувших в прошлое лицах и о том, что могло бы случиться, но не случилось, черт его побери!

В Соннинге мы вышли и пошли прогуляться по деревне. Это самый волшебный уголок на реке. Здесь все больше похоже на декорацию, чем на деревню, выстроенную из кирпича и известки. Все дома утопают в розах, которые теперь, в начале июня, были в полном цвету. Если вы попадете в Соннинг, остановитесь в гостинице "Бык", за церковью." Это настоящая старая провинциальная гостиница с зеленым квадратным двором, где вечерами собираются старики и, попивая эль, сплетничают о деревенских делах; с низкими, точно игрушечными комнатами, с решетчатыми окнами, неудобными лестницами и извилистыми

awkward stairs and winding passages.

We roamed about sweet Sonning for an hour or so, and then, it being too late to push on past Reading, we decided to go back to one of the Shiplake islands, and put up there for the night. It was still early when we got settled, and George said that, as we had plenty of time, it would be a splendid opportunity to try a good, slap-up supper. He said he would show us what could be done up the river in the way of cooking, and suggested that, with the vegetables and the remains of the cold beef and general odds and ends, we should make an Irish stew.

It seemed a fascinating idea. George gathered wood and made a fire, and Harris and I started to peel the potatoes. I should never have thought that peeling potatoes was such an undertaking. The job turned out to be the biggest thing of its kind that I had ever been in. We began cheerfully, one might almost say skittishly, but our light-heartedness was gone by the time the first potato was finished. The more we peeled, the more peel there seemed to be left on; by the time we had got all the peel off and all the eyes out, there was no potato left - at least none worth speaking of. George came and had a look at it - it was about the size of a peanut.

He said: "Oh, that won't do! You're wasting them. You must scrape them."

So we scraped them, and that was harder work than peeling. They are such an extraordinary shape, potatoes - all bumps and warts and hollows. We worked steadily for five-and-twenty minutes, and did four potatoes. Then we struck. We said we should require the rest of the evening for scraping ourselves.

I never saw such a thing as potato-scraping for making a fellow in a mess. It seemed difficult to believe that the potato-scrapings in which Harris and I stood, half smothered, could have come off four potatoes. It shows you what can be done with economy and care.

George said it was absurd to have only four potatoes in an Irish stew, so we washed half-a-dozen or so more, and put them in without

коридорами.

Мы пробродили по милому Соннингу около часа. Миновать Рэдинг мы в этот день уже не успели бы, а потому решили вернуться на один из островов около Шиплэка и заночевать там. Когда мы устроились, было еще рано, и Джордж сказал, что раз у нас так много времени, нам представляется великолепный случай устроить шикарный, вкусный ужин. Он обещал показать нам, что можно сделать на реке в смыслестряпни, и предложил приготовить из овощей, холодного мяса и всевозможных остатков ирландское рагу.

Мы горячо приветствовали эту идею. Джордж набрал хворосту и разжег костер, а мы с Гаррисом принялись чистить картошку. Я никогда не думал, что чистка картофеля - такое сложное предприятие. Это оказалось самым трудным делом, в каком я когда-либо участвовал. Мы начали весело, можно даже сказать - игриво, но все наше оживление пропало к тому времени, как была очищена первая картофелина. Чем больше мы ее чистили, тем больше на ней было кожицы; когда мы сняли всю кожу и вырезали все глазки, от картофелины не осталось ничего достойного внимания. Джордж подошел и посмотрел на нее. Она была не больше лесного ореха.

Джордж сказал: - Это никуда не годится. Вы губите картофель. Его надо скоблить.

Мы принялись скоблить, и это оказалось еще труднее, чем чистить. У них такая удивительная форма, у этих картофелин. Сплошные бугры, впадины и бородавки. Мы прилежно трудились двадцать пять минут и очистили четыре штуки. Потом мы забастовали. Мы заявили, что нам понадобится весь вечер, чтобы очиститься самим.

Ничто так не пачкает человека, как чистка картофеля. Трудно поверить, что весь тот мусор, который покрывал меня и Гарриса, взялся с каких-то четырех картофелин. Это показывает, как много значат экономия и аккуратность.

Джордж сказал, что нелепо класть в ирландское рагу только четыре картошки, и мы вымыли еще штук пять-шесть и бросили их в котел

peeling. We also put in a cabbage and about half a peck of peas. George stirred it all up, and then he said that there seemed to be a lot of room to spare, so we overhauled both the hampers, and picked out all the odds and ends and the remnants, and added them to the stew. There were half a pork pie and a bit of cold boiled bacon left, and we put them in. Then George found half a tin of potted salmon, and he emptied that into the pot.

He said that was the advantage of Irish stew: you got rid of such a lot of things. I fished out a couple of eggs that had got cracked, and put those in. George said they would thicken the gravy.

I forget the other ingredients, but I know nothing was wasted; and I remember that, towards the end, Montmorency, who had evinced great interest in the proceedings throughout, strolled away with an earnest and thoughtful air, reappearing, a few minutes afterwards, with a dead water-rat in his mouth, which he evidently wished to present as his contribution to the dinner; whether in a sarcastic spirit, or with a genuine desire to assist, I cannot say.

We had a discussion as to whether the rat should go in or not. Harris said that he thought it would be all right, mixed up with the other things, and that every little helped; but George stood up for precedent. He said he had never heard of water-rats in Irish stew, and he would rather be on the safe side, and not try experiments.

Harris said¹:

"If you never try a new thing, how can you tell what it's like? It's men such as you that hamper the world's progress. Think of the man who first tried German sausage!"

It was a great success, that Irish stew. I don't think I ever enjoyed a meal more. There was something so fresh and piquant about it. One's palate gets so tired of the old hackneyed things: here was a dish with a new flavour, with a taste like nothing else on earth.

And it was nourishing, too. As George said,

неочищенными. Мы также положили туда кочан капусты и фунтов пять гороху. Джордж смешал все это и сказал, что остается еще много места. Тогда мы перерыли обе наши корзины, выбрали оттуда все объедки и бросили их в котел. У нас оставалось полпирога со свиной и кусок холодной вареной грудинки, а Джордж нашел еще полбанки консервированной лосося. Все это тоже пошло в рагу.

Джордж сказал, что в этом главное достоинство ирландского рагу: сразу избавляешься от всего лишнего. Я выудил пару разбитых яиц, и мы присоединили их к прочему. Джордж сказал, что соус станет от них гуще.

Я уже забыл, что мы еще туда положили, но знаю, что ничто не пропало даром. Под конец Монморенси, который проявлял большой интерес ко всей этой процедуре, вдруг куда-то ушел с серьезным и задумчивым видом. Через несколько минут он возвратился, неся в зубах дохлую водяную крысу. Очевидно, он намеревался предложить ее как свой вклад в общую трапезу. Было ли это издевкой, или искренним желанием помочь - мне неизвестно.

У нас возник спор, стоит ли пускать крысу в дело. Гаррис сказал, почему бы и нет, если смешать ее со всем остальным: каждая мелочь может пригодиться. Но Джордж сослался на прецедент: он никогда не слышал, чтобы в ирландское рагу клали водяных крыс, и предпочитает воздержаться от опытов.

Гаррис сказал:

- Если никогда не испытывать ничего нового, как же узнать, хорошо оно или плохо? Такие люди, как ты, тормозят прогресс человечества. Вспомни о немце, который первым сделал сосиски.

Наше ирландское рагу имело большой успех. Я, кажется, никогда ничего не ел с таким удовольствием. В нем было что-то такое свежее, острое. Наш язык устал от старых избитых ощущений; перед нами было новое блюдо, не похожее вкусом ни на какое другое.

Кроме того, оно было очень сытно. Как выразился Джордж, материал был неплохой. Правда,

there was good stuff in it. The peas and potatoes might have been a bit softer, but we all had good teeth, so that did not matter much: and as for the gravy, it was a poem - a little too rich, perhaps, for a weak stomach, but nutritious.

We finished up with tea and cherry tart. Montmorency had a fight with the kettle during tea-time, and came off a poor second.

Throughout the trip, he had manifested great curiosity concerning the kettle. He would sit and watch it, as it boiled, with a puzzled expression, and would try and rouse it every now and then by growling at it. When it began to splutter and steam, he regarded it as a challenge, and would want to fight it, only, at that precise moment, some one would always dash up and bear off his prey before he could get at it.

To-day he determined he would be beforehand. At the first sound the kettle made, he rose, growling, and advanced towards it in a threatening attitude. It was only a little kettle, but it was full of pluck, and it up and spit at him.

"Ah! would ye!" growled Montmorency, showing his teeth; "I'll teach ye to cheek a hard-working, respectable dog; ye miserable, long-nosed, dirty-looking scoundrel, ye. Come on!"

And he rushed at that poor little kettle, and seized it by the spout.

Then, across the evening stillness, broke a blood-curdling yelp, and Montmorency left the boat, and did a constitutional three times round the island at the rate of thirty-five miles an hour, stopping every now and then to bury his nose in a bit of cool mud.

From that day Montmorency regarded the kettle with a mixture of awe, suspicion, and hate. Whenever he saw it he would growl and back at a rapid rate, with his tail shut down, and the moment it was put upon the stove he would promptly climb out of the boat, and sit on the bank, till the whole tea business was over.

George got out his banjo after supper, and wanted to play it, but Harris objected: he said

картофель и горох могли бы быть помягче, но у всех у нас были хорошие зубы, так что это не имело значения. Что же касается соуса, то это была целая поэма. Быть может, он был слишком густ для слабого желудка, но зато питателен.

Мы закончили ужин чаем и пирогом с вишнями, а Монморенси вступил в бой с чайником и вышел из него побежденным.

С самого начала нашего путешествия чайник возбуждал у Монморенси величайшее любопытство. Он сидел и с озадаченным видом наблюдал, как чайник кипит, время от времени пытаясь раздражить его ворчанием. Когда чайник начинал брызгаться и пускать пар, Монморенси принимал это за вызов и хотел вступить в бой, но в эту самую минуту кто-нибудь из нас подбегал и уносил его добычу, не дав ему времени схватить ее.

В этот день наш пес решил опередить всех. Не успел чайник зашуметь, как он, громко ворча, поднялся и с грозным видом направился к чайнику. Это был небольшой чайник, но он был полон отваги и начал фыркать и плевать на Монморенси.

- Ах, вот как! - зарычал пес, оскалив зубы. - Я научу тебя прилично вести себя с почтенной работающей собакой, жалкий, длинноносый, грязный негодяй. Выходи!

И он бросился на бедный маленький чайник и схватил его за носик.

И сейчас же в вечерней тишине прозвучал ледянящий душу вопль, и Монморенси выскочил из лодки и трижды полным ходом обежал вокруг острова, время от времени останавливаясь и зарываясь носом в прохладную грязь.

С этих пор Монморенси смотрел на чайник с почтением, недоверием и страхом. При виде его он ворчал и быстро, поджавши хвост, пятился прочь. Когда чайник ставили на спиртовку, он моментально вылезал из лодки и сидел на берегу до самого конца чаепития.

После ужина Джордж вытащил свое банджо и хотел поиграть, но Гаррис запротестовал. Он

he had got a headache, and did not feel strong enough to stand it. George thought the music might do him good - said music often soothed the nerves and took away a headache; and he twanged two or three notes, just to show Harris what it was like.

Harris said he would rather have the headache.

George has never learned to play the banjo to this day. He has had too much all-round discouragement to meet. He tried on two or three evenings, while we were up the river, to get a little practice, but it was never a success. Harris's language used to be enough to unnerve any man; added to which, Montmorency would sit and howl steadily, right through the performance. It was not giving the man a fair chance.

"What's he want to howl like that for when I'm playing?" George would exclaim indignantly, while taking aim at him with a boot.

"What do you want to play like that for when he is howling?" Harris would retort, catching the boot. "You let him alone. He can't help howling. He's got a musical ear, and your playing MAKES him howl."

So George determined to postpone study of the banjo until he reached home. But he did not get much opportunity even there. Mrs. P. used to come up and say she was very sorry - for herself, she liked to hear him - but the lady upstairs was in a very delicate state, and the doctor was afraid it might injure the child.

Then George tried taking it out with him late at night, and practising round the square. But the inhabitants complained to the police about it, and a watch was set for him one night, and he was captured. The evidence against him was very clear, and he was bound over to keep the peace for six months.

He seemed to lose heart in the business after that. He did make one or two feeble efforts to take up the work again when the six months had elapsed, but there was always the same coldness - the same want of sympathy on the part of the world to fight against; and, after

сказал, что у него болит голова и он не чувствует себя достаточно крепким, чтобы выдержать игру Джорджа. Джордж возразил, что музыка может ему помочь, - музыка ведь часто успокаивает нервы и прогоняет головную боль, - и взял две-три гнусавые ноты - на пробу.

Но Гаррис сказал, что предпочитает головную боль.

Джордж так до сих пор и не научился играть на банджо. Он встретил слишком мало поддержки у окружающих. Два или три раза, по вечерам, когда мы были на реке, он пробовал упражняться, но это всегда кончалось неудачей. Одних выражений Гарриса было бы достаточно, чтобы обескуражить кого угодно, а тут еще Монморенси выл не переставая все время, пока Джордж играл. Где уж тут было научиться!

- С чего это он всегда воет, когда я играю? - возмущенно восклицал Джордж, прицеливаясь в Монморенси башмаком.

- А ты чего играешь, когда он воет? - говорил Гаррис, перехватывая башмак на лету. - Оставь собаку В покое. Она не может не выть. У нее музыкальный слух, как же ей не взвыть от твоей игры.

Джордж решил отложить занятия музыкой до возвращения домой. Но и дома ему не удавалось упражняться. Миссис П. стучала ему в дверь и говорила, что просит прощения, - ей самой приятно его слушать, но дама наверху в интересном положении, и доктор боится, как бы это не повредило ребенку.

Тогда Джордж попробовал уносить банджо по ночам из дому и упражняться на площади. Но окрестные жители пожаловались в полицию, и однажды ночью Джорджа выследили и схватили. Улики против него были очевидны, и его обязали не нарушать тишины в течение шести месяцев.

После этого Джордж, видимо, потерял вкус к музыке. "Правда, когда шесть месяцев прошли, он сделал одну или две слабые попытки снова приняться за банджо, но ему по-прежнему приходилось бороться с холодностью и недостатком сочувствия со стороны окружающих.

awhile, he despaired altogether, and advertised the instrument for sale at a great sacrifice - "owner having no further use for same" - and took to learning card tricks instead.

It must be disheartening work learning a musical instrument. You would think that Society, for its own sake, would do all it could to assist a man to acquire the art of playing a musical instrument. But it doesn't!

I knew a young fellow once, who was studying to play the bagpipes, and you would be surprised at the amount of opposition he had to contend with. Why, not even from the members of his own family did he receive what you could call active encouragement. His father was dead against the business from the beginning, and spoke quite unfeelingly on the subject.

My friend used to get up early in the morning to practise, but he had to give that plan up, because of his sister. She was somewhat religiously inclined, and she said it seemed such an awful thing to begin the day like that.

So he sat up at night instead, and played after the family had gone to bed, but that did not do, as it got the house such a bad name. People, going home late, would stop outside to listen, and then put it about all over the town, the next morning, that a fearful murder had been committed at Mr. Jefferson's the night before; and would describe how they had heard the victim's shrieks and the brutal oaths and curses of the murderer, followed by the prayer for mercy, and the last dying gurgle of the corpse.

So they let him practise in the day-time, in the back-kitchen with all the doors shut; but his more successful passages could generally be heard in the sitting-room, in spite of these precautions, and would affect his mother almost to tears. She said it put her in mind of her poor father (he had been swallowed by a shark, poor man, while bathing off the coast of New Guinea - where the connection came in, she could not explain).

Then they knocked up a little place for him at the bottom of the garden, about quarter of a mile from the house, and made him take the machine down there when he wanted to work it;

Через некоторое время он совсем отчаялся и дал объявление о продаже своего инструмента "за ненадобностью" с большой скидкой, а сам начал учиться показывать карточные фокусы."

Должно быть, мало приятное занятие - учиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Казалось бы, общество ради своего же блага должно всемерно помочь человеку овладеть искусством играть на чем-нибудь, но это не так.

Я знавал одного молодого человека, который учился играть на волынке. Прямо удивительно, какое сопротивление ему приходилось преодолевать. Даже от членов своей собственной семьи он не получал, так сказать, активной поддержки. Его отец был с самого начала ярым противником этого дела и говорил о нем безо всякой чуткости.

Мой знакомый сначала вставал и упражнялся спозаранку, но ему пришлось отказаться от этой системы из-за своей сестры. Она была женщина религиозная и заявила, что начинать день таким образом - выше ее сил.

Тогда он стал играть по ночам, после того как его родные ложились спать. Но из этого тоже ничего не вышло, так как его дом приобрел дурную репутацию. Запоздалые прохожие останавливались, прислушиваясь, а наутро рассказывали по всему городу, что в доме мистера Джефферсона произошло ночью ужасное убийство. Они утверждали, будто слышали крики жертвы, грубые ругательства и проклятия убийцы, мольбы о пощаде и предсмертный хрип.

Тогда моему знакомому разрешили упражняться днем на кухне, закрыв все двери. Но, несмотря на эти предосторожности, наиболее удачные пассажи были все же слышны в гостиной и доводили его мать чуть ли не до слез. Она говорила, что это напоминает ей о ее несчастном отце (беднягу проглотила акула, когда он купался у берегов Новой Гвинеи. Почему звуки волынки вызывали в ее памяти именно этот образ, она не могла объяснить).

Наконец молодому Джефферсону сколотили хибарку в конце сада, примерно за четверть мили от дома, и он должен был таскать туда свою

and sometimes a visitor would come to the house who knew nothing of the matter, and they would forget to tell him all about it, and caution him, and he would go out for a stroll round the garden and suddenly get within earshot of those bagpipes, without being prepared for it, or knowing what it was. If he were a man of strong mind, it only gave him fits; but a person of mere average intellect it usually sent mad.

There is, it must be confessed, something very sad about the early efforts of an amateur in bagpipes. I have felt that myself when listening to my young friend. They appear to be a trying instrument to perform upon. You have to get enough breath for the whole tune before you start - at least, so I gathered from watching Jefferson.

He would begin magnificently with a wild, full, come-to-the-battle sort of a note, that quite roused you. But he would get more and more piano as he went on, and the last verse generally collapsed in the middle with a splutter and a hiss.

You want to be in good health to play the bagpipes.

Young Jefferson only learnt to play one tune on those bagpipes; but I never heard any complaints about the insufficiency of his repertoire - none whatever. This tune was "The Campbells are Coming, Hooray - Hooray!" so he said, though his father always held that it was "The Blue Bells of Scotland." Nobody seemed quite sure what it was exactly, but they all agreed that it sounded Scotch.

Strangers were allowed three guesses, and most of them guessed a different tune each time.

Harris was disagreeable after supper, - I think it must have been the stew that had upset him: he is not used to high living, - so George and I left him in the boat, and settled to go for a mouch round Henley. He said he should have a glass of whisky and a pipe, and fix things up for the night. We were to shout when we returned, and he would row over from the island and fetch us.

"Don't go to sleep, old man," we said as we

махину, когда хотел подзаняться. Но иногда к ним приходил какой-нибудь знакомый, который ничего не знал об этом, и его забывали, осведомить и предостеречь. Он выходил прогуляться по саду и вдруг, не будучи подготовлен и не зная, в чем дело, оказывался в пределах слышимости волынки. Люди с сильной волей отделялись при этом обмороком, субъекты с нормальным темпераментом сходили с ума.

Нельзя не признать, что человек, пробующий научиться играть на волынке, вызывает горестное чувство. Я сам испытал это, слушая моего молодого друга. Прежде чем начать, нужно запастись воздухом на всю пьесу - так по крайней мере казалось мне, когда я смотрел на Джефферсона.

Начинал он великолепной, яростной, вызывающей нотой, которая прямо-таки будоражила слушателя. Но чем дальше, тем звук становился тише, и последний куплет обычно замирал на середине, переходя в бульканье и шипенье.

Надо обладать железным здоровьем, чтобы играть на волынке.

Молодой Джефферсон выучился играть всего одну пьесу, но я ни разу не слышал ни от кого жалобы на бедность его репертуара. Эта пьеса называлась: "Ведет нас Кэмпбел в бой, ура, ура!" Так по крайней мере говорил мой приятель, хотя его отец всегда утверждал, что это "Шотландские колокольчики". Никто, по-видимому, не знал в точности, какая это пьеса, но все говорили, что в ней есть что-то шотландское.

Незнакомым разрешалось угадывать три раза, причем большинство каждый раз называло другую пьесу.

После ужина Гаррис пришел в дурное настроение. Вероятно, его расстроило рагу - он не привык к роскошной жизни. Мы с Джорджем оставили его в лодке и решили прогуляться по Хэнли. Гаррис сказал, что он удовольствуется стаканом виски и трубкой и приготовит лодку на ночь. Когда мы вернемся, нам стоит лишь крикнуть - и он приплывет с острова и заберет нас.

- Смотри, только не засни, старина, - говорили мы,

started.

"Not much fear of that while this stew's on," he grunted, as he pulled back to the island.

Henley was getting ready for the regatta, and was full of bustle. We met a goodish number of men we knew about the town, and in their pleasant company the time slipped by somewhat quickly; so that it was nearly eleven o'clock before we set off on our four-mile walk home - as we had learned to call our little craft by this time.

It was a dismal night, coldish, with a thin rain falling; and as we trudged through the dark, silent fields, talking low to each other, and wondering if we were going right or not, we thought of the cosy boat, with the bright light streaming through the tight-drawn canvas; of Harris and Montmorency, and the whisky, and wished that we were there.

We conjured up the picture of ourselves inside, tired and a little hungry; of the gloomy river and the shapeless trees; and, like a giant glow-worm underneath them, our dear old boat, so snug and warm and cheerful. We could see ourselves at supper there, pecking away at cold meat, and passing each other chunks of bread; we could hear the cheery clatter of our knives, the laughing voices, filling all the space, and overflowing through the opening out into the night. And we hurried on to realise the vision.

We struck the tow-path at length, and that made us happy; because prior to this we had not been sure whether we were walking towards the river or away from it, and when you are tired and want to go to bed uncertainties like that worry you. We passed Skiplake as the clock was striking the quarter to twelve; and then George said, thoughtfully:

"You don't happen to remember which of the islands it was, do you?"

"No," I replied, beginning to grow thoughtful too, "I don't. How many are there?"

"Only four," answered George. "It will be all right, if he's awake."

"And if not?" I queried; but we dismissed that train of thought.

уходя.

- Заснешь тут, когда это рагу еще действует, - проворчал Гаррис и вернулся на остров.

Хэнли готовился к гонкам яхт и был полон оживления. Мы встретили в городе знакомых, и время в приятном обществе прошло быстро. Было уже около одиннадцати, когда мы пустились в четырехмильный переход обратно к дому (к этому времени мы уже привыкли называть так нашу лодочку).

Ночь была унылая и холодная; моросил дождь. Мы плелись по темным, безмолвным полям и разговаривали вполголоса, не зная, верно мы идем или нет. Мы думали о нашей уютной лодке, о ярком свете фонаря, пробивающемся сквозь туго натянутую парусину, о Гаррисе, Монморенси и виски, я нам хотелось быть у цели.

Мы видели себя в лодке, усталых и проголодавшихся, видели темную реку, бесформенные деревья и под ними наше милое суденышко, похожее на огромного светляка, такое уютное, теплое и веселое. Мы воображали, что сидим за ужином и пожираем холодное мясо, передавая друг другу огромные ломти хлеба. Мы слышали веселый стук ножей и оживленные голоса, оглашающие мрак ночи. И мы спешили, чтобы увидеть все это наяву.

Наконец мы вышли на реку, и это развеселило нас. До этого мы не знали, приближаемся мы к реке или уходим от нее, а когда устанешь и хочется спать, такие сомнения раздражают. Когда мы проходили через Скиплэк, часы пробили без четверти двенадцать. Вскоре после этого Джордж задумчиво спросил:

- Ты не помнишь, у которого острова мы остановились?

- Нет, не помню, - ответил я, тоже становясь серьезным. - А сколько их вообще?

- Всего четыре, - ответил Джордж. - Если он не спит, все будет в порядке.

- А если спит? - спросил я. Но Мы прогнали от себя такие мысли.

We shouted when we came opposite the first island, but there was no response; so we went to the second, and tried there, and obtained the same result.

"Oh! I remember now," said George; "it was the third one."

And we ran on hopefully to the third one, and hallooed.

No answer!

The case was becoming serious. it was now past midnight. The hotels at Skiplake and Henley would be crammed; and we could not go round, knocking up cottagers and householders in the middle of the night, to know if they let apartments! George suggested walking back to Henley and assaulting a policeman, and so getting a night's lodging in the station-house. But then there was the thought, "Suppose he only hits us back and refuses to lock us up!"

We could not pass the whole night fighting policemen. Besides, we did not want to overdo the thing and get six months.

We despairingly tried what seemed in the darkness to be the fourth island, but met with no better success. The rain was coming down fast now, and evidently meant to last. We were wet to the skin, and cold and miserable. We began to wonder whether there were only four islands or more, or whether we were near the islands at all, or whether we were anywhere within a mile of where we ought to be, or in the wrong part of the river altogether; everything looked so strange and different in the darkness. We began to understand the sufferings of the Babes in the Wood.

Just when we had given up all hope - yes, I know that is always the time that things do happen in novels and tales; but I can't help it. I resolved, when I began to write this book, that I would be strictly truthful in all things; and so I will be, even if I have to employ hackneyed phrases for the purpose.

It WAS just when we had given up all hope, and I must therefore say so. Just when we had given up all hope, then, I suddenly caught sight, a little way below us, of a strange, weird sort of

Поравнявшись с первым островом, мы крикнули, но ответа не было. Тогда мы перешли ко второму и повторили свою попытку. Результат был тот же.

- Ах, да, я вспомнил, - сказал Джордж. - Это третий остров.

Полные надежд, мы побежали к третьему острову и крикнули.

Никакого ответа.

Положение становилось серьезным. Дело было за полночь. Гостиницы в Скиплэке и Хэнли несомненно переполнены. Не могли же мы ходить по городу и стучаться посреди ночи к жителям, спрашивая, не сдадут ли они комнату. Джордж предложил вернуться в Хэнли и напасть на полисмена, - это обеспечит нам ночлег в участке. Но у нас возникло опасение: а вдруг полисмен просто даст нам сдачи и откажется нас арестовать?

Мы не могли всю ночь драться с полисменами. Кроме того, нам не хотелось перехватить через край и получить шесть месяцев тюрьмы.

В отчаянии мы подошли к тому, что казалось в темноте четвертым островом, но результат был не лучше. Дождь полил сильнее и, видимо, зарядил надолго. Мы промокли до нитки, озябли и совсем пали духом. Нам начало казаться, что, может быть, островов не четыре, а больше, что мы находимся вовсе не у островов, а за милю от того места, где нам следует быть, или даже в другой части реки. В темноте все выглядело так странно и незнакомо. Мы начали понимать переживания детей, заблудившихся в лесу.

И вот, когда мы уже потеряли всякую надежду... Да, я знаю, в сказках и в романах все перемены происходят именно в этот момент, но я ничего не могу поделать. Приступая к этой книге, я решил быть строго правдивым во всем и не изменю этому, даже если бы мне пришлось прибегать к избитым оборотам.

Это действительно случилось тогда, когда мы потеряли надежду, и я должен так выразиться. Итак, когда мы потеряли всякую надежду, я внезапно заметил несколько ниже нас какой-то

glimmer flickering among the trees on the opposite bank. For an instant I thought of ghosts: it was such a shadowy, mysterious light. The next moment it flashed across me that it was our boat, and I sent up such a yell across the water that made the night seem to shake in its bed.

We waited breathless for a minute, and then - oh! divinest music of the darkness! - we heard the answering bark of Montmorency. We shouted back loud enough to wake the Seven Sleepers - I never could understand myself why it should take more noise to wake seven sleepers than one - and, after what seemed an hour, but what was really, I suppose, about five minutes, we saw the lighted boat creeping slowly over the blackness, and heard Harris's sleepy voice asking where we were.

There was an unaccountable strangeness about Harris. It was something more than mere ordinary tiredness. He pulled the boat against a part of the bank from which it was quite impossible for us to get into it, and immediately went to sleep. It took us an immense amount of screaming and roaring to wake him up again and put some sense into him; but we succeeded at last, and got safely on board.

Harris had a sad expression on him, so we noticed, when we got into the boat. He gave you the idea of a man who had been through trouble. We asked him if anything had happened, and he said-

"Swans!"

It seemed we had moored close to a swan's nest, and, soon after George and I had gone, the female swan came back, and kicked up a row about it. Harris had chivied her off, and she had gone away, and fetched up her old man. Harris said he had had quite a fight with these two swans; but courage and skill had prevailed in the end, and he had defeated them.

Half-an-hour afterwards they returned with eighteen other swans! It must have been a fearful battle, so far as we could understand

странный, необычный огонек, который мерцал среди деревьев на противоположном берегу реки. Сначала я подумал о духах, - это был такой призрачный, загадочный огонек, - но через минуту меня осенила мысль, что это наша лодка, и я испустил дикий вопль, от которого, наверное, сама ночь перевернулась в постели.

Мы ждали, затаив дыхание, и вдруг - о божественная музыка ночи! - послышался ответный лай Монморенси. Мы снова крикнули - достаточно громко, чтобы разбудить семь спящих отроков [Древняя легенда рассказывает о семи благородных юношах из Эфеса, которые, спасаясь от преследования римского императора Деция, нашли убежище в пещере, где проспали двести лет.] (кстати, я никогда не мог понять, почему требуется больше шума, чтобы разбудить семь спящих, чем одного), и через пять минут, которые показались нам вечностью, мы увидели, что освещенная лодка тихо ползет во мраке, и услышали сонный голос Гарриса, который спрашивал, где мы.

С Гаррисом творилось что-то странное. Это было нечто большее, чем обычная усталость. Он подвел лодку к берегу в таком месте, где нам совершенно невозможно было в нее сесть, и немедленно заснул. Потребовалось много крику и возни, чтобы снова разбудить его и несколько привести в разум. Но наконец нам это удалось, и мы благополучно влезли в лодку.

Тут мы заметили, что лицо у Гарриса грустное. Он был похож на человека, который пережил крупные неприятности. Мы спросили, не случилось ли чего, и Гаррис сказал:

- Лебеди.

Оказывается, наша лодка была причалена возле гнезда лебедей, и, после того как мы с Джорджем ушли, прилетела самка и подняла скандал. Гаррис прогнал ее, и она скрылась и вскоре возвратилась со своим мужем. По словам Гарриса, он выдержал с этой парой лебедей настоящую битву. Но в конце концов храбрость и искусство взяли верх, и он обратил их в бегство.

Спустя полчаса они возвратились и с ними еще восемнадцать лебедей. Судя по рассказу Гарриса,

Harris's account of it. The swans had tried to drag him and Montmorency out of the boat and drown them; and he had defended himself like a hero for four hours, and had killed the lot, and they had all paddled away to die.

"How many swans did you say there were?" asked George.

"Thirty-two," replied Harris, sleepily.

"You said eighteen just now," said George.

"No, I didn't," grunted Harris; "I said twelve. Think I can't count?"

What were the real facts about these swans we never found out. We questioned Harris on the subject in the morning, and he said, "What swans?" and seemed to think that George and I had been dreaming.

Oh, how delightful it was to be safe in the boat, after our trials and fears! We ate a hearty supper, George and I, and we should have had some toddy after it, if we could have found the whisky, but we could not. We examined Harris as to what he had done with it; but he did not seem to know what we meant by "whisky," or what we were talking about at all. Montmorency looked as if he knew something, but said nothing.

I slept well that night, and should have slept better if it had not been for Harris. I have a vague recollection of having been woke up at least a dozen times during the night by Harris wandering about the boat with the lantern, looking for his clothes. He seemed to be worrying about his clothes all night.

Twice he routed up George and myself to see if we were lying on his trousers. George got quite wild the second time.

"What the thunder do you want your trousers for, in the middle of the night?" he asked indignantly. "Why don't you lie down, and go to sleep?"

I found him in trouble, the next time I awoke, because he could not find his socks; and my last

сражение было ужасно. Лебеди пытались вытащить его и Монморенси из лодки и утопить. Он четыре часа героически отбивался и подшиб всех лебедей, и они уплыли, чтобы умереть спокойно.

- Сколько, ты говоришь, было лебедей? - спросил Джордж.

- Тридцать два, - сонно ответил Гаррис.

- Ты только что сказал - восемнадцать, - заметил Джордж.

- Ничего подобного, - проворчал Гаррис, - я сказал двенадцать. Ты что, думаешь, я не умею считать?

Истинную правду об этих лебедях мы так никогда и не узнали. Утром мы спрашивали об этом Гарриса, но Гаррис сказал: "Какие лебеди?" - и, по-видимому, решил, что нам с Джорджем это приснилось."

О, как приятно было после всех наших испытаний и страхов чувствовать себя в безопасности на лодке! Мы с Джорджем основательно поужинали и охотно выпили бы грогу, если бы могли найти виски. Но мы не нашли его. "Мы спросили Гарриса, что он с ним сделал, но Гаррис, видимо, не понимал, что означает слово "виски" и о чем мы вообще говорим." Монморенси сидел с таким видом, будто он что-то знает, но не хочет сказать.

Эту ночь я спал хорошо, и мог бы спать еще лучше, если бы не Гаррис. Я смутно помню, что просыпался за ночь не меньше десяти раз из-за Гарриса, который ходил по лодке с фонарем и разыскивал свое платье. Он, видимо, всю ночь беспокоился о своем платье.

Два раза он расталкивал меня и Джорджа, чтобы посмотреть, не лежим ли мы на его брюках. На второй раз Джордж пришел прямо-таки в бешенство.

- Зачем тебе, черт возьми, понадобились посреди ночи брюки? - с негодованием воскликнул он. - чего ты не спишь?

Проснувшись в следующий раз, я увидел, что Гаррис не может найти свои носки. Последнее,

hazy remembrance is of being rolled over on my side, and of hearing Harris muttering something about its being an extraordinary thing where his umbrella could have got to.

CHAPTER XV

HOUSEHOLD DUTIES. - LOVE OF WORK. - THE OLD RIVER HAND, WHAT HE DOES AND WHAT HE TELLS YOU HE HAS DONE. - SCEPTICISM OF THE NEW GENERATION. - EARLY BOATING RECOLLECTIONS. - RAFTING. - GEORGE DOES THE THING IN STYLE. - THE OLD BOATMAN, HIS METHOD. - SO CALM, SO FULL OF PEACE. - THE BEGINNER. - PUNTING. - A SAD ACCIDENT. - PLEASURES OF FRIENDSHIP. - SAILING, MY FIRST EXPERIENCE. - POSSIBLE REASON WHY WE WERE NOT DROWNED.

WE woke late the next morning, and, at Harris's earnest desire, partook of a plain breakfast, with "non dainties." Then we cleaned up, and put everything straight (a continual labour, which was beginning to afford me a pretty clear insight into a question that had often posed me - namely, how a woman with the work of only one house on her hands manages to pass away her time), and, at about ten, set out on what we had determined should be a good day's journey.

We agreed that we would pull this morning, as a change from towing; and Harris thought the best arrangement would be that George and I should scull, and he steer. I did not chime in with this idea at all; I said I thought Harris would have been showing a more proper spirit if he had suggested that he and George should work, and let me rest a bit. It seemed to me that I was doing more than my fair share of the work on this trip, and I was beginning to feel strongly on the subject.

It always does seem to me that I am doing more work than I should do. It is not that I object to the work, mind you; I like work: it fascinates me. I can sit and look at it for hours. I love to keep it by me: the idea of getting rid of it nearly breaks my heart.

You cannot give me too much work; to

что я смутно помню, это ощущение, что меня перекатывают с боку на бок, и бормотание Гарриса, который не мог понять, куда запропастился его зонтик.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Хозяйственные обязанности. Любовь к работе. Старый гребец, его дела и рассказы. Скептицизм молодого поколения. Первые воспоминания о поездках на лодке. Управление плотом. Стильная гребля Джорджа. Старый лодочник и его метода. Неторопливость и спокойствие. Новичок. Плавание с шестом. Печальное происшествие. Радости дружбы. Мой первый опыт с парусом. Почему мы не утонули.

"Утром мы проснулись поздно и по настоящему требованию Гарриса удовольствовались незатейливым завтраком, "без деликатесов". Потом мы вымыли посуду и все убрали по местам (эта ежедневная работа как будто помогает мне разрешить вопрос, который часто ставил меня в тупик: каким образом женщина, имеющая на руках всего одну квартиру, ухитряется убить время?). В десять часов мы пустились в дорогу, решив пройти за день как можно больше.

Мы сговорились идти с утра на веслах, вместо того чтобы тянуть бечеву. Гаррис высказал мнение, что лучше всего будет, если я и Джордж станем грести, а он - править рулем. Я сказал, что Гаррис проявил бы больше благоразумия, если бы взялся вместе с Джорджем поработать, а мне дал бы отдохнуть. Мне казалось, что я работаю больше, чем мне по справедливости полагается, и я глубоко это переживал.

Мне всегда кажется, что я работаю больше, чем следует. Не думайте, что я уклоняюсь от работы. Я люблю работу. Работа увлекает меня. Я часами могу сидеть и смотреть, как работают. Мне приятно быть около работы: мысль о том, что я могу лишиться ее, сокрушает мое сердце.

Мне нельзя дать слишком много работы -

accumulate work has almost become a passion with me: my study is so full of it now, that there is hardly an inch of room for any more. I shall have to throw out a wing soon.

And I am careful of my work, too. Why, some of the work that I have by me now has been in my possession for years and years, and there isn't a finger-mark on it. I take a great pride in my work; I take it down now and then and dust it. No man keeps his work in a better state of preservation than I do.

But, though I crave for work, I still like to be fair. I do not ask for more than my proper share. But I get it without asking for it - at least, so it appears to me - and this worries me.

George says he does not think I need trouble myself on the subject. He thinks it is only my over-scrupulous nature that makes me fear I am having more than my due; and that, as a matter of fact, I don't have half as much as I ought. But I expect he only says this to comfort me.

In a boat, I have always noticed that it is the fixed idea of each member of the crew that he is doing everything. Harris's notion was, that it was he alone who had been working, and that both George and I had been imposing upon him. George, on the other hand, ridiculed the idea of Harris's having done anything more than eat and sleep, and had a cast-iron opinion that it was he - George himself - who had done all the labour worth speaking of. He said he had never been out with such a couple of lazily skulks as Harris and I.

That amused Harris.

"Fancy old George talking about work!" he laughed; "why, about half-an-hour of it would kill him. Have you ever seen George work?" he added, turning to me.

I agreed with Harris that I never had - most certainly not since we had started on this trip.

"Well, I don't see how YOU can know much

набирать работу сделалось моей страстью. Мой кабинет до того завален работой, что там не осталось ни дюйма свободной площади. Мне скоро придется пристраивать новый флигель.

Я очень бережно отношусь к моей работе. Часть работы, которая лежит у меня теперь, находится в моем кабинете уже многие годы, и на ней нет ни пятнышка. Я очень горжусь моей работой. Иногда я снимаю ее с полки и сметаю с нее пыль. Я, как никто, забочусь о ее сохранности.

Но хотя я жажду работы, мне все же хочется быть справедливым. Я не прошу больше того, что приходится на мою долю. А мне дают больше - так мне по крайней мере кажется, и это меня огорчает.

Джордж говорит, что мне не стоит об этом тревожиться. Он считает, что только моя чрезмерная щепетильность заставляет меня бояться, что я имею больше работы, чем нужно. На самом деле мне не достается и половины того, что следует. Вероятно, он говорит это для того, чтобы меня утешить.

Я заметил, что в лодке каждый член команды уверен, что он один все и делает. Гаррис сказал, что работает один он, а мы с Джорджем его обманываем. Джордж, наоборот, высмеивал Гарриса, утверждая, что тот только ест и спит, и был твердо уверен, что именно он, Джордж, выполняет всю работу, о которой стоит говорить. Он заявил, что никогда еще не плавал с такими лентяями, как я и Гаррис.

Это позабавило Гарриса.

- Вы только послушайте! Старина Джордж рассуждает о работе, - смеялся он. - Да после получаса работы он испустил бы дух. Видел ты когда-нибудь, чтобы Джордж работал? - обратился он ко мне.

Я согласился с Гаррисом, что не видел, - во всяком случае с тех пор, как началась наша прогулка.

- Право, не понимаю, откуда ты можешь об этом

about it, one way or the other," George retorted on Harris; "for I'm blest if you haven't been asleep half the time. Have you ever seen Harris fully awake, except at meal-time?" asked George, addressing me.

Truth compelled me to support George. Harris had been very little good in the boat, so far as helping was concerned, from the beginning.

"Well, hang it all, I've done more than old J., anyhow," rejoined Harris.

"Well, you couldn't very well have done less," added George.

"I suppose J. thinks he is the passenger," continued Harris.

And that was their gratitude to me for having brought them and their wretched old boat all the way up from Kingston, and for having superintended and managed everything for them, and taken care of them, and slaved for them. It is the way of the world.

We settled the present difficulty by arranging that Harris and George should scull up past Reading, and that I should tow the boat on from there. Pulling a heavy boat against a strong stream has few attractions for me now. There was a time, long ago, when I used to clamour for the hard work: now I like to give the youngsters a chance.

I notice that most of the old river hands are similarly retiring, whenever there is any stiff pulling to be done. You can always tell the old river hand by the way in which he stretches himself out upon the cushions at the bottom of the boat, and encourages the rowers by telling them anecdotes about the marvellous feats he performed last season.

"Call what you're doing hard work!" he drawls, between his contented whiffs, addressing the two perspiring novices, who have been grinding away steadily up stream for the last hour and a half; "why, Jim Biffles and Jack and I, last season, pulled up from Marlow to Goring in one afternoon - never stopped once. Do you remember that, Jack?"

Jack, who has made himself a bed up in the

знать, - возразил Джордж Гаррису. - Черт меня побери, если ты не проспал всю дорогу. Видел ты когда-нибудь, чтобы Гаррис не спал, если только он в это время не ел? - спросил он, обращаясь ко мне.

Любовь к истине заставила меня поддержать Джорджа. От Гарриса с самого начала было мало пользы.

- Но все-таки я, черт возьми, работал больше, чем старина Джей! - продолжал Гаррис.

- Трудно было бы работать меньше, - заметил Джордж.

- Джей, наверное, считает себя здесь пассажиром, - не унимался Гаррис.

Вот какова была их благодарность за то, что я тащил их и эту несчастную лодку от самого Кингстона, все для них устроил, и организовал, и заботился о них, и выбивался из сил. Так всегда бывает на этом свете!..

В данном случае мы вышли из затруднения, сговорившись, что Джордж и Гаррис будут грести до Рэдинга, а оттуда я потащу лодку на бечеве. Тащить тяжелую лодку против сильного течения не так уж весело. Было время, когда я рвался к тяжелой работе, теперь я предпочитаю уступать место молодежи.

Я заметил, что большинство старых гребцов тоже охотно стушевывается, когда предстоит хорошо поработать веслами. Старого лодочника всегда можно узнать по тому, как он лежит на подушке на дне лодки и подбадривает гребцов, рассказывая им, какие он совершал чудеса в прошлом году.

- И это вы называете трудной работой? - тянет он, самодовольно попыхивая трубкой и обращаясь к двум измученным юношам, которые уже полтора часа стойко гребут против течения. - Вот мы с Джеком и Джимом Биффлсом проплыли прошлым летом от Марло до Горинга в Ты помнишь, Джек?

prow of all the rugs and coats he can collect, and who has been lying there asleep for the last two hours, partially wakes up on being thus appealed to, and recollects all about the matter, and also remembers that there was an unusually strong stream against them all the way - likewise a stiff wind.

"About thirty-four miles, I suppose, it must have been," adds the first speaker, reaching down another cushion to put under his head.

"No - no; don't exaggerate, Tom," murmurs Jack, reprovingly; "thirty- three at the outside."

And Jack and Tom, quite exhausted by this conversational effort, drop off to sleep once more. And the two simple-minded youngsters at the sculls feel quite proud of being allowed to row such wonderful oarsmen as Jack and Tom, and strain away harder than ever.

When I was a young man, I used to listen to these tales from my elders, and take them in, and swallow them, and digest every word of them, and then come up for more; but the new generation do not seem to have the simple faith of the old times. We - George, Harris, and myself - took a "raw'un" up with us once last season, and we plied him with the customary stretchers about the wonderful things we had done all the way up.

We gave him all the regular ones - the time-honoured lies that have done duty up the river with every boating-man for years past - and added seven entirely original ones that we had invented for ourselves, including a really quite likely story, founded, to a certain extent, on an all but true episode, which had actually happened in a modified degree some years ago to friends of ours - a story that a mere child could have believed without injuring itself, much.

And that young man mocked at them all, and wanted us to repeat the feats then and there, and to bet us ten to one that we didn't.

We got to chatting about our rowing experiences this morning, and to recounting stories of our first efforts in the art of

Услышав этот вопрос, Джек, который устроил себе на носу постель из всех пальто и пледов, какие мог собрать, и уже два часа спит, наполовину просыпается и вспоминает все подробности знаменательного дня. Он помнит даже, что течение было необычайно сильное и дул резкий встречный ветер.

- Мы прошли примерно тридцать четыре мили, - говорит рассказчик, подкладывая себе под голову еще одну подушку.

- Ну, ну, Том, не преувеличивай, - укоризненно бормочет Джек. - Самое большое - тридцать три.

И Джек с Томом, обессилив от этого напряженного разговора, засыпают снова. А доверчивые юноши на веслах чувствуют себя страшно гордыми, что им позволили везти таких замечательных гребцов, как Джек и Том, и стараются пуще прежнего.

Я сам в молодости слушал эти рассказы старших, впитывал их, глотал, переваривал каждое слово и просил еще. Но новая смена, видимо, не обладает наивной верой былых времен. "Мы трое - Джордж, я и Гаррис - как-то взяли с собой прошлым летом такого "молокососа" и всю дорогу начинали его обычными небылицами о чудесах, которые мы якобы совершили."

Мы угощали его всеми подобающими анекдотами и освященными временем сказками, которые вот уже много лет честно служат гребцам, и прибавили еще семь совершенно оригинальных историй, которые выдумали сами. Одна из них была вполне правдоподобна и основывалась на почти истинном случае, который в слегка измененном виде произошел несколько лет назад с нашими знакомыми. Любой ребенок мог поверить этой истории, не роняя своего достоинства.

А этот юноша только издевался над нами и требовал, чтобы мы тут же на месте повторили свои подвиги, и бился об заклад, что мы не согласимся.

В то утро мы разговорились о случаях из нашей гребной практики и начали вспоминать свои первые опыты в искусстве гребли. Самое раннее,

oarsmanship. My own earliest boating recollection is of five of us contributing threepence each and taking out a curiously constructed craft on the Regent's Park lake, drying ourselves subsequently, in the park-keeper's lodge.

After that, having acquired a taste for the water, I did a good deal of rafting in various suburban brickfields - an exercise providing more interest and excitement than might be imagined, especially when you are in the middle of the pond and the proprietor of the materials of which the raft is constructed suddenly appears on the bank, with a big stick in his hand.

Your first sensation on seeing this gentleman is that, somehow or other, you don't feel equal to company and conversation, and that, if you could do so without appearing rude, you would rather avoid meeting him; and your object is, therefore, to get off on the opposite side of the pond to which he is, and to go home quietly and quickly, pretending not to see him. He, on the contrary is yearning to take you by the hand, and talk to you. It appears that he knows your father, and is intimately acquainted with yourself, but this does not draw you towards him. He says he'll teach you to take his boards and make a raft of them; but, seeing that you know how to do this pretty well already, the offer, though doubtless kindly meant, seems a superfluous one on his part, and you are reluctant to put him to any trouble by accepting it.

His anxiety to meet you, however, is proof against all your coolness, and the energetic manner in which he dodges up and down the pond so as to be on the spot to greet you when you land is really quite flattering.

If he be of a stout and short-winded build, you can easily avoid his advances; but, when he is of the youthful and long-legged type, a meeting is inevitable. The interview is, however, extremely brief, most of the conversation being on his part, your remarks being mostly of an exclamatory and mono-syllabic order, and as soon as you can tear yourself away you do so.

что я помню в связи с лодкой, - это то, как пять мальчишек, и я в том числе, пожертвовали каждый по три пенса и спустили на озеро в Риджент-парке какой-то нелепый плот, после чего нам всем пришлось сушиться в парковой сторожке.

Впоследствии я почувствовал влечение к воде и много плавал на плотках по различным загородным прудам. Это занятие гораздо более интересно и увлекательно, чем кажется с первого взгляда, в особенности когда вы находитесь посредине пруда, а на берегу внезапно появляется с большой палкой в руке владелец материалов, из которых построен плот.

При виде этого джентльмена у вас прежде всего появляется чувство, что вам почему-то не хочется быть в обществе и разговаривать и что, если бы не боязнь показаться невежливым, вы бы охотно уклонились от встречи с ним. Поэтому вы ставите себе целью добраться до противоположного берега и быстро и бесшумно уйти домой, притворяясь, что не видите вашего врага. Но тот, напротив, прямо-таки жаждет взять вас за руку и поговорить с вами. Выясняется, что он близко знаком с вами и знает вашего отца, но это не привлекает вас к нему. Он кричит, что научит вас, как брать его доски и связывать из них плот, но поскольку вы и так умеете это делать, предложение кажется вам излишним, и вам не хочется его принимать - зачем же затруднять человека!

Однако стремление этого джентльмена с вами встретиться несколько не ослабевает от вашего равнодушия; неутомимость, которую он проявляет, бегая по берегу пруда, чтобы своевременно оказаться на месте и приветствовать вас, может прямо-таки польстить каждому.

Если это человек толстый и склонный к одышке, вам сравнительно легко уклониться от его любезности; если же он худощав и длинноног, встреча неизбежна. Свидание, однако, заканчивается быстро, причем разговор ведет главным образом владелец досок. Ваше участие в нем ограничивается односложными восклицаниями, и, как только представляется возможность вырваться из его рук, вы удираете.

I devoted some three months to rafting, and, being then as proficient as there was any need to be at that branch of the art, I determined to go in for rowing proper, and joined one of the Lea boating clubs.

Being out in a boat on the river Lea, especially on Saturday afternoons, soon makes you smart at handling a craft, and spry at escaping being run down by roughs or swamped by barges; and it also affords plenty of opportunity for acquiring the most prompt and graceful method of lying down flat at the bottom of the boat so as to avoid being chucked out into the river by passing tow-lines.

But it does not give you style. It was not till I came to the Thames that I got style. My style of rowing is very much admired now. People say it is so quaint.

George never went near the water until he was sixteen. Then he and eight other gentlemen of about the same age went down in a body to Kew one Saturday, with the idea of hiring a boat there, and pulling to Richmond and back; one of their number, a shock-headed youth, named Joskins, who had once or twice taken out a boat on the Serpentine, told them it was jolly fun, boating!

The tide was running out pretty rapidly when they reached the landing-stage, and there was a stiff breeze blowing across the river, but this did not trouble them at all, and they proceeded to select their boat.

There was an eight-oared racing outrigger drawn up on the stage; that was the one that took their fancy. They said they'd have that one, please. The boatman was away, and only his boy was in charge. The boy tried to damp their ardour for the outrigger, and showed them two or three very comfortable-looking boats of the family-party build, but those would not do at all; the outrigger was the boat they thought they would look best in.

So the boy launched it, and they took off their coats and prepared to take their seats. The boy suggested that George, who, even in those days, was always the heavy man of any party, should

Я посвятил плаванию на плотах примерно три месяца и, приобретя достаточный опыт в этой отрасли искусства, решил заняться собственно греблей, для чего записался в один из клубов реки Ли.

Поездив на лодке по этой реке, особенно в субботу после обеда, вы вскоре приобретаете достаточную ловкость в обращении с веслами и увертливость при столкновениях с баржами и баркасами. Это представляет также достаточные возможности научиться изящно растягиваться на дне лодки, чтобы не быть выкинутыми в реку чьей-нибудь бечевой.

Но стиля гребли здесь не выработать. Стил я приобрел лишь на Темзе. Мой стиль гребли вызывает теперь общее восхищение. Все находят его очень своеобразным.

Джордж не подходил к воде, пока ему не исполнилось шестнадцать лет. После этого он и еще восемь джентльменов примерно того же возраста всей компанией отправились однажды в субботу в Кью, намереваясь нанять там лодку и проплыть до Ричмонда и обратно. Один из них, лохматый юнец по фамилии Джоскинс, который раз или два плавал на лодке по Серпентайну [цепь прудов в Гайд-парке в Лондоне], уверял их, что это очень весело.

Когда они пришли на пристань, был час отлива и течение было довольно быстрое. С реки дул резкий ветер. Но это ничуть их не смутило, и они начали выбирать лодку.

На пристани сушилась гоночная восьмерка. Она понравилась им. "Вот эту, пожалуйста", - сказали они. "Лодочника на пристани не было, его заменял его маленький сын. Мальчик попробовал охладить их влечение к восьмерке и показал им две или три другие лодки уютного семейного типа, но они не подошли нашим юношам. Подавай им восьмерку - в ней они будут выглядеть лучше всего.

Мальчик спустил ее на воду, молодые люди скинули куртки и начали рассаживаться. Мальчик выразил мнение, что Джорджу, который уже и в то время был в любой компании тяжелее всех,

be number four. George said he should be happy to be number four, and promptly stepped into bow's place, and sat down with his back to the stern. They got him into his proper position at last, and then the others followed.

A particularly nervous boy was appointed cox, and the steering principle explained to him by Joskins. Joskins himself took stroke. He told the others that it was simple enough; all they had to do was to follow him.

They said they were ready, and the boy on the landing stage took a boat-hook and shoved him off.

What then followed George is unable to describe in detail. He has a confused recollection of having, immediately on starting, received a violent blow in the small of the back from the butt-end of number five's scull, at the same time that his own seat seemed to disappear from under him by magic, and leave him sitting on the boards. He also noticed, as a curious circumstance, that number two was at the same instant lying on his back at the bottom of the boat, with his legs in the air, apparently in a fit.

They passed under Kew Bridge, broadside, at the rate of eight miles an hour. Joskins being the only one who was rowing. George, on recovering his seat, tried to help him, but, on dipping his oar into the water, it immediately, to his intense surprise, disappeared under the boat, and nearly took him with it.

And then "cox" threw both rudder lines overboard, and burst into tears.

How they got back George never knew, but it took them just forty minutes. A dense crowd watched the entertainment from Kew Bridge with much interest, and everybody shouted out to them different directions. Three times they managed to get the boat back through the arch, and three times they were carried under it again, and every time "cox" looked up and saw the bridge above him he broke out into renewed sobs.

George said he little thought that afternoon that he should ever come to really like boating.

лучше всего сесть четвертым. Джордж сказал, что он рад быть четвертым, и, быстро подойдя к месту носового, занял его, сев спиной к корме. В конце концов его усадили как следует, и остальные тоже заняли свои места.

Рулевым назначили одного молодого человека с необычайно слабыми нервами. Джоскинс изложил ему основы управления рулем, а сам сел за гробным. Он объяснил всем, что это очень просто: пусть делают то же, что и он.

Все заявили, что они готовы, и мальчик на пристани взял багор и оттолкнул их от берега.

Что было дальше - этого Джордж рассказать не может. Он смутно помнит, что сейчас же после старта получил сильный удар в поясницу рукояткой весла номера пятого и почувствовал, что скамья, словно по волшебству, ускользает из-под него и он сидит на дне. Тут же он с интересом отметил, что номер второй в эту минуту лежал на спине, задрав ноги вверх, очевидно в обмороке.

Они прошли под мостом Кью бортом вперед со скоростью восьми миль в час, причем Джоскинс был единственным, кто работал веслом. Джордж, усевшись снова на свое место, попробовал было ему помочь, но, когда он опустил весло в воду, это весло, к его величайшему удивлению, исчезло под лодкой и едва не увлекло его за собой.

Потом рулевой бросил обе веревки за борт и залился слезами.

Как они вернулись назад, Джордж не помнит, но на это потребовалось ровно сорок минут. Густая толпа с большим интересом наблюдала с моста это зрелище; каждый давал свои указания. Трижды нашим юношам удавалось выйти из-под пролета, и трижды их снова увлекало под пролет. Всякий раз, как рулевой взглядывал вверх и видел над собой мост, он снова разражался рыданиями.

Джордж говорил, что не думал в ту минуту, что когда-нибудь полюбит катанье на лодке.

Гаррис - тот больше привык грести на море, чем

Harris is more accustomed to sea rowing than to river work, and says that, as an exercise, he prefers it. I don't. I remember taking a small boat out at Eastbourne last summer: I used to do a good deal of sea rowing years ago, and I thought I should be all right; but I found I had forgotten the art entirely. When one scull was deep down underneath the water, the other would be flourishing wildly about in the air. To get a grip of the water with both at the same time I had to stand up. The parade was crowded with nobility and gentry, and I had to pull past them in this ridiculous fashion. I landed half-way down the beach, and secured the services of an old boatman to take me back.

I like to watch an old boatman rowing, especially one who has been hired by the hour. There is something so beautifully calm and restful about his method. It is so free from that fretful haste, that vehement striving, that is every day becoming more and more the bane of nineteenth-century life. He is not for ever straining himself to pass all the other boats. If another boat overtakes him and passes him it does not annoy him; as a matter of fact, they all do overtake him and pass him - all those that are going his way. This would trouble and irritate some people; the sublime equanimity of the hired boatman under the ordeal affords us a beautiful lesson against ambition and uppishness.

Plain practical rowing of the get-the-boat-along order is not a very difficult art to acquire, but it takes a good deal of practice before a man feels comfortable, when rowing past girls. It is the "time" that worries a youngster. "It's jolly funny," he says, as for the twentieth time within five minutes he disentangles his sculls from yours; "I can get on all right when I'm by myself!"

To see two novices try to keep time with one another is very amusing. Bow finds it impossible to keep pace with stroke, because stroke rows in such an extraordinary fashion. Stroke is intensely indignant at this, and explains that what he has been endeavouring to do for the last ten minutes is to adapt his method to bow's limited capacity. Bow, in turn, then becomes insulted, and requests stroke not to trouble his head about him (bow), but to devote his mind to

на реке. Он говорит, что как гимнастика это нравится ему больше. Я с ним не согласен. Помню, прошлым летом, я нанял в Истборне маленькую лодочку. Много лет назад мне приходилось ходить на веслах по морю, и я думал, что все будет хорошо. Оказалось, однако, что я совершенно разучился грести. Когда одно весло погружалось глубоко в воду, другое нелепо било по воздуху. Чтоб зачерпнуть воду обоими сразу, мне приходилось вставать на ноги. На набережной было полно всякой знати, и мне пришлось плыть мимо них в этом смешном положении. На полдороге я пристал к берегу и, чтобы вернуться назад, прибег к услугам старого лодочника.

Я люблю смотреть, как гребут старые лодочники, особенно когда их нанимают по часам. В их гребле есть что-то такое спокойное, неторопливое. Она совершенно лишена той суетливой спешки, волнения и напряженности, которая все больше и больше заражает новое поколение. Опытный лодочник ничуть не старается кого-нибудь обогнать. Если его самого обгоняет чья-нибудь лодка, это не раздражает его. Собственно говоря, его обгоняют все лодки - все те, что идут в его сторону. Некоторых это бы могло раздосадовать. Величественное спокойствие, которое проявляет при этом наемный лодочник, может послужить прекрасным уроком для людей честолюбивых и чванных.

Простая, обычная гребля, с единственной целью двигать лодку вперед, - не особенно трудное искусство, но требуется большая практика, чтобы чувствовать себя непринужденно, когда гребешь и на тебя смотрят девушки. "Неопытного юнца больше всего смущает "такт"." "Просто смешно, - говорит он, стараясь в двадцатый раз за последние пять минут отцепить свои весла от ваших, - когда я один, я отлично управляюсь".

Очень забавно смотреть, как два новичка стараются грести в такт. Носовой никак не может не разойтись с кормовым, потому что кормовой, мол, гребет как-то странно. Кормовой ужасно возмущен этим и объясняет, что он вот уже десять минут пытается приспособить свой метод гребли к ограниченным способностям носового. Тогда носовой в свою очередь обижается и просит кормового не беспокоиться о кем, но посвятить

setting a sensible stroke.

"Or, shall I take stroke?" he adds, with the evident idea that that would at once put the whole matter right.

They splash along for another hundred yards with still moderate success, and then the whole secret of their trouble bursts upon stroke like a flash of inspiration.

"I tell you what it is: you've got my sculls," he cries, turning to bow; "pass yours over."

"Well, do you know, I've been wondering how it was I couldn't get on with these," answers bow, quite brightening up, and most willingly assisting in the exchange. "NOW we shall be all right."

But they are not - not even then. Stroke has to stretch his arms nearly out of their sockets to reach his sculls now; while bow's pair, at each recovery, hit him a violent blow in the chest. So they change back again, and come to the conclusion that the man has given them the wrong set altogether; and over their mutual abuse of this man they become quite friendly and sympathetic.

George said he had often longed to take to punting for a change. Punting is not as easy as it looks. As in rowing, you soon learn how to get along and handle the craft, but it takes long practice before you can do this with dignity and without getting the water all up your sleeve.

One young man I knew had a very sad accident happen to him the first time he went punting. He had been getting on so well that he had grown quite cheeky over the business, and was walking up and down the punt, working his pole with a careless grace that was quite fascinating to watch. Up he would march to the head of the punt, plant his pole, and then run along right to the other end, just like an old punter. Oh! it was grand.

And it would all have gone on being grand if he had not unfortunately, while looking round to enjoy the scenery, taken just one step more than there was any necessity for, and walked off the punt altogether. The pole was firmly fixed in the

все внимание разумной гребле на корме.

- А может быть, мне сесть на твое место? - говорит он, явно намекая, что это сразу исправило бы дело.

Они шлепают веслами еще сотню ярдов с весьма умеренным успехом; потом кормового вдруг осеняет, и тайна их неудачи становится ему ясна.

- Вот в чем дело: у тебя мои весла, - кричит он носовому. - Передай-ка их мне.

- То-то я удивлялся, что у меня ничего не выходит, - говорит носовой, сразу повеселев и с охотой соглашаясь на обмен. - Теперь дело пойдет на лад.

Но дело не идет на лад даже теперь. Кормовому, чтобы достать свои весла, приходится вытягивать руки во всю длину, а носовой при каждом взмахе больно ударяет себя веслами в грудь. Они снова меняются, приходят к выводу, что лодочник дал им не тот набор весел, и, наперебой ругая его, проникаются друг к другу самыми теплыми чувствами.

Джордж говорит, что ему давно хочется для разнообразия поплавать на плоскодонке с шестом. Плавать на плоскодонке не так легко, как кажется. Как и при гребле, вы быстро обучаетесь двигаться вперед и управляться с лодкой, но требуется большой опыт, чтобы делать это с достоинством, не заливая всего себя водой.

С одним моим знакомым юношей, когда он впервые плыл на плоскодонке, произошел очень печальный случай. Дело шло у него так хорошо, что он стал совсем нахалом и гулял по лодке, действуя шестом с таким небрежным изяществом, что прямо приятно было смотреть. Он подходил к носу лодки, втыкал свой шест и отбегал на другой конец, словно заправский моряк. Это было великолепно!

Так же великолепно все бы и кончилось, если бы этот юноша, любуясь пейзажем, не отбежал ровно на один шаг дальше, чем нужно, и не сошел с лодки совсем. Шест глубоко вонзился в тину, и юноша остался висеть на нем, а лодку понесло по

mud, and he was left clinging to it while the punt drifted away. It was an undignified position for him. A rude boy on the bank immediately yelled out to a lagging chum to "hurry up and see real monkey on a stick."

I could not go to his assistance, because, as ill-luck would have it, we had not taken the proper precaution to bring out a spare pole with us. I could only sit and look at him. His expression as the pole slowly sank with him I shall never forget; there was so much thought in it.

I watched him gently let down into the water, and saw him scramble out, sad and wet. I could not help laughing, he looked such a ridiculous figure. I continued to chuckle to myself about it for some time, and then it was suddenly forced in upon me that really I had got very little to laugh at when I came to think of it. Here was I, alone in a punt, without a pole, drifting helplessly down mid-stream - possibly towards a weir.

I began to feel very indignant with my friend for having stepped overboard and gone off in that way. He might, at all events, have left me the pole.

I drifted on for about a quarter of a mile, and then I came in sight of a fishing-punt moored in mid-stream, in which sat two old fishermen. They saw me bearing down upon them, and they called out to me to keep out of their way.

"I can't," I shouted back.

"But you don't try," they answered.

I explained the matter to them when I got nearer, and they caught me and lent me a pole. The weir was just fifty yards below. I am glad they happened to be there.

The first time I went punting was in company with three other fellows; they were going to show me how to do it. We could not all start together, so I said I would go down first and get out the punt, and then I could potter about and practice a bit until they came.

I could not get a punt out that afternoon, they were all engaged; so I had nothing else to do

течению. "Его поза была явно лишена достоинства, и какой-то дерзкий мальчишка на берегу сейчас же крикнул своему отставшему товарищу: "Эй, беги посмотри - вон живая обезьяна на палке"."

Я не мог помочь моему товарищу, потому что мы, как назло, не позаботились взять с собой запасный шест. Я мог только сидеть и смотреть на него. Никогда не забуду, какое у него было лицо, пока шест медленно клонился набок. Оно было полно задумчивости.

Я наблюдал, как он тихо опустился в воду, видел, как он вылез на берег, грустный и вымокший. Он был так смешон, что я не мог не расхохотаться. Еще долго я посмеивался про себя, и вдруг меня осенила мысль, что мне в сущности должно быть не до смеху. Я ведь сижу один на плоскодонке, без шеста, и беспомощно несусь по течению, вероятнее всего к плотине.

Я очень рассердился на моего приятеля за то, что он шагнул за борт и так подвел меня. Он мог бы по крайней мере оставить мне шест.

Меня несло с четверть мили, а потом я заметил другую плоскодонку, стоящую на якоре посреди реки, и в ней двух старых рыбаков. Они увидели, что я мчусь прямо на них, и крикнули, чтобы я свернул в сторону.

- Не могу! - закричал я в ответ.

- Да вы и не пробуете! - крикнули они.

Подплыв ближе, я объяснил им, в чем дело, и они поймали меня и дали мне шест. Плотина была от меня в пятидесяти ярдах. Я рад, что эти рыбаки оказались тут.

Первый раз я собирался выехать на плоскодонке с тремя другими молодыми людьми. Они должны были мне показать, как с ней управляться. Мы почему-то не могли выйти вместе, и я сказал, что пойду вперед и спущу лодку на воду, а потом поболтаюсь немного на реке и поупражняюсь, пока они придут.

Мне не удалось получить плоскодонку - все были заняты. Поэтому мне ничего не оставалось, как

but to sit down on the bank, watching the river, and waiting for my friends.

I had not been sitting there long before my attention became attracted to a man in a punt who, I noticed with some surprise, wore a jacket and cap exactly like mine. He was evidently a novice at punting, and his performance was most interesting. You never knew what was going to happen when he put the pole in; he evidently did not know himself. Sometimes he shot up stream and sometimes he shot down stream, and at other times he simply spun round and came up the other side of the pole. And with every result he seemed equally surprised and annoyed.

The people about the river began to get quite absorbed in him after a while, and to make bets with one another as to what would be the outcome of his next push.

In the course of time my friends arrived on the opposite bank, and they stopped and watched him too. His back was towards them, and they only saw his jacket and cap. From this they immediately jumped to the conclusion that it was I, their beloved companion, who was making an exhibition of himself, and their delight knew no bounds. They commenced to chaff him unmercifully.

I did not grasp their mistake at first, and I thought, "How rude of them to go on like that, with a perfect stranger, too!" But before I could call out and reprove them, the explanation of the matter occurred to me, and I withdrew behind a tree.

Oh, how they enjoyed themselves, ridiculing that young man! For five good minutes they stood there, shouting ribaldry at him, deriding him, mocking him, jeering at him. They peppered him with stale jokes, they even made a few new ones and threw at him. They hurled at him all the private family jokes belonging to our set, and which must have been perfectly unintelligible to him. And then, unable to stand their brutal jibes any longer, he turned round on them, and they saw his face!

I was glad to notice that they had sufficient

сидеть на берегу и смотреть на реку, поджидая моих товарищей.

Вскоре мое внимание привлек один молодой человек на плоскодонке, у которого, как я с удивлением заметил, была такая же куртка и кепи, как у меня. Это, видимо, был новичок, и смотреть на него было очень интересно. Никак нельзя было угадать, что случится, когда он опустит шест; видимо, он и сам не знал этого. Иногда его бросало вверх по течению, иногда сносило вниз, а чаще всего он просто крутился волчком на одном месте, объезжая кругом шеста. При любом исходе дела он казался одинаково удивленным и огорченным.

Люди на берегу очень увлеклись этим зрелищем и держали пари, чем кончится каждый следующий толчок.

Между тем мои приятели пришли на другой берег и тоже стали наблюдать за этим юношей. Он стоял к ним спиной, и они видели только его куртку и кепи. Разумеется, они сейчас же решили, что это я, их возлюбленный друг, изображаю тут идиота, и радость их не имела границ. Они принялись немилосердно издеваться над бедным юношей.

Я не сразу догадался об их ошибке и подумал: "До чего невежливо с их стороны так насмеяться, да еще над незнакомым". Но, прежде чем я успел их остановить, мне все стало ясно, и я спрятался за деревом.

С каким наслаждением эти балбесы высмеивали несчастного! Добрых пять минут они стояли на берегу и кричали ему всякий вздор, издеваясь, насмехаясь и глумясь над ним. Они бомбардировали его старыми остротами, они даже придумали несколько новых, которые тоже выпали ему на долю. Они осыпали его разными семейными шутками, употреблявшимися в нашем кругу и совершенно непонятными для постороннего. Наконец, не в силах больше выносить их зубоскальство, юноша обернулся, и они увидели его лицо.

Мне приятно было отметить, что у моих приятелей хватило стыда, чтобы почувствовать

decency left in them to look very foolish. They explained to him that they had thought he was some one they knew. They said they hoped he would not deem them capable of so insulting any one except a personal friend of their own.

Of course their having mistaken him for a friend excused it. I remember Harris telling me once of a bathing experience he had at Boulogne. He was swimming about there near the beach, when he felt himself suddenly seized by the neck from behind, and forcibly plunged under water. He struggled violently, but whoever had got hold of him seemed to be a perfect Hercules in strength, and all his efforts to escape were unavailing. He had given up kicking, and was trying to turn his thoughts upon solemn things, when his captor released him.

He regained his feet, and looked round for his would-be murderer. The assassin was standing close by him, laughing heartily, but the moment he caught sight of Harris's face, as it emerged from the water, he started back and seemed quite concerned.

"I really beg your pardon," he stammered confusedly, "but I took you for a friend of mine!"

Harris thought it was lucky for him the man had not mistaken him for a relation, or he would probably have been drowned outright.

Sailing is a thing that wants knowledge and practice too - though, as a boy, I did not think so. I had an idea it came natural to a body, like rounders and touch. I knew another boy who held this view likewise, and so, one windy day, we thought we would try the sport. We were stopping down at Yarmouth, and we decided we would go for a trip up the Yare. We hired a sailing boat at the yard by the bridge, and started off. "It's rather a rough day," said the man to us, as we put off: "better take in a reef and luff sharp when you get round the bend."

We said we would make a point of it, and left him with a cheery "Good- morning," wondering to ourselves how you "luffed," and where we were to get a "reef" from, and what we were to do with it when we had got it.

себя круглыми дураками. Они объяснили юноше, что приняли его за своего приятеля, и выразили надежду, что он не считает их способными оскорблять так кого-нибудь, кроме друзей и знакомых.

Разумеется, то, что они сочли этого юношу за знакомого, служит им некоторым оправданием. Помню, Гаррис как-то рассказал мне один случай, который произошел с ним в Булони во время купанья. Он плавал недалеко от берега и вдруг почувствовал, что кто-то схватил его сзади за шею и потянул под воду. Гаррис яростно отбивался, но нападающий, видимо, был настоящий Геркулес, и все усилия Гарриса оказались тщетными. Наконец он перестал брыкаться и попробовал настроиться на торжественный лад, но тут его противник неожиданно выпустил его.

Гаррис стал на ноги и оглянулся, ища своего возможного убийцу. Тот стоял рядом и весело хохотал. Но, увидев над водой лицо Гарриса, он отшатнулся, и вид у него был крайне смущенный.

- Извините, пожалуйста, - сконфуженно пробормотал он. - Я принял вас за своего приятеля.

Гаррис подумал, что ему еще повезло: если б его сочли за родственника, ему наверняка пришлось бы утонуть.

Чтобы ходить под парусом, тоже требуется умение и опыт, хотя в детстве я думал иначе. Мне казалось, что этому учишься походя, как игре в мяч или в пятнашки. У меня был приятель, который придерживался тех же взглядов, и в один ветреный день мы вздумали испытать свои силы. Мы жили тогда в Ярмуте и решили прокатиться по реке Яр. Мы наняли парусную лодку на лодочной станции, возле моста, и пустились в путь. - Сегодня довольно ненастная погода, - сказал лодочник, когда мы отчаливали. - Как зайдете за поворот, возьмите риф да лавируйте получше.

Мы ответили, что непременно так и сделаем, и уехали, весело крикнув лодочнику: "До свидания!" - и спрашивая себя, как это "лавируют", и откуда нам взять риф, и что мы будем с ним делать, когда его достанем."

We rowed until we were out of sight of the town, and then, with a wide stretch of water in front of us, and the wind blowing a perfect hurricane across it, we felt that the time had come to commence operations.

Hector - I think that was his name - went on pulling while I unrolled the sail. It seemed a complicated job, but I accomplished it at length, and then came the question, which was the top end?

By a sort of natural instinct, we, of course, eventually decided that the bottom was the top, and set to work to fix it upside-down. But it was a long time before we could get it up, either that way or any other way. The impression on the mind of the sail seemed to be that we were playing at funerals, and that I was the corpse and itself was the winding-sheet.

When it found that this was not the idea, it hit me over the head with the boom, and refused to do anything.

"Wet it," said Hector; "drop it over and get it wet."

He said people in ships always wetted the sails before they put them up. So I wetted it; but that only made matters worse than they were before. A dry sail clinging to your legs and wrapping itself round your head is not pleasant, but, when the sail is sopping wet, it becomes quite vexing.

We did get the thing up at last, the two of us together. We fixed it, not exactly upside down - more sideways like - and we tied it up to the mast with the painter, which we cut off for the purpose.

That the boat did not upset I simply state as a fact. Why it did not upset I am unable to offer any reason. I have often thought about the matter since, but I have never succeeded in arriving at any satisfactory explanation of the phenomenon.

Possibly the result may have been brought about by the natural obstinacy of all things in this world. The boat may possibly have come to the conclusion, judging from a cursory view of our behaviour, that we had come out for a morning's suicide, and had thereupon

Мы гребли до тех пор, пока город не скрылся из виду. Когда перед нами открылась широкая полоса воды, над которой ураганом носился ветер, мы решили, что пора приступать к действиям.

Гектор, - так, кажется, звали моего товарища, - продолжал грести, и я начал разворачивать парус. Это оказалось нелегким делом, но в конце концов я справился с ним, и тут возник вопрос, который конец паруса верхний.

Следуя врожденному инстинкту, мы, разумеется, решили, что верх - это низ, и принялись ставить парус вверх ногами. Но нам потребовалось много времени, чтобы вообще как-нибудь прикрепить его. Парус, видимо, решил, что мы играем в похороны и что я покойник, а сам он изображает саван.

Обнаружив свою ошибку, он ударил меня по голове и решил вообще ничего не делать.

- Намочи его, - сказал Гектор. - Брось его за борт, пусть намокнет.

Он сказал, что матросы на кораблях всегда мочат паруса, прежде чем их ставить. Я намочил парус, но от этого дело только ухудшилось. Если вокруг вас обвивается и бьет вас по ногам сухой парус, это достаточно неприятно, но когда парус мокрый, - становится уже совсем обидно.

Наконец нам удалось общими усилиями поставить парус не совсем вверх ногами, а скорее боком, и мы привязали его к мачте фалинем, который отрезали для этой цели.

Лодка не опрокинулась - я просто устанавливаю этот факт. Почему она не опрокинулась, этому я не могу предложить никакого объяснения. Впоследствии я часто думал об этом, но мне так и не удалось удовлетворительно объяснить это обстоятельство.

Возможно, что такой результат есть следствие естественного упрямства всего существующего. Наблюдая наше поведение, лодка, возможно, пришла к выводу, что мы в это утро выехали на реку с целью самоубийства, и решила нам

determined to disappoint us. That is the only suggestion I can offer.

By clinging like grim death to the gunwale, we just managed to keep inside the boat, but it was exhausting work. Hector said that pirates and other seafaring people generally lashed the rudder to something or other, and hauled in the main top-jib, during severe squalls, and thought we ought to try to do something of the kind; but I was for letting her have her head to the wind.

As my advice was by far the easiest to follow, we ended by adopting it, and contrived to embrace the gunwale and give her her head.

The boat travelled up stream for about a mile at a pace I have never sailed at since, and don't want to again. Then, at a bend, she heeled over till half her sail was under water. Then she righted herself by a miracle and flew for a long low bank of soft mud.

That mud-bank saved us. The boat ploughed its way into the middle of it and then stuck. Finding that we were once more able to move according to our ideas, instead of being pitched and thrown about like peas in a bladder, we crept forward, and cut down the sail.

We had had enough sailing. We did not want to overdo the thing and get a surfeit of it. We had had a sail - a good all-round exciting, interesting sail - and now we thought we would have a row, just for a change like.

We took the sculls and tried to push the boat off the mud, and, in doing so, we broke one of the sculls. After that we proceeded with great caution, but they were a wretched old pair, and the second one cracked almost easier than the first, and left us helpless.

The mud stretched out for about a hundred yards in front of us, and behind us was the water. The only thing to be done was to sit and wait until someone came by.

It was not the sort of day to attract people out on the river, and it was three hours before a soul came in sight. It was an old fisherman who,

помешать. Это единственное объяснение, которое я могу придумать.

Уцепившись обеими руками за планшир, мы ухитрились не вылетать из лодки, но это была тяжелая работа. Гектор сказал, что пираты и другие люди, привыкшие ходить по морю, в сильную бурю привязывают к чему-то руль и спускают кливер, и предложил попробовать сделать что-нибудь в этом роде. Но я стоял за то, чтобы предоставить лодке идти по ветру.

Последовать моему совету было легче всего, и мы в конце концов так и сделали.

Лодка неслась по реке примерно милю с такой скоростью, с какой мне с тех пор ни разу не довелось ходить, да, по правде сказать, и не хотелось бы. Потом, на повороте, она так накренилась, что парус наполовину ушел в воду. Потом каким-то чудом выпрямилась и понеслась прямо на длинную плоскую отмель.

Эта отмель спасла нас. Лодка врезалась в нее до половины и остановилась. Почувствовав, что нас не бросает больше из стороны в сторону, словно горошины в мешке, и что мы можем двигаться по своему произволу, мы подползли к парусу и срезали его.

Мы уже довольно поплавали под парусом. Нам не хотелось злоупотреблять этим развлечением и пресытиться им. Мы совершили хорошую, волнующую, интересную поездку под парусом и теперь решили разнообразия ради немного погрести.

Мы взяли весла и попробовали столкнуть лодку с отмели. При этом мы сломали одно весло. Мы повторили свою попытку, на этот раз с большей осторожностью, но оба весла явно никуда не годились, и второе разлетелось еще скорее, чем первое, оставив нас безоружными.

Перед нами тянулась отмель примерно ярдов на сто, а сзади нас была вода. Единственное, что нам оставалось делать, - это сидеть и ждать, пока кто-нибудь не проедет мимо.

Погода была не такая, чтобы привлечь людей на реку, и прошло три часа, прежде чем в поле зрения появилось первое человеческое существо. Это был старый рыбак; ему с невероятным трудом

with immense difficulty, at last rescued us, and we were towed back in an ignominious fashion to the boat-yard.

What between tipping the man who had brought us home, and paying for the broken sculls, and for having been out four hours and a half, it cost us a pretty considerable number of weeks' pocket-money, that sail. But we learned experience, and they say that is always cheap at any price.

CHAPTER XVI

READING. - WE ARE TOWED BY STEAM LAUNCH. - IRRITATING BEHAVIOUR OF SMALL BOATS. - HOW THEY GET IN THE WAY OF STEAM LAUNCHES. - GEORGE AND HARRIS AGAIN SHIRK THEIR WORK. - RATHER A HACKNEYED STORY. - STREATLEY AND GORING.

WE came in sight of Reading about eleven. The river is dirty and dismal here. One does not linger in the neighbourhood of Reading. The town itself is a famous old place, dating from the dim days of King Ethelred, when the Danes anchored their warships in the Kennet, and started from Reading to ravage all the land of Wessex; and here Ethelred and his brother Alfred fought and defeated them, Ethelred doing the praying and Alfred the fighting.

In later years, Reading seems to have been regarded as a handy place to run down to, when matters were becoming unpleasant in London. Parliament generally rushed off to Reading whenever there was a plague on at Westminster; and, in 1625, the Law followed suit, and all the courts were held at Reading. It must have been worth while having a mere ordinary plague now and then in London to get rid of both the lawyers and the Parliament.

During the Parliamentary struggle, Reading was besieged by the Earl of Essex, and, a quarter of a century later, the Prince of Orange routed King James's troops there.

Henry I. lies buried at Reading, in the

удалось, наконец, нас выручить, и мы были самым позорным образом доставлены на буксире к пристани.

Вознаграждение человеку, который нас выручил, расплата за сломанные весла и пользование лодкой в течение четырех с половиной часов - все это поглотило изрядное количество наших карманных денег на много недель вперед. Но мы приобрели опыт, а за это, как говорят, ничего не жалко отдать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рэдинг. Нас ведет на буксире паровой баркас. Нахальное поведение маленьких лодок. Как они мешают паровым баркасам. Джордж и Гаррис снова уклоняются от работы. Одна банальная история. Стритли и Горинг.

Мы подъехали к Рэдингу часов около одиннадцати. Река в этом месте грязная и унылая. В окрестностях Рэдинга не хочется задерживаться надолго. Рэдинг - старинный, знаменитый городок, основанный в далекие дни короля Этельреда, когда датчане поставили свои военные корабли в бухте Кеннет и, основавшись в Рэдинге, совершали набеги на Эссекс. Тут Этельред со своим братом Альфредом дали датчанам бой и разбили их, причем Этельред главным образом молился, а Альфред сражался.

В более поздние годы на Рэдинг, по-видимому, смотрели как на приятное местечко, куда можно было бежать, когда в Лондоне становилось скверно. Парламент обычно переезжал в Рэдинг всякий раз, как в Вестминстере объявлялась чума. В 1625 году юстиция последовала его примеру, и все заседания суда происходили в Рэдинге. На мой взгляд, лондонцам стоило претерпеть какую-нибудь пустяковую чуму, чтобы разом избавиться и от юристов и от парламента.

Во время борьбы парламента с королем Рэдинг был осажден графом Эссексом, а четверть века спустя принц Оранский разбил под Рэдингом войска короля Иакова.

Генрих Первый похоронен в Рэдинге, в

Benedictine abbey founded by him there, the ruins of which may still be seen; and, in this same abbey, great John of Gaunt was married to the Lady Blanche.

At Reading lock we came up with a steam launch, belonging to some friends of mine, and they towed us up to within about a mile of Streatley. It is very delightful being towed up by a launch. I prefer it myself to rowing. The run would have been more delightful still, if it had not been for a lot of wretched small boats that were continually getting in the way of our launch, and, to avoid running down which, we had to be continually easing and stopping. It is really most annoying, the manner in which these rowing boats get in the way of one's launch up the river; something ought to be done to stop it.

And they are so confoundedly impertinent, too, over it. You can whistle till you nearly burst your boiler before they will trouble themselves to hurry. I would have one or two of them run down now and then, if I had my way, just to teach them all a lesson.

The river becomes very lovely from a little above Reading. The railway rather spoils it near Tilehurst, but from Mapledurham up to Streatley it is glorious. A little above Mapledurham lock you pass Hardwick House, where Charles I. played bowls. The neighbourhood of Pangbourne, where the quaint little Swan Inn stands, must be as familiar to the HABITUÉS of the Art Exhibitions as it is to its own inhabitants.

My friends' launch cast us loose just below the grotto, and then Harris wanted to make out that it was my turn to pull. This seemed to me most unreasonable. It had been arranged in the morning that I should bring the boat up to three miles above Reading. Well, here we were, ten miles above Reading! Surely it was now their turn again.

I could not get either George or Harris to see the matter in its proper light, however; so, to save argument, I took the sculls. I had not been pulling for more than a minute or so, when George noticed something black floating on the water, and we drew up to it. George leant over, as we neared it, and laid hold of it. And then he

Бенедиктинском аббатстве, которое он сам основал и развалины которого сохранились до наших дней. В этом же самом аббатстве славный Джон Гонт был обвенчан с леди Бланш.

У Рэдингского шлюза мы поровнялись с паровым баркасом, принадлежащим одним моим знакомым, и нас подвезли на буксире почти до самого Стритли. Это очень приятно - идти на буксире за баркасом. Лично мне это нравится гораздо больше, чем гребля. Поездка была бы еще приятнее, если бы не множество маленьких лодчонок, которые все время сновали вокруг нашего баркаса. Чтобы не утопить их, нам то и дело приходилось замедлять ход и останавливаться. У этих весельных лодок пренеприятная привычка путаться на реке перед паровыми баркасами. Против них необходимо принять какие-то меры.

И они к тому же еще такие нахальные, эти лодки. Чтобы они сообразовали поторопиться, приходится так свистеть, что котел чуть не лопается. Будь на то моя воля, я бы время от времени топил парочку лодок, чтобы хорошенько их проучить.

Выше Рэдинга река становится очень приятной. У Тайлхерста ее несколько портит железная дорога, но от Мэплдерхэма до Стритли вид прямо великолепный. Несколько выше шлюза стоит Хардвик-Хаус, где Карл Первый играл в шары. "Окрестности Пэнгборна, где находится прелестная гостиница "Лебедь", вероятно столь же хорошо знакомы завсегдатаям картинных выставок, как и обитателям этой местности."

Мы отцепились от баркаса моих знакомых, немного не доезжая грота, и Гаррис принялся доказывать, что теперь моя очередь грести. Это показалось мне совершенно необоснованным. Утром мы условились, что я проведу лодку на три мили выше Рэдинга. Но ведь теперь мы были выше Рэдинга на десять миль! Конечно, грести надо было опять Гаррису и Джорджу.

Однако я не мог склонить ни того, ни другого к своей точке зрения и, чтобы не спорить напрасно, взялся за весла. Не успел я проработать и минуту, как мы увидели на реке какой-то черный предмет и приблизились к нему. Джордж наклонился и схватил этот предмет, но тотчас же с криком

drew back with a cry, and a blanched face.

It was the dead body of a woman. It lay very lightly on the water, and the face was sweet and calm. It was not a beautiful face; it was too prematurely aged-looking, too thin and drawn, to be that; but it was a gentle, lovable face, in spite of its stamp of pinch and poverty, and upon it was that look of restful peace that comes to the faces of the sick sometimes when at last the pain has left them.

Fortunately for us - we having no desire to be kept hanging about coroners' courts - some men on the bank had seen the body too, and now took charge of it from us.

We found out the woman's story afterwards. Of course it was the old, old vulgar tragedy. She had loved and been deceived - or had deceived herself. Anyhow, she had sinned - some of us do now and then - and her family and friends, naturally shocked and indignant, had closed their doors against her.

Left to fight the world alone, with the millstone of her shame around her neck, she had sunk ever lower and lower. For a while she had kept both herself and the child on the twelve shillings a week that twelve hours' drudgery a day procured her, paying six shillings out of it for the child, and keeping her own body and soul together on the remainder.

Six shillings a week does not keep body and soul together very unitedly. They want to get away from each other when there is only such a very slight bond as that between them; and one day, I suppose, the pain and the dull monotony of it all had stood before her eyes plainer than usual, and the mocking spectre had frightened her. She had made one last appeal to friends, but, against the chill wall of their respectability, the voice of the erring outcast fell unheeded; and then she had gone to see her child - had held it in her arms and kissed it, in a weary, dull sort of way, and without betraying any particular emotion of any kind, and had left it, after putting into its hand a penny box of chocolate she had bought it, and afterwards, with her last few shillings, had taken a ticket and come down to Goring.

отшатнулся, бледный как полотно.

Это было тело мертвой женщины. Оно легко плыло по воде, и лицо утопленницы было кротко и спокойно. Его нельзя было назвать красивым, это лицо. Оно преждевременно состарилось, высохло и исхудало. Но это было милое и приятное лицо, несмотря на следы нужды и бедности, и на нем лежал отпечаток безмятежного спокойствия, которое мы часто видим на лице больных, когда их страдания, наконец, прекращаются.

На наше счастье, - нам вовсе не хотелось таскаться по судам и следователям, - какие-то люди на берегу тоже заметили утопленницу и взяли на себя заботу о ней.

Впоследствии мы узнали историю этой женщины. Разумеется, это была обыкновенная, пошлая трагедия. Она любила и была обманута или сама обманулась. Так или иначе, она согрешила - это со многими из нас случается, - и ее знакомые и родные, охваченные справедливым негодованием, захлопнули перед ней двери своих домов.

Вынужденная бороться с судьбой одна, неся на шее ярмо своего позора, она опускалась все ниже и ниже. Сначала ей удавалось содержать себя и ребенка на двенадцать шиллингов в неделю, которые она получала, работая по двенадцать часов в день. Шесть шиллингов она платила за содержание ребенка, а на остальные пыталась кое-как удержать душу в теле.

Шесть шиллингов в неделю связывают тело с душой не слишком крепко. Соединенные столь хрупкими узами, они все время пытаются расстаться. И однажды, вероятно, несчастная особенно ясно увидела свою жизнь во всем ее тоскливом однообразии, со всеми ее страданиями, и насмешливая тень смерти испугала ее. В последний раз обратилась она за помощью к друзьям, но, оградившись ледяной стеной респектабельности, они не услышали голоса отверженной. Тогда она съездила повидать своего ребенка, с каким-то тупым равнодушием взяла его на руки и поцеловала, не проявляя никаких чувств, и потом ушла, сунув ему в руку коробку грошовых конфет. На свои последние шиллинги она взяла билет и приехала в Горинг.

It seemed that the bitterest thoughts of her life must have centred about the wooded reaches and the bright green meadows around Goring; but women strangely hug the knife that stabs them, and, perhaps, amidst the gall, there may have mingled also sunny memories of sweetest hours, spent upon those shadowed deeps over which the great trees bend their branches down so low.

She had wandered about the woods by the river's brink all day, and then, when evening fell and the grey twilight spread its dusky robe upon the waters, she stretched her arms out to the silent river that had known her sorrow and her joy. And the old river had taken her into its gentle arms, and had laid her weary head upon its bosom, and had hushed away the pain.

Thus had she sinned in all things - sinned in living and in dying. God help her! and all other sinners, if any more there be.

Goring on the left bank and Streatley on the right are both or either charming places to stay at for a few days. The reaches down to Pangbourne woo one for a sunny sail or for a moonlight row, and the country round about is full of beauty. We had intended to push on to Wallingford that day, but the sweet smiling face of the river here lured us to linger for a while; and so we left our boat at the bridge, and went up into Streatley, and lunched at the "Bull," much to Montmorency's satisfaction.

They say that the hills on each side of the stream here once joined and formed a barrier across what is now the Thames, and that then the river ended there above Goring in one vast lake. I am not in a position either to contradict or affirm this statement. I simply offer it.

It is an ancient place, Streatley, dating back, like most river-side towns and villages, to British and Saxon times. Goring is not nearly so pretty a little spot to stop at as Streatley, if you have your choice; but it is passing fair enough in its way, and is nearer the railway in case you want to slip off without paying your hotel bill.

Как видно, горчайшие переживания ее жизни были связаны с лесистыми берегами и веселыми зелеными лужайками, окружающими Горинг. Но женщины почему-то любят гладить нож, который нанес им рану. А может быть, к горечи примешивались солнечные воспоминания о лучших часах, проведенных близ овечьих тенью струй, над которыми развесистые деревья так низко склоняют свои ветви.

Весь день пробродила она по лесу, что тянется вдоль берега реки. Потом, когда серые сумерки раскинули над водой свой темный плащ, она протянула руки к безмолвной реке, которая знала ее горести и радости. И старая река любовно приняла ее в объятия, прижала ее усталую голову к своей груди и успокоила боль.

Так согрешила эта женщина во всем - и в жизни и в смерти. Мир праху ее и всех других грешников...

Горинг, на левом берегу реки, и Стритли - на правом - очаровательные местечки, в которых приятно провести несколько дней. Воды реки до самого Пэнгборна так и манят поплавать в солнечный день под парусом или выехать в лунную ночь на лодке, а окружающий вид очень красив. Мы намеревались дойти в этот день до Уоллингфорда, но улыбка реки соблазнила нас остаться. Привязав лодку у моста, мы отправились в Стритли и позавтракали в гостинице "Бык" к великому удовольствию Монморенси."

Говорят, что горы, высящиеся на обоих берегах реки, когда-то соединялись и преграждали течение нынешней Темзы. Река будто бы оканчивалась несколько выше Горинга, образуя большое озеро. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение. Я просто отмечаю его.

Стритли - старинное местечко, основанное, как большинство прибрежных городов и поселков, во времена бриттов и саксов. В Стритли куда приятнее останавливаться, чем в Горинге, если у вас есть возможность выбирать, но сам по себе Горинг достаточно красив и к тому же расположен ближе к железной дороге, что имеет значение, если вы хотите удрать из гостиницы, не заплатив по счету.

CHAPTER XVII

WASHING DAY. - FISH AND FISHERS. - ON THE ART OF ANGLING. - A CONSCIENTIOUS FLY-FISHER. - A FISHY STORY.

WE stayed two days at Streatley, and got our clothes washed. We had tried washing them ourselves, in the river, under George's superintendence, and it had been a failure. Indeed, it had been more than a failure, because we were worse off after we had washed our clothes than we were before. Before we had washed them, they had been very, very dirty, it is true; but they were just wearable. AFTER we had washed them - well, the river between Reading and Henley was much cleaner, after we had washed our clothes in it, than it was before. All the dirt contained in the river between Reading and Henley, we collected, during that wash, and worked it into our clothes.

The washerwoman at Streatley said she felt she owed it to herself to charge us just three times the usual prices for that wash. She said it had not been like washing, it had been more in the nature of excavating.

We paid the bill without a murmur.

The neighbourhood of Streatley and Goring is a great fishing centre. There is some excellent fishing to be had here. The river abounds in pike, roach, dace, gudgeon, and eels, just here; and you can sit and fish for them all day.

Some people do. They never catch them. I never knew anybody catch anything, up the Thames, except minnows and dead cats, but that has nothing to do, of course, with fishing! The local fisherman's guide doesn't say a word about catching anything. All it says is the place is "a good station for fishing;" and, from what I have seen of the district, I am quite prepared to bear out this statement.

There is no spot in the world where you can get more fishing, or where you can fish for a longer period. Some fishermen come here and fish for a day, and others stop and fish for a month. You can hang on and fish for a year, if you want to: it

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Стирка. Рыба и рыбаки. Об искусстве ужения. Добросовестный удильщик на муху. Рыбацкая история.

Мы пробыли в Стритли два дня и отдали наше платье в стирку. Мы сами пробовали стирать его в реке под наблюдением Джорджа, но это окончилось неудачей. Поистине это можно назвать больше чем неудачей, так как после стирки мы оказались в еще худшем положении, чем прежде. Перед стиркой наше платье было, правда, очень грязно, но его все-таки можно было носить. А после того как мы его постирали... Скажем кратко: вода в реке между Рэдингом и Хэнли стала после этого много чище. Мы собрали во время стирки всю грязь, которая скопилась в реке между Рэдингом и Хэнли, и, так сказать, вмыли ее в наше платье.

Стритлейская прачка сказала, что считает себя обязанной взять с нас за стирку втрое дороже обычной платы. Она заявила, что, пока работала, чувствовала себя не прачкой, а скорее землекопом.

Мы заплатили по счету без единого слова.

Окрестности Горинга и Стритли - излюбленное место рыболовов. Река изобилует щуками, плотвой, угрями, уклейкой, и можно целый день сидеть на берегу и удить.

Некоторые люди так и делают. Но у них ничего не ловится. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь поймал что-нибудь в Темзе, кроме пескарей и дохлых кошек, а эти создания явно не имеют отношения к рыбной ловле! "Местный "Путеводитель рыбака" ни слова не говорит о поимке рыбы." Он ограничивается замечанием, что Го-ринг - прекрасное место для рыбной ловли. Судя по тому, что мне пришлось видеть, я вполне готов поддержать это утверждение.

Нет другого места на земле, где вы могли бы больше наслаждаться рыбной ловлей или удить в течение более долгого времени. Некоторые рыболовы приезжают сюда и удят весь день, другие остаются удить на месяц. Вы можете продлить это занятие и удить целый год - разницы

will be all the same.

The ANGLER'S GUIDE TO THE THAMES says that "jack and perch are also to be had about here," but there the ANGLER'S GUIDE is wrong. Jack and perch may BE about there. Indeed, I know for a fact that they are. You can SEE them there in shoals, when you are out for a walk along the banks: they come and stand half out of the water with their mouths open for biscuits. And, if you go for a bathe, they crowd round, and get in your way, and irritate you. But they are not to be "had" by a bit of worm on the end of a hook, nor anything like it - not they!

I am not a good fisherman myself. I devoted a considerable amount of attention to the subject at one time, and was getting on, as I thought, fairly well; but the old hands told me that I should never be any real good at it, and advised me to give it up. They said that I was an extremely neat thrower, and that I seemed to have plenty of gumption for the thing, and quite enough constitutional laziness. But they were sure I should never make anything of a fisherman. I had not got sufficient imagination.

They said that as a poet, or a shilling shocker, or a reporter, or anything of that kind, I might be satisfactory, but that, to gain any position as a Thames angler, would require more play of fancy, more power of invention than I appeared to possess.

Some people are under the impression that all that is required to make a good fisherman is the ability to tell lies easily and without blushing; but this is a mistake. Mere bald fabrication is useless; the veriest tyro can manage that. It is in the circumstantial detail, the embellishing touches of probability, the general air of scrupulous - almost of pedantic - veracity, that the experienced angler is seen.

Anybody can come in and say, "Oh, I caught fifteen dozen perch yesterday evening;" or "Last Monday I landed a gudgeon, weighing eighteen pounds, and measuring three feet from the tip to the tail."

There is no art, no skill, required for that sort of thing. It shows pluck, but that is all.

не будет.

"В "Спутнике рыболова на Темзе" сказано, что "здесь водятся щуки и окуни"." Да, щуки и окуни, может быть, и водятся в Темзе. Я даже наверное знаю, что это так. Гуляя по берегу, вы можете видеть их целые стаи. Они подплывают и высовываются из воды, раскрывая рот в надежде получить печенье. А когда вы купаетесь, они плотным кольцом окружают вас, мешают плавать и действуют на нервы. Но чтобы поймать их на крючок с червяком на конце или на что-нибудь подобное - этого не случается.

Сам я - неважный рыболов. Некогда я посвящал этому занятию много внимания, и дело, как мне казалось, шло хорошо. Но опытные рыбаки сказали, что из меня никогда не выйдет толку, и посоветовали мне отступить. Они говорили, что я очень неплохо закидываю удочку и, видимо, обладаю большой смекалкой и совершенно достаточной врожденной ленью. Но, по их глубокому убеждению, рыбак из меня не получится. У меня слишком мало воображения.

Они говорили, что в роли поэта, автора уголовных романов, репортера или чего-нибудь в этом роде я, может быть, и добьюсь успеха. Но чтобы создать себе имя в качестве удильщика на Темзе, нужно больше, чем у меня, фантазии, больше способности к выдумке.

Многие считают, что от хорошего рыболова требуется только уменье легко, не краснея, врать. Но эта глубокое заблуждение. Голое вранье бесполезно - на это способен любой новичок. Обстоятельные подробности, изящные правдоподобные штрихи, общее впечатление щепетильной, почти педантической правдивости - вот что характерно для опытного рыбака.

Каждый может войти и сказать: "Знаете, вчера вечером я поймал пятнадцать дюжин окуней", или: "В прошлый понедельник я вытащил пескаря весом в восемнадцать фунтов и длиной в три фута от головы до хвоста".

Для этого не требуется искусства или уменья. Это свидетельствует всего лишь о смелости.

No; your accomplished angler would scorn to tell a lie, that way. His method is a study in itself.

He comes in quietly with his hat on, appropriates the most comfortable chair, lights his pipe, and commences to puff in silence. He lets the youngsters brag away for a while, and then, during a momentary lull, he removes the pipe from his mouth, and remarks, as he knocks the ashes out against the bars:

"Well, I had a haul on Tuesday evening that it's not much good my telling anybody about."

"Oh! why's that?" they ask.

"Because I don't expect anybody would believe me if I did," replies the old fellow calmly, and without even a tinge of bitterness in his tone, as he refills his pipe, and requests the landlord to bring him three of Scotch, cold.

There is a pause after this, nobody feeling sufficiently sure of himself to contradict the old gentleman. So he has to go on by himself without any encouragement.

"No," he continues thoughtfully; "I shouldn't believe it myself if anybody told it to me, but it's a fact, for all that. I had been sitting there all the afternoon and had caught literally nothing - except a few dozen dace and a score of jack; and I was just about giving it up as a bad job when I suddenly felt a rather smart pull at the line. I thought it was another little one, and I went to jerk it up. Hang me, if I could move the rod! It took me half-an-hour - half-an-hour, sir! - to land that fish; and every moment I thought the line was going to snap! I reached him at last, and what do you think it was? A sturgeon! a forty pound sturgeon! taken on a line, sir! Yes, you may well look surprised - I'll have another three of Scotch, landlord, please."

And then he goes on to tell of the astonishment of everybody who saw it; and what his wife said, when he got home, and of what Joe Buggles thought about it.

I asked the landlord of an inn up the river once, if it did not injure him, sometimes, listening to the tales that the fishermen about there told him; and he said:

Нет, настоящий рыбак не стал бы врать таким образом. Его система - это целая наука.

Он спокойно входит, не снимая шляпы, усаживается на самый удобный стул, закуривает трубку и молча пускает клубы дыма. Он дает молодежи вволю похвастаться и, воспользовавшись минутой тишины, вынимает трубку изо рта и говорит, выколачивая ее о решетку камина.

- Н-да... во вторник вечером мне удалось выловить такое, что, пожалуй, об этом не стоит и говорить.

- почему? - восклицают Все разом.

- Потому что, если я и расскажу, мне вряд ли поверят, - спокойно отвечает старик без тени горечи в голосе. Он снова набивает трубку и просит трактирщика принести ему три рюмки шотландской.

Наступает пауза; никто не чувствует в себе достаточной уверенности, чтобы оспаривать мнение старого джентльмена. Тому приходится продолжать, не дожидаясь поддержки.

- Нет, - говорит он задумчиво, - я бы и сам не поверил, если бы мне рассказали такое. Но тем не менее это факт. Я весь день просидел на берегу и не поймал буквально ничего - только несколько дюжин уклеек и штук двадцать шук. Я уже собирался бросить это дело, как вдруг чувствую, - удочку здорово дернуло. Я подумал, что это опять какая-нибудь мелочь, и хотел подсесть. И что же? Удочка ни туда, ни сюда. Мне потребовалось полчаса, - да-с, полчаса, - чтобы вытащить эту рыбу, и каждую минуту я думал, что леса оборвется. Наконец я ее вытащил, и что же, вы думаете, это оказалось? Осетр!.. Сорок фунтов весом! Да-с, на удочку! Удивительно? Конечно. Эй, хозяин, еще три рюмки шотландской!

Потом он рассказывает, как поражены были все, кто видел эту рыбу, и что сказала жена, когда он пришел домой, и какого мнения об этом случае Джо Багглс.

Как-то раз я спросил хозяина одного прибрежного трактира, не противно ли ему слушать рассказы местных рыбаков. Он ответил:

"Oh, no; not now, sir. It did used to knock me over a bit at first, but, lor love you! me and the missus we listens to `em all day now. It's what you're used to, you know. It's what you're used to."

I knew a young man once, he was a most conscientious fellow, and, when he took to fly-fishing, he determined never to exaggerate his hauls by more than twenty-five per cent.

"When I have caught forty fish," said he, "then I will tell people that I have caught fifty, and so on. But I will not lie any more than that, because it is sinful to lie."

But the twenty-five per cent. plan did not work well at all. He never was able to use it. The greatest number of fish he ever caught in one day was three, and you can't add twenty-five per cent. to three - at least, not in fish.

So he increased his percentage to thirty-three-and-a-third; but that, again, was awkward, when he had only caught one or two; so, to simplify matters, he made up his mind to just double the quantity.

He stuck to this arrangement for a couple of months, and then he grew dissatisfied with it. Nobody believed him when he told them that he only doubled, and he, therefore, gained no credit that way whatever, while his moderation put him at a disadvantage among the other anglers. When he had really caught three small fish, and said he had caught six, it used to make him quite jealous to hear a man, whom he knew for a fact had only caught one, going about telling people he had landed two dozen.

So, eventually, he made one final arrangement with himself, which he has religiously held to ever since, and that was to count each fish that he caught as ten, and to assume ten to begin with. For example, if he did not catch any fish at all, then he said he had caught ten fish - you could never catch less than ten fish by his system; that was the foundation of it. Then, if by any chance he really did catch one fish, he called it twenty, while two fish would count thirty, three forty, and so on.

- Нет, сэр, теперь - нет. Сначала я, правда, немного шалел, но теперь ничего, мы с хозяйкой можем хоть целый день их слушать. Дело привычки, знаете, дело привычки.

У меня был один знакомый. Это был очень добросовестный молодой человек, и когда он начал удить на муху, то решил не преувеличивать своего улова больше, чем на двадцать пять процентов.

- Если я поймаю сорок штук, - говорил он, - я буду рассказывать что поймал пятьдесят, и так далее. Но больше я прибавлять не буду, потому что врать - грех.

Двадцатипятипроцентный план действовал очень плохо. Моему знакомому никак не удавалось его применить. Он ловил за день самое большое три рыбы, а к трем не прибавишь двадцать пять процентов, по крайней мере в рыбах.

Тогда мой знакомый повысил процент до тридцати трех с третью. Но это тоже оказывалось неудобно, если ему удавалось выловить одну рыбу или две. Наконец, чтобы упростить дело, он решил увеличивать свой улов ровно вдвое.

Месяца два он соблюдал это правило, но потом ему надоело. Никто не верил, что он только удваивает, и это нисколько не улучшало его репутации; в то же время его умеренность ставила его в невыгодное положение в сравнении с другими рыболовами. Когда он ловил каких-нибудь три рыбешки, то говорил, что поймал шесть, и ему было очень обидно слушать, как человек, который заведомо поймал только одну рыбу, ходил и рассказывал, что вытащил две дюжины.

Наконец мой знакомый заключил сам с собой условие, которого свято придерживается до сих пор: каждую пойманную им рыбу он решил считать за десять, и притом всегда начинает счет с десяти. Если, например, ему не удавалось поймать ни одной рыбы, он говорил, что поймал десять. По его счету нельзя было поймать меньше десяти рыб, - в этом заключалась основа его системы. Когда же он ухитрялся выловить одну рыбу, то считал ее за двадцать, две рыбы шли за тридцать, три - за сорок и так далее.

It is a simple and easily worked plan, and there has been some talk lately of its being made use of by the angling fraternity in general. Indeed, the Committee of the Thames Angler's Association did recommend its adoption about two years ago, but some of the older members opposed it. They said they would consider the idea if the number were doubled, and each fish counted as twenty.

If ever you have an evening to spare, up the river, I should advise you to drop into one of the little village inns, and take a seat in the tap-room. You will be nearly sure to meet one or two old rod-men, sipping their toddy there, and they will tell you enough fishy stories, in half an hour, to give you indigestion for a month.

George and I - I don't know what had become of Harris; he had gone out and had a shave, early in the afternoon, and had then come back and spent full forty minutes in pipeclaying his shoes, we had not seen him since - George and I, therefore, and the dog, left to ourselves, went for a walk to Wallingford on the second evening, and, coming home, we called in at a little river-side inn, for a rest, and other things.

We went into the parlour and sat down. There was an old fellow there, smoking a long clay pipe, and we naturally began chatting.

He told us that it had been a fine day to-day, and we told him that it had been a fine day yesterday, and then we all told each other that we thought it would be a fine day to-morrow; and George said the crops seemed to be coming up nicely.

After that it came out, somehow or other, that we were strangers in the neighbourhood, and that we were going away the next morning.

Then a pause ensued in the conversation, during which our eyes wandered round the room. They finally rested upon a dusty old glass-case, fixed very high up above the chimney-piece, and containing a trout. It rather fascinated me, that trout; it was such a monstrous fish. In fact, at first glance, I thought it was a cod.

"Ah!" said the old gentleman, following the

Этот план прост и легко осуществим. Недавно шли даже разговоры о том, чтобы распространить его на всю удыщую братию. Правление Ассоциации удильщиков на Темзе года два тому назад действительно рекомендовало его принять. Но несколько старейших членов запротестовали. Они сказали, что готовы рассмотреть этот план, если исходная цифра будет удвоена и каждая рыба пойдет за двадцать.

Если вы будете на реке и у вас окажется свободный вечер, советую вам зайти в какой-нибудь маленький деревенский трактир и сесть в распивочной. Вы почти наверняка застанете там несколько старых удильщиков за стаканом грога, и они в полчаса расскажут достаточно рыбных историй, чтобы расстроить вам желудок на целый месяц.

Я и Джордж... (Я не знаю, что случилось с Гаррисом: сразу после завтрака он пошел побриться, а вернувшись, целых сорок минут наводил глянец на свои башмаки; после этого мы его не видели.) Итак, я, Джордж и собака, предоставленные самим себе, на второй день вечером пошли прогуляться в Уоллингфорд. На обратном пути мы заглянули в маленький трактирчик, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Мы вошли в зал и сели. В зале находился какой-то старик, кутивший длинную глиняную трубку. Естественно, мы разговорились с ним.

Старик сказал, что сегодня хорошая погода. Мы сказали, что вчера тоже была хорошая погода. Затем мы сообщили друг другу, что завтра, вероятно, тоже будет хорошая погода. Джордж сказал, что хлеба, кажется, всходят недурно.

Потом каким-то образом всплыло, что мы нездешние и завтра утром уезжаем.

После этого в разговоре наступила пауза. Мы рассеянно оглядывали комнату, и наши глаза остановились на старом, пыльном стеклянном ящике, подвешенном высоко над камином. В ящике, лежала форель. Эта форель прямо-таки обворожила меня - это была совершенно чудовищная рыба. Сначала я даже принял ее за треску.

- А, - сказал старый джентльмен, заметив, на что я

direction of my gaze, "fine fellow that, ain't he?"

"Quite uncommon," I murmured; and George asked the old man how much he thought it weighed.

"Eighteen pounds six ounces," said our friend, rising and taking down his coat. "Yes," he continued, "it wur sixteen year ago, come the third o' next month, that I landed him. I caught him just below the bridge with a minnow. They told me he wur in the river, and I said I'd have him, and so I did. You don't see many fish that size about here now, I'm thinking. Good-night, gentlemen, good-night."

And out he went, and left us alone.

We could not take our eyes off the fish after that. It really was a remarkably fine fish. We were still looking at it, when the local carrier, who had just stopped at the inn, came to the door of the room with a pot of beer in his hand, and he also looked at the fish.

"Good-sized trout, that," said George, turning round to him.

"Ah! you may well say that, sir," replied the man; and then, after a pull at his beer, he added, "Maybe you wasn't here, sir, when that fish was caught?"

"No," we told him. We were strangers in the neighbourhood.

"Ah!" said the carrier, "then, of course, how should you? It was nearly five years ago that I caught that trout."

"Oh! was it you who caught it, then?" said I.

"Yes, sir," replied the genial old fellow. "I caught him just below the lock - leastways, what was the lock then - one Friday afternoon; and the remarkable thing about it is that I caught him with a fly. I'd gone out pike fishing, bless you, never thinking of a trout, and when I saw that whopper on the end of my line, blest if it didn't quite take me aback. Well, you see, he weighed twenty-six pound. Good-night, gentlemen, good-night."

смотрю. - Замечательный экземпляр, не правда ли?

- Совершенно необычайный!.. - пробормотал я, а Джордж спросил старика, сколько эта рыба, по его мнению, весит.

- Восемнадцать фунтов и шесть унций, - ответил старик, поднимаясь и снимая пиджак. - Да, - продолжал он, - третьего числа следующего месяца будет шестнадцать лет, как я ее вытащил. Я поймал ее на уклею у самого моста. Мне сказали, что она плавает в реке, и я сказал, что поймаю ее, и поймал. Теперь такой рыбы здесь не увидишь. Спокойной ночи, джентльмены, спокойной ночи.

И он вышел, оставив нас одних.

Мы не могли отвести глаз от этой рыбы. Рыба действительно была замечательная. Мы все еще глядели на нее, когда в комнату вошел только что подъехавший к трактиру местный извозчик с кружкой пива в руке и тоже посмотрел на рыбу.

- Изрядная форель, а? - сказал Джордж, поворачиваясь к нему.

- Да, сэр, это про нее вполне можно сказать, - ответил извозчик, и, отхлебнув пива, прибавил: - Может быть, вас здесь не было, сэр, когда ее поймали?

- Нет, - ответили мы ему. - Мы Здесь чужие.

- Ах, вот как, - сказал извозчик. - Ну, тогда вы, конечно, не можете знать. Вот уже без малого пять лет, как я поймал эту рыбу.

- Как! Разве Это Вы ее поймали? - спросил я.

- Да, - ответил добродушно старик. - Я поймал ее у самого шлюза (тогда здесь еще был шлюз) как-то после обеда, в пятницу. И самое удивительное - поймал на муху. Я собирался ловить щук, право слово, и даже не думал о форелях, и когда я увидел на конце удочки эту громадину, то, ей-богу, совсем ошалел. В ней оказалось двадцать шесть фунтов. До свиданья, джентльмены, до свиданья.

Five minutes afterwards, a third man came in, and described how he had caught it early one morning, with bleak; and then he left, and a stolid, solemn-looking, middle-aged individual came in, and sat down over by the window.

None of us spoke for a while; but, at length, George turned to the new comer, and said:

"I beg your pardon, I hope you will forgive the liberty that we - perfect strangers in the neighbourhood - are taking, but my friend here and myself would be so much obliged if you would tell us how you caught that trout up there."

"Why, who told you I caught that trout!" was the surprised query.

We said that nobody had told us so, but somehow or other we felt instinctively that it was he who had done it.

"Well, it's a most remarkable thing - most remarkable," answered the stolid stranger, laughing; "because, as a matter of fact, you are quite right. I did catch it. But fancy your guessing it like that. Dear me, it's really a most remarkable thing."

And then he went on, and told us how it had taken him half an hour to land it, and how it had broken his rod. He said he had weighed it carefully when he reached home, and it had turned the scale at thirty- four pounds.

He went in his turn, and when he was gone, the landlord came in to us. We told him the various histories we had heard about his trout, and he was immensely amused, and we all laughed very heartily.

"Fancy Jim Bates and Joe Muggles and Mr. Jones and old Billy Maunders all telling you that they had caught it. Ha! ha! ha! Well, that is good," said the honest old fellow, laughing heartily. "Yes, they are the sort to give it ME, to put up in MY parlour, if THEY had caught it, they are! Ha! ha! ha!"

And then he told us the real history of the fish. It seemed that he had caught it himself, years ago, when he was quite a lad; not by any art or

Через пять минут вошел третий человек и рассказал, как он поймал эту форель на червяка, и ушел. Потом появился какой-то невозмутимый, серьезный на вид джентльмен средних лет и сел у окна.

Некоторое время мы молчали. Наконец Джордж обратился к пришедшему:

- Простите, пожалуйста... Надеюсь, вы извините, что мы, совершенно чужие в этих краях люди, позволяем себе такую смелость... Но я и мой приятель были бы вам чрезвычайно обязаны, если бы вы рассказали, как вам удалось поймать эту форель.

- А кто вам сказал, что это я поймал ее? - последовал удивленный вопрос.

Мы ответили, что никто нам этого не говорил, но мы инстинктивно чувствуем, что это сделал именно он.

- Удивительная вещь, - со смехом воскликнул серьезный джентльмен, - совершенно удивительная! Ведь вы угадали. Я в самом деле поймал ее. Но как вам удалось это узнать? Право, удивительно! В высшей степени удивительно!

И он рассказал нам, как целых полчаса тащил эту рыбу и как она сломала удилице. Придя домой, он тщательно ее взвесил, и стрелка показала тридцать шесть фунтов.

После этого он тоже удалился, и когда он ушел, к нам заглянул хозяин трактира. Мы рассказали ему все, что слышали об этой форели, и это очень его позабавило. Мы все от души хохотали.

- Так, значит, Джим Бэйтс, и Джо Магглс, и мистер Джонс, и старый Билли Маундерс говорили вам, что они ее поймали? Ха-ха-ха! Вот это здорово! - восклицал честный старик, весело смеясь. - Как же! Такие они люди, чтобы отдать эту форель мне и позволить повесить ее в моем трактире если они сами ее поймали. Как бы не так. Ха-ха-ха!

И он рассказал нам правду об этой форели. Оказалось, что это он поймал ее много лет назад, когда был еще совсем мальчишкой. Ему помогло

skill, but by that unaccountable luck that appears to always wait upon a boy when he plays the wag from school, and goes out fishing on a sunny afternoon, with a bit of string tied on to the end of a tree.

He said that bringing home that trout had saved him from a whacking, and that even his school-master had said it was worth the rule-of-three and practice put together.

He was called out of the room at this point, and George and I again turned our gaze upon the fish. It really was a most astonishing trout. The more we looked at it, the more we marvelled at it. It excited George so much that he climbed up on the back of a chair to get a better view of it.

And then the chair slipped, and George clutched wildly at the trout-case to save himself, and down it came with a crash, George and the chair on top of it.

"You haven't injured the fish, have you?" I cried in alarm, rushing up.

"I hope not," said George, rising cautiously and looking about.

But he had. That trout lay shattered into a thousand fragments - I say a thousand, but they may have only been nine hundred. I did not count them.

We thought it strange and unaccountable that a stuffed trout should break up into little pieces like that.

And so it would have been strange and unaccountable, if it had been a stuffed trout, but it was not.

That trout was plaster-of-Paris.

CHAPTER XVIII

LOCKS. - GEORGE AND I ARE
PHOTOGRAPHED. - WALLINGFORD. -
DORCHESTER. - ABINGDON. - A FAMILY MAN.
- A GOOD SPOT FOR DROWNING. - A
DIFFICULT BIT OF WATER. - DEMORALIZING

не искусство, не умение, а то непонятное счастье, которое, кажется, всегда поджидает шалуна, удирающего из школы, чтобы поудить в солнечный день на веревочку, привязанную к ветке.

Он говорил, что, принеся домой эту форель, избежал здоровой порки и что даже школьный учитель сказал, что такая форель стоит тройного правила и умножения многозначных чисел, вместе взятых.

В эту минуту трактирщика вызвали из комнаты, и мы с Джорджем снова обратили взоры на форель. Это, право же, была удивительная рыба. Чем больше мы смотрели на нее, тем больше изумлялись. Джордж до того заинтересовался ею, что влез на спинку стула, чтобы рассмотреть получше.

И вдруг стул качнулся, и Джордж изо всех сил вцепился в ящик, чтобы удержаться, и ящик полетел вниз вместе со стулом и Джорджем. - Рыба!

Ты не испортил рыбу? - испуганно крикнул я, бросаясь к Джорджу.

- Надеюсь, что нет, - сказал Джордж и осторожно поднялся.

Но он все же испортил рыбу. Форель лежала перед нами, разбитая на тысячу кусков (я говорю - тысячу, но, может быть, их было и девятьсот, - я не считал).

Нам показалось странным и непонятным, что чучело форели разбилось на такие маленькие кусочки.

Это было бы действительно странно и непонятно, будь перед нами настоящее чучело форели. Но это было не так.

Форель была гипсовая!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Шлюзы. Меня и Джорджа фотографируют. Уоллингфорд. Дорчестер. Эбингдон. Отец семейства. Здесь удобно тонуть. Трудный участок реки. Дурное влияние речного воздуха.

EFFECT OF RIVER AIR.

WE left Streatley early the next morning, and pulled up to Culham, and slept under the canvas, in the backwater there.

The river is not extraordinarily interesting between Streatley and Wallingford. From Cleve you get a stretch of six and a half miles without a lock. I believe this is the longest uninterrupted stretch anywhere above Teddington, and the Oxford Club make use of it for their trial eights.

But however satisfactory this absence of locks may be to rowing-men, it is to be regretted by the mere pleasure-seeker.

For myself, I am fond of locks. They pleasantly break the monotony of the pull. I like sitting in the boat and slowly rising out of the cool depths up into new reaches and fresh views; or sinking down, as it were, out of the world, and then waiting, while the gloomy gates creak, and the narrow strip of day-light between them widens till the fair smiling river lies full before you, and you push your little boat out from its brief prison on to the welcoming waters once again.

They are picturesque little spots, these locks. The stout old lock-keeper, or his cheerful-looking wife, or bright-eyed daughter, are pleasant folk to have a passing chat with. You meet other boats there, and river gossip is exchanged. The Thames would not be the fairyland it is without its flower-decked locks.

Talking of locks reminds me of an accident George and I very nearly had one summer's morning at Hampton Court.

It was a glorious day, and the lock was crowded; and, as is a common practice up the river, a speculative photographer was taking a picture of us all as we lay upon the rising waters.

I did not catch what was going on at first, and was, therefore, extremely surprised at noticing George hurriedly smooth out his trousers, ruffle up his hair, and stick his cap on in a rakish manner at the back of his head, and then, assuming an expression of mingled affability and sadness, sit down in a graceful attitude, and

На следующий день, рано утром, мы покинули Стритли, поднялись до Келхэма и ночевали там в заводи под брезентом.

Между Стритли и Уоллингфордом река не особенно интересна. От Клива на протяжении шести с половиной миль нет ни одного шлюза. Это, пожалуй, самый длинный свободный участок реки выше Теддингтона; Оксфордский гребной клуб тренирует на нем свои восьмерки.

Но как бы ни было приятно отсутствие шлюзов для гребцов, оно огорчает тех, кто ищет на реке удовольствия.

Лично я очень люблю шлюзы. Они так приятно нарушают однообразие гребли. Мне нравится сидеть в лодке и медленно подниматься из прохладных глубин в новые воды, к незнакомым видам, или опускаться, словно покидая мир, и ждать, пока не заскрипят мрачные ворота и узкая полоска дневного света не начнет все больше и больше расширяться. И вот прекрасная, улыбающаяся река вся лежит перед вами, и вы снова толкаете вашу лодочку из недолгого заточения в приветливые струи.

Что за живописные пятна на реке эти шлюзы! Толстый старый сторож, его веселая жена или ясноглазая дочка - милые люди, с которыми приятно поболтать мимоходом. Вы встречаете там другие лодки и обмениваетесь речными сплетнями. Без своих обсаженных цветами шлюзов Темза не была бы таким волшебным местом.

Говоря о шлюзах, я вспомнил, как однажды летом, у Хэмптон-Корта, мы с Джорджем чуть не погибли.

Погода стояла великолепная, и шлюз был полон. Как часто бывает на реке, какой-то расчетливый фотограф снимал наши лодки, качавшиеся на прибывающей воде.

Я не сразу сообразил, в чем дело, и поэтому очень удивился, увидав, что Джордж торопливо приглаживает брюки, взбивает волосы и залихватски сдвигает фуражку на затылок. Потом, придав своему лицу приветливое и слегка печальное выражение, он принял изящную позу, стараясь куда-нибудь спрятать ноги.

try to hide his feet.

My first idea was that he had suddenly caught sight of some girl he knew, and I looked about to see who it was. Everybody in the lock seemed to have been suddenly struck wooden. They were all standing or sitting about in the most quaint and curious attitudes I have ever seen off a Japanese fan. All the girls were smiling. Oh, they did look so sweet! And all the fellows were frowning, and looking stern and noble.

And then, at last, the truth flashed across me, and I wondered if I should be in time. Ours was the first boat, and it would be unkind of me to spoil the man's picture, I thought.

So I faced round quickly, and took up a position in the prow, where I leant with careless grace upon the hitcher, in an attitude suggestive of agility and strength. I arranged my hair with a curl over the forehead, and threw an air of tender wistfulness into my expression, mingled with a touch of cynicism, which I am told suits me.

As we stood, waiting for the eventful moment, I heard someone behind call out:

"Hi! look at your nose."

I could not turn round to see what was the matter, and whose nose it was that was to be looked at. I stole a side-glance at George's nose! It was all right - at all events, there was nothing wrong with it that could be altered. I squinted down at my own, and that seemed all that could be expected also.

"Look at your nose, you stupid ass!" came the same voice again, louder.

And then another voice cried: "Push your nose out, can't you, you - you two with the dog!"

Neither George nor I dared to turn round. The man's hand was on the cap, and the picture might be taken any moment. Was it us they were calling to? What was the matter with our noses? Why were they to be pushed out!

But now the whole lock started yelling, and a stentorian voice from the back shouted:

Сначала я подумал, что Джордж увидел какую-нибудь знакомую девушку, и оглянулся, чтобы посмотреть, кто это. Все, кто был на реке, сразу словно окоченели. Они стояли и сидели в самых странных и нелепых позах, какие мне приходилось видеть только на японских веерах. Девушки, все до одной, улыбались. Они выглядели такими милыми! А мужчины нахмурили брови и казались благородными и серьезными.

Тут истина вдруг открылась мне, и я испугался, что опоздаю. Наша лодка была первая, и мне казалось, что с моей стороны будет невежливо испортить фотографу снимок.

Я быстро обернулся и занял позицию на носу, с небрежным изяществом опираясь на багор. Моя поза говорила о силе и ловкости. Я привел волосы в порядок, спустив одну прядь на лоб, и придал лицу выражение ласковой грусти, смешанной с цинизмом. Оно, как говорят, мне идет.

Мы стояли и ждали торжественного момента. И вдруг я услышал сзади крик:

- Эй, посмотрите на свой нос!

Я не мог повернуться и поглядеть, в чем дело и на чей нос нам надлежало смотреть. Я бросил украдкой взгляд на нос Джорджа. С ним все было в порядке - во всяком случае в нем ничего нельзя было исправить. Скосив глаза на свой собственный нос, я убедился, что он не хуже, чем я думал.

- Посмотрите на свой нос, осел вы этакий! - раздался тот же голос, но уже громче.

После этого другой голос крикнул: - Вытолкните свой нос, эй, вы там, двое, с собакой!

Ни я, ни Джордж не осмеливались повернуться. Рука фотографа лежала на колпачке объектива, и он каждую секунду мог сделать снимок. Неужели они кричали нам? Что же случилось с нашими носами? Почему их надо было вытолкнуть?

Но теперь кричал уже весь шлюз, и чей-то громовой голос сзади нас гаркнул:

"Look at your boat, sir; you in the red and black caps. It's your two corpses that will get taken in that photo, if you ain't quick."

We looked then, and saw that the nose of our boat had got fixed under the woodwork of the lock, while the in-coming water was rising all around it, and tilting it up. In another moment we should be over. Quick as thought, we each seized an oar, and a vigorous blow against the side of the lock with the butt-ends released the boat, and sent us sprawling on our backs.

We did not come out well in that photograph, George and I. Of course, as was to be expected, our luck ordained it, that the man should set his wretched machine in motion at the precise moment that we were both lying on our backs with a wild expression of "Where am I? and what is it?" on our faces, and our four feet waving madly in the air.

Our feet were undoubtedly the leading article in that photograph. Indeed, very little else was to be seen. They filled up the foreground entirely. Behind them, you caught glimpses of the other boats, and bits of the surrounding scenery; but everything and everybody else in the lock looked so utterly insignificant and paltry compared with our feet, that all the other people felt quite ashamed of themselves, and refused to subscribe to the picture.

The owner of one steam launch, who had bespoke six copies, rescinded the order on seeing the negative. He said he would take them if anybody could show him his launch, but nobody could. It was somewhere behind George's right foot.

There was a good deal of unpleasantness over the business. The photographer thought we ought to take a dozen copies each, seeing that the photo was about nine-tenths us, but we declined. We said we had no objection to being photo'd full-length, but we preferred being taken the right way up.

Wallingford, six miles above Streatley, is a very ancient town, and has been an active centre for the making of English history. It was a rude, mud-built town in the time of the Britons, who

- Посмотрите на вашу лодку, сэр! Эй, вы, в красных с черным фуражках! Если вы не поторопитесь, на снимке выйдут только ваши трупы.

Тут мы посмотрели и увидели, что нос нашей лодки застрял между сваями шлюза, а вода все прибывала и поднимала нас. Еще минута, и мы бы опрокинулись. Быстрее молнии мы схватили по веслу; сильный удар рукояткой о боковину шлюза освободил лодку, и мы полетели на спину.

Мы с Джорджем не особенно хорошо вышли на этой фотографии. Как и следовало ожидать, нам уж так повезло, что фотограф пустил свой несчастный аппарат в действие как раз тогда, когда мы оба с растерянным видом лежали на спине и отчаянно болтали ногами в воздухе. "Наши ноги несомненно были "гвоздем" этой фотографии."

По правде говоря, кроме них почти ничего не было видно. Они занимали весь передний план. За ними можно было разглядеть очертания других лодок и кусочки окружающего пейзажа; но все это в сравнении с нашими ногами выглядело таким ничтожным и незначительным, что остальные катающиеся почувствовали себя совсем пристыженными и отказались приобрести фотографию.

Владелец одного из баркасов, заказавший шесть карточек, аннулировал заказ, когда ему показали негатив. Он сказал, что возьмет их, если кто-нибудь покажет ему его баркас, но никто не мог этого сделать. Он был где-то позади правой ноги Джорджа.

С этой фотографией вышло много неприятностей. Фотограф считал, что мы обязаны взять по дюжине экземпляров, так как снимок на девять десятых состоял из наших изображений, но мы отказались. Мы заявили, что не протестуем против того, чтобы нас снимали во весь рост, но предпочитаем быть увековеченными в вертикальном положении.

Уоллингфорд, в шести милях вверх от Стритли, - очень древний город, который деятельно участвовал в создании английской истории. Во времена бриттов это был город с грубыми

squatted there, until the Roman legions evicted them; and replaced their clay-baked walls by mighty fortifications, the trace of which Time has not yet succeeded in sweeping away, so well those old-world masons knew how to build.

But Time, though he halted at Roman walls, soon crumbled Romans to dust; and on the ground, in later years, fought savage Saxons and huge Danes, until the Normans came.

It was a walled and fortified town up to the time of the Parliamentary War, when it suffered a long and bitter siege from Fairfax. It fell at last, and then the walls were razed.

From Wallingford up to Dorchester the neighbourhood of the river grows more hilly, varied, and picturesque. Dorchester stands half a mile from the river. It can be reached by paddling up the Thame, if you have a small boat; but the best way is to leave the river at Day's Lock, and take a walk across the fields. Dorchester is a delightfully peaceful old place, nestling in stillness and silence and drowsiness.

Dorchester, like Wallingford, was a city in ancient British times; it was then called *Caer Doren*, "the city on the water." In more recent times the Romans formed a great camp here, the fortifications surrounding which now seem like low, even hills. In Saxon days it was the capital of Wessex. It is very old, and it was very strong and great once. Now it sits aside from the stirring world, and nods and dreams.

Round Clifton Hampden, itself a wonderfully pretty village, old-fashioned, peaceful, and dainty with flowers, the river scenery is rich and beautiful. If you stay the night on land at Clifton, you cannot do better than put up at the "Barley Mow." It is, without exception, I should say, the quaintest, most old-world inn up the river. It stands on the right of the bridge, quite away from the village. Its low-pitched gables and thatched roof and latticed windows give it quite a story-book appearance, while inside it is even still more once-upon-a-timeyified.

It would not be a good place for the heroine of a modern novel to stay at. The heroine of a modern novel is always "divinely tall," and she is

глиняными сооружениями, но потом римские легионы изгнали бриттов и на месте глиняных валов воздвигли мощные стены, которые не смогло свалить даже Время, так искусно они были сложены древними каменщиками.

Но Время, остановившееся перед римскими стенами, самих римлян превратило в прах; позднее на этих землях сражались дикие саксы и огромные датчане, потом пришли норманны.

До парламентской войны город был обнесен стенами и укреплениями, но Фэрфакс подверг его долгой и жестокой осаде, город пал, и стены сровняли с землей.

От Уоллингфорда к Дорчестеру окрестности реки становятся более гористыми, разнообразными и живописными. Дорчестер стоит в полумиле от реки. Если лодка у вас маленькая, до него можно добраться по речушке Тем. Но лучше всего оставить лодку у шлюза Дэй и отправиться пешком через поля. Дорчестер - красивое старинное местечко, приютившееся среди тишины, спокойствия, дремоты.

"Так же как и Уоллингфорд, Дорчестер в древности был городом; тогда он назывался *Каер Дорен* - "город на воде". Позднее римляне создали там большой лагерь; укрепления, которые окружали его, теперь кажутся низкими ровными холмиками. Во времена саксов он был столицей Уэссекса. Город очень древний, некогда он был сильным и большим. А теперь он стоит в стороне от шумной жизни, клюет носом и видит сны.

В окрестностях Клифтон Хэмпдена, красивой деревушки, старомодной, спокойной, изящной благодаря своим цветникам, берега реки очень колоритны и красивы. Если вы собираетесь переночевать в Клифтоне, лучше всего остановиться в "Ячменном Стоге". Можно смело сказать, что это самая оригинальная, самая старинная гостиница на всей реке. Она стоит справа от моста, в стороне от деревни. Высокая соломенная крыша и решетчатые окна придают ей сказочный вид, а внутри пахнет стариной еще больше.

Для героини современного романа это было бы неподходящее место. "Героиня современного романа всегда "царственно высока", и она то и

ever "drawing herself up to her full height." At the "Barley Mow" she would bump her head against the ceiling each time she did this.

It would also be a bad house for a drunken man to put up at. There are too many surprises in the way of unexpected steps down into this room and up into that; and as for getting upstairs to his bedroom, or ever finding his bed when he got up, either operation would be an utter impossibility to him.

We were up early the next morning, as we wanted to be in Oxford by the afternoon. It is surprising how early one can get up, when camping out. One does not yearn for "just another five minutes" nearly so much, lying wrapped up in a rug on the boards of a boat, with a Gladstone bag for a pillow, as one does in a featherbed. We had finished breakfast, and were through Clifton Lock by half-past eight.

From Clifton to Culham the river banks are flat, monotonous, and uninteresting, but, after you get through Culhalm Lock - the coldest and deepest lock on the river - the landscape improves.

At Abingdon, the river passes by the streets. Abingdon is a typical country town of the smaller order - quiet, eminently respectable, clean, and desperately dull. It prides itself on being old, but whether it can compare in this respect with Wallingford and Dorchester seems doubtful. A famous abbey stood here once, and within what is left of its sanctified walls they brew bitter ale nowadays.

In St. Nicholas Church, at Abingdon, there is a monument to John Blackwall and his wife Jane, who both, after leading a happy married life, died on the very same day, August 21, 1625; and in St. Helen's Church, it is recorded that W. Lee, who died in 1637, "had in his lifetime issue from his loins two hundred lacking but three." If you work this out you will find that Mr. W. Lee's family numbered one hundred and ninety-seven. Mr. W. Lee - five times Mayor of Abingdon - was, no doubt, a benefactor to his generation, but I hope there are not many of his kind about in this overcrowded nineteenth century.

дело "выпрямляется во весь рост". "В "Ячменном Стоге" она бы каждый раз стучалась головой о потолок."

Для пьяного эта гостиница тоже не подошла бы. Ему на каждом шагу встречались бы разные неожиданности в виде ступенек, по которым надо то спускаться, то подниматься, чтобы попасть в другую комнату; а уж подняться в спальню или найти свою постель - это было бы для него совершенно немыслимо.

На следующее утро мы встали рано, нам хотелось к полудню попасть в Оксфорд. Просто удивительно, как рано человек может встать, когда ночует на открытом воздухе. "Лежа на досках, завернувшись в плед, с саквояжем под головой вместо подушки, не так хочется "вздремнуть еще пять минут", как если б ты нежился в мягкой постели." К половине девятого мы уже позавтракали и прошли Клифтонский шлюз.

От Клифтона до Кэлхэма берега реки низкие, однообразные, неинтересные. Но как только минуешь Кэлхэмский шлюз - самый холодный и глубокий, - пейзаж оживает.

В Абингдоне река протекает под самыми улицами. Абингдон - типичный провинциальный городок - спокойный, в высшей степени респектабельный, чистый и безнадежно скучный. Он гордится своей древностью, но вряд ли он может сравниться в этом с Уоллингфордом и Дорчестером. Некогда здесь было известное аббатство, но теперь под остатками его священных сводов варят горький эль.

"В церкви св. Николая в Абингдоне стоит памятник Джону Блэкуоллу и его жене Джейн, которые, счастливо прожив жизнь, скончались в один день, 21 августа 1625 года; а в церкви св. Елены есть запись, в которой говорится, что У. Ли, умерший в 1637 году, "имел потомства от чресл своих без трех двести". Если сообразить, что это значит, то окажется, что семья мистера У. Ли насчитывала сто девяносто семь человек. Мистер У. Ли, пять раз избиравшийся мэром Абингдона, без сомнения был благодетелем для своего поколения; но я надеюсь, что в наш перенаселенный век не много найдется ему подобных.

From Abingdon to Nuneham Courteney is a lovely stretch. Nuneham Park is well worth a visit. It can be viewed on Tuesdays and Thursdays. The house contains a fine collection of pictures and curiosities, and the grounds are very beautiful.

The pool under Sandford lasher, just behind the lock, is a very good place to drown yourself in. The undercurrent is terribly strong, and if you once get down into it you are all right. An obelisk marks the spot where two men have already been drowned, while bathing there; and the steps of the obelisk are generally used as a diving-board by young men now who wish to see if the place really IS dangerous.

Iffley Lock and Mill, a mile before you reach Oxford, is a favourite subject with the river-loving brethren of the brush. The real article, however, is rather disappointing, after the pictures. Few things, I have noticed, come quite up to the pictures of them, in this world.

We passed through Iffley Lock at about half-past twelve, and then, having tidied up the boat and made all ready for landing, we set to work on our last mile.

Between Iffley and Oxford is the most difficult bit of the river I know. You want to be born on that bit of water, to understand it. I have been over it a fairish number of times, but I have never been able to get the hang of it. The man who could row a straight course from Oxford to Iffley ought to be able to live comfortably, under one roof, with his wife, his mother-in-law, his elder sister, and the old servant who was in the family when he was a baby.

First the current drives you on to the right bank, and then on to the left, then it takes you out into the middle, turns you round three times, and carries you up stream again, and always ends by trying to smash you up against a college barge.

Of course, as a consequence of this, we got in the way of a good many other boats, during the mile, and they in ours, and, of course, as a consequence of that, a good deal of bad language occurred.

I don't know why it should be, but everybody is

От Абингдона до Нунхэма Кортени тянутся красивые места. Поместье Нунхэм-парк заслуживает внимания. Его можно осматривать по вторникам и четвергам. В доме есть прекрасная коллекция картин и редкостей, и сам парк очень красив.

Заводь у Сэндфордской запруды - подходящее место для того, чтобы утопиться. Нижнее течение здесь очень сильно, и если попадешь в него - все в порядке. Обелиском отмечено место, где утонули уже двое во время купанья; теперь со ступенек обелиска ныряют молодые люди, которые хотят убедиться, действительно ли это место так опасно.

Шлюз и мельница Иффли, в миле от Оксфорда, - излюбленный сюжет художников, которые пишут речные пейзажи. Но в жизни они много хуже, чем на картинах. Я уже заметил, что в этом мире очень немногие вещи полностью отвечают своим изображениям.

Мы миновали шлюз Иффли в половине первого и потом, прибрав лодку и сделав все приготовления к высадке, налегли на весла, чтобы отработать последнюю милю.

Участок реки между Иффли и Оксфордом, насколько я знаю, один из самых трудных. Я проходил этот участок неоднократно, но так и не смог постичь его. Человек, который сумеет грести по прямой от Иффли до Оксфорда, наверное в состоянии ужиться под одной крышей со своей женой, тещей, старшей сестрой и служанкой, которая работала у них, когда он был еще маленьким.

Сначала течение тянет вас к правому берегу, потом к левому, потом выносит на середину, три раза поворачивает и снова несет вверх по реке, все время стараясь вас разбить о какую-нибудь баржу.

Вследствие всего этого мы, разумеется, помешали за эту милю многим лодкам, и многие лодки помешали нашей, а вследствие этого было, разумеется, сказано много крепких слов.

Не знаю почему, но на реке все становятся до крайности раздражительными. Мелкие

always so exceptionally irritable on the river. Little mishaps, that you would hardly notice on dry land, drive you nearly frantic with rage, when they occur on the water. When Harris or George makes an ass of himself on dry land, I smile indulgently; when they behave in a chuckle-head way on the river, I use the most blood-curdling language to them. When another boat gets in my way, I feel I want to take an oar and kill all the people in it.

The mildest tempered people, when on land, become violent and blood- thirsty when in a boat. I did a little boating once with a young lady. She was naturally of the sweetest and gentlest disposition imaginable, but on the river it was quite awful to hear her.

"Oh, drat the man!" she would exclaim, when some unfortunate sculler would get in her way; "why don't he look where he's going?"

And, "Oh, bother the silly old thing!" she would say indignantly, when the sail would not go up properly. And she would catch hold of it, and shake it quite brutally.

Yet, as I have said, when on shore she was kind-hearted and amiable enough.

The air of the river has a demoralising effect upon one's temper, and this it is, I suppose, which causes even barge men to be sometimes rude to one another, and to use language which, no doubt, in their calmer moments they regret.

CHAPTER XIX

OXFORD. - MONTMORENCY'S IDEA OF HEAVEN. - THE HIRED UP-RIVER BOAT, ITS BEAUTIES AND ADVANTAGES. - THE "PRIDE OF THE THAMES." - THE WEATHER CHANGES. - THE RIVER UNDER DIFFERENT ASPECTS. - NOT A CHEERFUL EVENING. - YEARNINGS FOR THE UNATTAINABLE. - THE CHEERY CHAT GOES ROUND. - GEORGE PERFORMS UPON THE BANJO. - A MOURNFUL MELODY. - ANOTHER WET DAY. - FLIGHT. - A LITTLE SUPPER AND A TOAST.

WE spent two very pleasant days at Oxford.

неприятности, которых вы просто не заметили бы на суше, приводят вас в исступление, если случаются на воде. Когда Джордж и Гаррис валяют дурака на твердой земле, я только снисходительно улыбаюсь, если же они делают глупости на реке, я ругаю их последними словами. Когда мне мешает проехать чужая лодка, я испытываю желание взять весло и перебить всех, кто в ней сидит.

Самые тихие люди, садясь в лодку, становятся дикими и кровожадными. Я однажды катался с одной барышней. От природы это была особа необычайно кроткая я ласковая, но на реке ее было прямо-таки страшно слушать.

"Черт его подери! - кричала эта особа, когда какой-нибудь несчастный гребец мешал ей проехать. - Чего он смотрит, куда его несет?"

"Вот дрянь!" - с негодованием восклицала она, когда парус не хотел подниматься, и, грубо схватив его, трясла, как дерюгу."

На берегу же, повторяю, она была приветлива и добра.

Речной воздух губительно действует на характер, и в этом, я думаю, причина, почему даже лодочники иногда грубы друг с другом и допускают выражения, о которых в более спокойную минуту несомненно готовы пожалеть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

"Оксфорд. Представление Монморенси о рае. Наемная лодка, ее прелести и преимущества. "Гордость Темзы". Погода меняется. Река в разных видах. Не слишком веселый вечер. Стремление к недостижимому. Оживленная болтовня. Джордж исполняет пьесу на банджо. Унылая мелодия. Снова дождливый день. Бегство. Легкий ужин, заканчивающийся тостом."

Мы провели в Оксфорде два приятных дня. В

There are plenty of dogs in the town of Oxford. Montmorency had eleven fights on the first day, and fourteen on the second, and evidently thought he had got to heaven.

Among folk too constitutionally weak, or too constitutionally lazy, whichever it may be, to relish up-stream work, it is a common practice to get a boat at Oxford, and row down. For the energetic, however, the up- stream journey is certainly to be preferred. It does not seem good to be always going with the current. There is more satisfaction in squaring one's back, and fighting against it, and winning one's way forward in spite of it - at least, so I feel, when Harris and George are sculling and I am steering.

To those who do contemplate making Oxford their starting-place, I would say, take your own boat - unless, of course, you can take someone else's without any possible danger of being found out. The boats that, as a rule, are let for hire on the Thames above Marlow, are very good boats. They are fairly water-tight; and so long as they are handled with care, they rarely come to pieces, or sink. There are places in them to sit down on, and they are complete with all the necessary arrangements - or nearly all - to enable you to row them and steer them.

But they are not ornamental. The boat you hire up the river above Marlow is not the sort of boat in which you can flash about and give yourself airs. The hired up-river boat very soon puts a stop to any nonsense of that sort on the part of its occupants. That is its chief - one may say, its only recommendation.

The man in the hired up-river boat is modest and retiring. He likes to keep on the shady side, underneath the trees, and to do most of his travelling early in the morning or late at night, when there are not many people about on the river to look at him.

When the man in the hired up-river boat sees anyone he knows, he gets out on to the bank, and hides behind a tree.

I was one of a party who hired an up-river boat one summer, for a few days' trip. We had none of us ever seen the hired up-river boat before; and we did not know what it was when we did

городе Оксфорде много собак. Монморенси участвовал в первый день в одиннадцати драках, во второй - в четырнадцати и несомненно решил, что попал в рай.

Люди, по врожденной лени или слабости неспособные наслаждаться тяжелым трудом, обычно садятся в лодку в Оксфорде и гребут вниз. Однако для человека энергичного путешествие вверх по реке несомненно приятнее. Нехорошо все время плыть по течению. Гораздо больше удовольствия, напрягая спину, бороться с ним, идти вперед наперекор ему, - по крайней мере мне так кажется, когда Гаррис с Джорджем гребут, а я правлю рулем.

Тем, кто намерен избрать Оксфорд отправным пунктом, я посоветую: запаситесь собственной лодкой (если, конечно, вы не можете взять чужую без риска, что это обнаружится). Лодки, которые сдаются внаем на Темзе, выше Марло, как правило, очень хороши. Они почти не протекают, и если осторожно с ними обращаться, редко разваливаются на куски или тонут. В них есть на чем сесть, и они снабжены всеми или почти всеми приспособлениями для того, чтобы грести и править рулем.

Но они не украшают реки. В лодке, которую вы нанимаете на реке выше Марло, нельзя задаваться и важничать. Наемная лодка живо заставляет своих пассажиров прекратить подобные глупости. Это ее главное и, можно сказать, единственное достоинство.

Человек в наемной лодке становится скромным и застенчивым. Он предпочитает держаться на теневой стороне под деревьями и совершает большую часть пути рано утром или поздно вечером, когда его могут видеть на реке лишь немногие.

Если человек, находящийся в такой лодке, видит знакомого, он выходит на берег и прячется за дерево.

Однажды я был в одной компании, которая как-то летом наняла на несколько дней лодку, чтобы покататься. Никто из нас до тех пор не видел наемной лодки, и, когда мы увидели ее, то не

see it.

We had written for a boat - a double sculling skiff; and when we went down with our bags to the yard, and gave our names, the man said:

"Oh, yes; you're the party that wrote for a double sculling skiff. It's all right. Jim, fetch round THE PRIDE OF THE THAMES."

The boy went, and re-appeared five minutes afterwards, struggling with an antediluvian chunk of wood, that looked as though it had been recently dug out of somewhere, and dug out carelessly, so as to have been unnecessarily damaged in the process.

My own idea, on first catching sight of the object, was that it was a Roman relic of some sort, - relic of WHAT I do not know, possibly of a coffin.

The neighbourhood of the upper Thames is rich in Roman relics, and my surmise seemed to me a very probable one; but our serious young man, who is a bit of a geologist, pooh-poohed my Roman relic theory, and said it was clear to the meanest intellect (in which category he seemed to be grieved that he could not conscientiously include mine) that the thing the boy had found was the fossil of a whale; and he pointed out to us various evidences proving that it must have belonged to the preglacial period.

To settle the dispute, we appealed to the boy. We told him not to be afraid, but to speak the plain truth: Was it the fossil of a pre-Adamite whale, or was it an early Roman coffin?

The boy said it was THE PRIDE OF THE THAMES.

We thought this a very humorous answer on the part of the boy at first, and somebody gave him twopence as a reward for his ready wit; but when he persisted in keeping up the joke, as we thought, too long, we got vexed with him.

"Come, come, my lad!" said our captain sharply, "don't let us have any nonsense. You take your

поняли, что это такое.

Мы заранее написали, что нам потребуется обыкновенная четырехвесельная лодка. Когда мы пришли с чемоданами на пристань и назвали себя, лодочник сказал:

- Ага! Вы та компания, которой нужна четырехвесельная? Прекрасно! "Джим, приведи-ка сюда "Гордость Темзы"."

Мальчик ушел и через пять минут вернулся, с трудом толкая вперед какой-то допотопный деревянный обрубок. Его как будто недавно откуда-то выкопали, и притом выкопали неосторожно, так что он от этого пострадал.

При первом взгляде на этот предмет я решил, что вижу перед собой остатки чего-то древнеримского; чего именно, неизвестно - вероятнее всего, гроба.

Местность в районе верхней Темзы богата древнеримскими реликвиями, и мое предположение казалось мне вполне правдоподобным; но один из членов нашей компании, серьезный молодой человек, немного причастный к геологии, поднял мою древнеримскую теорию на смех. Он заявил, что всякому сколько-нибудь разумному человеку (он явно сожалел, что не может отнести меня к этой категории людей) ясно, что предмет, найденный сыном лодочника, есть скелет кита. Он отыскал множество признаков, доказывающих, что этот скелет относится к доледниковому периоду.

Чтобы разрешить спор, мы обратились к мальчику. Мы просили его не бояться и сказать нам чистую правду: что это такое - скелет доисторического кита или древнеримский гроб?

"Мальчик ответил, что это "Гордость Темзы"."

Сначала мы сочли его ответ очень удачным, и кто-то даже дал ему за остроумие два пенса. Но, когда он продолжал стоять на своем, мы сочли, что шутка затянулась, и обиделись.

- Ну, ну, паренек, - сказал наш капитан, - довольно глупостей. Унеси это корыто домой и приведи нам

mother's washing-tub home again, and bring us a boat."

The boat-builder himself came up then, and assured us, on his word, as a practical man, that the thing really was a boat - was, in fact, THE boat, the "double sculling skiff" selected to take us on our trip down the river.

We grumbled a good deal. We thought he might, at least, have had it whitewashed or tarred - had SOMETHING done to it to distinguish it from a bit of a wreck; but he could not see any fault in it.

He even seemed offended at our remarks. He said he had picked us out the best boat in all his stock, and he thought we might have been more grateful. He said it, THE PRIDE OF THE THAMES, had been in use, just as it now stood (or rather as it now hung together), for the last forty years, to his knowledge, and nobody had complained of it before, and he did not see why we should be the first to begin.

We argued no more.

We fastened the so-called boat together with some pieces of string, got a bit of wall-paper and pasted over the shabbier places, said our prayers, and stepped on board.

They charged us thirty-five shillings for the loan of the remnant for six days; and we could have bought the thing out-and-out for four-and-sixpence at any sale of drift-wood round the coast.

The weather changed on the third day, - Oh! I am talking about our present trip now, - and we started from Oxford upon our homeward journey in the midst of a steady drizzle.

The river - with the sunlight flashing from its dancing wavelets, gilding gold the grey-green beech- trunks, glinting through the dark, cool wood paths, chasing shadows o'er the shallows, flinging diamonds from the mill-wheels, throwing kisses to the lilies, wantoning with the weirs' white waters, silvering moss-grown walls and bridges, brightening every tiny townlet, making sweet each lane and meadow, lying tangled in the rushes, peeping, laughing, from

лодку.

"Тут подошел сам лодочник и заверил нас честным словом, как деловой человек, что эта штука - действительно лодка, та самая лодка, "четыrehвесельный скиф", которая была выбрана для нашей прогулки."

Мы довольно долго ворчали. "Мы говорили, что ему следовало по крайней мере выбелить эту лодку или хоть просмолить, чтобы ее можно было отличить от обломка затонувшего корабля. Но лодочник не видел в "Гордости Темзы" никаких изъянов."

Наши замечания как будто даже обидели его. Он сказал, что выискал для нас свою самую лучшую лодку и что мы могли бы быть более признательны. "Он сказал, что "Гордость Темзы", в том самом виде, в каком она сейчас находится перед нами, служит верой и правдой уже сорок лет и никто на нее еще не жаловался, и непонятно, с чего это мы вздумали ворчать."

Мы не стали с ним больше спорить.

Мы связали эту так называемую лодку веревкой и, раздобыв кусок обоев, заклеили самые неприглядные места. Потом мы помолились богу и сели в лодку.

За прокат этого ископаемого на шесть дней с нас взяли тридцать пять шиллингов, хотя мы могли купить его целиком на любом дровяном складе за четыре шиллинга с половиной.

На третий день погода переменялась (сейчас я уже говорю о нашей теперешней прогулке), и мы отбыли из Оксфорда в обратный путь под мелким, упорным дождем.

Река - когда солнце пляшет в волнах, золотит седые буки, бродит по лесным тропинкам, гонит тени вниз со склонов, на листву алмазы сыплет, поцелуи шлет кувшинкам, бьется в пене на запрудах, серебрит мосты и сваи, в камышах играет в прятки, парус дальний озаряет, - это чудо красоты.

each inlet, gleaming gay on many a far sail,
making soft the air with glory - is a golden fairy
stream.

But the river - chill and weary, with the
ceaseless rain-drops falling on its brown and
sluggish waters, with a sound as of a woman,
weeping low in some dark chamber; while the
woods, all dark and silent, shrouded in their
mists of vapour, stand like ghosts upon the
margin; silent ghosts with eyes reproachful, like
the ghosts of evil actions, like the ghosts of
friends neglected - is a spirit-haunted water
through the land of vain regrets.

Sunlight is the life-blood of Nature. Mother
Earth looks at us with such dull, soulless eyes,
when the sunlight has died away from out of
her. It makes us sad to be with her then; she
does not seem to know us or to care for us. She
is as a widow who has lost the husband she
loved, and her children touch her hand, and look
up into her eyes, but gain no smile from her.

We rowed on all that day through the rain, and
very melancholy work it was. We pretended, at
first, that we enjoyed it. We said it was a
change, and that we liked to see the river under
all its different aspects. We said we could not
expect to have it all sunshine, nor should we
wish it. We told each other that Nature was
beautiful, even in her tears.

Indeed, Harris and I were quite enthusiastic
about the business, for the first few hours. And
we sang a song about a gipsy's life, and how
delightful a gipsy's existence was! - free to
storm and sunshine, and to every wind that
blew! - and how he enjoyed the rain, and what a
lot of good it did him; and how he laughed at
people who didn't like it.

George took the fun more soberly, and stuck to
the umbrella.

We hoisted the cover before we had lunch, and
kept it up all the afternoon, just leaving a little
space in the bow, from which one of us could
paddle and keep a look-out. In this way we made
nine miles, and pulled up for the night a little
below Day's Lock.

I cannot honestly say that we had a merry
evening. The rain poured down with quiet

Но река в ненастье - когда дождь холодный льется
на померкнувшие воды, словно женщина слезами
в темноте одна исходит, а леса молчат уныло,
скрывшись за сырым туманом, словно тени, с
укоризной на дела людей взирая, - это
призрачные воды мира тщетных сожалений.

Свет солнца - это кровь природы. Глаза матери-
земли смотрят на нас так уныло и бездушно,
когда умирает солнечный свет. Нам тогда грустно
быть с нею - она, кажется, не любит нас тогда и не
хочет знать. Она - вдова, потерявшая
возлюбленного мужа; дети касаются ее руки и
заглядывают ей в глаза, но она не дарит их
улыбкой.

Мы гребли под дождем весь день, и невеселое это
было занятие. Сначала мы делали вид, что нам
приятно. Мы говорили, что нас радует перемена и
что интересно наблюдать реку во всех видах.
Нельзя же рассчитывать, что всегда будет солнце,
да нам этого и не хотелось бы. Мы говорили друг
другу, что Природа прекрасна даже в слезах.

Первые несколько часов мы с Гаррисом были
прямо-таки в восторге. Мы пели песню про
цыгана - какая приятная у него жизнь: он на воле
и в бурю и под ярким солнцем, и ветер овеивает
его, и дождь его радует и приносит ему пользу, и
смеется цыган над теми, кто не любит дождя.

Джордж радовался не так бурно и не расставался
с зонтиком.

Мы натянули брезент еще до завтрака и не
опускали его весь день, оставив лишь узкий
просвет на носу, чтобы один из нас мог шлепать
веслом и нести вахту. Таким образом мы прошли
девять миль и остановились на ночь немного ниже
Дэйского шлюза.

Говоря по совести, не могу сказать, что мы
провели вечер очень весело. Дождь продолжал

persistence. Everything in the boat was damp and clammy. Supper was not a success. Cold veal pie, when you don't feel hungry, is apt to cloy. I felt I wanted whitebait and a cutlet; Harris babbled of soles and white-sauce, and passed the remains of his pie to Montmorency, who declined it, and, apparently insulted by the offer, went and sat over at the other end of the boat by himself.

George requested that we would not talk about these things, at all events until he had finished his cold boiled beef without mustard.

We played penny nap after supper. We played for about an hour and a half, by the end of which time George had won fourpence - George always is lucky at cards - and Harris and I had lost exactly twopence each.

We thought we would give up gambling then. As Harris said, it breeds an unhealthy excitement when carried too far. George offered to go on and give us our revenge; but Harris and I decided not to battle any further against Fate.

After that, we mixed ourselves some toddy, and sat round and talked. George told us about a man he had known, who had come up the river two years ago and who had slept out in a damp boat on just such another night as that was, and it had given him rheumatic fever, and nothing was able to save him, and he had died in great agony ten days afterwards. George said he was quite a young man, and was engaged to be married. He said it was one of the saddest things he had ever known.

And that put Harris in mind of a friend of his, who had been in the Volunteers, and who had slept out under canvas one wet night down at Aldershot, "on just such another night as this," said Harris; and he had woke up in the morning a cripple for life. Harris said he would introduce us both to the man when we got back to town; it would make our hearts bleed to see him.

This naturally led to some pleasant chat about sciatica, fevers, chills, lung diseases, and bronchitis; and Harris said how very awkward it would be if one of us were taken seriously ill in the night, seeing how far away we were from a

лить с тихим упорством. Все, что было в лодке, отсырело и промокло. Ужин решительно не удался. Холодный мясной пирог, когда вы не голодны, быстро приедается. Мне ужасно хотелось жареной рыбы и котлет. Гаррис что-то болтал о камбале под белым соусом и бросил остатки своего пирога Монморенси. Но Монморенси отказался от него и, видимо оскорбленный этим предложением, ушел на другой конец лодки, где и сидел в одиночестве.

Джордж попросил нас не говорить о таких вещах хотя бы до тех пор, пока он не доест свое холодное мясо без горчицы.

После ужина мы полтора часа играли в карты по маленькой. В результате Джордж выиграл четыре пенса, - Джорджу всегда везет, - а мы с Гаррисом проиграли ровно по два пенса каждый.

После этого мы решили прекратить игру. Гаррис сказал, что игра порождает нездоровые чувства, если ею слишком увлекаться. Джордж предложил нам реванш, но мы с Гаррисом решили не сражаться больше с судьбой.

После этого мы приготовили грог и сидели беседуя. Джордж рассказал про одного человека, который спал в мокрой лодке в такую же ночь, как эта, и получил ревматическую лихорадку. Его ничем нельзя было спасти; через десять дней он умер в страшных мучениях. По словам Джорджа, это был совсем молодой человек, недавно помолвленный. Это была одна из самых печальных историй, которые он, Джордж, знал.

Это напомнило Гаррису об одном его друге, который записался в армию. В одну сырую ночь, в Олдершоте, он спал в палатке, - ночь была совсем такая, как сегодня, - и проснулся утром калекой на всю жизнь. Гаррис сказал, что, когда мы вернемся, он нас с ним познакомит. На него прямо-таки больно смотреть.

Все это, разумеется, навело на приятный разговор об ишиасе, лихорадках, простудах, болезнях легких, бронхитах. Гаррис сказал, что было бы очень неприятно, если бы ночью кто-нибудь из нас серьезно заболел, - ведь доктора поблизости

doctor.

There seemed to be a desire for something frolicsome to follow upon this conversation, and in a weak moment I suggested that George should get out his banjo, and see if he could not give us a comic song.

I will say for George that he did not want any pressing. There was no nonsense about having left his music at home, or anything of that sort. He at once fished out his instrument, and commenced to play "Two Lovely Black Eyes."

I had always regarded "Two Lovely Black Eyes" as rather a commonplace tune until that evening. The rich vein of sadness that George extracted from it quite surprised me.

The desire that grew upon Harris and myself, as the mournful strains progressed, was to fall upon each other's necks and weep; but by great effort we kept back the rising tears, and listened to the wild yearful melody in silence.

When the chorus came we even made a desperate effort to be merry. We re-filled our glasses and joined in; Harris, in a voice trembling with emotion, leading, and George and I following a few words behind:

"Two lovely black eyes; Oh! what a surprise!
Only for telling a man he was wrong, Two - "

There we broke down. The unutterable pathos of George's accompaniment to that "two" we were, in our then state of depression, unable to bear. Harris sobbed like a little child, and the dog howled till I thought his heart or his jaw must surely break.

George wanted to go on with another verse. He thought that when he had got a little more into the tune, and could throw more "abandon," as it were, into the rendering, it might not seem so sad. The feeling of the majority, however, was opposed to the experiment.

There being nothing else to do, we went to bed - that is, we undressed ourselves, and tossed about at the bottom of the boat for some three or four hours. After which, we managed to get some fitful slumber until five a.m., when we all

не найти.

Такие беседы вызывали у нас потребность повеселиться, и я в минуту слабости предложил Джорджу взять свое банджо и попробовать спеть нам что-нибудь.

Должен сказать, что Джордж не заставил себя упрашивать. Он не говорил никаких глупостей вроде того, что забыл ноты дома, или чего-нибудь подобного. Он немедленно выудил свой инструмент и заиграл песню "Пара милых черных глаз".

До этого вечера я всегда считал "Пару милых черных глаз" довольно пошлым произведением!" Но Джордж обнаружил в нем такие залежи грусти, что я только диву давался.

Чем дальше мы с Гаррисом слушали эту песню, тем больше нам хотелось броситься друг другу на шею и зарыдать. Сделав над собой усилие, мы сдержали подступившие слезы и молча слушали дикий тоскливый мотив.

Когда пришло время подпевать, мы даже предприняли отчаянную попытку развеселиться. Мы снова наполнили стаканы и присоединились к пению. Гаррис дрожащим голосом запевал, а мы с Джорджем вторили:

О, пара милых, черных глаз! Вот неожиданность для нас! Их взор корит нас и стыдит. О...

Тут мы не выдержали. При нашем подавленном состоянии невыразимо чувствительный аккомпанемент Джорджа сразил нас наповал. Гаррис зарыдал, как ребенок, а собака так завывала, что едва избежала разрыва сердца или вывиха челюсти.

Джордж хотел начать следующий куплет. Он решил, что, когда он лучше освоится с мелодией и сможет исполнить ее с большей непринужденностью, она покажется не такой печальной. Однако большинство высказалось против этого опыта.

Так как делать было больше нечего, мы легли спать, то есть разделись и часа три-четыре проворочались на дне лодки. После этого нам удалось проспать тревожным сном до пяти часов

got up and had breakfast.

The second day was exactly like the first. The rain continued to pour down, and we sat, wrapped up in our mackintoshes, underneath the canvas, and drifted slowly down.

One of us - I forget which one now, but I rather think it was myself - made a few feeble attempts during the course of the morning to work up the old gipsy foolishness about being children of Nature and enjoying the wet; but it did not go down well at all.

That - "I care not for the rain, not I!" was so painfully evident, as expressing the sentiments of each of us, that to sing it seemed unnecessary.

On one point we were all agreed, and that was that, come what might, we would go through with this job to the bitter end. We had come out for a fortnight's enjoyment on the river, and a fortnight's enjoyment on the river we meant to have. If it killed us! well, that would be a sad thing for our friends and relations, but it could not be helped. We felt that to give in to the weather in a climate such as ours would be a most disastrous precedent.

"It's only two days more," said Harris, "and we are young and strong. We may get over it all right, after all."

At about four o'clock we began to discuss our arrangements for the evening. We were a little past Goring then, and we decided to paddle on to Pangbourne, and put up there for the night.

"Another jolly evening!" murmured George.

We sat and mused on the prospect. We should be in at Pangbourne by five. We should finish dinner at, say, half-past six. After that we could walk about the village in the pouring rain until bed-time; or we could sit in a dimly-lit bar-parlour and read the almanac.

"Why, the Alhambra would be almost more lively," said Harris, venturing his head outside the cover for a moment and taking a survey of the sky.

утра; затем мы встали и позавтракали.

Следующий день был в точности схож с предыдущим. Дождь лил по-прежнему, мы сидели под брезентом, в макинтошах, и медленно плыли вниз по течению.

Один из нас, - я забыл, кто именно, но, кажется, это был я, - сделал слабую попытку вернуться к цыганской ерунде о детях природы и наслаждении сыростью, но из этого ничего не вышло.

"Слова: "Не боюсь я дождя, не боюсь я его!" - очень уж не вязались с нашим настроением."

В одном мы были единодушны, а именно в том, что, как бы то ни было, мы доведем наше предприятие до конца. Мы решили наслаждаться рекой две недели и были намерены использовать эти две недели целиком. Пусть это будет стоить нам жизни! Разумеется, наши родные и друзья огорчатся, но тут ничего не поделаешь. Мы чувствовали, что отступить перед погодой в нашем климате значило бы показать недостойный пример грядущим поколениям.

- Осталось только два дня, - сказал Гаррис, - а мы молоды и сильны. В конце концов мы, может быть, переживем все это благополучно.

Часа в четыре мы начали обсуждать планы на вечер. Мы только что миновали Горинг и решили пройти до Пэнгборна и заночевать там.

- Еще один веселый вечерок, - пробормотал Джордж.

Мы сидели и размышляли о том, что нас ожидает. В Пэнгборне мы будем около пяти. Обедать кончим примерно в половине шестого. "Потом мы можем бродить по деревне под проливным дождем, пока не придет время ложиться спать, или сидеть в тускло освещенном трактире и читать старый "Ежегодник".

"- В "Альгамбре" было бы, черт возьми, повеселей, - сказал Гаррис, на минуту высовывая голову из-под парусины и окидывая взором небо."

"With a little supper at the - * to follow," I added, half unconsciously.

"Yes it's almost a pity we've made up our minds to stick to this boat," answered Harris; and then there was silence for a while.

"If we HADN'T made up our minds to contract our certain deaths in this bally old coffin," observed George, casting a glance of intense malevolence over the boat, "it might be worth while to mention that there's a train leaves Pangbourne, I know, soon after five, which would just land us in town in comfortable time to get a chop, and then go on to the place you mentioned afterwards."

Nobody spoke. We looked at one another, and each one seemed to see his own mean and guilty thoughts reflected in the faces of the others. In silence, we dragged out and overhauled the Gladstone. We looked up the river and down the river; not a soul was in sight!

Twenty minutes later, three figures, followed by a shamed-looking dog, might have been seen creeping stealthily from the boat-house at the "Swan" towards the railway station, dressed in the following neither neat nor gaudy costume:

Black leather shoes, dirty; suit of boating flannels, very dirty; brown felt hat, much battered; mackintosh, very wet; umbrella.

We had deceived the boatman at Pangbourne. We had not had the face to tell him that we were running away from the rain. We had left the boat, and all it contained, in his charge, with instructions that it was to be ready for us at nine the next morning. If, we said - IF anything unforeseen should happen, preventing our return, we would write to him.

We reached Paddington at seven, and drove direct to the restaurant I have before described, where we partook of a light meal, left Montmorency, together with suggestions for a supper to be ready at half-past ten, and then continued our way to Leicester Square.

We attracted a good deal of attention at the

- А потом мы бы поужинали у **, - прибавил я почти бессознательно

- Да, я почти жалею, что мы решили не расставаться с лодкой, - сказал Гаррис, после чего все мы довольно долго молчали.

- Если бы мы не решили дожидаться верной смерти в этом дурацком сыром гробу, - сказал Джордж, окидывая лодку враждебным взглядом, - стоило бы, пожалуй, вспомнить, что из Пэнгборна в пять с чем-то отходит поезд на Лондон, и мы бы как раз успели перекусить

Никто ему не ответил. Мы переглянулись, и каждый, казалось, прочел на лицах других свои собственные низкие и грешные мысли. В молчании мы вытащили и освидетельствовали наш чемодан. Мы посмотрели на реку, - ни справа, ни слева не было видно ни души.

Двадцать минут спустя три человеческие фигуры, сопровождаемые стыдливо потупившейся собакой, украдкой пробирались от лодочной пристани у гостиницы "Лебедь" к железнодорожной станции. Их туалет, достаточно неопрятный и скромный, состоял из следующих предметов; "

черные кожаные башмаки - грязные; фланелевый костюм - очень грязный; коричневая фетровая шляпа - измятая; макинтош - весь мокрый; зонтик.

Мы обманули лодочника в Пэнгборне. У нас не хватило духу сказать ему, что мы убегаем от дождя. Мы оставили на его попечение лодку и все ее содержимое, предупредив его, что она должна быть готова к девяти часам утра. Если... если что-нибудь непредвиденное помешает нам вернуться, мы ему напишем.

В семь часов мы были на Пэддингтонском вокзале и оттуда прямо направились в упомянутый мной ресторан. Слегка закусив, мы оставили там Монморенси и распоряжение приготовить нам ужин к половине одиннадцатого, а сами двинулись на Лестер-сквер.

"В "Альгамбре" мы привлекли к себе всеобщее

Alhambra. On our presenting ourselves at the paybox we were gruffly directed to go round to Castle Street, and were informed that we were half-an-hour behind our time.

We convinced the man, with some difficulty, that we were NOT "the world- renowned contortionists from the Himalaya Mountains," and he took our money and let us pass.

Inside we were a still greater success. Our fine bronzed countenances and picturesque clothes were followed round the place with admiring gaze. We were the cynosure of every eye.

It was a proud moment for us all.

We adjourned soon after the first ballet, and wended our way back to the restaurant, where supper was already awaiting us.

I must confess to enjoying that supper. For about ten days we seemed to have been living, more or less, on nothing but cold meat, cake, and bread and jam. It had been a simple, a nutritious diet; but there had been nothing exciting about it, and the odour of Burgundy, and the smell of French sauces, and the sight of clean napkins and long loaves, knocked as a very welcome visitor at the door of our inner man.

We pegged and quaffed away in silence for a while, until the time came when, instead of sitting bolt upright, and grasping the knife and fork firmly, we leant back in our chairs and worked slowly and carelessly - when we stretched out our legs beneath the table, let our napkins fall, unheeded, to the floor, and found time to more critically examine the smoky ceiling than we had hitherto been able to do - when we rested our glasses at arm's-length upon the table, and felt good, and thoughtful, and forgiving.

Then Harris, who was sitting next the window, drew aside the curtain and looked out upon the street.

It glistened darkly in the wet, the dim lamps flickered with each gust, the rain splashed steadily into the puddles and trickled down the water- spouts into the running gutters. A few

внимание." Когда мы подошли к кассе, нас грубо направили за угол, к служебному входу, и сообщили, что мы опаздываем на полчаса.

"Не без труда мы убедили кассира, что мы вовсе не всемирноизвестные "гуттаперчевые люди с Гималайских гор", и тогда он взял у нас деньги и пропустил нас."

В зрительном зале мы имели еще больший успех. Наш замечательный смуглый цвет лица и живописные костюмы приковывали к себе восхищенные взгляды. Все взоры были устремлены на нас.

Это были чудесные мгновенья.

Мы отбыли вскоре после первого балетного номера и направили свои стопы обратно в ресторан, где нас уже ожидал ужин.

Должен сознаться, этот ужин доставил мне удовольствие. Последние десять дней мы жили главным образом на холодном мясе, пирогах и хлебе с вареньем. Эта пища проста и питательна, но в ней нет ничего возвышающего, и аромат бургондского вина, запах французских соусов, чистые салфетки и изящные хлебцы оказались желанными гостями у порога нашей души.

Некоторое время мы молча резали и жевали; наконец наступила минута, когда, устав сидеть прямо и крепко держать в руке вилку и нож, мы откинулись на спинки стульев и двигали челюстями вяло и небрежно. Мы вытянули ноги под столом, наши салфетки попадали на пол, и мы нашли время критически оглядеть закопченный потолок. Мы отставили стаканы подальше и чувствовали себя добрыми, тактичными и всепрощающими.

Гаррис, который сидел ближе всех к окну, отдернул штору и посмотрел на улицу.

Вода на мостовой слегка поблескивала, тусклые фонари мигали при каждом порыве ветра, дождь, булькая, шлепал по лужам, устремлялся по желобам в сточные канавы. Редкие прохожие,

soaked wayfarers hurried past, crouching beneath their dripping umbrellas, the women holding up their skirts.

"Well," said Harris, reaching his hand out for his glass, "we have had a pleasant trip, and my hearty thanks for it to old Father Thames - but I think we did well to chuck it when we did. Here's to Three Men well out of a Boat!"

And Montmorency, standing on his hind legs, before the window, peering out into the night, gave a short bark of decided concurrence with the toast.

мокрые насквозь, торопливо пробегали, согнувшись под зонтиком; женщины высоко поднимали юбки.

- Ну что же, - сказал Гаррис, протягивая руку к стакану, - мы совершили хорошую прогулку, и я сердечно благодарю за нее нашу старушку Темзу. Но я думаю, мы правильно сделали, что вовремя с нею расстались. За здоровье Трех, спасшихся из одной лодки!

И Монморенси, который стоял на задних лапах у окна и смотрел на улицу, отрывисто пролаял в знак своего полного одобрения этому тосту.